

Том 11, № 4. 2017
Сквозной номер выпуска – 28

Vol. 11, no. 4. 2017
Continuous issue – 28

ВЕСТНИК

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

VESTNIK

OF THE MARI STATE UNIVERSITY

Научный журнал

Учредитель и издатель:
Марийский государственный университет,
430005, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ
№ ФС77-54302 от 29.05.2013 г.)

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО «Агентство «Роспечать» 70745

Тел.: (8362) 68-79-97 (1565)

Адрес редакции:
424001, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

Scientific journal

Founder and Publisher:
Mari State University,
1 Lenin Sq., 424001, Yoshkar-Ola,
Mari El, Russia

Journal Registration Certificate ПИ
no. ФС77-54302 issued on 29 May 2013
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (Roscomnadzor)

Subscription index in the catalog
“Newspapers. Journals” “Agency “Rospechat” 70745

Telephone: (8362) 68-79-97 (1565)

Editorial Office Address:
1 Lenin Sq., 424001, Yoshkar-Ola,
Mari El, Russia

e-mail: vestnik.margu@mail.ru

<http://vestnik.marsu.ru>

В Е С Т Н И К

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Наименование и содержание рубрик научного журнала «Вестник Марийского государственного университета» соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников:

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;

19.00.00 – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

Журнал осуществляет научное рецензирование («двойное слепое») всех поступающих в редакцию материалов с целью экспертной оценки. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса. Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций.

Журнал входит в **Перечень российских рецензируемых научных журналов**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (06.06.2017), по всем представленным в нем научным отраслям.

Включен и индексируется в:

ERIH PLUS, Академия Google,
East View, ePrints, РИНЦ,
Ulrich's Periodicals Directory,
«КиберЛенинка», EBSCO.

Выходит с 2007 года.

Периодичность издания: 4 раза в год.

The scientific journal “Vestnik of the Mari State University” section headings and content correspond to the branches of science and the groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of specialties of scientific workers:

13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES;

19.00.00 – PSYCHOLOGICAL SCIENCES;

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES.

The journal carries out the reviewing (scientific double-blind peer-review) of all submitted materials with the view of their expert assessment. The editorial board of the journal sends review copies to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation upon request. The journal adheres to the standards of editorial ethics in accordance with international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications, with the recommendations of the Committee of Scientific Publication Ethics.

The Journal is on the List of Russian peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences theses (06.06.2017) in all noted fields of scientific research should be published.

The journal is indexed and archived by:

ERIH PLUS, Academy Google,
East View, ePrints, RSCI,
Ulrich's Periodicals Directory,
“CyberLeninka”, EBSCO.

Published since 2007.

Publication frequency: quarterly.

Тем. план 2017 г. № 94.

Подписано в печать 20.12.2017 г. Формат 60×84/8.

Усл. печ. л. 19,76. Уч.-изд. л. 14,37. Тираж 500. Заказ № 1536.

Оригинал-макет подготовлен к печати в РИЦ и отпечатан ООП
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

Литературный редактор *О. С. Крылова*
Компьютерная верстка *С. А. Окишева*
Перевод *Е. Н. Окишева*
Дизайн обложки *И. В. Шишкарёва*

Thematic plan 2017 г. No. 94. Signed to print 20.12.2017.

Sheet size 60×84/8. Conventional printed sheets 19,76.

Number of copies 500. Order no. 1536.

The layout original was prepared for printing in the Publishing house
and was issued in the Operative printing department
FHOBO “Mari State University”, 1 Lenin Sq., 424001, Yoshkar-Ola

Editor *O. S. Krylova*
Desktop publishing *S. A. Okisheva*
Translation *E. N. Okisheva*
Cover design *I. V. Shishkareva*

Главный редактор: **Кондратенко Елена Валентиновна**, кандидат педагогических наук, профессор,
Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)

Ответственный секретарь: **Крылова Ольга Сергеевна**

Редакционная коллегия:

Абукаева Любовь Алексеевна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), sylne@mail.ru
Антонов Юрий Григорьевич	доктор филологических наук, доцент, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск), antonov-ug69@yandex.ru
Баранов Александр Аркадьевич	доктор психологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (Ижевск), baranovaa@udsu.ru
Баранова Эльвира Аексентьевна	доктор психологических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (Чебоксары), baranova-ea@yandex.ru
Бирюкова Наталья Алексеевна	кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), natbir316@mail.ru
Вербицкий Андрей Александрович	доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, академик РАО, Московский государственный педагогический университет (Москва), asson1@rambler.ru
Волов Вячеслав Теодорович	доктор технических наук, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, доктор физико-математических наук, профессор, Самарский государственный университет путей и сообщения (Самара), vtvolov@mail.ru
Галимзянова Ильхамия Исаковна	доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н. Г. Жиганова (Казань), illagalim@rambler.ru
Золотова Татьяна Аркадьевна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), zolotova_tatiana@mail.ru
Кириллова Татьяна Васильевна	доктор педагогических наук, доцент, Академия права и управления ФСИН России (Рязань), tatiana-kirillova@rambler.ru
Кондратьева Наталья Владимировна	доктор филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, профессор (Ижевск), nataljakondratjeva@yandex.ru
Крылов Дмитрий Александрович	кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), krilda@mail.ru
Кудрявцева Раисия Алексеевна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), kudsebs@rambler.ru
Лелюгене Ирина	доктор педагогических наук, профессор, Институт эдукологии и социальной работы Университета им. Миколаса Ромериса (Литовская Республика), irena.leliugiene@gmail.com
Мышкина Альбина Федоровна	доктор филологических наук, доцент, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова (Чебоксары), alb-myshkina@yandex.ru
Нуриев Наиль Кашапович	доктор педагогических наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань), nurievnk@mail.ru
Пустаи Янош	профессор, Западно-венгерский университет (Сомбатхей, Венгрия), директор Научного института Collegium Fenn-Ugricum, заведующий кафедрой уральской филологии педагогического института, член консультативного комитета финно-угорских народов
Ракин Анатолий Николаевич	доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ РАН (Сыктывкар), anatolij.rakin@mail.ru
Ситников Валерий Леонидович	доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), sitnikov@mail.ru
Старыгина Наталья Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола), starigina@yandex.ru
Фёдорова Светлана Николаевна	доктор педагогических наук, профессор, Марийский институт образования, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), svetfed65@rambler.ru
Хайруллин Руслан Зинатуллович	доктор педагогических наук, профессор, Негосударственное образовательное учреждение ВПО «Российский новый университет» (Москва), rhairullin@mail.ru
Хайруллина Эльмира Робертовна	доктор педагогических наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань), elm.khair@list.ru
Яниогло Мария Александровна	доктор педагогики, конференциар университетар, Комратский государственный университет (Республика Молдова), pedagogia@mail.ru

Editor-in-chief: **Elena V. Kondratenko**, Ph. D. (Pedagogy), professor, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Executive Editor: **Ol'ga S. Krylova**

Editorial board:

Ljubov' A. Abukaeva	Dr. Sci. (Philology), full professor, Mari State University (Yoshkar-Ola), Professor, sylne@mail.ru
Jurij G. Antonov	Dr. Sci. (Philology), associate professor, Ogarev Mordovia State University (Saransk), head of the Department of Finno-Ugric literature, antonov-ug69@yandex.ru
Aleksandr A. Baranov	Dr. Sci. (Psychology), full professor, Udmurt State University (Izhevsk), baranovaa@udsu.ru
Jel'vira A. Baranova	Dr. Sci. (Psychology), associate professor, Chuvash State Pedagogical University named I. Y. Yakovlev (Cheboksary) (Cheboksary), head of the chair of age and pedagogical and special psychology, baranova-ea@yandex.ru
Natal'ja A. Birjukova	Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Mari State University (Yoshkar-Ola), associate professor of the Department of pedagogy and educational systems,
Andrej A. Verbickij	Dr. Sci. (Pedagogy), Ph. D. (Psychology), full professor, Moscow State Pedagogical University (Moscow), professor, asson1@rambler.ru
Vjacheslav T. Volov	Dr. Sci. (Engineering), Dr. Sci. (Pedagogy), Dr. Sci. (Economics), Dr. Sci. (Agriculture), Dr. Sci. (Phys.-Math.), Full Professor, Samara State University of transport and communications (Samara), head of the Department "Physics and chemistry", vtvolov@mail.ru
Il'hamija I. Galimzjanova	Dr. Sci. (Pedagogy), full professor, Kazan State Conservatoire named after N. Zhiganov (Kazan), head of the Department foreign languages and intercultural communication, illagalim@rambler.ru
Tat'jana A. Zolotova	Dr. Sci. (Philology), full professor, Mari State University (Yoshkar-Ola), professor, zolotova_tatiana@mail.ru
Tat'jana V. Kirillova	Dr. Sci. (Pedagogy), associate professor, Academy of law and administration of the FSIN of Russia (Ryazan), professor, Department of legal psychology and pedagogy psychological faculty, Colonel of internal service, tatiana-kirillova@rambler.ru
Natal'ja V. Kondrat'eva	Dr. Sci. (Philology), associate professor, Udmurt State University, Director of the Institute of Udmurt Philology Finno-Ugric studies and journalism (Izhevsk), professor, Department of General and Finno-Ugric linguistics, nataljakondratjeva@yandex.ru
Dmitrij A. Krylov	Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Mari State University (Yoshkar-Ola), associate professor of Department of theory and methods of professional education, krilda@mail.ru
Raisija A. Kudrjavceva	Dr. Sci. (Philology), full professor, Mari State University (Yoshkar-Ola), professor of Finno-Ugric and comparative Philology The Institute of national culture and intercultural communication of Mari State University, kudsebs@rambler.ru
Irena Leljugene	Dr. Sci. (Pedagogy), full professor, Institute educology and social work of the University named Mykolas Romeris University (Lithuania Republic), professor, irena.leljugiene@gmail.com
Al'bina F. Myshkina	Dr. Sci. (Philology), associate professor, Ulianov Chuvash State University (Cheboksary), professor, alb-myshkina@yandex.ru
Nail' K. Nuriev	Dr. Sci. (Pedagogy), full professor, Kazan National Research Technological University (Kazan), professor, nurievnk@mail.ru
Janosh Pustai	Full professor, West-Hungarian University (Szombathely, Hungary), director of Research Institute Collegium Fenno-Ugricum, head of the Department of Ural Philology Pedagogical Institute, member of the Advisory Committee of Finno-Ugric peoples
Anatolij N. Rakin	Dr. Sci. (Philology), senior researcher, Institute language, literature and history, Komi scientific center RAS (Syktyvkar), chief researcher sector language, anatolij.rakin@mail.ru
Valerii L. Sitnikov	Dr. Sci. (Psychology), full professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), sitnikov@mail.ru
Natal'ja N. Starygina	Dr. Sci. (Philology), full professor, Volga State Technological University (Yoshkar-Ola), professor, starygina@yandex.ru
Svetlana N. Fedorova	Dr. Sci. (Pedagogy), full professor, Mari Education Institute, rector educational work; Mari State University (Yoshkar-Ola), professor of chair of preschool and social pedagogics, svetfed65@rambler.ru
Ruslan Z. Hajrullin	Dr. Sci. (Pedagogy), full professor, Non-state educational institution of higher professional education "Russian new University" (Moscow), professor, Department of linguistics and intercultural communication, rhairullin@mail.ru
Jel'mira R. Hajrullina	Dr. Sci. (Pedagogy), full professor, Kazan national research technological University (Kazan), professor, elm.khair@list.ru
Marija A. Janioglo	Dr. Sci. (Pedagogy), Comrat State University (Republic of Moldova), lecturer, universitas, pedagogia@mail.ru

4(28)
2017

ВЕСТНИК

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

О С Н О В А Н В 2 0 0 7 Г О Д У

СОДЕРЖАНИЕ

«Вестнику Марийского государственного университета» 10 лет	9
Поздравление министра образования и науки Республики Марий Эл Н. В. Адамовой	9
Поздравление ректора МарГУ М. Н. Швецова	10
КОЛОНКА РЕДАКТОРА	11
<i>Е. В. Кондратенко, О. С. Крылова</i>	
С юбилеем!	11
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	13
<i>И. Н. Анисимова, Е. А. Игнатьева</i>	
Трудности освоения русского языка узбекскими студентами (из опыта работы на подготовительном отделении Чувашского государственного университета)	13
<i>С. Ю. Лаврентьев, Д. А. Крылов</i>	
Использование инновационных образовательных технологий при формировании конкурентоспособности студента вуза	20
<i>В. В. Луциков</i>	
Мероприятия по профилактике экстремизма в системе профессиональных образовательных организаций	27
<i>М. А. Мокосеева</i>	
Проблемы обеспечения религиозных прав обучающихся (на примере права носить религиозные одежды и/или атрибуты)	32
<i>И. В. Подкорытова, В. М. Голянич</i>	
Компетентностный подход в управлении деятельностью медицинских представителей	37
<i>А. С. Чибиков, Д. А. Крылов</i>	
Дополнительное совместное творческое проектирование обучающихся и педагогов как фактор повышения качества профессионального обучения в техникуме	43
<i>О. В. Янковская, Н. Б. Ламанская</i>	
К вопросу о возможностях детского любительского хореографического творчества в эстетическом воспитании дошкольников	52
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	59
<i>С. В. Маланов</i>	
Влияние логико-синтаксической организации сравнительных суждений на эффективность установления разных видов семантических отношений в составе умственных действий	59

<i>Е. Ю. Борисова</i> Возможности нейропсихологического подхода в сопровождении детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья, проживающих в условиях поликультурного региона	75
<i>Е. Н. Рядинская</i> Анализ особенностей субъективного восприятия значимости стресс-факторов и соматического здоровья жителями, проживающими в условиях вооруженного конфликта.....	81
<i>Я. К. Смирнова, О. М. Любимова</i> Особенности эмоционально-волевой сферы женщин с избыточной массой тела, ведущие к нарушению лечебной диеты	91
<i>М. В. Чемоданова</i> Проблема информационно-психологической безопасности личности в современных психологических исследованиях	98
<i>О. В. Шишкина, О. А. Гаврилова, И. А. Загайнов, М. Л. Блинова</i> Развитие позитивного отношения семьи к психически нездоровым родственникам	105
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	113
<i>М. Ю. Андуганова, Л. К. Постоян</i> Лингвокультурологические помехи и проблемы в межкультурной коммуникации граждан России и США	113
<i>А. Р. Ахмедзянова</i> Лингвокультурные особенности русских лексем и фразеологизмов с семантикой речи.....	117
<i>С. В. Владимирова, А. В. Аникина</i> Особенности перевода дипломатического дискурса.....	121
<i>Л. В. Гриченко</i> Лексико-семантические трансформации фразеологических единиц в англоязычных СМИ.....	126
<i>И. Ю. Кириллова</i> Чувашская драматургия 1990-х гг.: некоторые аспекты изучения вопроса.....	133
<i>И. Ю. Кириллова, А. Ф. Мышкина</i> Особенности исторического повествования в чувашской драматургии второй половины XX века	141
<i>О. С. Крылова</i> Концепт «дом» в «петербургском тексте» (по роману Н. С. Лескова «На ножах»)	147
<i>И. Н. Михеева</i> «Петербургский текст» русской литературы в цикле Н. С. Лескова «Праведники»	153
<i>И. Г. Чеснокова</i> Образ людей в контексте социальной значимости в творчестве А. И. Куприна.....	158
ХРОНИКА	163
VII Арсентьевские чтения и Российское общество интеллектуальной истории	163
«Дорожная карта» судьбы. К юбилею факультета подготовки учителей начальных классов	165
ОТЗЫВ ПУБЛИКАЦИИ	168
ИСПРАВЛЕНИЕ.....	168

4(28)
2017

VESTNIK

OF THE MARI STATE UNIVERSITY

P U B L I S H E D S I N C E 2 0 0 7

CONTENTS

“VESTNIK OF MARI STATE UNIVERSITY” CELEBRATES ITS 10TH ANNIVERSARY	9
Congratulations from the Minister of Education and Science of Mari El Republic Natalia V. Adamova	9
Congratulations from Mikhail N. Shvetsov, rector of Mari State University	10
EDITOR'S COLUMN	11
<i>E. V. Kondratenko, O. S. Krylova</i> Happy Anniversary!	11
PEDAGOGICS	13
<i>I. N. Anisimova, E. A. Ignatyeva</i> The difficulties of development of Russian by the Uzbek students (from experience at the preparatory department of Chuvash State University)	13
<i>S. Yu. Lavrentiev, D. A. Krylov</i> Use of innovative educational technologies in forming the competitiveness of a university student	20
<i>V. V. Lushchikov</i> Actions for prevention of extremism in system of professional educational organizations	27
<i>M. A. Mokoseeva</i> The problems of ensuring the religious rights of students (for example, the right to wear religious clothing and / or attributes)	32
<i>I. V. Podkorytova, V. M. Golianich</i> Competence approach in the management of medical representatives	37
<i>A. S. Chibakov, D. A. Krylov</i> Additional co-creative designing students and teachers as a factor in improving the quality of professional training at the college	43
<i>O. V. Yankovskaya, N. B. Lamanskaya</i> To the question about the possibilities of children's amateur choreographic art in the aesthetic education of preschoolers	52

PSYCHOLOGY	59
<i>S. V. Malanov</i>	
Influence of logic-syntactic organization of comparative judgments on the effectiveness of setting of different types of semantic relations in the composition of mental actions.....	59
<i>E. Y. Borisova</i>	
The possibilities of neuropsychological approach to support preschool children with limited health abilities living in the multicultural region	75
<i>E. N. Ryadinskaya</i>	
Specific features of subjective perception of the significance of stress factors and somatic health by the person living in the armed conflict area.....	81
<i>Y. K. Smirnova, O. M. Lyubimova</i>	
Features of the emotional-volitional sphere of women with excessive body mass, leading to the disturbance of the medical diet.....	91
<i>M. V. Chemodanova</i>	
The problem of person's information-psychological safety in modern russian researches.....	98
<i>O. V. Shishkina, O. A. Gavrilova, I. A. Zagainov, M. L. Blinova</i>	
Development of positive family's attitude to mentally ill relatives.....	105
PHILOLOGY.....	113
<i>M. Yu. Anduganova, L. K. Postoyan</i>	
Linguocultural hindrances and problems in intercultural communication between citizens of Russia and USA.....	113
<i>A. R. Akhmedzyanova</i>	
Lingvocultural features of russian lexems and phraseologists with semantics of speech.....	117
<i>S. V. Vladimirova, A. V. Anikina</i>	
Translation's features of diplomatic discourse	121
<i>L. V. Grichenko</i>	
Lexico-semantic transformations of phraseological units in the english language media.....	126
<i>I. Yu. Kirillova</i>	
Chuvash dramaturgy of the 1990s: some aspects of studying a question.....	133
<i>I. Yu. Kirillova, A. F. Myshkina</i>	
Peculiarities of historical religion in the Chuvash dramatics of the second half of the XX century.....	141
<i>O. S. Krylova</i>	
The concept of the "house" in the "Petersburg text" (based by N. S. Leskov's novel "On the knives").....	147
<i>I. N. Mikheeva</i>	
"Petersburg text" of Russian literature in the Leskov's cycle "The Righteous Men".....	153
<i>I. G. Chesnokova</i>	
The image of people in the context of the social validity in A. I. Kuprin's creativity	158
CHRONICLE.....	163
VII Arsenyev readings and Russian society for intellectual history.....	163
"Road map" of fate.	
To the anniversary of the faculty of training of teachers of initial classes	165
RETRACTION NOTE.....	168
CORRECTION	168

Н. В. Адамова,
министр образования и науки
Республики Марий Эл

*Уважаемая Елена Валентиновна!
Уважаемые члены редколлегии и редакция!
Уважаемые авторы и читатели!*

Примите искренние поздравления с 10-летним юбилеем научного журнала «Вестник Марийского государственного университета».

За этот период журналу удалось стать одним из ведущих изданий научной тематики Республики Марий Эл. Подтверждение тому – включение журнала в утвержденный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации перечень выпускаемых в России ведущих научных журналов и изданий, где могут быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал «Вестник Марийского государственного университета» – проводник инновационных процессов, на его страницах ученые, аспиранты как нашего региона, так и всей России имеют возможность публиковать результаты своих научных исследований, знакомятся с передовыми научными идеями. Публикации журнала не только открывают новые имена в науке, но и напрямую влияют на формирование имиджа региона как центра научно-технической и образовательной деятельности, повышают привлекательность Республики Марий Эл для привлечения инвестиций.

Позвольте выразить признательность высококвалифицированному коллективу журнала за многолетнее профессиональное сотрудничество.

Желаю вам процветания, интересных и содержательных публикаций талантливых ученых, дальнейших успехов в обеспечении должного уровня научной коммуникации!

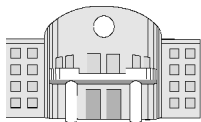
М. Н. Швецов,
ректор Марийского
государственного университета

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю вас с 10-летием научного журнала «Вестник Марийского государственного университета» – ведущего научного издания опорного вуза Республики Марий Эл. Десять лет назад, в 2007 году в нашем университете был подписан в печать первый номер. За это время издано 27 выпусков журнала, отражающего результаты научных исследований ученых не только нашего университета, но и всей России. Для многих аспирантов, докторантов наш журнал стал площадкой для апробации своих научных результатов. Символично, что 10-летие «Вестника МарГУ» приходится на год 45-летия университетского образования, когда наука стала неотъемлемой частью образовательного процесса. Журнал «Вестник Марийского государственного университета» по представленным в нем научным отраслям – единственный журнал в Республике Марий Эл, который входит в Перечень ВАК.

Уважаемые коллеги, позвольте пожелать вам успехов в научной деятельности, новых открытий, пусть сотрудничество в решении задач, стоящих перед современным научным журналом, будет плодотворным!

Поздравляю всех причастных к изданию научного журнала «Вестник Марийского государственного университета»: членов редколлегии, авторов, читателей. Творческой и продуктивной работы, интересных идей, принятия новых нестандартных решений, дальнейшего развития ведущему изданию Марийского государственного университета!

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

С ЮБИЛЕЕМ!

**Кондратенко
Елена Валентиновна,**
*главный редактор научного
журнала «Вестник Марийского
государственного университета»*

**Крылова
Ольга Сергеевна,**
*ответственный
секретарь*

3 августа 2007 года произошло значительное событие в научной и издательской деятельности нашего вуза – был подписан в печать первый выпуск научного журнала «Вестник Марийского государственного университета». Изначально «Вестник МарГУ», заявленный ведущим изданием вуза, был задуман как «журнал для авторов», обеспечивал публикацию сотрудников, аспирантов и докторантов вуза и отражал результаты научных исследований сотрудников университета. Журнал был мультидисциплинарным, выходил 1 раз в год и выполнял основную свою функцию – отражал научные результаты исследований по всем представленным в вузе научным отраслям.

Указ Президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»¹ и последовавшие за ним нормативные акты, про-

граммы и проекты подчеркнули необходимость интеграции российских журналов в мировую систему научных публикаций. Высшая аттестационная комиссия заявила о необходимости пересмотра Перечня ВАК, опубликовав на сайте Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 25 июля 2014 г. № 793 г. Москва «Об утверждении правил формирования в уведомительном порядке перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой

¹ <http://base.garant.ru/70170946/>

степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»¹.

Новые требования, предъявляемые к научным журналам, потребовали пересмотра задач, стоящих перед журналом «Вестник Марийского государственного университета». Важнейшими среди них стали задачи, касающиеся повышения качества содержательного наполнения журнала - наращивание научного потенциала издания, приведение его в соответствие с международными стандартизованными наукометрическими и библиометрическими показателями); маркетинговые – позиционирование журнала в российском и международном научных сообществах; информационно-технологические, направленные на совершенствование полиграфического качества журнала и его электронной версии; экспертно-аналитические, реализуемые через оценку эффективности редакционно-издательской политики журнала.

Журнал «сузился» до трех научных отраслей (педагогические науки, психологические науки, филологические науки), стал рецензируемым², у него обновился и постоянно пополняется сайт и его английская версия³, были сформулированы этические нормы⁴ в отношении авторов, рецензентов и редакторов, т. е. были учтены все требования, предъявляемые к научным журналам, претендующим на включение в Перечень ВАК.

В результате экспертного отбора «Вестник МарГУ» вошел в ERIH PLUS⁵ – европейский индекс научного цитирования по гуманитарным и социальным наукам, одобренный Министерством образования и науки РФ и учитываемый при формировании мониторингов эффективности, а также при подаче заявок на грант. «Вестник МарГУ» стал размещаться в РИНЦе⁶, являющемся не только национальной информационно-аналитической системой актуальной справочно-библиографической информации, но также и мощным инструментом, позволяющим осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организаций, ученых, уровень научных журналов. Был заключен договор с НЭБ «КиберЛенинка»⁷, входящей в топ-30 мировых электронных хранилищ научных публикаций, а также являющейся третьей в мире

электронной библиотекой по степени видимости материалов в Google Scholar. КиберЛенинка экспортирует все свои метаданные в открытые репозитории научной информации: Google Scholar, OCLC WorldCat, Соционет, EBSCO A-to-Z, Bielefeld Academic Search Engine (BASE) и другие. Кроме того, «Вестник МарГУ» размещается в East View и ULRICHWEB.

Журнал присоединился к Будапештской инициативе «Открытого доступа»⁸, что подразумевает «открытые для всех публикации в Интернете. Помимо повышения читаемости, цитируемости и узнаваемости издания в научном сообществе, размещение журнала в различных базах данных позволяет выполнить одно из требований ВАК РФ, которое заключается в размещении описания и полных текстов публикуемых статей журнала в Интернете в свободном доступе.

Итогом проделанной работы стало включение «Вестника Марийского государственного университета» в Перечень ВАК (6.06.2017 г.)⁹.

Принимая во внимание возросшее значение наукометрических показателей издания, журнал «Вестник МарГУ» основной своей задачей ставит распространение научного знания. За 10 лет в журнале было опубликовано около 1000 статей авторами из более чем 40 городов России и из других стран (Италия, Польша, Украина, Киргизия).

Редакция журнала «Вестник МарГУ» от всей души поздравляет авторов, членов редколлегии, рецензентов, читателей с первым десятилетним юбилеем, благодарит за сотрудничество и поддержку и искренне надеется на дальнейшее плодотворное взаимодействие. Хочется, чтобы и последующее десятилетие журнала было наполнено новыми достижениями и научными открытиями, интересными публикациями с результатами глубоких исследований и значимых проектов наших авторов. Спасибо, что вы с нами!

*Е. В. Кондратенко,
О. С. Крылова*

¹ <http://base.garant.ru/70733288/>

² http://vestnik.marsu.ru/site/page.html?view=vestnik_poryadok

³ <http://vestnik.marsu.ru/en/>

⁴ http://vestnik.marsu.ru/site/page.html?view=etika_nauch_publ

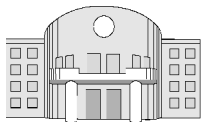
⁵ <https://dbh.nsd.uib.no/publiseringsskanaler/erihplus/>

⁶ https://elibrary.ru/title_about.asp?id=38681

⁷ <https://cyberleninka.ru/>

⁸ <http://www.budapestopenaccessinitiative.org/translations/russian-translation>

⁹ http://vak.ed.gov.ru/documents/10179/0/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%92%D0%90%D0%9A_30.10.2017.pdf/1636b924-4172-4f41-98a1-c185155d1cdf

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICS

УДК 4Р(07)

ТРУДНОСТИ ОСВОЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА УЗБЕКСКИМИ СТУДЕНТАМИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

И. Н. Анисимова, Е. А. Игнатьева

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и анализе трудностей и типичных ошибок узбекских студентов при изучении русского языка как иностранного. В качестве основного **материала исследования** выступают письменные работы и устные высказывания обучающихся подготовительного отделения Чувашского государственного университета. В ходе анализа были выделены различные группы трудностей с опорой на экстралингвистические и лингвистические критерии. В работе использованы **описательный и сопоставительный методы**. Указываются основные трудности освоения русского языка, обусловленные межъязыковой интерференцией, связанные с влиянием графических, фонетических, грамматических особенностей родного для студентов узбекского языка. Описываются типичные орфографические и грамматические ошибки, способные создать серьёзные барьеры в процессе коммуникации с носителями русского языка и в ходе дальнейшего обучения в российском вузе. Рассматриваются специфика и назначение приемов и методов работы для их использования на занятиях по русскому языку как иностранному со студентами из бывших советских республик с целью повышения эффективности обучения. Обращается внимание на значительные мотивационные преимущества профессионально ориентированного обучения иностранных студентов. Делается вывод о необходимости учитывать отличительные особенности узбекского языка и культуры в сопоставлении с русской лингвокультурой в целях продуктивной работы над устранением ошибок в речи иностранных обучающихся.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативные навыки, узбекские студенты, межъязыковая интерференция, орфографические ошибки, грамматические ошибки, профессионально ориентированное обучение.

THE DIFFICULTIES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN BY THE UZBEK STUDENTS (FROM EXPERIENCE AT THE PREPARATORY DEPARTMENT OF CHUVASH STATE UNIVERSITY)

I. N. Anisimova, E. A. Ignatyeva

Ulianov Chuvash State University, Cheboksary

The purpose of the real research consists in identification and the analysis of difficulties and typical mistakes of the Uzbek students when studying Russian as foreign. Written works and oral statements of students of preparatory department of the Chuvash state university act as the main material of a research. During the analysis various groups of difficulties with a support have been allocated for extralinguistic and linguistic criteria. In work descriptive and comparative methods are used. The main difficulties of development of Russian caused by an interlingual interference, connected with influence of graphic, phonetic, grammatical features of Uzbek,

native for students, are specified. The typical spelling and grammatical errors capable to create serious barriers in the course of communication with native speakers of Russian and during further training in the Russian higher education institution are described. Specifics and purpose of receptions and methods of work for their use on classes in Russian as foreign with students from the former Soviet republics for the purpose of increase in learning efficiency are considered. The attention to considerable motivational advantages of professionally focused training of foreign students is paid. The conclusion about need to consider distinctive features of Uzbek and culture in comparison to the Russian linguistic culture for productive work on elimination of mistakes in the speech of foreign students is drawn.

Keywords: Russian as a foreign language, communicative skills, the Uzbek students, interlingual interference, orthographical mistakes, grammatical mistakes, professionally focused training.

Знание русского языка для иностранных студентов очень важно, так как вся дальнейшая учеба в России во многом будет зависеть от того, как они им овладеют. Вопрос обучения русскому языку достаточно сложен. На занятиях по русскому языку следует стимулировать и поддерживать умственную деятельность обучающегося. Русский язык следует изучать на основе текстов, а не только по правилам. Практика показывает, что, зная правило, ученик часто не может использовать его в тексте [7, с. 209].

В последнее время среди иностранных студентов, обучающихся в ЧувГУ, значительное количество составляют представители среднеазиатских стран: узбеки, туркмены и таджики. При этом количественно преобладают студенты из Узбекистана и Туркменистана. «Так как узбекский и туркменский языки во многом схожи, то возможно совместное обучение студентов из этих стран в одной группе» [11, с. 50]. Как правило, их уровень владения русским языком недостаточно высок и не позволяет сразу поступить на первый курс вуза; в таком случае формируются группы подготовительного отделения, большая часть аудиторного времени которого отводится на изучение русского языка как иностранного. Вышеуказанные факты подтверждают актуальность настоящего исследования.

В процессе изучения русского языка представителями ближнего зарубежья, в частности узбеками, возникают трудности, когда можно говорить о неязыковой (экстралингвистической) интерференции, то есть об ошибках, обусловленных отсутствием некоторых фоновых знаний (сведений страноведческого и культурно-исторического плана) и собственно языковыми. Основными проявлениями лингвострановедческой транспозиции является перенос на культуру изучаемого языка общих и сходных знаний по родной культуре и наоборот. Результаты процесса транспозиции находятся в прямой зависимости от степени

культурной или социальной близости студентов к современной русской культуре.

Среди экстралингвистических факторов следует выделить идеологическую направленность образовательных стандартов государств – бывших советских республик. «Роль России в советский период оценивается как крайне негативная, а ее политика как империалистическая и националистическая. Изучение истории России и ее реальной роли в развитии народов бывшего СССР на курсах по подготовке к тестированию, вероятно, предупредило бы возможные конфликтные ситуации и уменьшило градус напряженности между представителями разных национальностей» [1, с. 110]. В последнее десятилетие русский язык, сохраняя по инерции определенную распространенность среди городского населения (прежде всего в Ташкенте), фактически является лишь одним из иностранных языков, изучаемых в школах, колледжах и вузах республики. Дублирование различных текстов, наглядной и устной информации теперь осуществляется в основном на английском языке, а сам государственный язык переведен из кириллицы на латинский алфавит [9, с. 72]. Политика дерусификации, проводимая в постсоветский период в Узбекистане, является одной из главных причин того, что узбекские студенты, приезжая в Россию, недостаточно хорошо знают русский язык. Хотя фрагментарные знания у них имеются, отсутствуют базовые коммуникативные навыки общения в официальной обстановке, учебно-профессиональной и научной сферах. Затруднения возникают при решении элементарных жизненных проблем в деканате, общежитии, банке, аптеке; невозможность объясниться заставляет вновь приехавших прибегать к помощи земляков-старшекурсников, что чревато перерастанием в привычку, также далеко не способствующую развитию речи.

В связи с тем что базовые знания о русском языке имеются, начальный этап обучения должен быть направлен на преодоление коммуникативных

барьеров. Сами студенты быстро и зачастую спонтанно начинают общаться с носителями языка. Однако впоследствии отсутствие системного и сознательного подхода в изучении русского языка может создать трудности при овладении письменной речью научного стиля.

Определенные препятствия при освоении русского языка, неразрывно связанного с русской культурой и вероисповеданием, создают различия в религиозных представлениях двух народов. В настоящее время мусульманство занимает очень сильные позиции в Узбекистане, как, впрочем, и православие в России. Различия в вероисповедании накладывают внешний отпечаток. Отличия заметны в поведении людей (например, жесты, чтение намаза пять раз в день, обязательное посещение мечети в пятницу для совершения намаза), календарь праздников (согласно Корану), различаются бытовые традиции (отказ от свинины, женщины и мужчины на праздниках не сидят в одной комнате и за одним столом). Некоторые особенности поведения русских, традиции, даже климат, более холодный, чем на родине, вызывают резкую неприязнь обучающихся из мусульманских стран. Работа преподавателя должна быть направлена в том числе на сглаживание возможных конфликтов культур, особенно заметных на первоначальном этапе, необходимо разъяснять обычаи и традиции русского народа, воспитывать толерантность по отношению к представителям других конфессий. На наш взгляд, культурная среда Чувашской Республики в составе РФ достаточна благоприятна по отношению к иностранным студентам, в особенности тюркоязычным. Реальное живое общение с иностранцами – это постоянное межкультурное обучение, интеркоммуникация. Для взаимопонимания между носителями разных языков очень важно уметь преодолевать трудности, возникающие при столкновении разных культур, обусловленных различным историческим, политическим и культурным развитием. Чтобы избежать непонимания, необходимо знать национальные особенности, традиции и обычаи друг друга. Общеизвестно, что важнейшими составляющими национального самосознания являются язык и культура [8, с. 107].

Местное население с родным чувашским языком, также относящимся к тюркским, в целом благожелательно относится к студентам из бывших советских республик, которые даже по внешности несколько похожи на коренных жителей Чувашской Республики. Многие сами приехали в столицу Чебоксары из деревень и сел и вспоминают,

что поначалу стеснялись говорить по-русски, а потому сочувствуют студентам. Нередко можно стать невольным свидетелем того, как население республики пытается говорить по-русски, при этом коверкая русские слова и порой даже с трудом подбирая их. Хотя, казалось бы, легче было использовать для общения их родной чувашский язык. Почему же они выбирают язык общения русский, а не свой родной – чувашский? Стесняются? Но разве можно стыдиться своего родного языка?

На примере Чувашской Республики у иностранцев формируется наглядное представление о России как о многонациональном государстве, понимание того, что здесь живут не только русские. Студенты получают возможность реально наблюдать языковую ситуацию доброжелательного межкультурного взаимодействия. Преподаватель разъясняет положение русского языка в регионе наряду с существованием чувашского языка. Конечно, подобное объяснение лучше представить на завершающем этапе начального обучения языку [5, с. 225].

Особое внимание следует уделить собственно языковым трудностям, возникающим у иностранных студентов в области фонетики, грамматики и орфографии. В основном они объясняются существенными различиями в системах изучаемого русского и родного узбекского языка, относящегося к группе тюркских. Кроме того, латинская графика, вполне освоенная молодым поколением узбеков, создает дополнительные трудности при чтении и письме по-русски на начальном этапе. Например, часто русское «р» студенты читают как [п], рукописное «т» как [м]. На письме нередко случаи, когда студенты вместо «у» пишут «и» (поднима*и*те), «в» вместо «б» (*выли*, *вить*). Такие ошибки устраняются, как правило, в ходе многочисленных тренировок, упражнений в чтении и письме.

Научить студентов-иностранцев правильно произносить звуки и звуко сочетания – немаловажная задача. При этом не нужно забывать, что исправить ошибочное произношение труднее, чем сразу же научить правильно произносить звуки с момента начала обучения их русскому языку. На кафедре русского языка как иностранного ЧГУ работа по правильному произношению звуков и звуко сочетаний начинается с первых шагов обучения студентов русскому языку – на подготовительном курсе. Здесь они знакомятся со всеми буквами и звуками русского языка, с произношением слов и предложений. Но приобретенные на подготовительном отделении знания еще не настолько

прочны и объемны, чтобы запомнились надолго. Поэтому мы считаем, что их необходимо постоянно закреплять и развивать дальше. Преподаватели русского языка на старших курсах стараются постоянно следить за произношением студентов, помогают им правильно строить свою речь, в том числе в орфоэпическом отношении.

Эффективным методом, помогающим закреплению навыков правильного русского произношения, являются специальные фонетические упражнения. Под фонетическими упражнениями предлагаем тренировку в слушании (восприятия) и произношении (воспроизведении) трудных для студентов-иностранцев русских звуков.

В процессе обучения фонетика русского языка постоянно нуждается в тренировках. Например, гласная *ы* в узбекском языке отсутствует, а потому ее произношение вызывает затруднения, особенно заметно это в письменных работах: вместо этой буквы студенты используют букву *и* (*должни, теплие, одежды, студенты, многочисленние, умний, дешевие, родние, одежды, выломани, протие* и т. д.) и наоборот (*прывыкать, госты, жизни, заварывала, дорогие*). Особого внимания требуют слова с шипящими [ш], [щ], [ж]. Слушатели часто делают ошибки в словах с этими буквами: *ковришка, женишин, куряший, помошник, ишили, младцеого, куцат* и т. д. Ряд упражнений должен быть направлен на различение букв *ш* – *щ* при чтении и письме, поскольку узбекские студенты их путают (употребление действительных причастий настоящего и прошедшего времени типа *пишуций – писавий*). Буква *ж* соотносится ими с узбекской *j*, которая обозначает мягкий звук [дж']. Твердое произношение [ж] в словах *жизнь, живот* и т. п. требует тренировки. Встречен неправильный перевод фамилии *Джуманиязова* вместо *Жуманиязова*, что может вызывать впоследствии проблему с документами. Показателен случай, когда студент попросил писать его не как в паспорте *Шохиджахон*, а *Шохижахон* (во избежание негативных ассоциаций).

Свою эффективность показало аудирование в решении разнообразных фонетических и орфоэпических проблем. «Целесообразно обучение аудированию на занятиях по РКИ с привлечением интересных профессионально значимых для студентов аудиотекстов посредством постепенного введения трудностей, связанных с языковой формой, содержанием сообщения, условиями его предъявления и источниками информации» [3, с. 15].

Очень распространенная ошибка узбекских студентов в написании слов с мягким знаком.

Особенно часто ошибки допускаются в словах, в которых мягкий знак стоит в середине слова (*ночью* вместо *ночью*, *серезной* вместо *серьезной*, *стуля* вместо *стулья*, *пють* вместо *пьют* и т. д.), реже встречаются ошибки в написании слов с мягким знаком на конце слова (*звер, медвед, огон, пит, рассказат*). Это объясняется тем, что в узбекском алфавите отсутствует такая буква. Разъясняться преподавателем должны основные случаи использования мягкого знака в середине слова, на конце существительных и глаголов, а также обычно перечисляются грамматические формы, где он отсутствует. Глагольные буквосочетания *-ться, -тся* практически не различаются между собой студентами и с *-ца* существительных: встречаются ошибочные написания типа *учица* (вместо *учится*), *преподавательнится* (вместо *преподавательница*), *улицца* (вместо *улица*), *полотенсе* (вместо *полотенце*).

Также трудность вызывает написание так называемых йотированных букв русского алфавита (е, ё, ю, я). Вместо них пишут сочетания с *й*, что соответствует узбекским традициям письма, а вместо *е* часто используют *э* и наоборот (*в этом году, на йетом этаже*). Преодолению данных трудностей способствуют диктанты различного рода и письменные упражнения.

Большое значение на первом этапе имеет также параллельное с другими аспектами изучение морфологии русского языка. Особое внимание следует уделить категории рода, поскольку в узбекском данная грамматическая категория полностью отсутствует. Названия лиц мужского и женского пола, а также некоторых животных носят только лексико-семантический характер, никакого грамматического значения рода не имеют. Это не влияет ни на склонения, ни на формы падежных суффиксов этих существительных.

В связи с этим при употреблении имен существительных часто допускаются ошибки при согласовании, например, слов мужского и женского рода на *-ль*, а также в целом частотны ошибки в определении рода, в том числе комичные с точки зрения русскоязычного, например, когда мальчик говорит *я родилась*, а девочка *я родился*. Соответствующие ошибки возникают в употреблении адъективных лексем, требующих в русском языке обязательного согласования по роду с определяемым словом и семантически зависящих от определяемых ими имен существительных [2, с. 200].

Русские предлоги, используемые с определенными падежами, также вызывают затруднения

у иностранных студентов из Узбекистана (ошибки типа *на больнице, в рынке, вы сейчас на университете, привезла на деканат* и др.).

В системе русского глагола для узбекских студентов, как и для других инофонов, весьма проблемны представления о виде [10], инфинитиве, повелительном наклонении, так как эти грамматические явления отсутствуют в их родном узбекском языке, а также случаи употребления глаголов движения [12]. Обучающиеся с трудом осмысливают эти языковые явления и в речи допускают многочисленные ошибки в употреблении указанных глагольных форм (*пришел из Узбекистана*). Даже если при выполнении контрольных заданий студенты справляются с такими заданиями, то уже при включении их в текст и собственную речь многие допускают ошибки (*Я медленно ходил домой. Потом я опять начинал ходить дальше*).

Частой ошибкой можно считать и присоединение отрицательной частицы *не* к любой части речи (*не почему, не можно и т. д.*).

В области синтаксиса преподавателю РКИ следует сосредоточить внимание на таких типах связи в русском языке, как согласование и управление. Поскольку узбекский язык имеет агглютинативный строй, а русский – флективный, данные синтаксические связи плохо усваиваются студентами. Решению этой проблемы способствуют не только репродуктивные упражнения, но и творческие задания, стимулирующие продуцирование самостоятельных высказываний обучающихся. Весьма эффективны такие традиционные формы письменных работ, как изложение и сочинение.

Постоянно на занятиях должна вестись работа над орфографией русского языка. Расхождение письменной и устной речи рождает большое количество ошибок. Анализ письменных работ узбекских обучающихся демонстрирует преобладание этого рода ошибок над всеми остальными по вполне понятным причинам (*уский, позно, спасибо, счастливый, мяхкий, мяхий, дастают, похучие, трапинке, ийти, духофки, пристаите, поемите* и др.).

Научный стиль речи, язык специальности также должен вводиться уже на подготовительном отделении вуза при изучении русского языка как иностранного, будущий студент обязательно знакомится с лексикой и терминологией специальных дисциплин, сложными грамматическими конструкциями книжного языка. Как известно, русский язык профессионального общения имеет характерные для этой сферы особенности [4]. В таком случае студенты более остро ощущают потребность

в серьезном изучении русского языка для овладения будущей специальностью и проявляют к нему больший интерес, будучи мотивированы на глубокое изучение языка.

Итак, опыт работы преподавателем РКИ на подготовительном отделении показал, что основные трудности освоения русского языка узбекскими студентами и их коммуникативные ошибки связаны, в первую очередь, с несовпадением систем двух языков, отсутствием ряда грамматических явлений в родном языке обучающихся, с которым постоянно бессознательно на уровне интуиции соотносится осваиваемый языковой материал. «Культурные архетипы – это глубинные установки коллективного бессознательного, поэтому люди, как правило, не осознают свои этнокультурные архетипы, которые «работают» на сохранение культурного генотипа того или иного народа. Культурные архетипы дают о себе знать во всех сферах жизнедеятельности человека, но более всего они проявляются в его повседневной жизни» [6, с. 17]. Учет охарактеризованных выше особенностей узбекского языка и культуры в сопоставлении с русской лингвокультурой позволит продуктивно работать над устранением ошибок в речи иностранных обучающихся.

Литература

1. Александров А. Ю., Петухова М. Е., Симулина И. А., Кожемякова Е. А. Методические аспекты проведения комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ и подготовки к нему (опыт внедрения комплексного экзамена в Чувашской Республике) // Русский язык и проблемы социокультурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации: сборник научно-методических материалов Междунар. научно-практич. конф. М.: РУДН, 2015. С. 109–115.
2. Анисимова И. Н. Функционально-семантические особенности адъективных лексем в составе пейзажного описания художественного текста // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 200–206.
3. Анисимова И. Н. Об аудировании в процессе обучения русскому языку иностранных студентов экономического факультета // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 24. С. 11–15. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95269.htm>
4. Анисимова И. Н., Игнатъева Е. А. Обучение русскому языку студентов-иностранцев экономического факультета: проблемы и решения // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: материалы Международной научно-практич. конф. / под ред.: Р. Р. Замалетдинова, Т. Г. Бочиной, Е. А. Горобец. 2016. С. 19–22.
5. Анисимова, И. Н., Петрова О. А. О важности краеведческих знаний при обучении русскому языку язык как иностранному (из опыта использования элементарного лингвокраеведческого материала в преподавании русского языка слушателям подготовительного отделения Чувашского государственного

университета) // Вестник Чувашского университета. Чебоксары: изд-во Чуваш. ун-та. 2015. № 4. С. 223–227.

6. Борисова Л. В. Базисные архетипы и стереотипы национальной культуры в языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 16 (307). Филология. Искусствоведение. Вып. 78. С. 17–24.

7. Губанов А. Р., Ермакова Г. А. Русский язык на концентрической основе // Актуальные проблемы филологии: сб. статей по материалам Всероссийской научн. конф., посвященной памяти академика М. М. Михайлова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. С. 206–210.

8. Игнат'ева Е. А. Обучение русскому языку как иностранному в национально-региональном лингвокультурологическом компоненте // Наука сегодня: постулаты прошлого и современные теории как механизм эффективного развития в условиях кризиса: сб. науч. ст. по итогам Междунар. научно-практич. конф., 25–26 марта 2016 года, г. Санкт-Петербург. СПб.: КультИнформПресс, 2016. С. 107–109.

9. Исмаилов А. М., Кононов А. Н. Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности России и стран Евразии: монография. 2-е изд., стер. Новосибирск: НВИ ВВ им. генерала армии И. К. Яковлева МВД России, 2016. 120 с.

10. Кожемякова, Симулина. Категория вида русского глагола при обучении инофонов // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 160–165.

11. Мельникова А. Ю. Проблемы обучения русскому языку как иностранному студентов из Узбекистана // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 50–54.

12. Павлова Т. Н. Синонимия приставочных глаголов движения в русском языке и трудности их восприятия иностранными студентами // Актуальные проблемы современного образования: теория и практика: сб. материалов Международной заочной научно-практич. конф. 2013. С. 246–250.

References

1. Aleksandrov A. Yu., Petukhova M. E., Simulina I. A., Kozhemyakova E. A. Metodicheskie aspekty provedeniya kompleksnogo ekzamina po russkomu yazyku, istorii Rossii i osnovam zakonodatel'stva RF i podgotovki k nemu (opyt vnedreniya kompleksnogo ekzamina v Chuvashskoi Respublike) [Methodical aspects of the complex examination in the Russian language, the history of Russia and the basics of the legislation of the Russian Federation and preparation for it (the experience of implementing a comprehensive exam in the Chuvash Republic)]. *Russkii yazyk i problemy sotsiokul'turnoi adaptatsii inostrannykh grazhdan v Rossiiskoi Federatsii: sbornik nauchno-metodicheskikh materialov Mezhdunar. nauchno-praktich. konf.* = Russian language and the problems of socio-cultural adaptation of foreign citizens in the Russian Federation: collection of scientific and methodological materials of the International. scientific and practical work. conf., Moscow: RUDN, 2015, pp. 109–115. (In Russ).

2. Anisimova I. N. Funktsional'no-semanticheskie osobennosti ad'ektivnykh leksem v sostave peizazhnogo opisaniya khudozhestvennogo teksta [Functional-semantic features of adjectival lexemes in the composition of the landscape description of the artistic text]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Herald of the Chuvash University, 2012, no. 1, pp. 200–206. (In Russ).

3. Anisimova I. N. Ob audirovanii v protsesse obucheniya russkomu yazyku inostrannykh studentov ekonomicheskogo fakul'teta [About listening to foreign students of the Faculty of Economics in the process of teaching the Russian language].

Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept» = The Scientific and Methodical Electronic Journal "Concept", 2015, vol. 24, pp. 11–15. Available from: <http://e-koncept.ru/2015/95269.htm> (In Russ).

4. Anisimova I. N., Ignat'eva E. A. Obuchenie russkomu yazyku studentov-inostrantsev ekonomicheskogo fakul'teta: problemy i resheniya [Teaching Russian students of foreign students of the Faculty of Economics: problems and solutions]. *Russkii yazyk i literatura v tyurkoyazychnom mire: sovremennye kontseptsii i tekhnologii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Russian language and literature in the Turkic world: modern concepts and technologies: materials of the International scientific and practical conference, pod red.: R. R. Zamaletdinova, T. G. Bochinoi, E. A. Gorobets. 2016, pp. 19–22. (In Russ).

5. Anisimova I. N., Petrova O. A. O vazhnosti kraevedcheskikh znaniy pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu (iz opyta ispol'zovaniya elementarnogo lingvokraevedcheskogo materiala v prepodavanii russkogo yazyka slushatelyam podgotovitel'nogo otdeleniya Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta) [About importance of local lore knowledge in teaching the Russian language language as a foreign language (from the experience of using elementary linguistic material in teaching Russian to listeners of the preparatory department of the Chuvash State University)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Herald of the Chuvash University, Cheboksary: Chuvash. un-t, 2015, no. 4, pp. 223–227. (In Russ).

6. Borisova L. V. Bazyisnye arkhetypy i stereotypy natsional'noi kul'tury v yazykovoi kartine mira [Basic archetypes and stereotypes of national culture in the world's linguistic picture]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Herald of the Chelyabinsk State University. Philology. Art History. Issue, 2013, no. 16 (307), vyp. 78, pp. 17–24. (In Russ).

7. Gubanov A. R., Ermakova G. A. Russkii yazyk na kontsen-tricheskoi osnove [The Russian Language on a Concentric Basis]. *Aktual'nye problemy filologii: sb. statei po materialam Vserossiiskoi nauch. konf., posvyashchennoi pamyati akademika M. M. Mikhailova* = Actual Problems of Philology: Collection of articles on the materials of the All-Russian scientific. dedicated to the memory of Academician M. M. Mikhailov, Cheboksary: Izd-vo chuvash. un-ta, 2005, pp. 206–210. (In Russ).

8. Ignat'eva E. A. Obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu v natsional'no-regional'nom lingvokul'turologicheskom komponente [Teaching Russian as a Foreign Language in the National and Regional Linguistic and Cultural Component]. *Nauka segodnya: postulaty proshlogo i sovremennye teorii kak mekhanizm effektivnogo razvitiya v usloviyakh krizisa: sb. nauch. st. po itogam Mezhdunar. nauchno-praktich. konf., 25–26 marta 2016 goda, g. Sankt-Peterburg* = Science Today: Postulates of the Past and Modern Theories as a Mechanism of Effective Development in the Conditions of Crisis: Art. on the basis of the Intern. sci.-pract. conf., March 25–26, 2016, St. Petersburg, Saint-Petersburg: Kul'tInformPress, 2016, pp. 107–109. (In Russ).

9. Ismailov A. M., Kononov A. N. Russkii yazyk i aktual'nye problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii i stran Evrazii: monografiya [Russian language and actual problems of national security of Russia and Eurasian countries]. 2-e izd., ster. Novosibirsk: NVI VV im. generala armii I. K. Yakovleva MVD Rossii, 2016, 120 p. (In Russ).

10. Kozhemyakova, Simulina Kategoriya vida russkogo glagola pri obuchenii inofonov [Category of the kind of the Russian verb in the teaching of foreign languages]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Herald of the Chuvash University, 2015, no. 2, pp. 160–165. (In Russ).

11. Mel'nikova A. Yu. Problemy obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu studentov iz Uzbekistana [Problems of teaching Russian as a foreign language students from Uzbekistan]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Herald of the Chelyabinsk State Pedagogical University, 2017, no. 2, pp. 50–54. (In Russ).

12. Pavlova T. N. Cinonimiya pristavochnykh glagolov dvizheniya v russkom yazyke i trudnosti ikh vospriyatiya inostrannymi studentami [Synonymy of prefixing verbs of movement in Russian

and difficulties of their perception by foreign students]. *Aktual'nye problemy sovremennogo obrazovaniya: teoriya i praktika: sb. materialov Mezhdunarodnoi zaachnoi nauchno-praktich. konf.* = Actual problems of modern education: theory and practice. Collection of materials of the International correspondence scientific and practical conference, 2013, pp. 246–250. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 17.10.2017 г.

Submitted 17.10.2017.

Для цитирования: Анисимова И. Н., Игнатьева Е. А. Трудности освоения русского языка узбекскими студентами (из опыта работы на подготовительном отделении Чувашского государственного университета) // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 13–19.

Citation for an article: Anisimova I. N., Ignatyeva E. A. The difficulties of development of Russian by the Uzbek students (from experience at the preparatory department of Chuvash State University). *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 13–19.

Анисимова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, anirin82@mail.ru

Игнатьева Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, ig70elena@gmail.com

Irina N. Anisimova, Ph. D. (Philology), associate professor, The Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, anirin82@mail.ru

Elena A. Ignatyeva, Ph. D. (Philology), associate professor, The Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, ig70elena@gmail.com

УДК 378.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТУДЕНТА ВУЗА

С. Ю. Лаврентьев, Д. А. Крылов

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

В статье с учетом модернизации профессионального образования требований работодателей к выпускникам современных вузов, конкуренции на рынке труда раскрывается значимость поиска качественно новых технологий обучения, придать новые характеристики процессу подготовки будущего специалиста. **Целью** исследования является теоретическое выявление и анализ сущности инновационных образовательных технологий, являющихся основой к увеличению практико-ориентированных занятий и роли активных и интерактивных технологий обучения. Основными **методами** являются: изучение и теоретический анализ научно-исследовательской литературы, контент-анализ структурированных интервью, анкетных опросов, проведенных, в том числе, с использованием системы LMS Moodle. Дается толкование терминов «инновация», «интерактивные технологии» и т. д. Анализируется использование инновационных интерактивных технологий обучения в учебном процессе современного вуза. Выявлены особенности и критерии инновационных технологий формирования конкурентоспособности студентов вуза. Исследования как теоретического, так и экспериментального характера показали, что к интерактивным технологиям формирования конкурентоспособности студента вуза, отвечающим вышеназванным критериям «инновационности», правомерно отнести basketметод, «папку» с входящими документами, ментальные карты, «жужжащие» дискуссионные группы и эвристические технологии. Делаются **выводы** о том, что решение проблемы эффективного использования инновационных образовательных технологий при формировании профессиональной конкурентоспособности будущих выпускников непосредственно связано с целями, преимуществами и недостатками традиционных, интерактивных и инновационных интерактивных технологий обучения. Отличительными признаками интерактивных технологий формирования конкурентоспособности студентов вуза от инновационных интерактивных методов являются: ориентация известной и востребованной образовательной технологии на будущую профессиональную деятельность и ее применение в новых условиях; новизна технологии, т. е. ее использование в образовательном процессе не более десяти лет; использование передовых зарубежных технологий, характерных для подготовки конкурентоспособного специалиста в условиях вуза.

Ключевые слова: студент, вуз, конкурентоспособность, инновационные образовательные технологии, интерактивное обучение.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект: «Педагогическое сопровождение формирования профессиональной конкурентоспособности студентов вуза в образовательном пространстве Республики Марий Эл» № 16-16-12005.

USE OF INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN FORMING THE COMPETITIVENESS OF A UNIVERSITY STUDENT

S. Yu. Lavrentiev, D. A. Krylov

Mari State University, Yoshkar-Ola

The article, taking into account the modernization of professional education requirements of employers for graduates of modern universities, competition in the labor market reveals the importance of searching for qualitatively new teaching technologies, to impart new characteristics to the process of training the future specialist. **The aim** of the research is theoretical identification and analysis of the essence of innovative educational technologies, which are the basis for increasing practical-oriented classes and the role of active and interactive learning technologies. The main **methods** are: the study and theoretical analysis of research literature, the content analysis of structured interviews, questionnaires conducted, including using the LMS Moodle system. Interpretation of the terms “innovations”, “interactive” technologies, etc. is given. The use of innovative interactive teaching technologies in the educational process of a modern university is analyzed. The peculiarities and criteria of innovative technologies for forming the competitiveness of university students are revealed. Studies of both theoretical and experimental nature have shown, to the interactive technologies of forming the competitiveness of a university student meeting

the above criteria of “innovation”, it is legitimate to include a basket method, a “folder” with incoming documents, mental maps, “buzzing” discussion groups and heuristic technologies. **Conclusions** are drawn that the solution of the problem of effective use of innovative educational technologies in forming the professional competitiveness of future graduates is directly related to the goals, advantages and disadvantages of traditional, interactive and innovative interactive teaching technologies. Distinctive features of interactive technologies for the formation of competitiveness of university students from innovative interactive methods are: the orientation of the well-known and demanded educational technology for future professional activity and its application in new conditions; the novelty of technology, i. e. its use in the educational process no more than ten years; use of advanced foreign technologies, characteristic for the preparation of a competitive specialist in the conditions of the university.

Key words: student, university, competitiveness, innovative educational technologies, interactive training.

Acknowledgements: the study was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research. Project: “Pedagogical support of formation of professional competitiveness of university students in the educational space of the Republic of Mari El” № 16-16-12005.

Введение

В современных динамично меняющихся условиях знания и информация являются основной преобразующей силой, а инновационные технологии признаны стратегическими ресурсами развитого конкурентоспособного государства. Одной из главных задач высшей школы является повышение эффективности процесса подготовки конкурентоспособного выпускника университета, его готовности наряду с продуктивной профессиональной деятельностью к постоянному совершенствованию своих компетенций. В Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы обозначена необходимость «обеспечения условий для эффективного развития российского образования, направленного на формирование конкурентоспособного человеческого потенциала»¹. В ней особое внимание уделяется современным образовательным технологиям, инновационным формам и методам обучения.

Требования работодателей к выпускникам современных вузов, конкуренция на рынке труда способствуют поиску качественно новых методов и средств обучения, повышающих эффективность образовательного процесса, его практическую направленность. В последнее время работодатели и предпринимательское сообщество все чаще видят в выпускниках вузов своеобразный сплав конкурентоспособных характеристик: инновационное мышление, практико-ориентированный, творческий подход к решаемым задачам; умение работать в высококонкурентной среде; принимать управленческие решения; готовность к постоянному саморазвитию, лидерские качества; про-

фессиональная мобильность и некоторые другие. Многими работодателями, руководителями структурных подразделений организаций различных форм собственности обращается особое внимание не только на уровень образования претендента на рабочее место, но и на опыт работы, полученный выпускником во время учебы в вузе, производственной практики и стажировки.

Цель исследования

Целью исследования является теоретическое выявление и анализ сущности инновационных образовательных технологий, являющихся основой к увеличению практико-ориентированных занятий и роли активных и интерактивных технологий обучения, которые способствуют стремлению студента к личностно-профессиональному развитию конкурентоспособности, приобретению опыта через осознанные действия, углублению знаний, полученных в результате теоретической подготовки в условиях современного вуза.

Методы исследования

Изучение и теоретический анализ научно-исследовательской литературы, контент-анализ структурированных интервью, анкетных опросов, проведенных, в том числе, с использованием системы LMS Moodle, выявил, что подготовка студента университета все больше ориентируется на требования рынка труда и предполагает:

- наличие опыта практической инновационной деятельности и стремление к реализации своих профессиональных возможностей;
- креативность мышления и ориентированность на новации;
- умение работать в команде и проявление лидерских качеств;

¹ Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы. URL: <http://government.ru/docs/16479/> (дата обращения: 10.09.2017).

– умение принимать обоснованные управленческие решения в нестабильной внешней и внутренней среде организации;

– инициативное проектирование траектории своей личностно-профессиональной деятельности.

Результаты исследования

На сегодняшний день назрела необходимость перехода от массовости процесса потребления (присвоения) знания к построению индивидуальной траектории образовательного маршрута, превращения студента в активного творца, умеющего выявить и сформулировать проблему, обладающего навыками самостоятельного ее решения и нахождения в кратчайшие сроки оптимальных результатов. При этом степень активности, познавательной и творческой деятельности студентов, а также эффективность подготовки конкурентоспособного специалиста определяются использованием инновационных образовательных технологий.

Обращаясь к различным словарям, предлагающим сущностно-содержательное толкование термина «инновация», следует обратить внимание на два варианта его трактовки. В частности, словарь иностранных слов, указывает на генезис термина «инновация», который восходит, во-первых, к английскому слову «innovation», т. е. обновлять, осуществлять нововведение, во-вторых, оно имеет латинские корни: «innovare» – изменение, переделывание¹.

Этимологический анализ термина «инновация» можно экстраполировать для раскрытия сущности педагогической инновации и охарактеризовать как «нововведение в педагогической деятельности, изменение содержания и технологии обучения и воспитания, имеющие целью повышение их эффективности» [7, с. 275].

Очерчивая контур практического использования термина, «инновация», которая предусматривает разработку либо принципиально новых, либо поиск вариативных и альтернативных вариантов применения различных новообразований по отношению к объекту и предмету исследования. Инновационное образование применительно к студенту вуза можно обозначить как ориентирование на формирование конкурентоспособных технологий, способствующих мотивации к саморазвитию личности студента на основе моделируемой образовательной траектории.

Амбивалентность вектора педагогических нововведений объясняется сложностью определения содержания инновации, которая связана с мультикомпонентным структурным феноменом «образование», множеством его взаимосвязей и взаимозависимостей. Необходимо выделить то общее, что объединяет исследователей-инноваторов – предвосхищение, участие, открытость будущему, переоценка ценностей. Обобщая изложенное, под инновационным подходом в учебном процессе мы понимаем практику моделирования, внедрения и реализация в учебной среде активных, интерактивных форм и методов профессиональной подготовки студентов вуза, в том числе формирование их конкурентоспособности.

Излагая возможности внедрения и эффективного функционирования инновационных технологий в образовательный процесс подготовки специалистов, Г. Г. Бубнов, Е. В. Никульчев, Е. В. Плужник к инновационной образовательной технологии относят любую технологию, если в результате ее внедрения формируются новые компетенции будущего специалиста, способные многократно повысить результативность его образовательной и производственной деятельности [1, с. 160].

Методологической и теоретической основой поиска инновационных образовательных технологий стали системный, личностно-деятельностный, компетентностный подходы. Концептуальные ориентиры изучения и понимания восприятия, стремлений, побуждений, мотивов саморазвития в процессе обучения нашли свое воплощение благодаря работам Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Д. Н. Узнадзе. Их идеи получили в дальнейшем теоретико-методологическое приращение, направленное на изучение личностно-профессионального роста студента, затрагивающее содержательные аспекты стремления студента к личностно-профессиональному развитию, инновационную направленность, самоорганизацию, активность и т. д.

Важные сущностные черты активных технологий обучения обладают рядом особенностей и могут быть успешно транслированы в образовательную среду вуза. Востребованным при формировании конкурентоспособности студентов вуза является прикладной формат активных технологий:

– вынужденная активизация новаторского мышления студента во время занятий;

– длительное проявление активизации учебной деятельности студента;

¹ Современный словарь по педагогике / сост. Е. С. Рапацевич. Мн.: Современное слово, 2001. С. 286.

– возможность проявления творческой самостоятельности в поиске решений на сложные, требующие инновационных подходов проблемы;

– взаимодействие преподавателей и студентов с помощью прямых и обратных связей в режиме интерактивных технологий.

Интерактивное обучение – это совместное диалоговое взаимодействие участников образовательного процесса, в ходе которого через теоретическое осмысление в процессе обмена информацией, погружения в конкурентную среду происходит формирование нового опыта делового сотрудничества, совместного решения проблем. Интерактивные технологии являются базой, основой инновационных технологий обучения действуют, прежде всего, на познавательную активность, стимулируют самостоятельность, соперничество, конкуренцию, обмен идеями, который происходит тогда, когда студенты при коллективном обсуждении сложных задач ищут наиболее приемлемое решение. К интерактивным технологиям развития конкурентоспособности могут быть отнесены следующие: эвристическая беседа, дискуссия, мозговая атака, проведение круглого стола, деловая игра, конкурсы инновационных проектов с их обсуждением и некоторые другие.

Как показывает практика, интерактивные технологии, применяемые в сочетании с традиционными, позволяют достичь достаточно высокого уровня сформированности ключевых компонентов конкурентоспособности студентов университета. На этом фоне наиболее востребованными в учебной среде современного вуза являются инновационные интерактивные образовательные технологии. Теоретический анализ многообразия инновационных образовательных технологий и их экспериментальная проверка в учебной среде при формировании конкурентоспособности будущих специалистов позволяет выделить характеризующие их признаки.

Значимым признаком, способствующим формированию конкурентоспособности студентов вуза, является их направленность на взаимное развитие студентов при групповом обучении. Благодаря интерактивности принятия решений в группе при совместной работе продуцируются идеи более высокого качества, чем при индивидуальной мыслительной деятельности тех же личностей. Ко второму признаку инновационных образовательных технологий, формирующих профессиональную конкурентоспособность, можно отнести: развитие аналитических, организационных, проектных, коммуникативных навыков,

способности принятия компетентных решений в неопределенных ситуациях, умения строить индивидуальные образовательные маршруты и управлять ими. Третий признак может быть представлен в виде вариативных форм сотрудничества, направленных на последовательное развитие активности в процессе решения учебно-познавательных задач различных уровней сложности. Проявление четвертого признака сосредоточено на активной субъектной включенности и многообразии сценариев познавательного взаимодействия студента с преподавателем и внутри учебных групп.

Следует подчеркнуть, что данный перечень признаков, характеризующий инновационные образовательные технологии, не исчерпывает все существующие направления, он лишь задает вектор, на основе которого разворачивается стратегия организационно-педагогического сопровождения личностно-профессионального развития конкурентоспособности будущего профессионала. Особенность выделенных признаков заключается в отсутствии четко очерченных границ их применения, а сложное интерактивное внутригрупповое субъект-субъектное взаимодействие носит взаимодополняющий характер. Несомненно, представленный континуум инновационных образовательных технологий формирования конкурентоспособности студентов вуза может быть опознан при помощи содержательных критериев, которые служат своеобразными индикаторами решения актуальных исследовательских задач.

Такими критериями, на основании которых интерактивные образовательные технологии объективно можно отнести к инновационным, являются:

1. Новые интерактивные технологии, возникшие в период от пяти до десяти лет, как результат педагогического творчества.

2. Адаптированные к инновационно-образовательной среде передовые, в том числе заимствованные и воплощенные в социально-профессиональной практике зарубежные технологии.

3. Получившие широкую известность образовательные технологии, используемые в новых условиях.

Проблема выбора наиболее эффективных технологий формирования конкурентоспособности на занятиях по дисциплинам «Менеджмент и маркетинг в профессиональном образовании», «Прикладная экономика» и других факультета общего и профессионального образования ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» решалась с учетом:

- создания соответствующих условий для подготовки принятия решений в режиме сотрудничества;

- развития познавательной деятельности и самостоятельности;

- интереса у студентов к отдельным темам изучаемых дисциплин;

- формирования нового опыта в профессиональной сфере.

Исследования [2; 4; 8] показали, что к интерактивным технологиям формирования конкурентоспособности студента вуза, отвечающим вышеуказанным критериям «инновационности», правомерно отнести:

1. «Жужжащие» дискуссионные группы. Суть технологии заключается в следующем: группе студентов предлагается к обсуждению проблемная ситуация, непосредственно связанная с одной из тем изучаемой дисциплины. Затем группа учащихся делится на подгруппы, каждая из которых, решая задачу, выдает совместный результат. Цель такой технологии основана на стимулировании учащихся в ходе «жужжащей» дискуссии к высказыванию своих суждений, интерактивному взаимодействию в выработке коллективного мнения.

2. Ментальные карты. В специально разработанную форму студенты заносят идеи, ассоциируемые с ключевыми терминами изучаемой темы. Каждая возникшая идея формулируется на отдельной взятой строке только словом или словосочетанием. Для облегчения визуализации, наиболее полного восприятия, фокусирования внимания на детальном анализе изучаемых понятий строки ментальной карты расположены в виде большой схемы, отражающей взаимосвязи и взаимозависимости различных ее элементов.

3. Баскетметод. Студентам предлагаются различные ситуационные задания, вопросы, имеющие непосредственное отношение к теме изучаемой дисциплины. Особенность метода заключается в том, что из нескольких альтернативных вариантов, согласно фактам, для каждой конкретно заданной ситуации следует принять верное решение. Задача обучаемого – пройти «лабиринт» из последовательно выстроенных проблемных ситуаций от простого к сложному, до окончательного решения, сделав наименьшее количество шагов.

4. «Папка» с входящими документами. Преподаватель каждому студенту в отдельности либо группе в целом раздает папки с набором документов, используемых в работе как всей органи-

зации в целом, так и отдельного ее структурного подразделения. Цель инновационной технологии для студента состоит в том, чтобы освоить компетенции работы в вариативных по способам действий с документами и там, где необходимо, занять позицию человека, ответственного за работу со «входящими документами», и справиться со всеми задачами, которые она подразумевает.

5. Эвристические технологии. Одной из разновидностей является эвристическая беседа, получившая свое название от времен философа Сократа – от метода обучения, именуемого «эвристика», от древнегреческого – «открываю», «отыскиваю». В современном понимании, эвристическая беседа – это коллективное решение организация избирательного поиска при решении сложных профессионально-ориентированных задач. Коллективная форма взаимодействия и эвристического общения учит студентов в новых нестандартных проблемных ситуациях формулировать мысли на профессиональном языке, владеть устной речью, слушать, слышать и понимать других.

Выбор формы проведения занятий расширяет поле применения инновационных интерактивных технологий, расширяя возможности выбора тех или иных технологий в соответствии с целями и задачами формирования конкурентоспособности студентов вуза. Для формирования конкурентоспособности студента в рамках одной дисциплины в зависимости от изучаемой темы может быть использован различный набор активных и интерактивных технологий обучения. С целью повышения эффективности самостоятельной работы в процессе профессиональной подготовки конкурентоспособного специалиста, нами использовалась внедряемая в вузах модифицированная учебная платформа LMS Moodle (система управления обучением модульной объектно-ориентированной динамической учебной среды), позволяющая проектировать дистанционные электронные курсы и размещенные в системе интернет-сайты.

Выводы

Таким образом, решение проблемы эффективного использования инновационных образовательных технологий при формировании профессиональной конкурентоспособности будущих выпускников непосредственно связано с целями, преимуществами и недостатками традиционных, интерактивных и инновационных интерактивных технологий обучения. Отличительными

признаками интерактивных технологий формирования конкурентоспособности студентов вуза от инновационных интерактивных методов является: ориентация известной и востребованной образовательной технологии на будущую профессиональную деятельность и ее применение в новых условиях; новизна технологии, т. е. ее использование в образовательном процессе не более десяти лет; использование передовых зарубежных технологий, характерных для подготовки конкурентоспособного специалиста в условиях вуза.

Литература

1. Бубнов Г. Г., Никульчев Е. В., Плужник Е. В. Опыт внедрения инновационных информационных технологий в образовательную деятельность // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 159–161. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22900040_73489663.pdf
2. Лаврентьев С. Ю., Комелина В. А., Шабалина О. Л., Крылов Д. А. Формирование профессиональной конкурентоспособности студентов вуза: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2016. 171 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27669346>
3. Лаврентьев, С. Ю., Шабалина О. Л. Основные критерии сформированности профессиональной конкурентоспособности выпускника вуза // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 6. С. 150–164. URL: <http://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36079>
4. Лейбов А. М., Матвеева Н. С., Осокина О. М. Теоретико-практические аспекты инновационных образовательных технологий в системе высшей школы // Вестник педагогических инноваций. 2016. № 1 (41). С. 45–51.
5. Мухина Т. Г. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: монография. Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. 97 с.
6. Соболев В. Ю., Киселева О. В. Интерактивные методы обучения как основа формирования компетенций // Высшее образование сегодня. 2014. № 9. С. 70–74. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22575098_88579385.pdf
7. Шоев Н. Н. Инновационные воспитательно-образовательные технологии в системе высшего образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Душанбе, 2007. 49 с.
8. Krylov Dmitry A., Lavrentiev Sergei Y., Komelina Valentina A., Arefeva Svetlana A. and Shvetsov Nikolai M., 2016. Essence and Contents Project-Technological Pedagogue's Culture // The Social Sciences, 11: 1627–1633. URL: <http://medwelljournals.com/abstract/?doi=ssscience.2016.1627.1633>
9. Lavrentiev S. Y., Krylov D. A., Korotkov S. G. Conceptual Theories for Forming the Leadership Qualities of the Competitive Student at a Modern University // The 6th International Congress on Interdisciplinary Behavior and Social Science 2017 (ICIBSoS 2017). The Patra Bali Resort & Villas Indonesia from 22–23 July 2017. CRC/Balkema Taylor & Francis Group Netherland.
10. Orekhovskaya N. A., Lavrentiev S. Y., Khairullina E. R., Yevgrafova O. G., Sakhipova Z. M., Strakhova I. V, Khlebnikova N. V., Vishnevskaya M. N. Management of young professionals in the labor marke // International Review of Management and Marketing. Vol 6, No 2. 2016. Pp. 254–269. URL: <http://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/2098/pdf>

References

1. Bubnov G. G., Nikul'chev E. V., Pluzhnik E. V. Opyt vnedreniya innovatsionnykh informatsionnykh tekhnologii v obrazovatel'nuyu deyatel'nost' [Experience of introduction of innovative information technologies in educational activity]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher education in Russia, 2015, no. 1, pp. 159–161. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_22900040_73489663.pdf (In Russ.)
2. Lavrent'ev S. Yu., Komelina V. A., Shabalina O. L., Krylov D. A. Formirovanie professional'noi konkurentosposobnosti studentov vuza [Formation of professional competitiveness of university students]. *Mar. gos. un-t, Ioshkar-Ola*, 2016, 171 p. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27669346> (In Russ.)
3. Lavrent'ev, S. Yu., Shabalina O. L. Osnovnye kriterii sformirovannosti professional'noi konkurentosposobnosti vypusknika vuza [The main criteria for the formation of professional competitiveness of the graduate of the university]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* = Modern high technology, 2016, no. 6, pp. 150–164. Available from: <http://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36079> (In Russ.)
4. Leibov A. M., Matveeva N. S., Osokina O. M. Teoretiko-prakticheskie aspekty innovatsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologii v sisteme vysshei shkoly [Theoretical and practical aspects of innovative educational technologies in the system of higher education]. *Vestnik pedagogicheskikh innovatsii* = Herald of pedagogical innovations, 2016, no. 1 (41), pp. 45–51 (In Russ.)
5. Mukhina T. G. Aktivnye i interaktivnye obrazovatel'nye tekhnologii (formy provedeniya zanyatii) v vysshei shkole [Active and interactive educational technologies (forms of conducting classes) in higher education]. N. Novgorod: NNGASU, 2013, 97 p. (In Russ.)
6. Sobolev V. Yu., Kiseleva O. V. Interaktivnye metody obucheniya kak osnova formirovaniya kompetentsii [Interactive methods of teaching as the basis for the formation of competences]. *Vysshee obrazovanie segodnya* = Higher education today, 2014, no. 9, pp. 70–74. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_22575098_88579385.pdf (In Russ.)
7. Shoev N. N. Innovatsionnye vospitatel'no-obrazovatel'nye tekhnologii v sisteme vysshego obrazovaniya: avtoref. dis.... d-ra ped. nauk [Innovative educational and teaching technologies in the system of higher education]. Dushanbe, 2007, 49 p. (In Russ.)
8. Krylov Dmitry A., Lavrentiev Sergei Y., Komelina Valentina A., Arefeva Svetlana A. and Shvetsov Nikolai M., 2016. Essence and Contents Project-Technological Pedagogue's Culture. *The Social Sciences*, 11: 1627–1633. Available from: <http://medwelljournals.com/abstract/?doi=ssscience.2016.1627.1633>
9. Lavrentiev S. Y., Krylov D. A., Korotkov S. G. Conceptual Theories for Forming the Leadership Qualities of the Competitive Student at a Modern University. *The 6th International Congress on Interdisciplinary Behavior and Social Science 2017 (ICIBSoS 2017). The Patra Bali Resort & Villas Indonesia from 22–23 July 2017*. CRC/Balkema Taylor & Francis Group Netherland.

10. Orekhovskaya N. A., Lavrentiev S. Y., Khairullina E. R., Yevgrafova O. G., Sakhipova Z. M., Strakhova I. V., Khlebnikova N. V., Vishnevskaya M. N. Management of young professionals

in the labor market. *International Review of Management and Marketing*, vol. 6, no. 2, 2016, pp. 254–269. Available from: <http://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/2098/pdf>

Статья поступила в редакцию 21.08.2017 г.

Submitted 21.08.2017.

Для цитирования: Лаврентьев С. Ю. Крылов Д. А. Использование инновационных образовательных технологий при формировании конкурентоспособности студента вуза // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 20–26.

Citation for an article: Lavrent'ev S. Ju., Krylov D. A. Use of innovative educational technologies in forming the competitiveness of a university student. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 20–26.

Лаврентьев Сергей Юрьевич, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, lavrsu@mail.ru

Крылов Дмитрий Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, krilda@mail.ru

Sergej Ju. Lavrent'ev, Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, lavrsu@mail.ru

Dmitrii A. Krylov, Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, krilda@mail.ru

УДК 364.043.4

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**В. В. Лущиков***Челябинский институт развития профессионального образования, г. Челябинск*

Проведение мероприятий, направленных на профилактику девиаций в подростковой среде, очень актуально и важно в настоящее время. Наиболее остро стоит вызов обществу со стороны экстремистских и террористических организаций. Большой проблемой являются факты вовлечения обучающихся в экстремистские группировки и иные деструктивные организации, подталкивающие их к противоправной деятельности. В профессиональных образовательных организациях обучающиеся попадают в группу риска по распространению девиаций в связи с особенностями возраста и социального портрета студентов, и поэтому система повышения квалификации педагогических работников в направлении профилактики девиаций играет важную роль в общей системе мероприятий по снижению девиантных проявлений в подростковой среде. Одной из форм повышения квалификации педагогических кадров профессиональных образовательных организаций является проведение научно-практических семинаров. В Челябинском институте развития профессионального образования в рамках деятельности лаборатории «Педагогика А. С. Макаренко» осуществляется деятельность по нескольким направлениям: организация и сопровождение деятельности педагогического сообщества преподавателей, реализующих идеи А. С. Макаренко, научно-методическое сопровождение деятельности профессиональных образовательных организаций по профилактике асоциальных проявлений и научно-методическое сопровождение деятельности по гражданско-патриотическому воспитанию. В рамках этих направлений лабораторией «Педагогика А. С. Макаренко» организуется серия научно-практических семинаров, где рассматриваются вопросы, связанные с трудовым воспитанием, развитием патриотизма, профилактикой вовлечения молодежи в экстремистские организации, профилактика употребления психоактивных веществ и иных девиантных проявлений, на эти мероприятия с докладами приглашаются специалисты из различных сфер и ведомств, а также сотрудники профессиональных образовательных организаций Челябинской области. Слушателями организуемых мероприятий являются все сотрудники образовательных организаций в зависимости от профиля работы. Особенностью работы лаборатории является размещение информации о проводимых мероприятиях на официальном сайте института. На сайте размещаются все материалы мероприятий, фото-, видеоотчет, программы и презентации. Все мероприятия транслируются по онлайн-системе и в них могут принять участие многие образовательные организации, находящиеся в отдалении от студии института.

Ключевые слова: воспитание, воспитательная работа, повышение квалификации, девиация, профилактика асоциальных проявлений, экстремизм, терроризм, радикализация, вербовка в экстремистские организации, трудовое воспитание, проектирование.

ACTIONS FOR PREVENTION OF EXTREMISM IN SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS**V. V. Lushchikov***Chelyabinsk Institute of development of vocational education, Chelyabinsk*

Holding actions of the deviations directed to prevention among teenagers is very urgent and important now. The challenge to society is particularly acute from the extremist and terrorist organizations. Big problems are the facts of involvement of students in the extremist groups and other destructive organizations pushing them to illegal activity. In the professional educational organizations students get into risk group on distribution of deviations in connection with features of age and a social portrait of students and therefore the system of professional development of pedagogical workers in the direction of prevention of deviations plays an important role in the general system of actions for decrease in deviant manifestations among teenagers. One of forms of professional development of pedagogical shots of the professional educational organizations is holding scientific and practical seminars. At the Chelyabinsk institute of development of professional education within activity of laboratory "A. S. Makarenko's Pedagogics" activities for several directions are carried out: the organization and maintenance of activity of pedagogical community of the teachers realizing A. S. Makarenko's ideas, scientific and methodical maintenance of activity of the professional educational organizations for prevention of asocial manifestations and scientific and methodical

maintenance of activities for civil patriotically education. Within these directions laboratory "A. S. Makarenko's Pedagogics" will organize a series of scientific and practical seminars where the questions connected with labor education, patriotism development, prevention of involvement of youth in the extremist organizations, prevention of the use of psychoactive agents and other deviant manifestations on these actions with reports are considered experts from various spheres and departments, and also the staff of the professional educational organizations of Chelyabinsk region are invited. Listeners of the organized actions is all staff of the educational organizations depending on a work profile. Feature of work of laboratory, placement of information on the held events on the official site of institute is. All materials of actions, a photo, video the report, programs and the presentations are posted on the website. All actions are broadcast on the on-line system and many educational organizations finding in a distance from studio of institute can participate in them.

Keywords: education, educational work, professional development, deviation, prevention of asocial manifestations, extremism, terrorism, radicalization, recruitment in the extremist organizations, labor education, designing.

Организация специальных мероприятий в образовательных организациях, ориентированных на противодействие вовлечению обучающихся образовательных организаций в экстремистские и террористические организации, в данный момент является очень актуальной и важной задачей. Соответственно, на передний план выходит организация повышения квалификации педагогических кадров профессиональных образовательных организаций (далее ПОО) по проблеме профилактики экстремизма и радикализма в студенческой среде. Зачастую педагогический работник является именно тем человеком, который может в некоторых случаях повлиять на обучаемых и упредить процесс вовлечения студента в деятельность деструктивных культов и экстремистских организаций. Экстремистские организации совершенствуют свою работу, придумывая новые способы вербовки и распространения экстремистской литературы. Об этом должны быть осведомлены педагогические работники и руководители организаций.

В Челябинском институте развития профессионального образования (ГБУ ДПО ЧИРПО) регулярно (не реже раз в семестр) проводятся областные обучающие научно-практические семинары соответствующей тематики, основной задачей которых является повышение квалификации педагогических кадров профессиональных образовательных организаций Челябинской области [6, с. 82]. Мероприятия организуются с целью погружения в проблему и выработки конструктивных педагогических решений, и формирования мнения о роли педагогических работников в нивелировании ситуации. Приводятся и обсуждаются различные методы и технологии для разрешения существующих трудностей в решении этой проблемы. Зачастую на семинары приглашаются специалисты различных государственных ведомств, общественных организаций, наиболее компетентных в рассматрива-

емых вопросах, а также ученые и педагоги, изучающие и решающие этот вопрос на практике. На этих мероприятиях аккумулируется опыт работы профессиональных образовательных организаций Челябинской области, на семинарах педагогические работники делятся опытом с коллегами. На официальном сайте ГБУ ДПО ЧИРПО (<http://www.chirpo.ru/>) в разделе деятельность лаборатории «Педагогика А. С. Макаренко» по итогам проведенных мероприятий размещается информационный, а также фото-, видеоотчет, любой заинтересованный человек может ознакомиться с содержанием прошедшего мероприятия, скачать программу, презентации докладчиков и другой методический материал. Обучение по тематике противодействия экстремизму и терроризму проходят в ГБУ ДПО ЧИРПО с 2013 года, на данный момент проведено 9 областных научно-практических семинаров, тематика которых приведена в таблице.

**Областные научно-практические семинары
по профилактике экстремизма и радикализма
в студенческой среде /**

**Regional scientific and practical seminars on the prevention
of extremism and radicalism in the student environment**

№	Тема / Subject	Дата / Date
1	2	3
1.	«Профилактика терроризма и предупреждение вовлечения обучающихся ПОО в экстремистские организации»	05 декабря 2013 года
2.	«Развитие толерантности и предупреждение вовлечения обучающихся ПОО в экстремистские организации»	18 марта 2014 года
3.	На базе ГБОУ СПО (ССУЗ) «Озерский технический колледж» научно-практический семинар по теме «Развитие толерантности и предупреждение вовлечения обучающихся ПОО в экстремистские организации»	25 сентября 2014 года

Продолжение табл.

1	2	3
4.	«Теоретические и практические аспекты организации медиабезопасной образовательной среды профессиональных образовательных организаций»	7 апреля 2015 года
5.	«Организация работы по профилактике и противодействию распространения радикальных и экстремистских идей и материалов в ПОО Челябинской области»	29 сентября 2015 года
6.	«Религиозное мировоззрение и воспитание патриотизма в молодежной среде»	28 января 2016 года
7.	Инструктивно-методическое совещание библиотекарей по организации работы библиотеки ПОО с «Федеральным списком экстремистских материалов»	29 марта 2016 года
8.	«Противодействие вовлечению обучающихся ПОО в экстремистские организации и деструктивные культы»	13 октября 2016 года
9.	«Предупреждение вовлечения обучающихся в деструктивные культы и экстремистские организации»	25 апреля 2017 года

Основным контингентом слушателей данных мероприятий являются руководящие и педагогические работники профессиональных образовательных организаций: директора, заместители директора по воспитательной работе, социальные педагоги, психологи, преподаватели истории, основ безопасности жизнедеятельности и другие заинтересованные педагоги, а также библиотечные работники. В мероприятиях участвуют ПОО, как подведомственные Министерству образования и науки Челябинской области, так и неподведомственные, но входящие в Ассоциацию ПОО региона. Факт участия в мероприятиях такой направленности широкого круга специалистов от разных организаций свидетельствует об актуальности и важности решения проблем, связанных с экстремизмом и терроризмом.

В условиях высокой компьютеризации российского общества одним из центральных каналов распространения экстремистской идеологии являются средства СМИ, мультимедиа и Интернет [1, с. 198]. Одним из вопросов, часто рассматриваемых на семинарах, является информационная безопасность образовательных организаций и компьютерная грамотность студентов. В Челябинской области были случаи нахождения в фондах библиотек ПОО материалов, внесенных в реестр запрещенных экстремистских материалов [4, с. 88], поэтому семинары для библиотечных специалистов, а также заседания областного методического объединения библиотечных специалистов выпол-

няют важную сдерживающую функцию в профилактике экстремизма. На таких семинарах решаются вопросы, связанные с проверкой библиотечных фондов на наличие экстремистских материалов, а также изучаются нормативно-правовые документы по проблеме.

В рамках традиционных курсов повышения квалификации педагогических кадров ПОО разработан и реализуется модуль по программе «Развитие толерантности и предупреждение вовлечения обучающихся в экстремистские организации». Программа модуля предусматривает изучение следующих вопросов: понятие и признаки экстремизма, терроризма и радикализма, виды экстремистской и радикальной деятельности, профилактика экстремистской деятельности в учебном заведении и дерадикализация студентов [5, с. 32].

Для широкого информирования и применения в педагогической практике издательством ГБУ ДПО ЧИРПО за последнее пятилетие были изданы методические рекомендации «Медиабезопасность: методические рекомендации для педагогов образовательных учреждений» и учебно-методические пособия «Профилактика экстремизма и предупреждение терроризма в учебных заведениях» и «Особенности работы с подростками осложненного поведения». На официальном сайте ГБУ ДПО ЧИРПО в разделе научно-методическое сопровождение профилактики асоциального поведения среди обучающихся систематически размещается актуальная информация по проблематике, научно-методические материалы, а также актуальные приказы Министерства образования и науки Челябинской области, которые могут быть использованы педагогическими работниками образовательных организаций.

Информация о проводимых ГБУ ДПО ЧИРПО мероприятиях размещена на Федеральном интернет-ресурсе «Интерактивная карта антитеррористической деятельности в образовательных организациях и научных учреждениях Российской Федерации» проекта Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет.

Помимо научно-практических семинаров для педагогов институт проводит мероприятия для студентов ПОО, в частности, тематические олимпиады патриотической направленности. Так, например, в соответствии с приказом Министерства образования и науки Челябинской области от 24 марта 2016 года № 01/808 «О проведении в 2016 году областной заочной олимпиады, посвященной юбилейным датам военной истории России, среди

обучающихся профессиональных образовательных организаций» 5 мая 2016 года ГБУ ДПО ЧИРПО организовал проведение второго этапа этой областной заочной олимпиады в дистанционном режиме. В олимпиаде приняли участие 232 обучающихся от всех 47 ПОО Челябинской области. Мы полагаем, что мероприятия патриотической направленности играют важную роль в системе противодействия распространению экстремизма, так как именно духовный мир подростка подвергается обработке и трансформации. Гражданин-патриот по определению не будет стремиться примкнуть к экстремистским и террористическим организациям. Становление и развитие патриотизма является одним из векторов работы лаборатории. С периодичностью раз в семестр организуются обучающие мероприятия для управленческих и педагогических работников ПОО соответствующей тематики [5, с. 109].

Еще одним эффективным направлением противодействия вовлечению студентов ПОО в деструктивные культы и экстремистские организации является организация их трудовой деятельности на основе студенческого самоуправления [4, с. 88]. Как известно, выстроенная отечественным педагогом А. С. Макаренко подобным образом система воспитания не давала педагогического брака даже в среде малолетних правонарушителей. В этой связи на заседаниях лаборатории «Педагогика А. С. Макаренко» транслируется опыт организации трудовой деятельности и студенческого самоуправления таких ПОО, как ГБПОУ «Миасский строительный техникум», ГБПОУ «Аргаяшский аграрный техникум», в рамках функционирования региональных инновационных площадок показавших, что самоуправление является эффективным механизмом организации трудовой и иной деятельности студентов. В условиях активно развивающегося коллектива обучающихся и его самоорганизации, а также осуществления трудовой деятельности наиболее успешно ликвидируется эмоциональная закрепощенность, отчужденность, скованность, конформность поведения, как раз те характеристики, на основе которых выделяется группа риска по вовлечению в экстремистскую деятельность [2, с. 142].

Систематическая работа по организации мероприятий, направленных на ликвидацию антиэкстремистской неграмотности в рамках повышения квалификации работников ПОО, является одним из способов противоборства экстремизму и терроризму [8; 9]. Использование системы видеоконференцсвязи позволяет транслировать областные семинары института в онлайн-режиме, что существенно расширяют количество ПОО, участвующих

в обсуждении об этой важной проблемы, так как многие организации расположены в отдаленных от областного центра районах Челябинской области.

Подводя итог, можно сказать, что в ГБУ ДПО ЧИРПО выстроена эффективная система повышения квалификации работников ПОО, контингент обучающихся в которых попадает в группу риска распространения девиаций [7, с. 63]. Подготовленность к профилактической работе с подростками группы риска [3, с. 125] позволяет снижать уровень распространенности девиантного поведения или заблаговременно фиксировать появление в поведении или умонастроении подростков неблагоприятных тенденций, связанных с радикализацией, вовлечением в экстремистские организации и криминализацией [10, с. 133].

Литература

1. Антонов О. Ю. Криминалистическая модель экстремистской преступной деятельности в сети интернет и ее использование в борьбе с экстремизмом // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6 (29). С. 195–202. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27519925>
2. Бочкарева Т. С. Социальные представления молодежи об экстремизме и патриотизме // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2016. № 41-2. С. 138–156. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26331431>
3. Ларионова К. Ж. О молодежном экстремизме // Наука и современность. 2014. № 27. С. 123–126. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21166317>
4. Лущиков В. В. Педагогическое наследие А. С. Макаренко как инструмент профилактики асоциальных проявлений у студентов профессиональных образовательных организаций // Научно-практический журнал «Инновационное развитие профессионального образования». 2016. № 4 (12). С. 87–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27389612>
5. Лущиков В. В. Проектирование воспитательных мероприятий в образовательной организации как элемент в формировании полноценного гражданина патриота // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1(21). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25765061>
6. Лущиков В. В. Проектирование мероприятий по профилактике асоциальных проявлений среди обучающихся профессиональных образовательных организаций // Безопасность жизнедеятельности: наука, образование, практика: материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Сахалинский государственный университет. 2016. С. 79–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26258469>
7. Ногерова М. Т., Догучаева Т. А., Кочкарова М. Р. Гражданская идентичность в структуре детерминации представлений студентов об экстремизме // Научное мнение. 2016. № 4–5. С. 60–65. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25964828>
8. Рязанов Д. С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7. С. 177–184. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21366321>

9. Сальников Е. В. Проблемы противодействия экстремизму: минимизация и (или) ликвидация его последствий в составе механизма противодействия экстремизму // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3. С. 107–118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17264511>

10. Турчин С. А. К вопросу об организованном экстремизме // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 132–134. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25321774>

References

1. Antonov O. Yu. Kriminalisticheskaya model' ekstremistskoi prestupnoi deyatel'nosti v seti internet i ee ispol'zovanie v bor'be s ekstremizmom [Criminalistic model of extremist criminal activity in the Internet and its use in the fight against extremism]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* = Library of the criminalist. Science Magazine, 2016, no. 6 (29), pp. 195–202. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27519925> (In Russ).

2. Bochkareva T. S. Sotsial'nye predstavleniya molodezhi ob ekstremizme i patriotizme [Social representations of youth about extremism and patriotism]. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad* = Modern trends in economics and management: a new view, 2016, no. 41-2, pp. 138–156. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26331431> (In Russ).

3. Larionova K. Zh. O molodezhnom ekstremizme [On Youth Extremism]. *Nauka i sovremennost'* = Science and Modernity, 2014, no. 27, pp. 123–126. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21166317> (In Russ).

4. Lushchikov V. V. Pedagogicheskoe nasledie A. S. Makarenko kak instrument profilaktiki asotsial'nykh proyavlenii u studentov professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsii [Pedagogical heritage of A. S. Makarenko as an instrument of prevention of antisocial manifestations of students of professional educational organizations]. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya* = Innovative Development of Vocational Education, 2016, no. 4 (12), pp. 87–90. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27389612> (In Russ).

5. Lushchikov V. V. Proektirovanie vospitatel'nykh meropriyatiy v obrazovatel'noi organizatsii kak element v formirovani polnotsennogo grazhdanina patriota [Designing educational activities in the educational organization as an element in the formation of a full-fledged citizen as a patriot]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2016, no.1(21). Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25765061> (In Russ).

6. Lushchikov V. V. Proektirovanie meropriyatiy po profilaktike asotsial'nykh proyavlenii sredi obuchayushchikhsya professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsii [Designing measures for the prevention of antisocial manifestations among students of professional educational organizations]. *Bezopasnost' zhiznedeystel'nosti: nauka, obrazovanie, praktika: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* = Life safety: science, education, practice materials of the VI Interregional Scientific and Practical Conference with international participation. Sakhalin State University, Sakhalinskii gosudarstvennyi universitet, 2016, pp. 79–83. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26258469> (In Russ).

7. Nogerova M. T., Doguchaeva T. A., Kochkarova M. R. Grazhdanskaya identichnost' v strukture determinatsii predstavlenii studentov ob ekstremizme [Civil Identity in the Determination Structure of Students' Presentations on Extremism]. *Nauchnoe mnenie* = Scientific Opinion, 2016, no. 4–5, pp. 60–65. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25964828> (In Russ).

8. Ryazanov D. S. Religioznyy ekstremizm, religiozno-politicheskii ekstremizm i religioznyy fundamentalizm: obshchee, osobnoe, edinichnoe [Religious extremism, religious and political extremism and religious fundamentalism: general, special, individual]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* = News of Irkutsk State University. Series: Political science. Religious studies, 2014, vol. 7, pp. 177–184. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21366321> (In Russ).

9. Sal'nikov E. V. Problemy protivodeystviya ekstremizmu: minimizatsiya i (ili) likvidatsiya ego posledstviy v sostave mekhanizma protivodeystviya ekstremizmu [Problems of counteraction to extremism: minimization and (or) liquidation of its consequences as part of the mechanism of counteraction to extremism]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* = Leningrad legal journal, 2011, no. 3, pp. 107–118. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17264511> (In Russ).

10. Turchin S. A. K voprosu ob organizovannom ekstremizme [On the question of organized extremism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, no. 11, pp. 132–134. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25321774> (In Russ).

Статья поступила в редакцию 4.07.2017 г.

Submitted 4.07.2017.

Для цитирования: Лушиков В. В. Мероприятия по профилактике экстремизма в системе профессиональных образовательных организаций // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 27–31.

Citation for an article: Lushchikov V. V. Actions for prevention of extremism in system of professional educational organizations. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 27–31.

Лушиков Валерий Владимирович, заведующий лабораторией «Педагогика А. С. Макаренко», Челябинский институт развития профессионального образования, г. Челябинск, lushikovvv@yandex.ru

Valery V. Lushchikov, head of the laboratory “A. S. Makarenko's Pedagogics”, Chelyabinsk Institute of development of vocational education, Chelyabinsk, lushikovvv@yandex.ru

УДК 364.043.4

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВ ОБУЧАЮЩИХСЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВА НОСИТЬ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОДЕЖДЫ И/ИЛИ АТТРИБУТЫ)

М. А. Мокосеева

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Противоречивый подход к реализации и обеспечению религиозных прав всегда будет в центре внимания во всех государствах, включая многоконфессиональную Россию. Один из пунктов дискуссии связан с учебным процессом. Наиболее острыми являются споры в отношении представителей мусульманской религии и права мусульман носить религиозные одежды и/или атрибуты в общественных местах: с одной стороны, существует множество примеров судебной практики, когда право мусульманских женщин на ношение религиозных одежд в соответствии с их религиозными представлениями не защищается органами государственной власти (определения Верховного Суда РФ от 10 июля 2013 г. и от 11 февраля 2015 г.) и, с другой стороны, решение Верховного Суда РФ, когда мусульманские женщины получили разрешение фотографироваться на паспорт в головных уборах, т. е. так, чтобы платок не покрывал уши и лоб (определение Верховного суда РФ от 15 мая 2003 г.). **Цель** статьи – выявить трансформации права на свободу вероисповедания в отношении права ношения религиозных одежд и/или атрибутов в учебном процессе в современном российском обществе. **Задачи:** изучить судебную практику обеспечения религиозных прав в учебном процессе; проанализировать результаты аутентичного общественного мнения студентов Марийского государственного университета. Автор использует различные **методы** анализа и обобщения юридического материала, активно применяя сравнительно-правовой метод. Результатом исследования стал **вывод** о том, что в российское право и законодательство необходимо внести изменения и дополнения, связанные с предоставлением более широких гарантий реализации религиозных прав.

Ключевые слова: образовательный процесс, учебный процесс, обеспечение религиозных прав, религиозные права, религиозные атрибуты, общественное мнение.

THE PROBLEMS OF ENSURING THE RELIGIOUS RIGHTS OF STUDENTS (FOR EXAMPLE, THE RIGHT TO WEAR RELIGIOUS CLOTHING AND / OR ATTRIBUTES)

M. A. Mokoseeva

Mari State University, Yoshkar-Ola

A contradictory approach to the realization and maintenance of religious rights will always be at the center of attention in all states, including multi-confessional Russia. One of the points of discussion is related to the educational process. The most controversial is the controversy over the representatives of the Muslim religion and the right of Muslims to wear religious clothing and / or attributes in public places: on the one hand, there are many examples of judicial practice where the right of Muslim women to wear religious clothing in accordance with their religious beliefs is not protected by the organ (the Supreme Court of the Russian Federation of July 10, 2013 and February 11, 2015) and, on the other hand, the decision of the Supreme Court of the Russian Federation, when Muslim women received permission to be photographed on the passport in the headgear, i.e., so that the scarf does not cover the ears and forehead (the definition of the Supreme Court of the Russian Federation of May 15, 2003). The purpose of the article is to identify the transformation of the right to freedom of religion in relation to the right to wear religious clothes and / or attributes in the educational process in modern Russian society. Objectives: to study the judicial practice of ensuring religious rights in the teaching process; to analyze the results of the authentic public opinion of the students of the Mari State University. The author uses various methods of analysis and generalization of legal material, actively applying a comparative legal method. The result of the study was the conclusion that amendments and additions to Russian law and legislation related to the provision of broader guarantees for the exercise of religious rights should be made.

Key words: educational process, teaching process, provision of religious rights, religious rights, religious attributes, public opinion.

Введение

Современное российское общество имеет неоднозначный подход к решению проблем обеспечения религиозных прав в образовательном процессе. Различного рода статистические анализы показывают, что имеются как сторонники, так и противники защиты прав обучающихся мусульманского вероисповедания одеваться в соответствии с их религиозными убеждениями в светских образовательных учреждениях. Неоднозначность подходов присутствует и в решениях судебных органов. Большинство примеров из судебной практики связано с непредставлением защиты права женскому полу мусульманского вероисповедания одеваться в соответствии с их религиозными убеждениями [4; 7]. Прежде всего, это определения Верховного суда РФ от 10 июля 2013 г. и от 11 февраля 2015 г., где суд России признал законным запрет на демонстрацию религиозной атрибутики и ношение религиозных платков в школах. Такое решение суд принял, после того как с жалобой в Верховный суд РФ обратились семь жителей Мордовии, которые потребовали признать частично незаконным постановление правительства республики, принятое в мае 2014 года, о запрете посещать школы в головных уборах и демонстрировать религиозную атрибутику.

Более подробно остановимся на определении Верховного суда РФ от 11 февраля 2015 года.

Федеральный закон об образовании (статья 38) устанавливает, что организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе устанавливать требования к одежде обучающихся, в том числе требования к ее общему виду, цвету, фасону, видам одежды обучающихся, знакам отличия, и правила ее ношения, если иное не установлено законом.

Образовательные учреждения устанавливают подобные требования к внешнему виду обучающихся. При этом они пользуются разработанным Минобрнауки России Модельным нормативным правовым актом об установлении требований к одежде обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования.

Постановлением Правительства Республики Мордовия 12 мая 2014 г. № 208, опубликованном в официальном печатном издании 20 мая 2014 г. – в газете «Известия Мордовии», № 70, утверждены типовые требования к школьной одежде и внешнему виду обучающихся в государственных общеобразовательных организациях Республики Мордо-

вия и муниципальных общеобразовательных организациях Республики Мордовия.

Согласно подпункту 3 пункта 9 Требований к школьной одежде обучающимся запрещается ношение в помещениях образовательных организаций головных уборов.

По мнению заявителей, оспариваемое региональное предписание противоречит пункту 1 статьи 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», согласно которому в Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, а также положениям частей 1 и 2 статьи 5 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» о гарантированном в Российской Федерации праве каждого человека на образование, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Признавая заявленные требования необоснованными, суд пришел к выводу о том, что оспариваемое положение принято Правительством Республики Мордовия в пределах своих полномочий. При этом суд исходил из того, что в силу пункта «е» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации общие вопросы образования находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты которых не могут противоречить федеральным законам (статья 76 Конституции Российской Федерации).

По мнению суда, установление требований к школьной форме необходимо для формирования у школьников чувства принадлежности к общеобразовательной организации, для повышения психологического настроения учеников на учебу, устранения признаков социального, имущественного и религиозного различия между учащимися, укрепления сплоченности и дисциплины [5; 10], а также для обеспечения учащихся удобной и эстетичной одеждой, которая должна соответствовать как санитарно-эпидемиологическим правилам и нормативам («2.4.7. Гигиена детей и подростков. 1.1. Гигиена. Токсикология. Санитария. Гигиенические

требования к одежде для детей, подростков и взрослых, товарам детского ассортимента и материалам для изделий (изделиям), контактирующим с кожей человека. СанПиН 2.4.7/1.1.1286-03», утвержденным Постановлением главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 17 апреля 2003 г. № 5), так и погоде, месту проведения учебных занятий, температурному режиму в помещении.

Суд считает, что установление запрета носить в помещениях образовательных организаций головные уборы (одно из требований к школьной одежде) не влечет ограничение прав обучающихся в государственных и муниципальных учреждениях, поскольку установление типовых требований к одежде обучающихся в государственных и муниципальных учреждениях является необходимым элементом образовательного процесса, включающего создание условий для социализации обучающегося на основе принятых в обществе правил и норм поведения и гарантирование безопасных условий обучения, воспитания обучающихся, направленных на обеспечение их жизни и здоровья, что в силу прямого предписания, содержащегося в пункте 2 части 6 статьи 28 Федерального закона № 273-ФЗ является обязанностью образовательной организации.

Контрадикторный подход присутствует в определении Верховного суда РФ от 15 мая 2003 г., когда женщинам мусульманского вероисповедания разрешили фотографироваться на паспорт в головном уборе, не закрывающем уши и лоб.

Окончательно трансформационным стало принятие в Чечне закона о свободе ношения религиозной одежды и религиозных символов в общеобразовательных школах. Чеченский закон разрешает ношение «одежды или символики согласно народным традициям или религиозным верованиям», если это не противоречит федеральному законодательству, не вредит их здоровью и не нарушает права и свободы других лиц.

Отметим, что принятие первого регионального закона в России, отменяющего светский характер образовательных учреждений, имело свои исторические предпосылки.

Интересно, что неоднозначность в понимании и разный подход присутствует и в европейской практике (Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ)) [1; 2].

Так, в деле «Лейла Шахин (Leyla Sahin) против Турции» запрет на ношение религиозных атрибутов, а в деле «Лаутси и другие (Lautsi and others) против Италии» их, по сути, разрешение [2; 3].

Авторы статьи пытаются выявить происходящие трансформации права на свободу вероисповедания в современном российском обществе, предлагая результаты аутентичного исследования общественного мнения. Целью опроса было выявить современное отношение обучающихся образовательных учреждений к обеспечению религиозных прав в образовательном процессе. В исследовании приняли участие 216 обучающихся средних и высших образовательных учреждений (144 человека женского пола и 72 мужского), расположенных в г. Йошкар-Оле. В опросе в основном принимали участие лица в возрасте с 18 до 21 года (89,0 % респондентов). Отметим, что среди опрошиваемых 3,0 % имели гражданство иностранного государства.

Особо обращаем внимание на то, что исследование проведено только в рамках одного классического университета Республики Марий Эл. Несмотря на этот факт, отметим, что анализ ситуации по реализации религиозных прав в образовательном процессе в этой республике является типичным для России, поскольку широко представлен мультиконфессиональный и мультинациональный состав населения, поэтому авторы посчитали приемлемым привести данные по одной республике. Тем не менее есть и недостатки данного подхода, ведь количество обучающихся в республике немногочисленно.

В Марийском государственном университете 47 % обучающихся – православные и христианской веры, 5 % исповедуют язычество, около 15 % – мусульмане, 22 % верят в Бога, но не исповедуют ни одну религию и 5 % не верят в Бога вообще, а 6 % – остается на другие религиозные верования [6; 9].

Исследование показало, что 67,0 % обучающихся считают себя скорее верующими в бога, чем нет. Интересно отметить при этом, что на вопрос: «Как Вы относитесь к праву обучающихся носить религиозные атрибуты в образовательных учреждениях?» только 12,5 % респондентов ответили положительно и 26,4 % отрицательно. 61,1 % опрошенной молодежи указало, что им вообще безразлично по этому поводу.

81,9 % обучающихся считают, что право ношения религиозных атрибутов и осуществления религиозных обрядов в образовательных организациях не противоречит федеральному законодательству (см. диаграмму № 1).

76,8 % респондентов высказали мнение о том, что религиозные атрибуты не нарушают права и свободы других лиц (см. диаграмму № 2).

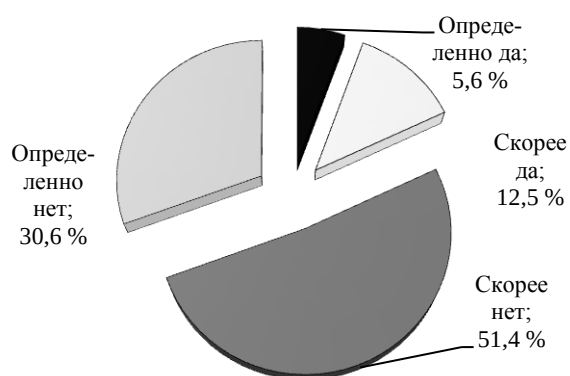

Диаграмма 1. Считаете ли Вы, что право ношения религиозных атрибутов и осуществления религиозных обрядов в образовательных организациях противоречит федеральному законодательству? / Diagram 1. Do you think that the right to wear religious attributes and perform religious rites in educational organizations is contrary to federal legislation?

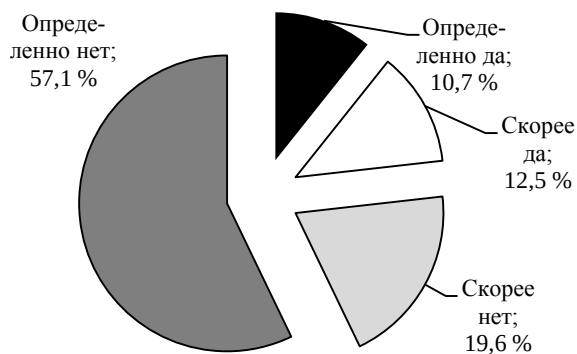

Диаграмма 2 / Diagram 2

В соответствии с выявленными данными, происходящие в российском обществе трансформационные изменения относительно реализации религиозных прав в образовательном процессе, налицо. И эти изменения явно связаны с появлением более лояльных подходов к решению проблем обеспечения религиозных прав в образовательном процессе.

Аутентичное независимое исследование общественного мнения в итоге показало готовность к восприятию религиозных атрибутов и осуществлению религиозных обрядов в образовательных организациях. 58,9 % опрошенных высказались – за и только 41,0 % – против (см. диаграмму № 3). Относительно управления в образовательных учреждениях большинство респондентов отметили, что администрация обязана учитывать религиозные права обучающихся (51,4 %) (см. диаграмму № 4).

На вопрос: «Защищены ли интересы представителей Вашей национальности в России?»

56,9 % опрошенных ответили – да (см. диаграмму № 5).

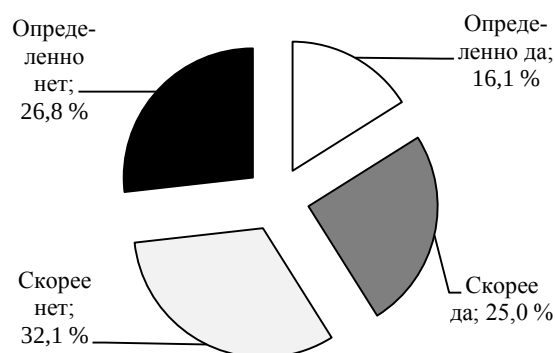

Диаграмма 3. Вы против религиозных атрибутов и осуществления религиозных обрядов в образовательных организациях? / Diagram 3. You are against religious attributes and the performance of religious rites in educational organizations?

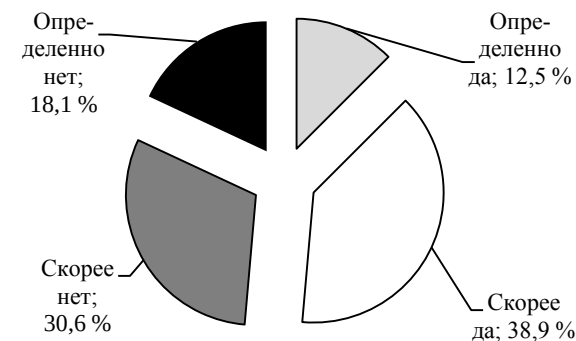

Диаграмма 4. Обязана ли администрация образовательного учреждения учитывать религиозные права обучающихся? / Diagram 4. Is the administration of the educational institution obliged to take into account religious rights of students?

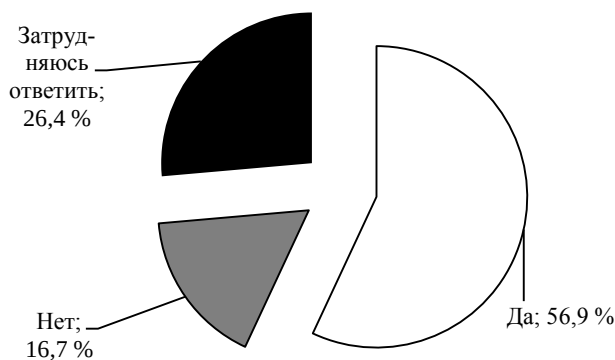

Диаграмма 5 / Diagram 5

Закключение

Итак, можно с уверенностью утверждать, что в российском законодательстве и судебной практике необходимы трансформации, связанные с предоставлением более широких гарантий реализации

религиозных прав, прежде всего, в образовательном процессе, поскольку эти вопросы являются наиболее злободневными.

Авторы проведенного исследования не настаивают на его беспрекословности и предполагают проведение дальнейшего статистического анализа и анализ ситуации не менее чем в десяти образовательных учреждениях по всей территории Российской Федерации.

Литература

1. Бахтина М. Ю., Мокосеева М. А. Ограничения прав и свобод человека в конституционной теории и практике // Марийский юридический вестник. 2016. Т. 1. № 1 (16). С. 32–33.
2. Мокосеева М. А. Независимая судебная власть как элемент разделения властей // Актуальные проблемы юридических наук: материалы научной конф. 2010. С. 71–77.
3. Степанова Е. А. Религия и образование в Европе: дебаты о взаимной совместимости // Известия уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 3. С. 6–15.
4. Habermas J. Religion in the Public Sphere // *European Journal of Philosophy*. 2006. № 14 (1). P. 1–25.
5. Hull J. The contribution of religious education to religious freedom: a global perspective // Spinder H. etc. (eds.) *Committed to Europe's Future: Contributions from Education and Religious Education*. Munster. 2007. P. 107–110.
6. McLauhlín T. Citizenship, diversity and education: a philosophical perspective // *Journal of Moral Education*. 1992. № 21 (3). P. 235–250.
7. Patricia M. Mische. The Significance of Religions for Social Justice and a Culture of Peace. Vol. 1. Issue 1, Fall. 2007.
8. Sandra F. Joireman, ed. *Church, State, and Citizen: Christian Approaches to Political Engagement*. New York: Oxford University Press, 2009.
9. Weisse W. (ed.). The relevance of interreligious dialog for intercultural understanding, 2009. URL: www.redco.uni-hamburg.de/web/3480/4176/index.html (дата обращения: 29.03.2016, режим доступа свободный).
10. Willaime J.-P. Different Models for Religion and Education in Europe // *Religion and Education in Europe: Developments, Contexts and Debates*. P. 57–66.

References

1. Bakhtina M. Yu., Mokoseeva M. A. Ogranicheniya prav i svobod cheloveka v konstitutsionnoi teorii i praktike [Limitations of human rights and freedoms in constitutional theory and practice]. *Mariiskii yuridicheskii vestnik* = Mari legal herald, 2016, vol. 1, no. 1 (16), pp. 32–33. (In Russ).
2. Mokoseeva M. A. Nezavisimaya sudebnaya vlast' kak element razdeleniya vlastei [Independent Judicial Authority as an element of separation of powers]. *Aktual'nye problemy yuridicheskikh nauk: materialy nauchnoi konf.* = Actual problems of law Sciences. Materials of a scientific conference, 2010, pp. 71–77. (In Russ).
3. Stepanova E. A. Religiya i obrazovanie v Evrope: debaty o vzaimnoi sovmestimosti [Religion and education in Europe: Debate on Mutual Compatibility]. *Izvestiya ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* = News of Ural Federal University. Series 1: the problems of education, science and culture, 2011, no. 3, pp. 6–15. (In Russ).
4. Habermas J. Religion in the Public Sphere. *European Journal of Philosophy*, 2006, no. 14 (1), pp. 1–25.
5. Hull J. The contribution of religious education to religious freedom: a global perspective. *Spinder H. etc. (eds.) Committed to Europe's Future: Contributions from Education and Religious Education*. Munster, 2007, pp. 107–110.
6. McLauhlín T. Citizenship, diversity and education: a philosophical perspective. *Journal of Moral Education*, 1992, no. 21 (3), pp. 235–250.
7. Patricia M. Mische. The Significance of Religions for Social Justice and a Culture of Peace. Vol. 1. Issue 1, Fall. 2007.
8. Sandra F. Joireman, ed. *Church, State, and Citizen: Christian Approaches to Political Engagement*. New York: Oxford University Press, 2009.
9. Weisse W. (ed.). The relevance of interreligious dialog for intercultural understanding, 2009. Available from: www.redco.uni-hamburg.de/web/3480/4176/index.html (accessed 29.03.2016).
10. Willaime J.-P. Different Models for Religion and Education in Europe. *Religion and Education in Europe: Developments, Contexts and Debates*, pp. 57–66.

Статья поступила в редакцию 29.07.2017 г.

Submitted 29.07.2017.

Для цитирования: Мокосеева М. А. Проблемы обеспечения религиозных прав обучающихся (на примере права носить религиозные одежды и/или атрибуты) // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 32–36.

Citation for an article: Mokoseeva M. A. The problems of ensuring the religious rights of students (for example, the right to wear religious clothing and/or attributes). *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 32–36.

Мокосеева Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, pvl_mksev@mail.ru

Marina A. Mokoseeva, Ph. D. (Law), associate professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, pvl_mksev@mail.ru

УДК 615.15:331.103.116

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МЕДИЦИНСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

И. В. Подкорытова¹, В. М. Голянич²

¹Компания «Актавис», г. Москва, ООО «Герофарм», г. Санкт-Петербург,

²Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербурга

Для достижения успеха в своей деятельности организация нуждается в кадрах с определенным набором компетенций. В свою очередь сотрудники, обладающие развитыми компетенциями, имеют большую удовлетворенность как результатами своей деятельности, а также демонстрируют высокую лояльность и вовлеченность в деятельность организации [10]. Для повышения эффективности деятельности сотрудников в компаниях формируются процедуры развития сотрудников, направленные на повышение их индивидуальных и корпоративных компетенций. При этом задачей организации становится определение и развитие именно тех компетенций сотрудников, которые наиболее востребованы в данной профессиональной среде. Профессиональные компетенции являются ключевым критерием, который используется для внутренней и внешней оценки качества профессиональной деятельности сотрудников. Каждая профессиональная компетенция может быть описана с помощью определенных индикаторов, которые представляют собой стандарты поведения человека в организации. Для каждой должности в организации должен быть свой перечень – портрет компетенций. Фармацевтическая отрасль является высоко конкурентной, и определение развития профессиональных компетенций сотрудников дает компании дополнительные ресурсы в достижении успеха. **Целью** исследования явилось обоснование и разработка валидных поведенческих индикаторов компетенций медицинских представителей фармацевтической компании. **Материалом** для исследования явилась экспертная оценка деятельности медицинских представителей, проведенная управлением отдела продаж совместно с отделом управления персоналом организации. **Методом исследования** явился опрос линейных менеджеров и медицинских представителей. В результате проведенной работы в ООО «Герофарм» выделены восемь основных компетенций и сделано их описание. Составлен рейтинг компетенций. **Таким образом**, был разработан портрет компетенций медицинского представителя и описаны поведенческие индикаторы компетенций. Портрет компетенций стал ключевым показателем для линейных менеджеров сотрудников отдела персонала при наборе и оценке сотрудников, а также построении планов их индивидуального развития в организации.

Ключевые слова: развитие персонала, ценностные ориентации, профессиональные компетенции, индикаторы компетенций, портрет компетенций.

COMPETENCE APPROACH IN THE MANAGEMENT OF MEDICAL REPRESENTATIVES

I. V. Podkorytova¹, V. M. Golianich²

¹“Actavis group” company, Moscow, “Geropharm” company, Saint-Petersburg

²Saint-Petersburg state Institute of culture, Saint-Petersburg

To achieve success in its activities, the organization needs personnel with a certain set of competencies. In turn, employees with advanced competencies are highly satisfied as a result of their activities, as well as demonstrate high loyalty and involvement in the activities of the organization [10]. To improve the effectiveness of employees in companies, staff development procedures are developed to increase their individual and corporate competencies. At the same time, the organization's task is to define and develop precisely those competencies of employees who are most in demand in this professional environment. Professional competencies are the key criterion used for internal and external evaluation of the quality of professional activity of employees. Each professional competence can be described by means of certain indicators, which are the standards of human behavior in the organization. For each position in the company should be it's own list – a portrait of competence. The pharmaceutical industry is highly competitive, and the definition and development of the employee's professional competences gives the company additional resources to achieve success. The aim of the research was the assessment and development of valid behavioral indicators of competencies of the pharmaceutical company's medical representatives. The material for the study was the assessment of activities of medical representatives, conducted by the office of the sales

department together with the department of personnel management. The study method was a survey of line managers and medical representatives. As a result of the work carried out, eight core competencies have been identified in LLC "GEROPHARM" and their description has been made. Competency rating is compiled. Thus, a portrait of the competences of the medical representative was developed and behavioral competency indicators were described. The profile of competencies has become a key indicator for line managers of employees of the personnel department when recruiting and evaluating employees, as well as building plans for their individual development in the organization.

Keywords: personnel development, value orientations, professional competencies, indices of competences, portrait of competences.

Успешность деятельности современной организации во многом зависит от того, какими материальными и нематериальными ресурсами она обладает и насколько эффективнее конкурентов их использует. К наиболее важным ресурсам компании можно отнести оборудование, патенты, специальные знания и компетенции персонала, имидж предприятия, корпоративную культуру, организационное знание. Умение эффективно сочетать все виды ресурсов становится ключевым преимуществом (компетенцией) организации [13]. Если компетенции организации не позволяют ей адекватно отвечать на внешние угрозы или другие организации обладают схожими компетенциями, то организация теряет конкурентное преимущество.

Ценность материальных и нематериальных ресурсов различна. Активы и материальные ресурсы организации могут быть опознаны и воспроизведены, а вот когнитивно-эмоциональные и поведенческие аспекты профессиональной деятельности достаточно сложны для имитации [12]. Роль последних в некоторых обстоятельствах становится доминирующей и обеспечивает стратегический успех компании. Такая установка полностью соответствует получившей в настоящее время всеобщее признание ресурсной теории, в соответствии с которой именно компетенции персонала (знания, навыки, способности, опыт) являются наиболее важным источником конкурентного преимущества компании (Э. Пенроуз [Penrose, 1959], Б. Вернерфельта [Wernerfelt, 1984], Р. Рамелта [Rumelt, 1987], Д. Тиса [Teece et al., 1990], Дж. Барни [Barney, 1991], М. Петераф [Peteraf, 1993], К. Коннера и К. Прахалада [Conner, Prahalad, 1996]) [5]. Для достижения успеха компании необходимо развивать индивидуальные и корпоративные компетенции как сотрудника, так и организации, а также внешние детерминанты этих компетенций (условия деятельности) и личностные факторы, предопределяющие возможности и готовность сотрудника к выполнению профессиональных функций [4]. Термин «компетенции» ввел МакКлелланд, понимавший под ним

внешне наблюдаемые поведенческие характеристики, которые определяют успешен или не успешен исполнитель на работе, и которые могут быть сформированы через обучение и развитие (McClelland, 1998). В 1980 году на конференции «Компетенция: анализ, критика, переоценка» в Государственном университете штата Пенсильвания (США) исследование компетенций получило свое научное обоснование [2]. Следующим значительным этапом в развитии теории компетенций стала разработка концепции подготовки кадров на основе компетентностного подхода. Компетентностная оценка деятельности специалиста основывалась на измерении трех основных проявлений его личности – «знать, делать, быть» – и включала не просто фиксирование базовых навыков, но и анализ концептуальных знаний мастерства. Ричард Бояцис, один из основателей концепции компетенций, утверждал, что они образуют своего рода иерархию в структуре личности, и каждая компетенция может существовать на различных уровнях: мотивы и черты характера – на бессознательном, образ «Я» и социальная роль – на сознательном, а навыки – на поведенческом уровне [3]. Современные отечественные ученые под компетенциями понимают совокупность приобретаемых в процессе трудовой деятельности сотрудника профессиональных знаний, умений и навыков, которые способствуют выполнению функциональных обязанностей с максимальной эффективностью, повышают производительность труда и увеличивают финансовую прибыль организации [1]. Компетенции – постоянно изменяемая субстанция. На разных жизненных этапах развития организации, в разных стратегиях одни и те же компетенции будут иметь разную ценность, поэтому важнейшей задачей организации становится определение и развитие именно тех компетенций сотрудников, которые наиболее востребованы в данной динамичной профессиональной среде.

Различают индивидуально-личностные и профессиональные компетенции. К индивидуально-личностным компетенциям относятся такие

проявления личности, как умение управлять собой, самоконтроль и организованность, эмоциональная стабильность, самостоятельность и самодостаточность, независимость и уверенность в себе, способность принимать решения и навыки решения управленческих проблем, ответственность и добросовестность, работоспособность, восприимчивость к нововведениям, предприимчивость, потенциал творческой активности и активное саморазвитие. Личностные компетенции являются важной составляющей профессионального развития, становления личности, творческой самореализации человека во всех сферах жизнедеятельности [6; 7]. Под профессиональными компетенциями понимают проявляющуюся в поведении способность сотрудника качественно выполнять задачи организации в соответствии с заданными стандартами [14]. Профессиональные компетенции являются ключевым критерием оценки качества профессиональной деятельности сотрудников. Каждая профессиональная компетенция может быть описана с помощью определенных индикаторов, которые представляют собой стандарты поведения человека в организации. Для каждой должности в организации существует свой перечень – портрет компетенций – документально оформленный набор профессиональных знаний, навыков, умений, личных качеств, которыми должен обладать исполнитель задач и функций на конкретном рабочем месте [15].

Этот «портрет» создается и оценивается на основании критериев, которые обосновывает организация и с которыми каждый сотрудник может соотнести результаты своей деятельности. Чем четче прописаны показатели деятельности (индикаторы), тем легче их соотнести с результатами, тем эффективнее сотрудник оценивает успешность своей деятельности [11]. Портрет компетенций лежит в основе оценки специалистов. Исходя из него проводится анализ уровня развития компетенций каждого сотрудника и формируются персональные планы развития [8].

Цель исследования

Обоснование и разработка валидных поведенческих индикаторов профессиональных компетенций медицинских представителей фармацевтической компании.

Материалы и методы

Управлением отдела продаж совместно с отделом управления персоналом организации путем анализа научной литературы и экспертной оценки деятельности медицинских представителей

разработан перечень профессиональных компетенций и их индикаторы для должности медицинского представителя фармацевтической компании. Путем опроса региональных и линейных менеджеров (28 человек – 100 % менеджеров), а также опытных медицинских представителей (46 человек – 30 % от всех медицинских представителей) составлен рейтинг наиболее значимых для этой должности компетенций.

Результаты и их обсуждение

В фармацевтическом бизнесе успешность деятельности компании напрямую зависит от эффективности работы команды медицинских представителей, обеспечивающих продажи лекарственных средств и обучение рынка. Основное содержание деятельности медицинских представителей связано с передачей врачам информации о препаратах и схемах лечения заболеваний (с применением продвигаемых препаратов), результатах сравнительного анализа характеристик «своего» и «конкурирующего» препаратов, концепциях и разработках ведущих ученых страны (научные статьи, монографии). Наряду с этим медицинские представители также занимаются организацией и проведением семинаров, круглых столов, лекций для врачей, фармацевтических кружков для работников аптек. По результатам опроса ВЦИОМ, основными источниками информации о новых препаратах для врачей являются медицинские конференции, конгрессы, симпозиумы (72 % опрошенных врачей), а также визиты медицинских представителей (71 %). Третью позицию с большим отрывом (44 %) занимают справочники лекарственных препаратов. Поскольку внимание к информации, «приходящей» из личного общения, значительно превышает таковое к информации из обезличенной рекламы, прямой почтовой рассылки или любого другого опосредованного информационного воздействия, деятельность медицинских представителей в продвижении лекарственных препаратов трудно переоценить [9].

Отсутствие государственной системы профессиональной подготовки медицинских представителей и высокая потребность в этой профессии на фармацевтическом рынке привели к необходимости подготовки таких специалистов «в недрах» фармацевтических компаний. Для формирования эффективной системы развития медицинских представителей в ООО «Герофарм» возникла необходимость в разработке критериев эффективности деятельности, т. е. в создании портрета компетенций. Для этого нами был разработан перечень компетенций, необходимых медицинскому

представителю. Перечень формировали сначала руководители подразделений (региональные менеджеры) с привлечением отдела управления персоналом, затем «рейтинговался» путем опроса сотрудников – линейных менеджеров и наиболее опытных медицинских представителей.

В результате был получен перечень, состоящий из следующих 8 ключевых компетенций:

- ориентация на результат;
- клиентоориентированность;
- стрессоустойчивость;
- аналитическое мышление;
- умение принимать обоснованные решения;
- независимость;
- умение формировать доброжелательные отношения;
- коммуникабельность.

После определения ключевых компетенций был сформирован перечень поведенческих индикаторов компетенций (табл.).

Перечень поведенческих индикаторов компетенций /
List of behavioral competency indicators

Компетенция / Competence	Поведенческие индикаторы / Behavioral indicators
1	2
Ориентация на результат	Может сформулировать свои цели в соответствии со SMART. Четко формулирует свою роль в достижении результата. Настойчив. Преодолевает возникающие трудности и возражения. При отказе ищет новые пути достижения цели. Оценивает свою эффективность по достигнутому результату. Берет на себя ответственность за результат
Клиентоориентированность	Обладает информацией об увлечениях и интересах клиента. Проясняет потребности клиента. Выстраивает свою позицию с учетом потребностей клиента. Оперативно реагирует на запросы/потребности клиента. Посвящает клиенту время, если это необходимо. Отслеживает удовлетворенность клиентов
Стрессоустойчивость	Позитивно реагирует на конструктивную критику. Извлекает пользу из конструктивной критики и ищет пути улучшения. При отказе не проявляет негативных эмоций. При возникновении стрессовой ситуации не опускает руки. Обладает позитивным мышлением

Продолжение табл.

1	2
Аналитическое мышление	Способен выстраивать причинно-следственные связи. Исследует проблему (причины, история возникновения, действующие лица). Способен структурировать поступающую информацию. Строит обоснование, базируясь на свойствах, преимуществах и выгоде предложения. Предлагает различные варианты решения проблемы
Умение принимать обоснованные решения	Оценивает имеющуюся информацию. Выявляет нужную информацию. Проверяет предположения. Приходит к логическим выводам. Определяет задачи и их приоритетность. Правильно расставляет приоритеты. Принимает решения в отведенные сроки. При необходимости может принимать непопулярные решения. Оценивает возможный выигрыш и/или потери от тех или иных решений. Берет на себя ответственность за принятые решения
Независимость	Сотрудник достигает требуемых результатов вне зависимости от наличия или отсутствия контроля. Сильно развит самоконтроль. Способен полностью самостоятельно расставлять приоритеты в своей работе. Вырабатывает план действий, изыскивает наиболее эффективные пути решения поставленных задач. При принятии решений ориентируется на собственное мнение, опыт, знания
Умение формировать доброжелательные отношения	Умеет выслушать противоположную точку зрения. К любой точке зрения относится с уважением и пониманием. Во время дискуссий контролирует эмоции, сохраняя доброжелательность. Умеет признавать свои ошибки. Готов согласиться с клиентом, сохраняя свою точку зрения. Идет на разумные уступки. Умеет уместно пошутить и создать непринужденную атмосферу
Коммуникабельность	Ведет себя открыто, дружелюбно, свободно. Открытая поза, прямой взгляд, улыбка. Грамотно, четко и кратко формулирует свои мысли. Литературный язык, отсутствие слов-«паразитов», хороший словарный запас, комфортная скорость речи. Точно отвечает на задаваемые вопросы. Является сфокусированным на разговоре, убедительным. Задаёт вопросы, касающиеся интересующей его информации. Внимательно слушает собеседника. Открытость и свобода общения. Легкость в установлении контакта с окружающими

Приведенный перечень индикаторов лег в основу построения системы работы с медицинскими представителями компании ООО «Герофарм» на всех основных этапах: набора, обучения и аттестации персонала компании. Портрет компетенций стал основой базовых требований к соискателям на должность медицинских представителей компании ООО «Герофарм», что позволило структурировать требования к кандидатам и повысить эффективность проведения интервью и в целом процедуры отбора. В настоящее время показателем оценки компетенций является одним из трех параметров (наряду с оценкой знаний и показателем результативности работы), учитываемых при ежегодной аттестации персонала компании. На основании результатов оценки компетенций, полученных во время аттестации, для каждого сотрудника создаются индивидуальные планы развития на текущий год и формируется тематика программ обучения, направленных на развитие той или иной компетенции.

Заключение

Формирование валидного списка компетенций для медицинских представителей ООО «Герофарм» позволило повысить эффективность кадровой работы в организации и создать гибкую систему обучения и развития персонала в соответствии с изменяющимися требованиями фармацевтического рынка.

Литература

1. Аюпов Р. Г. Развитие профессиональной компетентности как фактор повышения уровня мотивации персонала // Актуальные вопросы экономических наук: материалы II междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 85–87.
2. Барышникова И. Е. Профессиональная компетентность: методология вопроса // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2012. Т. 3. Вып. 3 (7). С. 27.
3. Бояцис Р. С. Компетентный менеджер. Модель эффективной работы. ГИППО. М., 2008. С. 43–53.
4. Голянич В. М. Управление персоналом как направление научно-образовательной и эмпирико-прикладной деятельности: методологические основания и перспективы развития // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2012. Т. 3. Выпуск 3 (7). С. 94–115. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29223035_93869302.pdf (дата обращения: 30.08.2017).
5. Грант Р. М. Современный стратегический анализ. СПб.: Питер, 2008. 560 с.
6. Кормильцева М. В. Психологические детерминанты профессиональной мобильности личности // Образование и наука. 2009. № 4. С. 72–77.
7. Кустова Е. И. Индивидуально-личностные свойства студентов, как фактор развития профессиональных компетенций // Вестник Ленинградского государственного университета

им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 3. № 4. С. 113–121. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23278636_16612069.pdf (дата обращения: 30.08.2017).

8. Махмудова И. Н., Жукова А. А., Павловская В. О. Оценка уровня компетенций специалиста на основе профессионального стандарта // Лучшая научная статья 2016: сборник статей победителей IV международного научно-практич. конкурса. 2016. С. 209–214. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27409060_86611459.pdf (дата обращения: 30.08.2017).
9. Подкорытова И. В., К. К. Еников, Голянич В. М. Психолого-профессиональный анализ деятельности медицинских представителей фармацевтической компании // Материалы международной научно-практич. конф. 16–17 ноября 2012. Псков; Рига, 2012. 276 с. С. 237–244.
10. Синяева Л. П., Герасимова Е. А., Додорина И. В. Социально-психологический аспект оценки персонала // Вестник СамГУПС. 2016. № 1 (31). С. 127–134. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25778515_54129006.pdf (дата обращения: 30.08.2017).
11. Соколов Г. Н. Человеческий капитал как экономическая категория // Социология. Научный журнал РoCA. 2004. № 2. С. 58.
12. Хэмел Г., Прахалад К., Томас Г., Онил Д. Стратегическая гибкость: пер. с англ. СПб., 2005. С. 294.
13. Черевко В. В. Использование современных технологий в управлении развитием персонала // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 8. Октябрь 2006. С. 1–4.
14. Чулкова Р. Г. К проблеме формирования профессиональной компетентности педагога в период педагогической практики // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 3 (18). С. 49–52. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=916> (дата обращения: 30.08.2017).
15. Яковлева М. В., Яценко В. В. Применение компетентностного подхода к специалистам органа по сертификации // European Scientific Conference: сб. статей победителей IV Международной научно-практич. конф.: в 3 ч. 2017. С. 160–162. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29284104_77174203.pdf (дата обращения: 30.08.2017).

References

1. Ayupov R. G. Razvitie professional'noi kompetentnosti kak faktor povysheniya urovnya motivatsii personala [Development of professional competence as a factor to increase the level of staff motivation]. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk: materialy II mezhduunar. nauch. konf. (g. Ufa, aprel' 2013 g.)* = Actual issues of economic sciences: materials II international. sci. conf. (Ufa, April 2013), Ufa: Leto, 2013, pp. 85–87. (In Russ).
2. Baryshnikova I. E. Professional'naya kompetentnost': metodologiya voprosa [Professional competence: methodology of the issue]. *Nauchnye trudy SZIU RAN-KhiGS* = Scientific works of North-West Institute of Management Russian Academy of National Economy and Public Service, 2012, vol. 3, Vyp. 3 (7), p. 27. (In Russ).
3. Boyatsis R. S. Kompetentnyi menedzher. Model' effektivnoi raboty [The competent manager. Model of effective work]. GIPPO. Moscow, 2008, pp. 43–53. (In Russ).
4. Golyanich V. M. Upravlenie personalom kak napravlenie nauchno-obrazovatel'noi i empiriko-prikladnoi deyatel'nosti: metodologicheskie osnovaniya i perspektivy razvitiya [Personnel management as a direction of scientific and educational and empirically applied activity: methodological bases and development prospects]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS* = Scientific works of the North-West Institute

of Management of the Russian Academy of Science, 2012, vol. 3. Vyp. 3 (7). S. 94–115. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_29223035_93869302.pdf (accessed 30.08.2017). (In Russ).

5. Grant R. M. *Sovremennyy strategicheskii analiz* [Modern strategic analysis]. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 560 p. (In Russ).

6. Kormil'tseva M. V. *Psikhologicheskie determinanty professional'noi mobil'nosti lichnosti* [Psychological determinants of professional mobility of the individual]. *Obrazovanie i nauka* = Education and science, 2009, no. 4, pp. 72–77. (In Russ).

7. Kustova E. I. *Individual'no-lichnostnye svoystva studentov, kak faktor razvitiya professional'nykh kompetentsii* [Individual-personal properties of students, as a factor in the development of professional competencies]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = Herald of the Leningrad State University. A. S. Pushkin, 2014, vol. 3, no. 4, pp. 113–121. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_23278636_16612069.pdf (accessed 30.08.2017). (In Russ).

8. Makhmudova I. N., Zhukova A. A., Pavlovskaya V. O. *Otsenka urovnya kompetentsii spetsialista na osnove professional'nogo standarta* [Assessment of the competence level of the specialist on the basis of the professional standard]. *Luchshaya nauchnaya stat'ya 2016: sbornik statei pobeditelei IV mezhdunarodnogo nauchno-praktich. konkursa* = The best scientific article of 2016: a collection of articles of the winners of the IV International scientific and practical competition, 2016. S. 209–214. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_27409060_86611459.pdf (accessed 30.08.2017). (In Russ).

9. Podkorytova I. V., K. K. Enikov, V. M. Golyanich *Psikhologo-professional'nyi analiz deyatel'nosti meditsinskikh predstavitelei farmatsevticheskoi kompanii* [Golyanich. Psychological and professional analysis of the activities of medical representatives of the pharmaceutical company]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 16–17 noyabrya 2012* = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. 16–17 November 2012, Pskov; Riga, 2012, pp. 237–244. (In Russ).

10. Sinyaeva L. P., Gerasimova E. A., Dodorina I. V. *Sotsial'no-psikhologicheskii aspekt otsenki personala* [Socio-psychological aspect of staff assessment]. *Vestnik SamGUPS* = Herald of Samara State Transport University, 2016, no. 1 (31), pp. 127–134. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_25778515_54129006.pdf (accessed 30.08.2017). (In Russ).

11. Sokolov G. N. *Chelovecheskii kapital kak ekonomicheskaya kategoriya* [Human Capital as an Economic Category]. *Sotsiologiya. Nauchnyi zhurnal RoSA* = Sociology. Scientific journal of RSA, 2004, no. 2, p. 58. (In Russ).

12. Khemel G., Prakhlad K., Tomas G., Onil D. *Strategicheskaya gibkost'* [Strategic flexibility]. Saint-Petersburg, 2005, p. 294. (In Russ).

13. Cherevko V. V. *Ispol'zovanie sovremennykh tekhnologii v upravlenii razvitiem personala* [The use of modern technologies in personnel development management]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* = Public administration. Electronic herald, Vyp. 8, Oktyabr' 2006, pp. 1–4. (In Russ).

14. Chulkova R. G. *K probleme formirovaniya professional'noi kompetentnosti pedagoga v period pedagogicheskoi praktiki* [To the problem of forming the professional competence of the teacher in the period of pedagogical practice]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2015, no. 3 (18), pp. 49–52. Available from: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=916> (accessed 30.08.2017). (In Russ).

15. Yakovleva M. V., Yatsenko V. V. *Primenenie kompetentnostnogo podkhoda k spetsialistam organa po sertifikatsii* [Application of the competence approach to the certification body's specialists]. *European Scientific Conference: sb. statei pobeditelei IV Mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf.: v 3 ch.* = European Scientific Conference: a collection of articles of the winners of the IV International Scientific and Practical Conference: in 3 parts, 2017, pp. 160–162. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_29284104_77174203.pdf (accessed 30.08.2017). (In Russ).

*Статья поступила в редакцию 31.08.2017 г.
Submitted 31.08.2017.*

Для цитирования: Подкорытова И. В., Голянич В. М. Компетентностный подход в управлении деятельностью медицинских представителей // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 37–42.

Citation for an article: Podkorytova I. V., Golyanich V. M. Competence approach in the management of medical representatives. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 37–42.

Подкорытова Ирина Викторовна, региональный менеджер, ООО «Активис», г. Москва; заместитель директора по продажам, ООО «Герофарм», г. Санкт-Петербург, i.podkorytova@mail.ru

Голянич Валерий Михайлович, доктор медицинских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург, golyanich58@mail.ru

Irina V. Podkorytova, regional manager, “Activis group” company, Moscow; deputy director of sales department; “Geropharm” company, Saint-Petersburg, i.podkorytova@mail.ru

Valery M. Golyanich, Dr. Sci. (Medicine), professor, Saint-Petersburg State Institute of culture, Saint-Petersburg, golyanich58@mail.ru

УДК 377.3;377.5

**ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СОВМЕСТНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ
ОБУЧАЮЩИХСЯ И ПЕДАГОГОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ТЕХНИКУМЕ****А. С. Чибиков¹, Д. А. Крылов²**¹Яранский технологический техникум, г. Яранск, Кировская область²Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Статья отражает опыт организации дополнительной совместной творческой проектной деятельности обучающихся учреждения СПО и преподавателей (мастерами производственного обучения) с целью повышения качества профессионального обучения и успешного формирования компетентности у будущих рабочих, служащих и специалистов среднего звена. Опытно-экспериментальная работа по включению учащихся и педагогов в совместное проектирование началась в Яранском технологическом техникуме (Кировская область) в 2012 году. На протяжении 5-ти лет отслеживалась результативность достижения поставленной цели и вносились соответствующие коррективы. Авторы проанализировали работы известных отечественных ученых и диссертационные исследования за последнее десятилетие по теме выбранного направления. Установлено, что в педагогической науке и практике проблема повышения качества профессионального образования в организациях НПО и СПО изучалась с разных сторон. Внимание уделялось системам подготовки специалистов и их интеграции; содержанию, технологиям и средствам обучения; методу проектов; основам информатизации образования; мониторингу, аудиту и оценке качества образования; социальному партнерству и др. Однако вопросы методики организации и эффективности дополнительной совместной творческой проектной деятельности обучающихся с преподавателями и мастерами производственного обучения в учреждении среднего профессионального образования остаются не раскрытыми. На основе систематизации лучшего опыта и результатов нашей экспериментальной и педагогической работы выделена последовательность текущих проблем, которые приходится решать педагогу при организации дополнительного совместного творческого проектирования. А именно: проблема отбора учащихся и включение их в творческую деятельность; проблема установления востребованности ожидаемых результатов и практической значимости проекта; проблема оптимальности методов; проблема поддержания и стимулирования мотивации на основном этапе работы и проблема подведения итогов при активном участии обучающихся. В статье называются наиболее значимые успехи учащихся Яранского технологического техникума в последние годы на всероссийских конкурсах, организуемых научной системой для молодежи «Интеграция». В качестве количественных и качественных показателей, подтверждающих эффективность опытной работы, приводятся значения по критериям на основе созданных нами аналитической модели оценки качества профессионального обучения и диагностики измерения и развития аргументативных умений и качеств.

Ключевые слова: дополнительное совместное творческое проектирование, качество профессионального обучения рабочих, служащих и специалистов, общие и профессиональные компетенции, последовательность педагогических проблем по организации дополнительной совместной творческой проектной деятельности, аналитическая модель оценки качества профессионального обучения, методика измерения и оценки развития умений и качеств аргументации, количественные и качественные показатели эффективности.

**ADDITIONAL CO-CREATIVE DESIGNING STUDENTS AND TEACHERS
AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY
OF PROFESSIONAL TRAINING AT THE COLLEGE****A. S. Chibakov¹, D. A. Krylov²**¹Yaransk technological College, Jaransk²Mari State University, Yoshkar-Ola

The article reflects the experience of the organization of additional joint creative project activity of students of the institutions of secondary vocational education and teachers (masters of industrial training) with the aim of improving the quality of vocational training and the successful formation of competence among future workers, employees and mid-level professionals. Experimental work on the inclusion of students and teachers in the joint design began in the Yaransk Technological College (Kirov region) in 2012. For 5 years, the effectiveness

of achieving the goal was monitored and appropriate adjustments were made. The authors analyzed the works of famous Russian scientists and dissertational research over the past decade on the topic of the chosen direction. It is established that in pedagogical science and practice the problem of improving the quality of vocational education in organizations of initial vocational education and secondary vocational education was studied from different sides. Attention was paid to the systems of training specialists and their integration; content, technologies and means of teaching; method of projects; the basics of informatization of education; monitoring, auditing and evaluation of the quality of education; social partnership, etc. However, the questions of the methodology of organization and effectiveness of additional joint creative project activities of students with teachers and masters of industrial training in the institution of secondary vocational education remain unresolved. Based on the systematization of the best experience and the results of our experimental and pedagogical work, a sequence of current problems that the teacher has to solve when organizing additional joint creative design is highlighted. Namely: the problem of the selection of students and their inclusion in creative activity; the problem of determining the relevance of the expected results and the practical importance of the project; the problem of optimality of methods; the problem of maintaining and stimulating motivation at the main stage of work and the problem of summing up with the active participation of students. The article refers to the most significant success of students of the Yaransk Technological College in recent years at All-Russian competitions organized by the scientific system for young people "Integration". As quantitative and qualitative indicators confirming the effectiveness of the pilot work, values are given by criteria based on our analytical model for assessing the quality of vocational training and diagnostics of the measurement and development of argumentative skills and qualities.

Keywords: additional co-creative designing, the quality of vocational training of workers, employees and professionals, general professional competence, the sequence of pedagogical issues in the organization of additional joint creative project activities, analytical model for assessing the quality of vocational training, methods of measuring and assessing the development of the skills and qualities of reasoning, quantitative and qualitative performance indicators.

Введение. Перспективные задачи совершенствования процесса и результатов обучения квалифицированных рабочих, служащих и специалистов в учебных организациях среднего профессионального образования (далее СПО) продиктованы быстро развивающимися технологиями и инновационными процессами в сферах производства и услуг, потребностями рынка труда и конкуренцией. Текущие и ожидаемые преобразования в системе СПО связаны с подготовкой и переходом на образовательные стандарты очередного поколения с современными уровнями технического оснащения, сроками обучения и принципами формирования учебно-методической документации. В их числе направления подготовки из «списка ТОП-50» наиболее востребованных рынком труда профессий СПО, утвержденного приказом Минтруда РФ от 02.11.2015 № 831. Кроме того, внедряемые в учебный процесс эффективные педагогические технологии, наряду с активным взаимодействием профессиональных образовательных учреждений с работодателями и социальными партнерами, призваны обеспечить гибкость и индивидуализацию учения и создать необходимую материально-техническую учебную базу.

При этом итоговыми результатами качества профессионального обучения остаются общие и профессиональные компетенции. Их анализ указывает на особую значимость для будущего работника

творческих, коммуникативных, аналитико-синтетических и деловых умений, качеств и опыта. Становлению и развитию профессиональной компетентности в ходе обязательного теоретического и практического обучения и предусмотренной учебными планами и рабочими программами самостоятельной работы благоприятным образом способствует организация дополнительного совместного творческого проектирования учащихся с педагогическими работниками.

Цель исследования: организовать дополнительное совместное творческое проектирование обучающихся с преподавателями или мастерами в учреждении СПО, определить его методические основы и влияние на качество профессионального обучения рабочих, служащих и специалистов.

Материал и методы исследования. Проведена опытно-экспериментальная работа по организации дополнительного совместного творческого проектирования учащихся с педагогическими работниками техникума на протяжении 5-ти лет. В индивидуальных и командных мероприятиях профессионального творчества на региональном, межрегиональном, всероссийском и международном уровне приняли участие 48 наших учащихся, проекты которых выполнялись при участии и наставничестве 10-ти преподавателей и 2-х мастеров производственного обучения. Полученные результаты и опыт, приобретенный в ходе эксперимента,

изучались для установления методических основ и определения их педагогической эффективности по организации дополнительного совместного творческого проектирования обучающихся и педагогов.

Изучена педагогическая, методическая и психологическая литература. Обобщен передовой педагогический опыт. Совместная деятельность включала постановку и разрешение противоречий, вопросно-ответные процедуры, планирование, проектирование, рефлексия, корректирование, обобщение и формулирование выводов, представление и защиту работ, подготовку публикаций. Использованы педагогическое наблюдение, изучение продуктов деятельности учащихся, моделирование, качественный и количественный анализ фактического материала, экспертная оценка, методы математической статистики. Применены аналитическая модель оценки качества профобучения будущих работников и методика измерения рассудительно-аргументативных профессионально-коммуникативных умений и качеств. Проведены беседы, интервьюирование, анкетирование и тестирование.

Поставленные перед экспериментом задачи соотношены с итоговыми результатами. Намечены дальнейшие перспективы исследования. Материалы научно-опытной работы обсуждались на заседаниях предметно-цикловых комиссий и представлялись на педагогическом совете учебного заведения.

Результаты исследования и их обсуждение. Повышение качества профессионального обучения представляет ключевую проблему деятельности организаций СПО. Любые исследования и нововведения, связанные с подготовкой квалифицированных рабочих, служащих и специалистов, неотделимы от результативности обучения, эффективности формирования общих и профессиональных компетенций обучающихся. Значительный вклад в изучение научно-педагогических и методических аспектов, раскрывающих принципы и механизмы повышения качества начального и среднего профессионального образования, внесли П. Ф. Анисимов, С. Я. Батышев, В. П. Беспалько, Г. И. Ибрагимов, Г. В. Мухаметзянова, А. М. Новиков, И. В. Чистова и др. За последние 10 лет подготовлено более 20-ти диссертаций, посвященных вопросам качества обучения квалифицированных кадров в системе НПО/СПО. Основные положения исследований отражены в публикациях, в которых ученые раскрывают:

– адаптированные компетентностные технологии – Т. В. Базавова, Т. С. Калиновская [1; 8];

– содержание и дидактические средства обучения – С. А. Орлов, С. В. Пронько [15; 20];

– специфику интегрированной системы подготовки специалиста «техникум – вуз – производство» и интеграцию учебных дисциплин – Т. А. Минеева, Л. С. Панькова [12; 17];

– вопросы дистанционного обучения, внедрения сетевых технологий и создания информационно-образовательной среды учебного заведения – А. М. Забнев, В. В. Михаэлис [6; 13];

– систему управления качеством образовательной деятельности и эффективность студенческого самоуправления – А. И. Голубева, А. И. Давыдова [4; 5];

– аспекты качества заочной формы обучения, мониторинга исследований качества профобразования – М. Б. Зотова, Н. И. Очеретина [7; 16];

– принципы оценки качества образовательных услуг (Е. В. Харьковская) [23], экспертизы и оценки качества образовательных программ в ходе государственного контроля (В. Е. Ковлякова) [9], анализа конкурентоспособности образовательной программы (И. В. Мальченкова) [11], внешнего аудита качества деятельности профессиональной образовательной организации (Е. И. Педынина) [18];

– основы профессионального роста персонала, социализации преподавателей и социального партнерства – М. А. Батанова, А. В. Борилов, И. А. Подорога, Н. В. Тюкалова, К. А. Чугаев [2; 3; 14; 19; 30].

При всем сказанном, научно-практические вопросы организации дополнительного совместного творческого проектирования обучающихся и педагогических работников с целью повышения качества профессионального обучения квалифицированных кадров в организации СПО остаются нераскрытыми. Хотя следует отметить, что реализации метода проектов в среднем профессиональном образовании посвящен ряд диссертационных исследований, связанных с развитием творческой активности (О. Л. Раковская) [21], гуманитарной подготовкой студентов (К. Л. Свечников) [22], управлением разработкой и реализацией международных телекоммуникационных проектов студентов (Н. А. Швеи) [31] и др.

Наш опыт дополнительной совместной творческой проектной деятельности учащихся и педагогических работников техникума, нацеленной на качество профессионального образования, подтверждает результативность научно организованного взаимодействия, как на этапе проектирования, так и на этапе представления проектов на творческих конкурсах регионального, всероссийского

и международного уровней. В течение последних 5-ти лет наши воспитанники под руководством преподавателей и мастеров производственного обучения становились победителями в 35-ти конкурсах в Москве, Красноярске, Кирове, Кургане, Чебоксарах и др. Лучшие из них – Иван К. и Екатерина Ч. – удостоены высших наград – серебряных знаков отличия – в конкурсах «Меня оценят в XXI веке» и «Национальное Достояние России», проводимых национальной системой «Интеграция».

В проекте Ивана, представленном в октябре 2015 года, предложена обновленная технология озвучивания аниме. Автором выделены 6 основных этапов в схеме процесса перевода и озвучивания японской анимации. Подробно представлена последовательность создания аниме на русском языке. Указаны особенности и предложены технические параметры для специальных программ, используемых при озвучивании видеоматериалов – Yamb/MKV Extract, Shteinberg Wavelab, Sony Sound Forge, Sony Vegas, Yamb/MKV Merge. За пять лет увлеченной работы Иван озвучил 3 фильма и более 20 аниме-сериалов. Наиболее известные среди них «Accel World», «Tokyo Ghoul» (1–2 сезоны), «Boku wa Tomodachi ga Sukunai», «Amagami SS» (2 сезон), «Kakumeiki Valvrave» и др. Все сериалы размещены на видеохостинге по адресу www.muvi.ru и находятся в открытом доступе. Количество пользовательских обращений превысило 1 млн. 200 тыс. просмотров.

Екатерина в марте 2017 года предложила проект по исследованию и техническому моделированию в плоской системе сходящихся сил. В работе сформулирована и доказана теорема о неколлинеарности векторов плоской системы трех сходящихся сил. Установлены геометрические условия оптимального направления реактивных сил, основанные на балансе устойчивости и рациональном выборе материала, формы и размеров сечения связей. В программной среде PascalABC.NET создано приложение для вычисления значений и графического представления векторов уравновешенной плоской системы трех сходящихся сил. Важная особенность программы-приложения заключается в масштабировании изображения, что позволяет рационально использовать рабочее окно на мониторе компьютера. Сконструировано бытовое приспособление для раскалывания кедровых орехов, позволяющее многократно усилить прикладываемую к рукояткам силу.

Следует отметить, что не все обучающиеся могут продуктивно самостоятельно заниматься

творческим проектированием. Но определенной части учащихся приобщение к поиску, творчеству и предметной научно-исследовательской деятельности необходимо. В этой связи возникают определенные проблемы. Первая из них связана с критериями отбора. Успеваемость, ответственность, умения заявить о себе – важные показатели, обращающие внимание педагогов. Но еще нужны целеустремленность, пылливость, критичность мышления, работоспособность и другие качества, которые, в значительной степени, приходится формировать и развивать в ходе совместной деятельности над проектом.

Приступить к проекту помогают естественное желание молодых людей выразить себя, ожидание позитивных результатов, их оценка специалистами. Стимулом может быть пример товарища, отмеченного наградой и повышенной стипендией. Очень важен и личный интерес обучающегося к проблеме исследования. К сожалению, имеют место случаи, когда проект не развивается дальше обсуждения общих планов. Первые трудности могут оказаться и последними. По нашему мнению, не следует настаивать, если текущие задания не выполняются несколько раз без серьезных причин. Если работа не складывается, то силой творческого результата не достичь. Несколько иначе обстоит организация деятельности в групповых и командных мероприятиях, когда слабые стороны одного участника удается компенсировать сильными сторонами другого конкурсанта. К тому же поддержка в команде укрепляет силу и дух. Неслучайно коллективные формы часто оказываются более эффективными, чем индивидуальные.

Следующая проблема – это определение востребованности ожидаемых результатов и практической значимости. Решение ее составляет стратегию проекта, поэтому она остается за педагогом. Успешность проекта во многом определяется на данном этапе. В дальнейшем не раз предстоит возвращаться, что-либо уточнять, изменять, дополнять, но принципиальные положения должны быть намечены в начальный период. Именно из стратегии вытекает структура проекта и устанавливается совокупность методов исследования.

Взаимосвязь содержания и методов должна основываться на доказательности и убедительности, чтобы не ставить под сомнение достоверность результатов. По этой причине проблема оптимальности методов – очередная задача педагога в реализации проекта. В своих работах с учащимися мы опираемся на дедуктивный подход, методы

направленного поиска решений, эвристические методы, логические приемы [10; 25; 27 и др.]. Среди них функциональный, стоимостной и морфологический анализы, метод контрольных вопросов и другие.

Основной этап воплощения проекта ничем не отличается от общего подхода к любому проектированию и хорошо известен. Необходима систематическая работа по достижению намеченной цели и вытекающих из нее задач с помощью выбранных методов и приемов над материалом по теме совместного проекта, поэтому педагогу необходимо поддерживать и стимулировать мотивацию проектной деятельности. Для этого нами используются элементы интенсивного и проблемного обучения, приемы активизации мышления и познавательной деятельности, вопросно-ответные процедуры, аналогия, поисковые задания, работы в звеньях и группах, соревнование, дискуссия, поощрение [24; 25; 27 и др.].

На завершающем этапе соотносятся запланированные и полученные результаты. Определяются показатели эффективности и практическая значимость работы. Подводятся итоги. Подтверждается полностью или частично либо опровергается гипотеза. Формулируются выводы и намечаются дальнейшие планы проекта. Все это представляет исключительную ценность в развитии компетентности учащихся и повышении качества профессионального обучения. А значит, и осуществляемые действия завершающего этапа должны при активном участии обучающихся.

В ходе нашей опытно-экспериментальной работы осуществляется оценка качества профессионального образования с помощью разработанной нами и опубликованной в научных изданиях аналитической модели [26; 32]. По 16-ти исходным данным (долевые показатели времени, индивидуальные коэффициенты по основным видам учебной деятельности, индивидуальные коэффициенты посещения дополнительных занятий, курсов и мероприятий и др.) определяются 6 промежуточных параметра (совокупный индивидуальный показатель эффективности, средний балл и др.) и рассчитываются 2 результативных показателя (интегрированный индивидуальный показатель качества обучения и индивидуальный рейтинг учащегося). С помощью результативных показателей по итогам полугодия и учебного года устанавливается качество обучения квалифицированных рабочих, служащих и специалистов, а также оптимальность формирования общих и профессиональных компетенций, как для отдельных

учащихся, так для в учебных группах и образовательной организации в целом.

Ценную информацию для стратегического планирования педагогического процесса, дополнительного совместного творческого проектирования и корректирования методики профессионального обучения представляет результаты диагностики умений и качеств рассуждать и аргументировать [29]. На основе предложенной нами методики с использованием дихотомической шкалы по 14-ти процессуальным критериям, среди которых выделены внутренние и внешние показатели, и 6-ти результативным критериям удается выявлять динамику профессионально-личностного становления.

Кроме того, специально для определения эффективности участия обучающихся в совместном создании творческих проектов, стимулирования и конкуренции между ними, разработаны аналитические показатели организации групповой и самостоятельной учебно-производственной деятельности учащихся: коэффициент эффективного использования времени; коэффициент учета индивидуального вклада в общий результат; коэффициент равномерности выполнения работ; коэффициент использования возможностей совмещения работ; коэффициент оптимального использования информационно-коммуникационных ресурсов [28]. С их помощью стимулируется и достигается индивидуальный рост учащихся, а также рациональность планирования, своевременность внесения корректив, аргументация принимаемых решений, взаимовыручка и взаимопомощь внутри группы, принципиальность в сочетании с нормами делового общения, коллективная ответственность за общий результат, лидерство внутри звена и эффективность самоуправления.

Заключение. Данные экспериментальной работы показывают, что у обучающихся, участвующих в дополнительном совместном с педагогами творческом проектировании, значения индивидуальных показателей качества обучения достигают значений 4,4...4,9 балла, а индивидуальные рейтинги – 78...92 %. Это превышает аналогичные показатели у остальных обучающихся на 0,7...1,3 балла и 14...44 %. Существенно отличается и динамика развития умений и качеств логично и компетентно рассуждать и аргументировать. Так, среднее значение данного показателя за семестр в группах составляет: а) по процессуальным критериям 21... 29 %; б) по результативным критериям – 13...22 %. А для учащихся, занимающихся дополнительными проектами,

данные значения соответственно 26...41 % и 19...26 %.

За период с 2012/13 учебного года по настоящее время 47 обучающихся техникума (из 200 на очном отделении) индивидуально и коллективно становились победителями, лауреатами и призерами региональных, межрегиональных, всероссийских и международных творческих конкурсов профессиональной направленности. Учащимися опубликовано 8 печатных работ в студенческих и научных сборниках, среди которых издания, входящие в наукометрическую базу РИНЦ.

К важным результатам совместного творчества необходимо отнести создание проектов по информатизации педагогического процесса. Разработанные программные продукты используются на учебных и воспитательных занятиях. Электронные ресурсы преподавателей по технической механике, истории информатики, технологии отделочных работ, правилам дорожного движения в 2016 и 2017 годах прошли государственную регистрацию в Реестре программ для ЭВМ. Авторы получили свидетельства Федеральной службы по интеллектуальной собственности.

Таким образом, дополнительное совместное творческое проектирование обучающихся и педагогов в учреждении СПО успешно дополняет учебно-производственный процесс подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов и способствует повышению качества профессионального образования. На разных этапах проектирования роль и функции руководителя творческого проекта подчиняются главной цели – профессиональному и личностному становлению воспитанников.

Литература

1. Базавова Т. В. Мониторинг качества профессионального образования в техникуме на основе компетентного подхода // Научные исследования в образовании. 2007. № 4. С. 20–26.
2. Боролюк А. В. Социальное партнерство: опыт, перспективы // Развитие общественно-государственных форм управления образованием в условиях демократизации: материалы областного совещания работников образования и науки / МО ОО ГОУ ДПО ИРОО. Омск, 2006. С. 39–40.
3. Бусыгина А. Л., Батанова М. А. Организация и развитие социализации преподавателей средних профессиональных образовательных заведений как фактора повышения качества образования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2008. Т. 10. № 6-1. С. 27–30.
4. Голубева А. И. Управление качеством образовательного процесса в ССУЗе // Менеджмент качества в системе образования: Всероссийская науч.-практ. конф., Волгоград, 14 декабря 2007 г. Волгоград: ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. С. 23–25.
5. Давыдова А. И. Студенческое самоуправление, его значимость в процессе повышения качества формирования личности профессионала // Математика в образовании: сб. статей. Вып. 4 / под ред. И. С. Емельяновой. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2008. С. 215–221.
6. Забнев А. М. Формирование информационного потенциала дистанционного обучения в учебном заведении НПО // Омский научный вестник. 2006. № 4. С. 119–121.
7. Зотова М. Б., Матушанский Г. У. Система обеспечения качества заочной формы обучения в учреждениях среднего профессионального образования // Образование и саморазвитие. 2010. № 3 (19). С. 33–38.
8. Калиновская Т. С. Педагогические условия эффективного функционирования компетентностно ориентированной технологии обучения в системе среднего профессионального образования // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10493>
9. Ковлякова В. Е. Оценка качества среднего профессионального образования в рамках государственного контроля в сфере образования: проблемный аспект // Гарантии качества профессионального образования: сб. методических материалов, статей и тезисов участников форума / под ред.: М. Ф. Королева, Н. В. Романькова. Т. 2. М.: РАГС, 2010. С. 192–198.
10. Крылов Д. А., Чибиков А. С. Развитие аргументативных качеств обучающихся методами СПР при освоении профессиональных модулей // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6; URL: www.science-education.ru/130-23911
11. Мальченкова И. В. Анализ конкурентоспособности образовательной программы учреждения СПО как фактор повышения качества подготовки специалистов // Среднее профессиональное образование. 2007. № 3. С. 2–4.
12. Минеева Т. А. Управление качеством профессионального образования в парадигме интегрированного комплекса «техникум – вуз – производство» // Среднее профессиональное образование. 2006. № 9. С. 7–9.
13. Михазлис В. В. Создание информационно-образовательной среды начального профессионального образования как педагогическая проблема // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Уде: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. Вып. 1. С. 33–34.
14. Новикова О. Н., Тюкалова Н. В. Социальное партнерство как ключевой фактор достижения современного качества начального профессионального образования // Вестник развития науки и образования. 2007. № 6. С. 108–112.
15. Орлов С. А. Использование международного стандарта ИСО в профессиональном образовании // Профессиональное образование. Столица. 2008. № 1. С. 7.
16. Очеретина Н. И. Мониторинг качества образовательного процесса в многоуровневом учебном заведении // Среднее профессиональное образование. 2009. № 11. С. 24–27.
17. Панькова Л. С. Профессиональное обучение посредством внутренней межпредметной интеграции // Среднее профессиональное образование. 2010. № 4. С. 8–13.
18. Педынина Е. И. Модель внешнего аудита как средство улучшения деятельности профессиональной образовательной организации // Среднее профессиональное образование. 2014. № 2. С. 19–23.
19. Подорога И. А. Модель профессионального роста персонала в контексте качества образования // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. Ростов-на-Дону. 2010. № 2 (12). С. 20–26.

20. Пронько С. В. К вопросу о разработке некоторых видов дидактических средств // Среднее профессиональное образование. 2007. № 1. С. 26–27.

21. Раковская О. Л. Модель развития творческой активности студентов колледжа // Среднее профессиональное образование. 2008. № 7. С. 24–25.

22. Свечников К. Л. Образовательная среда ССУЗ как инновационное условие реализации метода проектов в гуманитарной подготовке студентов // Казанский педагогический журнал. 2008. № 11. С. 72–77.

23. Харькова Е. В. Модель потребительской оценки качества образовательных услуг // Среднее профессиональное образование. 2010. № 6. С. 5–7.

24. Чибиков А. С. Аналогия как метод профессионального обучения // Общество, современная наука и образование: проблемы и перспективы: сб. науч. трудов по материалам Международной научно-практич. конф. 30 ноября 2012 года: в 10 ч. Ч. 10; М-во обр. и науки РФ. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес – Наука – Общество», 2012. С. 161–162.

25. Чибиков А. С. Исследование развития познавательной активности учащихся в условиях среднего профессионального образования // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 395–408.

26. Чибиков А. С. К оценке качества профессионального обучения: методический аспект // Профессиональное образование. Столица. 2016. № 3. С. 41–44.

27. Чибиков А. С. Поисковые задания по устройству автомобиля // Школа и производство. 2003. № 8. С. 65–71.

28. Чибиков А. С. Формирование опыта коллективной самоорганизации профессиональной деятельности в практической подготовке квалифицированных рабочих // Научное мнение. 2016. № 12. С. 130–133.

29. Чибиков А. С., Крылов Д. А. Диагностика умений и качеств рассуждать и аргументировать в профессиональной подготовке квалифицированных рабочих // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 2 (22). С. 43–49.

30. Чугаев К. А. Модель системы эффективного социального партнерства профессионального лица // Среднее профессиональное образование. 2009. № 1. С. 79–82.

31. Швец Н. А. Управление подготовкой студентов к разработке и реализации международных телекоммуникационных проектов в сфере туризма // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 3. С. 129–131.

32. Masalimova A. R., Chibikov A. S. (2016). Experimental Analytical Model of Conditions and Quality Control of Vocational Training of Workers and Specialists. IEJME-Mathematics Education, 11(6), 1796–1808.

References

1. Bazavova T. V. Monitoring kachestva professional'nogo obrazovaniya v tekhnike na osnove kompetentnostnogo podhoda [Monitoring of the quality of vocational education in a technical school on the basis of a competence approach]. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii* = Scientific Research in Education, 2007, no. 4, pp. 20–26. (In Russ).

2. Borilov A. V. Social'noe partnerstvo: opyt, perspektivy [Social partnership: experience, perspectives]. *Razvitie obshchestvenno-gosudarstvennykh form upravleniya obrazovaniem v usloviyakh demokratizatsii: materialy oblastnogo soveshchaniya rabotnikov obrazovaniya i nauki* = Development of public-

government forms of education management in conditions of democratization: materials of the regional meeting of educators and sciences, MO OO GOU DPO IROOO, Omsk, 2006, pp. 39–40. (In Russ).

3. Busygina A. L., Batanova M. A. Organizatsiya i razvitie socializatsii prepodavatelej srednih professional'nykh obrazovatel'nykh zavedenij kak faktora povysheniya kachestva obrazovaniya [Organization and development of socialization of teachers of secondary professional educational institutions as a factor of improving the quality of education]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* = News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences, 2008, vol. 10, no. 6-1, pp. 27–30. (In Russ).

4. Golubeva A. I. Upravlenie kachestvom obrazovatel'nogo processa v SSUZe [Quality management of the educational process in secondary special professional education]. *Menedzhment kachestva v sisteme obrazovaniya: Vserossijskaya nauch.-prakt. konf., Volgograd, 14 dekabrya 2007 g.* = Quality management in the education system: All-Russian scientific-practical. conf., Volgograd, December 14, 2007, Volgograd: FGOU VPO VAGS, 2008, pp. 23–25. (In Russ).

5. Davydova A. I. Studencheskoe samoupravlenie, ego znachimost' v processe povysheniya kachestva formirovaniya lichnosti professionala [Student self-government, its significance in the process of improving the quality of professional personality formation]. *Matematika v obrazovanii: sbornik statej, vypusk 4* = Mathematics in Education: sat. articles, issue. 4, ed. by I. S. Emel'yanova, Cheboksary: Izd-vo CHuvashskogo universiteta, 2008, pp. 215–221. (In Russ).

6. Zabnev A. M. Formirovanie informacionnogo potentsiala distancionnogo obucheniya v uchebnom zavedenii NPO [The formation of the information potential of distance learning in an educational institution of EPE]. *Omskij nauchnyj vestnik* = Omsk Scientific Herald, 2006, no. 4, pp. 119–121. (In Russ).

7. Zotova M. B., Matushanskij G. U. Sistema obespecheniya kachestva zaочноj formy obucheniya v uchrezhdeniyah srednego professional'nogo obrazovaniya [The system of quality assurance of the correspondence form of training in establishments of secondary vocational education]. *Obrazovanie i samorazvitie* = Education and self-development, 2010, no. 3 (19), pp. 33–38. (In Russ).

8. Kalinovskaya T. S. Pedagogicheskie usloviya ehffektivnogo funkcionirovaniya kompetentnostno orientirovannoj tekhnologii obucheniya v sisteme srednego professional'nogo obrazovaniya [Pedagogical conditions of effective functioning of competently oriented technology of education in the system of secondary vocational education]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education, 2013, no. 5; Available from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10493> (In Russ).

9. Kovlyakova V. E. Ocenka kachestva srednego professional'nogo obrazovaniya v ramkah gosudarstvennogo kontrolya v sfere obrazovaniya: problemnyj aspekt [Evaluation of the quality of secondary vocational education within the framework of state control in the sphere of education: the problem aspect]. *Garantii kachestva professional'nogo obrazovaniya / Sbornik metodicheskikh materialov, statej i tezisev uchastnikov foruma* = Guarantees of the quality of vocational education: coll. methodical materials, articles and theses of forum participants, ed. by M. F. Korableva, N. V. Roman'kova, vol. 2, Moscow: RAGS, 2010, pp. 192–198. (In Russ).

10. Krylov D. A., CHibakov A. S. Razvitie argumentativnykh kachestv obuchayushchihya metodami SPR pri osvoenii professional'nykh modulej [Development of the argumentative qualities of students learning the methods of SPR in the development of professional modules]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education, 2015, no. 6; Available from: www.science-education.ru/130-23911 (In Russ).
11. Mal'chenkova I. V. Analiz konkurentosposobnosti obrazovatel'noj programmy uchrezhdeniya SPO kak faktor povysheniya kachestva podgotovki specialistov [Analysis of competitiveness of the educational program of the institution of SPE as a factor to improve the quality of training specialists]. *Srednee professional'noe obrazovanie* = Secondary vocational education, 2007, no. 3, pp. 2–4. (In Russ).
12. Mineeva T. A. Upravlenie kachestvom professional'nogo obrazovaniya v paradigme integrirovannogo kompleksa «tekhnikum – vuz – proizvodstvo» [Management of the quality of vocational education in the paradigm of the integrated complex “technical school – university – production”]. *Srednee professional'noe obrazovanie* = , 2006, no. 9, pp. 7–9. (In Russ).
13. Mihaehlis V. V. Sozdanie informacionno-obrazovatel'noj sredy nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya kak pedagogicheskaya problema [The creation of the information and educational environment of primary vocational education as a pedagogical problem], *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* = Herald of the Buryat State University, Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2008, vyp. 1, pp. 33–34. (In Russ).
14. Novikova O. N., Tyukalova N. V. Social'noe partnerstvo kak klyuchевой faktor dostizheniya sovremennogo kachestva nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya [Social partnership as a key factor for achieving the modern quality of primary vocational education]. *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya* = Herald of the development of science and education, 2007, no. 6, pp. 108–112. (In Russ).
15. Orlov S. A. Ispolzovanie mezhdunarodnogo standarta ISO v professional'nom obrazovanii [The use of the international standard ISO in vocational education]. *Professional'noe obrazovanie. Stolica* = Vocational education, 2008, no. 1, p. 7. (In Russ).
16. Ocheretina N. I. Monitoring kachestva obrazovatel'nogo processa v mnogourovnevnom uchebnom zavedenii [Monitoring the quality of the educational process in a multi-level educational institution]. *Srednee professional'noe obrazovanie* = Secondary vocational education, 2009, no. 11, pp. 24–27. (In Russ).
17. Pan'kova L. S. Professional'noe obuchenie posredstvom vnutrennej mezhpredmetnoj integracii [Vocational training through internal intersubject integration]. *Srednee professional'noe obrazovanie* = Secondary vocational education, 2010, no. 4, pp. 8–13. (In Russ).
18. Pedykina E. I. Model' vneshnego audita kak sredstvo uluchsheniya deyatel'nosti professional'noj obrazovatel'noj organizacii [Model of external audit as a means of improving the activity of a professional educational organization]. *Srednee professional'noe obrazovanie* = Secondary vocational education, 2014, no. 2, pp. 19–23. (In Russ).
19. Podoroga I. A. Model' professional'nogo rosta personala v kontekste kachestva obrazovaniya [Model of the professional growth of personnel in the context of the quality of education]. *Obrazovanie. Nauk. Innovacii: Yuzhnoe izmerenie* = Education. Science. Innovations: The Southern Dimension, Rostov-na-Don, 2010, no. 2 (12), pp. 20–26. (In Russ).
20. Pron'ko S. V. K voprosu o razrabotke nekotorykh vidov didakticheskikh sredstv [On the development of some types of didactic means]. *Srednee professional'noe obrazovanie* = Secondary vocational education, 2007, no. 1, pp. 26–27. (In Russ).
21. Rakovskaya O. L. Model' razvitiya tvorcheskoy aktivnosti studentov kolledzha [Model of the development of creative activity of college students]. *Srednee professional'noe obrazovanie* = Secondary vocational education, 2008, no. 7, pp. 24–25. (In Russ).
22. Svechnikov K. L. Obrazovatel'naya sreda SSUZ kak innovacionnoe uslovie realizacii metoda proektov v gumanitarnej podgotovke studentov [Educational environment of the secondary special professional education as an innovative condition for the implementation of the method of projects in the humanitarian preparation of students]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* = Kazan Pedagogical Journal, 2008, no. 11, pp. 72–77. (In Russ).
23. Har'kova E. V. Model' potrebitel'skoj ocenki kachestva obrazovatel'nykh uslug [Model of consumer evaluation of the quality of educational services]. *Srednee professional'noe obrazovanie* = Secondary vocational education, 2010, no. 6, pp. 5–7. (In Russ).
24. CHibakov A. S. Analogiya kak metod professional'nogo obucheniya [Analogy as a method of professional training]. *Obshchestvo, sovremennaya nauka i obrazovanie: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 30 noyabrya 2012 goda: v 10 chastyakh. CHast' 10* = Society, modern science and education: problems and prospects: a collection of scientific papers on the materials of the International Scientific and Practical Conference November 30, 2012: in 10 parts. Part 10, M-vo obr. i nauki RF. Tambov: Izd-vo TROO «Biznes – Nauka – Obshchestvo», 2012, pp. 161–162. (In Russ).
25. CHibakov A. S. Issledovanie razvitiya poznavatel'noj aktivnosti uchashchihsya v usloviyakh srednego professional'nogo obrazovaniya [Investigation of the development of cognitive activity of students in conditions of secondary vocational education]. *Nauchnyj dialog* = Scientific Dialogue, 2016, no. 4 (52), pp. 395–408. (In Russ).
26. CHibakov A. S. K ocenke kachestva professional'nogo obucheniya: metodicheskij aspekt [To the evaluation of the quality of vocational training: the methodological aspect]. *Professional'noe obrazovanie. Stolica* = Vocational education. Capital, 2016, no. 3, pp. 41–44. (In Russ).
27. CHibakov A. S. Poiskovyе zadaniya po ustrojstvu avtomobilya [Search tasks on the device of the car]. *SHkola i proizvodstvo* = School and production, 2003, no. 8, pp. 65–71. (In Russ).
28. CHibakov A. S. Formirovanie opyta kollektivnoj samoorganizacii professional'noj deyatel'nosti v prakticheskoy podgotovke kvalificirovannykh rabochih [Formation of the experience of collective self-organization of professional activity in the practical training of skilled workers]. *Nauchnoe mnenie* = Scientific opinion, 2016, no. 12, pp. 130–133. (In Russ).
29. CHibakov A. S., Krylov D. A. Diagnostika umenij i kachestv rassuzhdat' i argumentirovat' v professional'noj podgotovke kvalificirovannykh rabochih [Diagnostics of skills and qualities to reason and argue in the professional training of skilled workers]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2016, no. 2 (22), pp. 43–49. (In Russ).
30. CHugaev K. A. Model' sistemy ehffektivnogo social'nogo partnerstva professional'nogo liceya [Model of the system of effective social partnership of the professional lyceum]. *Srednee professional'noe obrazovanie* = Secondary vocational education, 2009, no. 1, pp. 79–82. (In Russ).
31. SHvec N. A. Upravlenie podgotovkoj studentov k razrabotke i realizacii mezhdunarodnykh telekommunikacionnykh

proektov v sfere turizma [Management of the preparation of students for the development and implementation of international telecommunications projects in the sphere of tourism]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = The world of science, culture, education, 2010, no. 3, pp. 129–131. (In Russ).

32. Masalimova A. R., Chibakov A. S. (2016). Experimental Analytical Model of Conditions and Quality Control of Vocational Training of Workers and Specialists. *IEJME-Mathematics Education*, 11(6), 1796–1808.

Статья поступила в редакцию 14.07.2017 г.

Submitted 14.07.2017.

Для цитирования: Чибakov А. С., Крылов Д. А. Дополнительное совместное творческое проектирование обучающихся и педагогов как фактор повышения качества профессионального обучения в техникуме // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 43–51.

Citation for an article: Chibakov A. S., Krylov D. A. Additional co-creative designing students and teachers as a factor in improving the quality of professional training at the college. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 43–51.

Чибakov Анатолий Сергеевич, кандидат педагогических наук, заместитель директора по учебной работе, Яранский технологический техникум, г. Яранск, chas375@yandex.ru

Крылов Дмитрий Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, krilda@mail.ru

Anatoly S. Chibakov, Ph. D. (Pedagogy), deputy director on educational work, Yaransk technological College, Jaransk, chas375@yandex.ru

Dmitrii A. Krylov, Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, krilda@mail.ru

УДК 37.036

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ДЕТСКОГО ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ

О. В. Янковская, Н. Б. Ламанская

ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия

В последние годы заметно возросло внимание к проблемам теории и практики эстетического воспитания как важнейшему средству формирования всесторонне развитой, духовно богатой личности. Эстетическое воспитание не только позволяет человеку «открыться» навстречу краскам, звукам и формам окружающего мира, но и содействует более глубокому его пониманию, а, следовательно, способствует более всестороннему раскрытию себя, что, в свою очередь, приводит к развитию творческого мышления, расширяя возможности индивида в поиске новых путей и решений в любой сфере деятельности. Следует упомянуть о том, что проблема эстетического воспитания достаточно полно разработана в трудах отечественных и зарубежных педагогов и психологов. Среди них Д. Н. Джола, Д. Б. Кабалевский, Б. Т. Лихачев, В. Н. Шацкая и многие другие. Результативность эстетического воспитания средствами хореографии определяется синкретичным характером хореографического искусства, объединяющего в себе музыку, пластику, изобразительное и театральное искусство, ритмику. К сожалению, эстетический потенциал хореографического искусства в работе с дошкольниками практически не изучен, что и обусловило **актуальность нашего исследования**. **Предметом исследования** являются занятия в любительском хореографическом коллективе как средство эстетического воспитания детей дошкольного возраста, а его **целью** – выявление роли детского любительского хореографического творчества в эстетическом воспитании детей дошкольного возраста. Исследование подчинено проверке **гипотезы** о том, что эффективность эстетического воспитания дошкольников в процессе занятий в любительских хореографических коллективах возможно существенно повысить, если: 1) отбирать произведения, учитывающие психологические особенности детей, и обладающие высоким художественным уровнем; 2) обеспечить включение каждого ребенка в творческую деятельность; 3) руководителем осуществляется целенаправленная деятельность по развитию эстетических качеств ребенка на основе игры. В исследовании использовались следующие **методы**: теоретический анализ литературных источников по исследуемой проблеме; наблюдение; систематизация педагогического опыта руководителей любительских хореографических коллективов; анкетирование.

Ключевые слова: эстетика, эстетическое воспитание, хореографический коллектив, танцевальное искусство, дошкольник, игра.

TO THE QUESTION ABOUT THE POSSIBILITIES OF CHILDREN'S AMATEUR CHOREOGRAPHIC ART IN THE AESTHETIC EDUCATION OF PRESCHOOLERS

O. V. Yankovskaya, N. B. Lamanskaya

KSU them. N. F. Katanov, Abakan, Republic of Khakassia

In recent years, attention to the problems of the theory and practice of aesthetic education as an important means of formation of comprehensively developed, spiritually rich personality is markedly increased. Aesthetic education not only allows a person to “open up” towards the colors, sounds and forms of the surrounding world, but also contributes to a deeper understanding and, consequently, contributes to a more comprehensive disclosure of himself, which in turn leads to the development of creative thinking, empowering the individual to find new ways and solutions in any field of activity. It should be mentioned that the problem of aesthetic education is rather fully developed in the works of Russian and foreign pedagogues and psychologists. Among them D. N. Jola, D. B. Kabalevsky, B. T. Likhachev, V. N. Shatskaya, and many others are. The performance of aesthetic education by means of choreography is determined by the syncretic nature of choreographic art, combining music, plastic, visual and theatrical arts, and rhythm. Unfortunately, the aesthetic potential of choreographic art in the work with preschool children is practically not studied, and that led to **the relevance** of our research. **The subject of study** are classes in Amateur choreographic collective as a means of aesthetic education of children of preschool age, and its **purpose** is to identify the role of children's Amateur choreographic art in the aesthetic education of children of preschool age.

Research subject to test **the hypothesis** that the effectiveness of aesthetic education of preschool children in the course of employment in Amateur choreographic collectives can be significantly increased if: 1) to select the works, taking into account psychological peculiarities of children, and possessing high artistic level; 2) ensure the inclusion of each child in creative activities; 3) the manager carries out purposeful activity on development of aesthetic qualities of the child on the basis of the game. The following **methods** were used in the study: theoretical analysis of literature sources on the problem under study; observation; systematization of pedagogical experience of the leaders of amateur choreographic collectives; questioning.

Keywords: aesthetics, aesthetic education, dance team, dance art, preschooler, play.

Проблемы теории и практики эстетического воспитания на сегодняшний день занимают одно из лидирующих мест среди проблем обучения и воспитания детей и юношества, поскольку именно эстетическое воспитание признано важнейшим средством формирования всесторонне развитой, духовно богатой личности.

Эффективность эстетического воспитания средствами хореографии обуславливается синкретичным характером самого хореографического искусства, сочетающего в себе пластику, музыку, театральное и изобразительное искусство, ритмику. Занятия хореографией «воспитывают и развивают не только художественные навыки исполнения танцев разных жанров, но и выработку у ребенка привычки и нормы поведения в соответствии с постигаемыми законами красоты» [2, с. 16].

Поскольку теоретические вопросы, касающиеся различных аспектов эстетического воспитания, его задач, определяющих его факторов и т. д., довольно тщательно разработаны, мы позволим себе лишь их краткую констатацию.

Итак, «эстетическое воспитание – понятие широкое, включающее комплекс задач (развитие эстетического восприятия, представления; развитие эстетического суждения; формирование эстетической оценки, эстетического отношения; формирование понятий («красивое», «прекрасное» и т. п.) и отношений к ним и т. д.), формирование художественно-эстетического вкуса. Под эстетическим воспитанием в процессе занятий хореографией понимается наиболее специфическое для хореографической деятельности развитие эстетического восприятия и представления в передаче движений, умение оценить музыкальный материал и передать художественный образ в танце с помощью мимики, пантомимики; умение грамотно, точно и аккуратно исполнять хореографические комбинации; умение импровизировать под знакомую или вновь слышанную музыку, желание сочинять танцевальные композиции и подбирать художественно-сценическое оформление к ним (костюм для исполнения, реквизит, световые эф-

фекты и т. д.), этическое отношение к партнерам в танце и к зрителю» [8].

Далее следует кратко упомянуть о значимости дошкольного периода в формировании ребенка, т. к. именно в этот период происходит энергичное развитие и совершенствование всех основных органов и систем организма. Важность же знания возрастных особенностей детей дошкольного возраста для руководителя любительского хореографического коллектива невозможно переоценить, поскольку именно оно помогает грамотно реализовывать свои задачи по воспитанию и развитию детей.

Остановимся на таком важном для нашего исследования вопросе, как особенности эстетического воспитания детей дошкольного возраста. Здесь необходимо отметить, что младшему дошкольнику становятся понятны элементы художественной формы произведений (ритм, рифма, цвет и др.), он проявляет радость, узнавая знакомые предметы в произведениях искусства. Дети выдают очень разнообразные реакции на произведения искусства, впервые начинают их оценивать, хотя и очень специфично – как правило, не произведение целиком, а его отдельные (чем-то привлёкшие внимание ребенка) части, причем оценка проста и лаконична. Они проявляют активный интерес к различным видам художественной деятельности, успешно овладевая простейшими навыками, необходимыми, чтобы добиться образности в изображаемом и проявить творческую активность, как правило, используя для этого элементарное подражание взрослым.

Эстетическое восприятие дошкольников среднего возраста по-прежнему характеризуется отрывочностью, тесной связью с интересами и жизненным опытом ребенка, хотя огромным плюсом можно считать повышение его точности и дифференцированности. Отчетливо заметным в этом возрасте становится стремление к творчеству, а развитие характера делает возможным сознательную постановку и решение задач в творческой деятельности.

Старшие дошкольники уже обладают достаточно развитыми эстетическими качествами, чтобы, не отвлекаясь, воспринимать достаточно крупные музыкальные и литературные произведения, сосредоточенно рассматривать произведения изобразительного искусства, также достаточно развиты у них нравственные качества, позволяющие обдумывать и оценивать поступки героев, страдать им и, осуждая зло, сопереживать добру. У детей старшего дошкольного возраста уже есть стабильные предпочтения в области жанров во всех видах искусства, причем, поскольку данный возраст сенситивен для сочинительства, они сами пытаются творить в любимых жанрах, сочиняя сказки, стихи, танцы и т. д.

Специфические черты эстетической жизни старшего дошкольника: 1) универсализм – ребенку интересна эстетика в любом ее проявлении (изобразительное искусство, музыка, танец, театр и многое другое); 2) непереносимое стремление к творчеству (ребенок никогда не ограничивается только восприятием эстетических объектов).

Именно творческий характер эстетической жизни старшего дошкольника, а также интенсивное развитие в этом возрасте творческих способностей основные требования к руководителю любого коллектива, связанного с искусством – непринужденность, инициативность, творческое воображение, радость.

Итак, на протяжении дошкольного детства, эстетическое воспитание проходит ряд важнейших этапов, подвергаясь колоссальному развитию, трансформируясь из простого подражания в творческую деятельность. Следует отметить огромное значение игровой деятельности, ведь игра для дошкольника – не только ведущий вид деятельности, но и достаточно плодотворный способ получения начальных эстетических впечатлений.

В качестве базы исследования мы выбрали два коллектива: танцевальный коллектив «Звездочка» при МБДОУ «Детский сад «Машенька» г. Абакана и хореографический коллектив «Планета Детства» при хореографическом отделении ДШИ «Вдохновение» в поселке Пригорск. Коллективами руководят молодые специалисты – Ошейко Ольга Витальевна и Кретьева Екатерина Александровна соответственно. В каждом из коллективов были выбраны группы примерно одного возраста (старшего дошкольного) и равные количественно (по 10 человек), при этом группа коллектива «Звездочка» была экспериментальной (ЭГ), а группа коллектива «Планета Детства» – контрольной (КГ).

Следуя логике нашего исследования, в дальнейшей работе с любительским хореографическим коллективом упор в репертуарной политике был сделан на народные танцы, являющиеся неопределенным средством эстетического воспитания. Исполнялись русские народные танцы под аккомпанемент народной музыки либо авторской музыки, написанной на основе фольклорного материала. Безусловно, музыкальное сопровождение должно быть качественным, поскольку «хорошая музыка развивает музыкальный вкус, развивает понимание красоты музыкального произведения» [5].

При подборе инструментальных пьес для музыкального сопровождения мы руководствуемся психологическими особенностями детей дошкольного возраста, исключая, по возможности, медленные, грустные и длинные произведения, так как дошкольники быстро утомляются при прослушивании подобной музыки.

Инструментальная музыка русского народа состоит преимущественно из произведений малых жанров (марш, плясовая, колыбельная и т. д.), понятных даже малышам. Художественные образы, раскрываемые в такой музыке, обычно не отличаются сложностью, к тому же немногочисленны (один-два музыкальных образа в произведении), что делает ее доступной для детского восприятия, доходчивой и простой. Однако, это не означает, что инструментальная музыка примитивна – доходчивость, простота и доступность в ней сочетаются с глубиной идейного и художественного содержания. Рекомендуем следующие музыкальные произведения: В. Андреев «Как под яблонькой», В. Биберган «Веселый наигрыш», В. Городовская «У зори-то, у зореньки», Е. Дербенко «Орловский сувенир» и мн. др.

Конечно, используются нами в танцевальных постановках в качестве музыкального сопровождения и песни. Помимо высокого художественного уровня стихотворений, огромное внимание необходимо уделять их тематике. Это должны быть песни о детях, о Родине, о природе, русские народные песни и народные песни других стран. Бесспорно, репертуар обязан отвечать возрастным особенностям дошкольников, танцевальные постановки должны иметь доступную для детей интерпретацию, не копируя хореографию взрослых коллективов. Безусловным лидером репертуара, по нашему мнению, являются песни из советских мультфильмов, а также русские народные песни.

Прежде чем заняться собственно танцевальной постановкой, изучением движений, мы добиваемся, чтобы каждый ребенок «пережил» красоту

слова, понял музыкальное произведение, под которые она будет исполняться. Любая постановка начинается с предварительной беседы, благодаря которой у дошкольников создается представление о событии, переживании, впечатлении, передаваемых средствами музыки или стихами.

Таким образом, достойное качество литературного, музыкального и хореографического материала, отвечающего возрастным особенностям детей, заключенный в нем идейный смысл, а также красочные, удобные сценические костюмы, вкупе со всей подготовительной работой, воспитывают в членах коллектива эстетический и художественный вкус, содействуют развитию музыкальности, способствует гармоничному развитию их личности.

В любительском коллективе руководитель является образцом идеальной личности и непререкаемым авторитетом для детей, поэтому его личностные и профессиональные качества оказывают огромное влияние на эстетическое воспитание участников коллектива. Как утверждает авторами книги «Призвание и мастерство», руководитель любительского коллектива должен овладеть умениями «одеваться со вкусом, держать себя не только на сцене, но и в повседневной жизни, на репетиции. Руководитель во всем выступает образцом. Его правильные, внешне привлекательные манеры, сдержанность могут сыграть огромную роль в формировании культуры и в поведении учеников» [4, с. 94]. Опыт руководителя, его искренняя любовь к хореографии и детям обуславливают их успешное эстетическое развитие.

Чрезвычайно важно использование в любительском коллективе творческих заданий, диапазон которых очень широк – от помощи в обучении ребят танцевальным движениям до подбора материалов к сценическим костюмам и др. Творческие задания являются очень эффективным приемом, поскольку они вызывают у членов коллектива живой интерес и положительные эмоции.

Помимо вышеизложенного, чрезвычайно важным нам кажется умение руководителя найти во время занятия подход к каждому ребенку: подсказать что-то одному, похвалить другого, подбодрить того, у которого не получается и т. д. При таком отношении преподавателя каждый ребенок рано или поздно сможет достичь поставленной цели, поскольку будет работать заинтересованно и с полной отдачей.

Важнейшим из творческих заданий мы считаем введение на каждом уроке элементов импровизации, которые очень любимы детьми, так как

позволяют немного отвлечься от урока, поиграть и сделать что-то свое, проявить инициативу. С течением времени дети учатся анализировать свою импровизацию и выступления других ребят, выявляя наиболее выразительные движения, позволяющие достичь поставленной педагогом цели.

Конечно, «настоящая» импровизация пока недоступна дошкольникам, но, «создавая атмосферу творчества на уроке, в которой процесс обучения будет не только логически понятным, но и эмоционально увлекательным, важно пробудить в ученике веру в самого себя, уважение к каждому самостоятельно найденному решению, пусть даже не всегда интересному. Ведь обучение танцевальной импровизации учит выражать свои чувства, эмоции, возникающие обычно спонтанно в различных жизненных ситуациях» [1, с. 62].

Безусловно, деятельность руководителя по эстетическому воспитанию участников любительского хореографического коллектива должна быть целенаправленной, и, учитывая психолого-педагогические особенности дошкольников, мы считаем необходимым использовать в этой деятельности игры.

Эстетическое развитие детей дошкольного возраста в процессе игры обеспечивается такими методами, как:

- 1) объяснение, непременно построенное на образном, эмоциональном и выразительном слове;
- 2) безошибочный и совершенный технически показ, характеризующийся эмоциональной выразительностью;
- 3) воодушевляющий пример действий и поступков, являющийся одновременно практическим приучением к творчеству и красоте.

Большое внимание педагог должен уделять подготовительной к игре работе: читать с детьми книги, смотреть с ними мультипликационные фильмы, картины, наблюдать за окружающей природой, беседовать и т. д.

При проведении с детьми подвижных игр руководитель должен непременно следить за атмосферой в коллективе, заранее намечая «игровые приемы, включающие некоторую сюрпризность, неожиданность, наиболее содействующие возникновению у них эмоциональной заинтересованности при восприятии содержания, нетерпеливого желания действовать» [9, с. 37]. Как правило, дошкольники испытывают радость просто от двигательной активности. Они охотно подражают повадкам птиц и животных: прыгают, летают и т. д. В основе подобного игрового процесса – творческая

активность ребенка, его первая попытка воплотить простейший художественный образ. Рекомендуем использовать различные игры: подвижные игры на природе (которая сама является важнейшим средством эстетического воспитания), игра с игрушками (знакомство с игрушечными промыслами России), особые сюжетно-ролевые игры («в концерт», «в театр» и т. д.), различные «путешествия» (по картинам, по музею, по музыке и др.) и пр.

На основе наблюдения, а также систематизируя опыт преподавания некоторых руководителей любительских хореографических коллективов, попытаемся описать самые эффективные, на наш взгляд, методы и средства эстетического воспитания дошкольников в любительском хореографическом коллективе.

Напомним, что под средствами воспитания понимаются все явления окружающего мира, которые педагог использует в процессе воспитания (искусство, природа, книга, слово и др.). Разумеется, все вышеперечисленное следует грамотно, эстетично и аккуратно оформить, поскольку средством эстетического воспитания также является и эстетика внешнего вида, о которой руководитель должен обязательно говорить с участниками коллектива. С самого раннего возраста необходимо приучать ребенка к аккуратности, чистоте и красоте одежды и помещения, потому что все его окружение призвано воспитывать эстетический вкус. Дети сами заботятся о своих сценических костюмах, цветах на окнах и о чистоте в репетиционном зале, и, по мнению исследователя Е. В. Зозули, «выделяются не только своей осанкой, но и прической, чистотой и элегантностью ношения обычной одежды» [3, с. 78].

Таким образом, одно из первых мест среди средств эстетического воспитания ребенка, закрепляющих (или разрушающих) у него представления о прекрасном, занимает эстетика внешнего вида. К средствам эстетического воспитания в хореографии относятся, безусловно, и сами танцы.

Еще одним первостепенным средством в процессе эстетического воспитания детей дошкольного возраста мы считаем художественную деятельность участников коллектива, причем не только организованную руководителем, но и самостоятельную. Важно упомянуть, что данный вид деятельности является органичным сочетанием двух взаимосвязанных факторов – репродуктивного и творческого, причем, репродуктивный не менее важен, поскольку, нельзя научиться творить, не научившись воспроизводить.

Средства и методы эстетического воспитания, применяющиеся руководителями любительских хореографических коллективов в их деятельности, чрезвычайно многообразны и классифицируются по источникам информации и видам деятельности воспитанников.

Так, при первом знакомстве с объектом или явлением эстетической действительности используется, как правило, метод показа. Руководителем определяется предмет показа и условия, при которых все внимание ребят будет сосредоточено на показываемом материале. Как правило, объектом показа в танцевальном коллективе является какое-либо новое движение, хореографический материал. Педагог-хореограф, «используя пластику своего тела, может продемонстрировать различные категории эстетики: прекрасное – безобразное, трагическое – комическое. Данные категории отображают наиболее существенные стороны эстетической деятельности человека» [7]. Здесь главное – донести до ребят все тонкости осваиваемого материала, а сам показ должен выполняться очень точно, безукоризненно, как в техническом отношении, так и в эмоциональном плане.

Эмоциональность чрезвычайно важна в применении любого метода эстетического воспитания дошкольников, поскольку «яркое и эмоциональное проявление взрослым своих чувств служит активным методом воздействия на ребенка, так как опирается на особенность детства – подражательность» [6, с. 43]. Руководитель должен заражать детей своим отношением к произведению не только при исполнении танцевальных движений, стихов и т. д., но и выражая радость по поводу хорошего поступка или огорчение из-за неудачи кого-то из воспитанников и т. д.

К сожалению, в рамках статьи мы не можем полностью описать ход проведенного исследования, остановимся лишь на опорных его точках. Исследование традиционно состояло из трех этапов, на первом – путем опроса всех участвовавших в исследовании детей были выявлены следующие результаты:

- высокий уровень эстетического развития показали 10 % участников ЭГ и 20 % участников КГ;
- средний уровень выявлен у 80 % участников обеих групп;
- низкий уровень также установлен у 10 % участников ЭГ.

По окончании формирующего этапа исследования, длившегося с сентября 2016 г. по май 2017 г., проведен повторный опрос, по результатам которого выявлен:

– средний уровень эстетического развития – 60 % участников КГ, 50 % участников ЭГ;

– высокий уровень – 30 % участников КГ и 50 % участников ЭГ;

– низкого уровня эстетического развития выявлено не было.

Таким образом, дети, занимавшиеся в ЭГ, показали более высокие результаты, что подтверждает сформулированную нами гипотезу.

В заключение приведем данные опроса руководителей любительских хореографических коллективов, в котором они называли наиболее эффективные, на их взгляд, методы эстетического воспитания. На первом месте (75,7 %) – регулярные требования к поведению со стороны руководителя, затем требования коллектива и правильная организация занятий (67,6 % и 65,8 % соответственно), на третьем месте общественно-полезный труд (59,4 %) и «соревнования с обязательным требованием соблюдения правил спортивной этики» – 58,7 % [10].

Итак, систематизируя материалы исследования, констатируем, что первостепенное значение в эстетическом воспитании детей дошкольного возраста – участников любительского хореографического коллектива – имеют исполняемый репертуар и качество музыкального произведения, используемого в качестве аккомпанемента; включение каждого ребенка в творческую деятельность; игровая деятельность, в процессе которой руководитель может решать различные вопросы воспитания, развивая у детей стремление к красоте, эстетике, желание (и умение) видеть их в искусстве и окружающем мире.

Литература

- Буренина А. И. Ритмическая мозаика. СПб.: Детство, 1997. 128 с.
- Ермолова А. Н. Хореографическое искусство как средство эстетического воспитания детей // Образование и наука в России и за рубежом. 2016. № 6. С. 16–18.
- Зозуля Е. В. Хореография как средство эстетического воспитания младших школьников // Pedagogical Journal. 2014. № 1–2. С. 73–82.
- Каргин А. С., Цагарелли Ю. А. Призвание и мастерство. М.: Советская Россия, 1986. 104 с.
- Карпенко В. Н., Карпенко И. А., Щегликова Н. Н. Формирование личности ребенка в хореографическом коллективе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2. С. 121–125. URL: <http://publikacia.net/archive/2017/3/2/39> (дата обращения: 15.07.2017).
- Мануйлов Б. Б. Развитие нравственных и эстетических ценностей личности в процессе хореографического творчества: дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 188 с.
- Сергиенко В. В. Педагогические условия эффективности осуществления эстетического воспитания средствами хореографии обучающихся в учреждениях дополнительного образования спортивного профиля // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17585> (дата обращения: 05.07.2017).
- Стукаленко Н. М., Исмагулова А. Г. Исследование возможностей хореографии в эстетическом воспитании дошкольников // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5890> (дата обращения: 05.07.2017).
- Фомин А. С. Детский танец в системе воспитания и образования. Новосибирск: НГПИ, 1989. 56 с.
- Хайкара Н. А. Эстетическое воспитание подростков на занятиях хореографией: дис. ... канд. пед. наук. Петрозаводск, 2009. 189 с.

References

- Burenina A. I. Ritmicheskaya mozaika [Rhythmic mosaic]. Saint-Petersburg: Detstvo, 1997, 128 p. (In Russ).
- Ermolova A. N. Khoreograficheskoe iskusstvo kak sredstvo esteticheskogo vospitaniya detei [Choreography as a means of aesthetic education of children]. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom* = Education and science in Russia and abroad, 2016, no. 6, pp. 16–18. (In Russ).
- Zozulya E. V. Khoreografiya kak sredstvo esteticheskogo vospitaniya mladshikh shkol'nikov [Choreography as a means of aesthetic education of younger students]. *Pedagogical Journal*, 2014, no. 1–2, pp. 73–82. (In Russ).
- Kargin A. S., Tsagarelli Yu. A. Prizvanie i masterstvo [Vocation and skill]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1986, 104 p. (In Russ).
- Karpenko V. N., Karpenko I. A., Shcheglikova N. N. Formirovanie lichnosti rebenka v khoreograficheskom kollektive [The formation of a child in the choreographic team]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = Actual problems of humanitarian and natural sciences, 2017, no. 2, pp. 121–125. Available from: <http://publikacia.net/archive/2017/3/2/39> (accessed 15.07.2017). (In Russ).
- Manuilov B. B. Razvitiye нравstvennykh i esteticheskikh tsennostey lichnosti v protsesse khoreograficheskogo tvorchestva [Development of moral and aesthetic values of personality in the process of choreographic creativity]: dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 2011, 188 p. (In Russ).
- Sergienko V. V. Pedagogicheskie usloviya effektivnosti osushchestvleniya esteticheskogo vospitaniya sredstvami khoreografii obuchayushchikhsya v uchrezhdeniyakh dopolnitel'nogo obrazovaniya sportivnogo profilya [Pedagogical conditions of the effective implementation of aesthetic education by the means of choreography of students in institutions of additional education of a sports profile]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education, 2015, no. 1. Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17585> (accessed 05.07.2017). (In Russ).
- Stukalenko N. M., Ismagulova A. G. Issledovanie vozmozhnostey khoreografii v esteticheskom vospitanii doshkol'nikov [A study of the possibilities of choreography in the aesthetic education of preschool children]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* = International journal of experimental education, 2014, no. 8. Available from: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5890> (accessed 05.07.2017). (In Russ).

9. Fomin A. S. Detskii tanets v sisteme vospitaniya i obrazovaniya [Children's dance in the system of upbringing and education]. Novosibirsk: NGPI, 1989, 56 p. (In Russ).

10. Khaikara N. A. Esteticheskoe vospitanie podrostkov na zanyatiyakh khoreografiei [Aesthetic education of teenagers on the dance]: dis. ... kand. ped. nauk. Petrozavodsk, 2009, 189 p. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 15.08.2017 г.

Submitted 15.08.2017.

Для цитирования: Янковская О. В., Ламанская Н. Б. К вопросу о возможностях детского любительского хореографического творчества в эстетическом воспитании дошкольников // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 52–58.

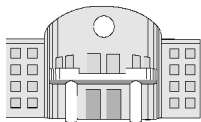
Citation for an article: Yankovskaya O. V., Lamanskaya N. B. To the question about the possibilities of children's amateur choreographic art in the aesthetic education of preschoolers. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 52–58.

Янковская Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия, yankovskaya_ov@mail.ru

Ламанская Нина Борисовна, кандидат исторических наук, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия, yankovskaya_ov@mail.ru

Olga V. Yankovskaya, Ph. D. (Philology), associate professor, KSU them. N. F. Katanov, Abakan, Republic of Khakassia, yankovskaya_ov@mail.ru

Nina B. Lamanskaya, Ph. D. (History), KSU them. N. F. Katanov, Abakan, Republic of Khakassia, yankovskaya_ov@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PSYCHOLOGY

УДК 159.91

ВЛИЯНИЕ ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ РАЗНЫХ ВИДОВ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОСТАВЕ УМСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

С. В. Маланов

Московский институт психоанализа, г. Москва

В статье представлены результаты экспериментальных исследований, направленных на проверку общей гипотезы: при использовании сравнительных суждений существуют различия в эффективности организации умственных действий и последующего воспроизведения их семантического содержания в зависимости от вида устанавливаемых сравнительных отношений, а также от особенностей синтаксической структуры речевых указаний. В качестве независимых переменных в экспериментах использовались задачи, которые формулировались с помощью сравнительных суждений. В содержание задач включались разные виды сравнительных отношений. При этом с каждым видом сравнительных отношений использовались разные типы логико-синтаксической организации сравнительных суждений. Регистрировалось количество верно решенных задач в зависимости от сравниваемых пространственно-временных и предметно-семантических отношений, а также от типов используемых синтаксических структур. Полученные результаты подтверждают общую гипотезу. Наиболее эффективно при умственном решении задач устанавливаются отношения «быстрее – медленнее» и «выше – ниже», а наименее эффективно «слева – справа» и «ближе – дальше». При этом наиболее успешно решаются задачи, требующие умственного установления сравнительных отношений в том случае, когда актуализируемый с помощью логико-синтаксической организации речевых указаний образ объекта, выбор которого служит решением, строится последним из трех сравниваемых объектов. Наименее успешно решаются задачи, которые характеризуются такой логико-синтаксической организацией, при которой ориентировка в установлении сравнительных отношений предполагает один из двух вариантов умственной перестановки представляемых объектов в линейную последовательность ($C > A > B$ или $B < A < C$), в результате которой расположение объекта в представляемом ряду может быть первым или последним. Вместе с тем полученные результаты свидетельствуют об отсутствии возрастной динамики в стихийном развитии умений устанавливать разные типы пространственно-временных и предметно-семантических отношений в составе умственных действий в возрастном диапазоне от 12 лет (школьники 5-х классов) до 21–22 лет (студенты 4-х курсов). Также не обнаружено гендерных различий в успешности решения разных типов задач.

Ключевые слова: умственные операции и действия, сравнительные суждения, пространственно-временные и предметно-семантические отношения.

INFLUENCE OF LOGIC-SYNTACTIC ORGANIZATION OF COMPARATIVE JUDGMENTS ON THE EFFECTIVENESS OF SETTING OF DIFFERENT TYPES OF SEMANTIC RELATIONS IN THE COMPOSITION OF MENTAL ACTIONS

S. V. Malanov

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow

The article presents the results of experimental studies aimed at testing the general hypothesis: when using comparative judgments, there are differences in the effectiveness of the organization of mental actions and the subsequent

reproduction of their semantic content, depending on the type of comparative relations being established, and also on the features of the syntactic structure of verbal instructions. As independent variables in the experiments used problems that were formulated with the help of comparative judgments. The content of the tasks included different types of comparative relationships. At the same time, with each kind of comparative relationship, different types of logical-syntactic organization of comparative judgments were used. The number of correctly solved problems was recorded depending on the compared spatio-temporal and subject-semantic relations, as well as on the types of syntactic structures used. The obtained results confirm the general hypothesis. The most effective in the mental solution of problems are established “faster – slower” and “higher – lower”, and less effective “left – right” and “near – farther”. At the same time, the most successfully solved problems that require the mental establishment of comparative relationships in the case when the image of the object, the choice of which serves as a solution, is constructed by the logical-syntactic organization of verbal instructions is constructed by the last of the three compared objects. The least successful are the tasks that are characterized by such a logical-syntactic organization, in which the orientation in establishing comparative relationships presupposes one of two options for the mental rearrangement of the represented objects in a linear sequence ($C > A > B$ or $B < A < C$) as a result of which the location of the object in the represented series can be the first or the last. At the same time, the results obtained indicate that there is no age-related dynamics in the spontaneous development of the skills to establish different types of space-time and subject-semantic relationships in mental activities in the age range from 12 years (schoolchildren of the 5th grade) to 21–22 years (students 4th courses). Also, there were no gender differences in the success of solving different types of tasks.

Keywords: mental operations and actions, comparative judgments, space-time and subject-semantic relations.

В современной психолингвистике можно выделить два теоретических подхода к анализу способов использования языковых средств в составе речевых действий, на которые исходно опираются при разработке моделей лингвистических способностей человека. Первый подход опирается на гипотезы о том, что в антропогенезе формируются особые отделы мозга, которые выступают врожденной причиной речевого развития. Анализ и объяснение развития речевых способностей скрыто или явно опирается на гипотезу, что «мозг с помощью мозговых механизмов переработки информации внутри мозга» порождает и организует семантическое содержание и грамматические формы речевых высказываний [1; 11]. При этом – явно или неявно – полагается, что при реализации когнитивных процессов оперирование языком также реализуется «мозгом и внутри мозга».

Второй подход известен как «психологическая теория речевой деятельности», опирается на идеи Л. С. Выготского и развернут в работах А. А. Леонтьева, а также ряда отечественных психолингвистов. Этот подход опирается на гипотезу о том, что развитие речевых способностей определяется совершенствованием способов организации совместных действий с помощью знаково-символических и языковых средств. При этом видотипичные анатомо-физиологические возможности организма (и мозга) как в антропогенезе, так и в онтогенезе функционально подстраиваются под организуемые с помощью языковых средств совместные способы ориентировки в окружающем мире и строящиеся

на их основе практические, а затем и умственные действия [4; 6; 9]. Умственные действия выделяются и анализируются как организуемые с опорой на языковые и знаково-символические средства целенаправленные способы ориентировки субъекта в определенной предметной области, которые в соответствие с речевыми указаниями могут актуализироваться при отсутствии соответствующих объектов. Такие способы ориентировки и образуют то, что рассматривается как актуализация определенного предметно-семантического содержания и умственные операции, выполняемые с таким содержанием [3; 2; 10].

Вместе с тем в отечественной психологии и психолингвистике недостаточно экспериментальных исследований, направленных на выявление зависимостей между способами использования языковых средств в составе речевых указаний (высказываний) и эффективностью организуемых в соответствие с ними умственных действий [5; 14]. Намного больше подобных эмпирических исследований реализовано на теоретических основаниях когнитивной психологии [1; 13].

В качестве относительно простых операций в составе умственных действий, организуемых с помощью речевых указаний, выступают процессы установления разнообразных пространственно-временных и качественных предметно-семантических отношений. В эксплицитной форме такие отношения могут задаваться, например, с помощью сравнительных суждений. Некоторые данные о зависимости эффективности умственного

установления отношений от использования разных логико-синтаксических форм сравнительных суждений накоплены в исследованиях, проводимых на основе англоязычной лексики и синтаксиса [13, с. 163–165]. В связи с этим был организован ряд экспериментов, направленных на выявление влияний логико-синтаксической организации русскоязычных сравнительных суждений на эффективность установления разных видов семантических отношений в составе умственных действий.

Организация исследования

В исследовании проверялась **гипотеза: при использовании сравнительных суждений существуют различия в эффективности организации умственных действий и последующего воспроизведения их семантического содержания в зависимости от вида устанавливаемых сравнительных отношений.** В качестве независимых переменных использовались сравнительные суждения (задачи), задаваемые испытуемым в форме речевых указаний. В качестве зависимых переменных подсчитывалось количество успешно установленных испытуемыми отношений (решенных задач) разных типов. Содержание предъявляемых задач (независимые переменные) включало семь типов пространственно-временных и предметно-семантических отношений, каждое из которых требовалось устанавливать в 4-х типах задач, имеющих различные формы логико-синтаксической организации.

В задачах использовалось 7 видов отношений, которые требовалось устанавливать в одной из экспериментальных групп между именами персонажей:

- Если Саша **громче** Миши, Саша **тише** Лены, то укажите самого тихого?
- Если Лена **слева** от Саши, Саша **слева** от Миши, то укажите самого левого?
- Если Миша **легче** Лены, Миша **тяжелее** Саши, то укажите самого легкого?
- Если Саша **позднее** Миши, Миша **позднее** Лены, то укажите самого раннего?
- Если Миша **дальше** Саши, Миша **ближе** Лены, то укажите самый дальний?
- Если Саша **выше** Лены, Саша **ниже** Миши, то укажите самый низкий?
- Если Лена **светлее** Саши, Лена **темнее** Миши, то укажите самый светлый?

В другой группе использовались аналогичные задачи, где отношения устанавливались между геометрическими фигурами.

Испытуемым требовалось в соответствии с речевыми указаниями умственно расположить три объекта (геометрические фигуры или представляемых персонажей) в определенном порядке, а затем графически изобразить фигуру или написать имя, которые следует выделить в качестве ответа на поставленный вопрос. Таким образом, каждый испытуемый решал 28 задач.

После предварительного знакомства с 2–3 задачами и их пробного решения испытуемым с интервалом около 5 секунд последовательно зачитывались 28 задач. Интервал времени, отводимый на решение задач, был подобран так, чтобы испытуемые неизбежно допускали ошибки и не успевали успешно решить все предъявляемые задачи. Этот прием использовался в связи с тем, что при неограниченном времени, отводимом на решение задач, они могут решаться практически безошибочно. А при временном дефиците выполнение умственных действий становится затруднительным, что влияет на успешность решения задач с различным семантическим содержанием. Порядок предъявления задач систематически комбинировался. При обработке результатов учитывалось количество верно решенных задач.

Выборка испытуемых. В исследовании принимали участие 215 школьников 14–16 лет, учащиеся 8–9 классов. Исследования проводились в двух выборках из разных школ. При этом в первой выборке испытуемых использовались варианты задач с именами, во второй выборке – задачи с геометрическими фигурами [12]. Результаты решения соответствующих задач в разных группах суммировались.

Анализ результатов

Распределение результатов решения задач с разными видами сравнительных отношений представлено в таблице 1 и на рисунке 1. Распределение статистически значимо ($\chi^2 = 25,98$; $p \leq 0,01$; при $v = 6$).

Наиболее эффективно всеми испытуемыми были решены задачи, где требовалось устанавливать сравнительные отношения «ниже – выше» (69,77 % из всех предъявленных задач). При этом успешность их решения статистически значимо превосходит успешность решения всех других видов задач. Наименее эффективно решались задачи на установление отношений «тише – громче», «ближе – дальше», «справа – слева».

Для проверки воспроизводимости полученных результатов, а также дополнительных гипотез, было проведено еще одно исследование, в котором также использовались разные виды сравнительных суждений.

Таблица 1 / Table 1

Результаты успешного решения задач с разными видами сравнительных отношений /
The results of successfully solving problems with different types of comparative relations

	Ниже – выше / Elow – higher	Легче – тяжелее / Easier – heavier	Светлее – темнее / Lighter – darker	Раньше – позднее / Earlier – later	Слева – справа / On the left – on the right	Ближе – дальше / Closer – farther	Тише – громче / Quieter – louder
Σ	600	529	524	497	479	470	467
%	69,77 %	61,51 %	60,93 %	57,79 %	55,70 %	54,65 %	54,07 %

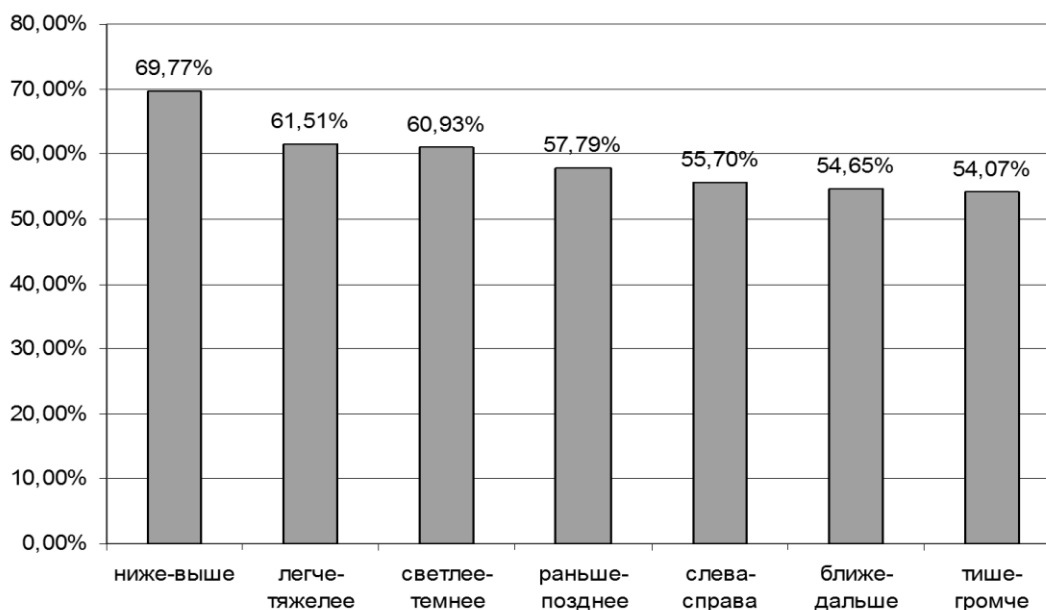

Рис. 1. Распределение успешного решения задач с разными видами сравнительных отношений /
Fig. 1. The distribution of successful solutions of tasks with different types of comparative relationships

* * *

Организация исследования

В исследовании проверялась гипотеза: при использовании сравнительных суждений существуют различия в эффективности организации умственных действий и последующего воспроизведения их семантического содержания в зависимости от: а) вида устанавливаемых сравнительных отношений; б) типа сравниваемых объектов (имена людей или геометрические фигуры), в) гендерных различий, г) синтаксической структуры суждений. В качестве независимых переменных использовались задачи на установление разных сравнительных отношений между именами персонажей и между геометрическими фигурами (см. выше). При этом дополнительно был использован еще один вид сравнительных суждений – «быстрее – медленнее», а количество задач, сформулированных с помощью сравнительных суждений, было сокращено до 16 (по две задачи с отношениями каждого вида). Задачи с отношениями «быстрее – медленнее» были добавлены

в связи с возникшим предположением, что семантика этих отношений будет скрыто стимулировать испытуемых к более быстрому решению задач этого вида, что скажется на успешности их решения.

В задачах также использовались два типа логико-синтаксической организации сравнительных суждений:

- «Нелинейное предъявление», когда отношения между объектами задавались с помощью сравнительных прилагательных-антонимов, организующих нелинейную последовательность умственного установления сравнительных отношений. Например: «Если Саша дальше Миши, Саша ближе Лены, то укажите самого дальнего (ближнего)?»

- «Линейное предъявление», когда отношения между объектами задавались с помощью одного сравнительного прилагательного, организующего линейную последовательность умственного установления сравнительных отношений. Например: «Если Лена слева от Саши, Саша слева от Миши, то укажите самого левого (правого)?»

В качестве объектов для сравнения предъявлялись либо три геометрические фигуры (треугольник, квадрат, круг), либо три имени (Саша, Миша, Лена). При этом разные виды предъявляемых задач комбинировались так, чтобы испытуемым пришлось решать по 8 задач с именами и геометрическими фигурами, а также по 8 задач с линейной и нелинейной логико-синтаксической организацией.

Выборка. В исследовании принимали участие 58 испытуемых (20 юношей, 38 девушек). Все учащиеся 6–7 классов средней школы г. Йошкар-Олы.

Анализ результатов

Из 928 задач, предъявленных испытуемым, было решено 386 задач. Количественное распределение результатов решения задач с разными

видами сравнительных отношений представлено в таблице 2 и на рисунке 2. Распределение статистически значимо ($\chi^2 = 14,62$; $p \leq 0,05$; при $v = 7$).

Наиболее эффективно всеми испытуемыми были решены задачи, где требовалось устанавливать сравнительные отношения «быстрее – медленнее» (60,3 % из всех предъявленных задач этого вида). Успешность их решения статистически значимо превосходила успешность решения задач, где требовалось устанавливать отношения «тише – громче» и «выше – ниже» ($p \leq 0,05$), а также отношения «выше – ниже», «ближе – дальше», «легче – тяжелее», «раньше – позднее», «слева – справа» ($p \leq 0,01$). Наименее эффективно решались задачи на установление отношений «справа – слева» и «раньше – позднее».

Таблица 2 / Table 2

Результаты успешного решения задач с разными видами сравнительных отношений
(в % по отношению к числу предъявленных задач данного вида) /
The results of successfully solving tasks with different types of comparative relations
(in % in relation to the number of presented tasks of this type)

	Быстрее – медленнее / Quicker – slower	Светлее – темнее / Lighter – darker	Тише – громче / Quieter – louder	Выше – ниже / Higher – lower	Ближе – дальше / Closer – farther	Легче – тяжелее / Easier – heavier	Раньше – позднее / Earlier – later	Слева – справа / On the left – on the right
Σ	70	54	50	46	43	43	40	40
%	60,3 %	46,6 %	43,1 %	39,7 %	37,1 %	37,1 %	34,5 %	34,5 %

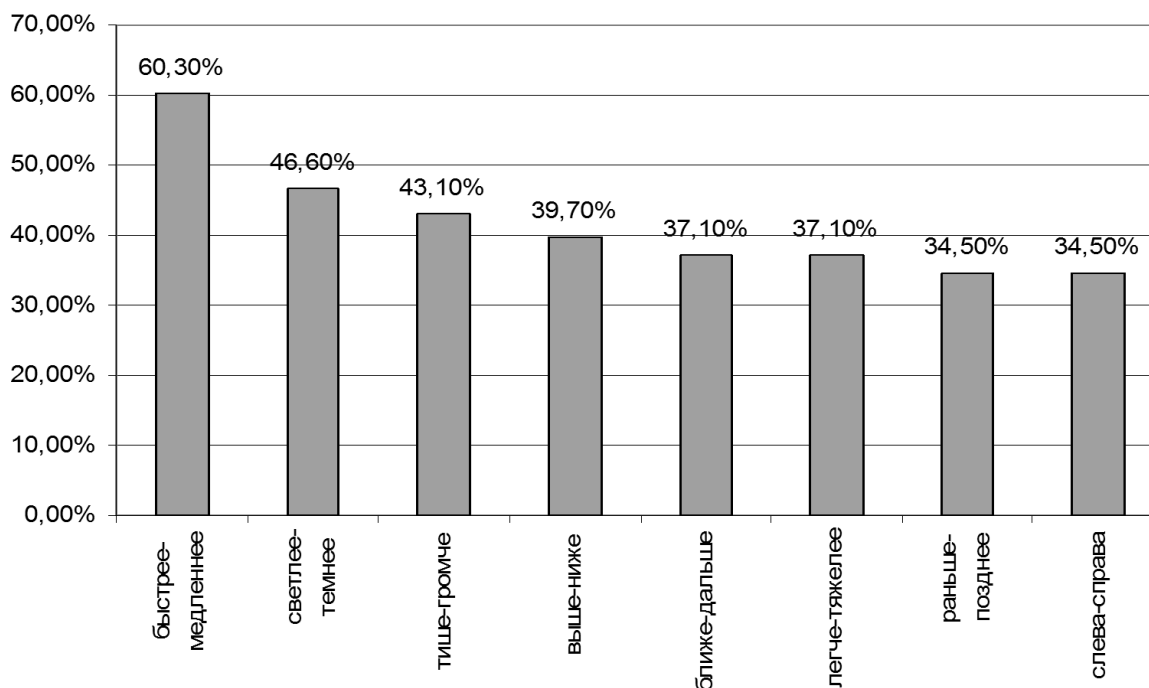

Рис. 2. Результаты успешного решения задач с разными видами сравнительных отношений
(в % по отношению к числу предъявленных задач данного вида) /

Fig. 2. Results of successful solution of problems with different types of comparative relations
(in % in relation to the number of presented tasks of this type)

Избирательное суммирование успешно решенных задач разных видов и соотнесение их с числом предъявленных задач позволили сделать выводы о наличии или отсутствии различий в эффективности организации умственных действий с помощью сравнительных суждений. Различия

устанавливались по трем основаниям: а) по типу в сравниваемых объектах; б) по гендерной принадлежности испытуемых; в) по логико-синтаксической организации сравнительных суждений (речевых указаний). Такие различия представлены в таблице 3 и на рисунке 3.

Таблица 3 / Table 3

Количество решенных задач в зависимости от:
а) объектов сравнения; б) гендерной принадлежности;
в) типа формулировки (в % к числу предъявленных задач) /

The number of solved tasks, depending on:
a) comparison objects; b) gender identity; c) type of formulation (in % of the number of tasks presented)

Различия объектов / Distinctions of objects		Гендерные различия / Gender differences		Линейные и нелинейные задачи / Linear and nonlinear tasks	
имена / names	фигуры / figures	юноши / boys	девушки / girls	линейный тип / linear type	нелинейный тип / non-linear type
из 464 задач 58 испытуемыми решены 192 задачи	из 464 задач 58 испытуемыми решены 194 задачи	из 320 задач 20 испытуемыми решены 131 задачи	из 255 задач 38 испытуемыми решены 255 задачи	из 464 задач 58 испытуемыми решены 203 задачи	из 464 задач 58 испытуемыми решены 183 задачи
41,4 %	41,8 %	40,9 %	41,9 %	43,8 %	39,4 %

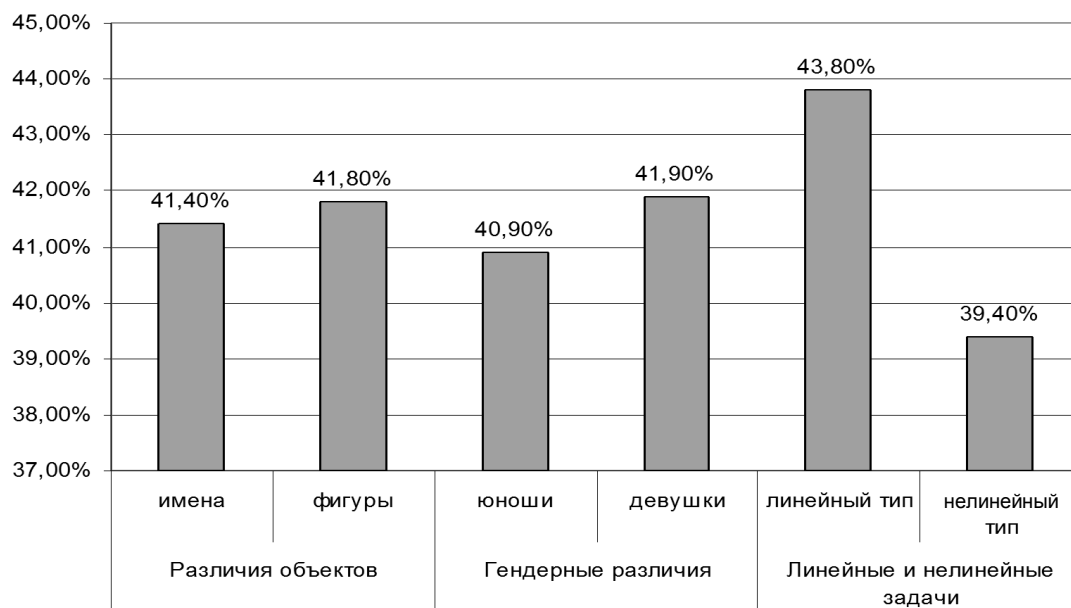

Рис. 3. Количество решенных задач в зависимости от: а) объектов сравнения;
б) гендерной принадлежности; в) типа формулировки (в % к числу предъявленных задач) /

Fig. 3. The number of solved problems, depending on:

a) the objects of comparison; b) gender identity; c) type of formulation (in % of the number of tasks presented)

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что при умственном решении задач на сравнение персонажей (конкретные объекты) и геометрических фигур (абстрактные объекты) статистически значимых различий не обнаружива-

ется. Также не обнаружили статистически значимые различия в успешности решения сравнительных задач как при их предъявлении юношам и девушкам, так и при линейных и не линейных способах их предъявления.

* * *

Организация исследования

Поскольку в двух предшествующих исследованиях были получены результаты, требующие уточнения, проводилось еще одно исследование, направленное на более строгую верификацию **гипотезы о существовании различий в эффективности умственного установления разных видов сравнительных (пространственно-временных и предметно-семантических) отношений, организуемых с помощью речевых указаний.**

В качестве независимых переменных использовались те же сравнительные суждения (задачи), задаваемые испытуемым в форме речевых указаний. В качестве зависимых переменных подсчитывалось количество успешно установленных испытуемыми отношений (решенных задач) разных типов. Содержание предъявляемых задач (независимые переменные) различалось по трем основаниям:

1. В содержание задач включались 8 типов пространственно-временных и семантических отношений, каждое из которых требовалось устанавливать в 4-х задачах, имеющих отличающиеся формулировки.

Примеры 8 типов отношений, задаваемых с помощью речевых указаний:

- Квадрат громче треугольника, квадрат тише круга. Указать самый тихий?
- Квадрат справа от треугольника, квадрат слева от круга. Указать самый правый?
- Квадрат тяжелее треугольника, квадрат легче круга. Указать самый тяжелый?
- Квадрат позднее треугольника, квадрат раньше круга. Указать самый ранний?
- Квадрат дальше треугольника, квадрат ближе круга. Указать самый дальний?
- Квадрат выше треугольника, квадрат ниже круга. Указать самый низкий?
- Квадрат темнее треугольника, квадрат светлее круга. Указать самый темный?
- Квадрат быстрее треугольника, квадрат медленнее круга. Указать самый быстрый?

Пример 4-х задач, которые формулировались с каждым видом пространственно-временных или предметно-семантических отношений:

- Квадрат громче треугольника, квадрат тише круга. Указать самый тихий?
- Треугольник тише круга, треугольник громче квадрата. Указать самый громкий?
- Квадрат громче треугольника, треугольник громче круга. Указать самый тихий?
- Квадрат тише треугольника, треугольник тише круга. Указать самый громкий?

2. В задачах также использовались два типа речевого предъявления:

- «Нелинейное предъявление» (16 задач), в соответствии с которым испытуемые умственно устанавливали отношения между фигурами, которые задавались с помощью слов-антонимов в нелинейной последовательности. Например: «Квадрат позднее треугольника, квадрат раньше круга. Указать самый ранний?»

- «Линейное предъявление» (16 задач), в соответствии с которым испытуемые умственно устанавливали сравнительные отношения между фигурами, которые задавались в линейной последовательности с помощью одного слова. Например: «Круг тише квадрата, квадрат тише треугольника. Указать самый громкий?»

3. Испытуемым требовалось по речевым указаниям умственно расположить либо три абстрактных объекта (геометрические фигуры: треугольник, квадрат, круг), либо трех мальчиков (Саша, Коля, Петя) в представляемом пространстве или в представляемом порядке, а затем изобразить на бланке (в таблице) фигуру или обозначить имя, которые следует выделить в качестве ответа на поставленный вопрос.

Таким образом, каждый испытуемый решал 32 задачи, которые различались по 8 видам устанавливаемых отношений, по 2 типам сравниваемых объектов, и по 2 типам речевого предъявления.

После предварительного знакомства с 2–3 задачами и их пробного решения испытуемым с интервалом времени около 5 с последовательно зачитывались 32 задачи. Интервал времени, отводимый на решение задач, был подобран таким образом, чтобы испытуемые неизбежно допускали ошибки и не успевали успешно решить все задачи. Предъявление задач систематически комбинировалось. При обработке результатов подсчитывалось количество верно решенных задач.

Выборка испытуемых. В исследовании принимали участие 32 студента исторического факультета Марийского государственного университета, а также учащиеся средней общеобразовательной школы: 43 учащихся 9-х классов, 48 учащихся 7-х классов, 43 учащихся 5-х классов. Всего 166 испытуемых.

Анализ результатов

Всеми испытуемыми были успешно решены 2982 из 5312 предъявленных задач. Распределение успешности решения задач, требующих установления разных видов сравнительных отношений представлены в таблице 4 и на рисунке 4.

Распределение статистически значимо ($\chi^2 = 86,69$; $p \leq 0,01$; при $v = 7$).

Полученные результаты дают основание сделать вывод, что при умственном решении задач по речевой инструкции наиболее успешно устанавливаются семантические отношения «быстрее – медленнее», актуализирующие представления о скоростных параметрах различных действий или процессов. Относительно успешно решаются за-

дачи на установление пространственных отношений «ниже – выше», а также отношений «тише – громче», характеризующих слуховую модальность. Менее успешно устанавливаются семантические отношения «легче – тяжелее», «светлее – темнее», а также отношение временного следования событий «раньше – позднее». Наименее успешно решались задачи на установление пространственных отношений «ближе – дальше» и «слева – справа».

Таблица 4 / Table 4

Результаты успешного решения задач с разными видами сравнительных отношений
(в % по отношению к числу предъявленных задач данного вида) /
Results of successful solution of problems with different types of comparative relations
(in % in relation to the number of presented tasks of this type)

	Быстрее – медленнее / Quicker – slower	Ниже – выше / Lower – higher	Тише – громче / Quieter – louder	Легче – тяжелее / Easier – heavier	Светлее – темнее / Lighter – darker	Раньше – позднее / Earlier – later	Ближе – дальше / Closer – farther	Слева – справа / On the left – on the right
Σ	484	424	417	381	357	341	290	288
%	72,9 %	63,9 %	62,8 %	57,4 %	53,8 %	51,4 %	43,7 %	43,4 %

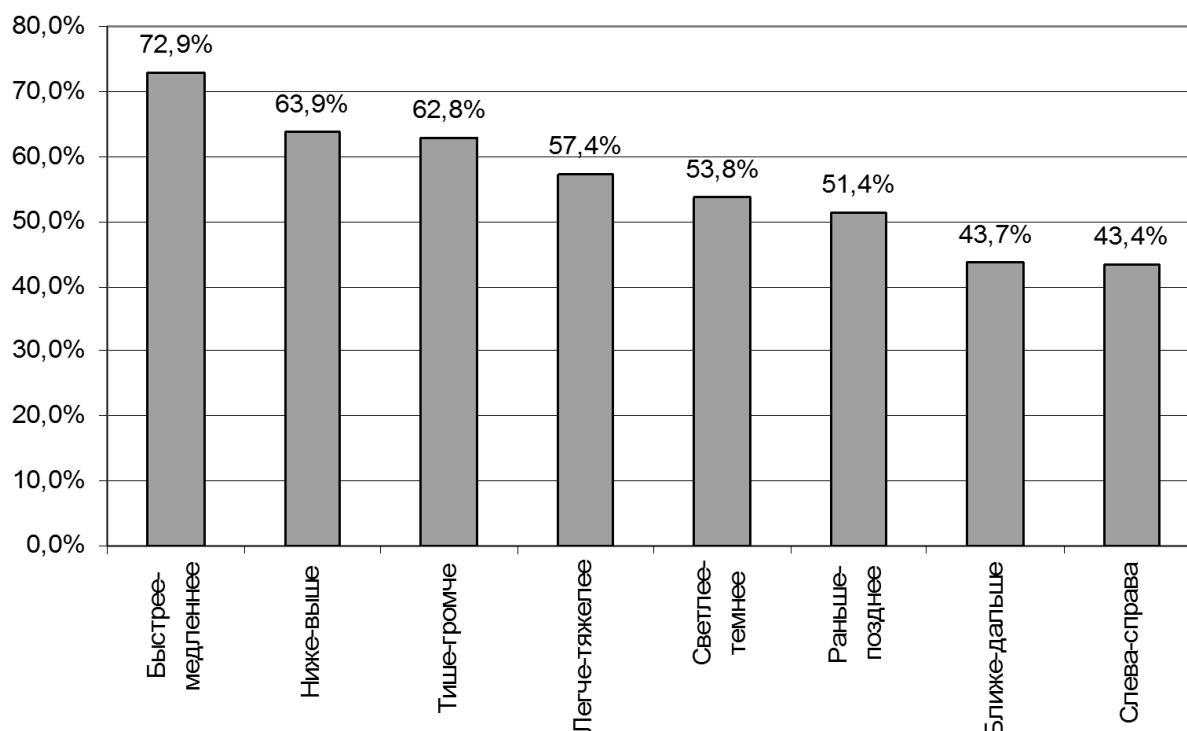

Рис. 4. Результаты успешного решения задач с разными видами сравнительных отношений
(в % по отношению к числу предъявленных задач данного вида) /

Fig. 4. Results of successful solution of problems with different types of comparative relations
(in % in relation to the number of presented tasks of this type)

Распределение результатов решения разных видов задач в разных возрастных группах оказалось достаточно устойчивым, за исключением результатов, полученных в 9 классах (табл. 5 и рис. 5). В этой вы-

борке было зарегистрировано перераспределение результатов в решении задач, характеризующих отношения «тише – громче» и «раньше – позднее». Возможную побочную переменную выявить не удалось.

Таблица 5 / Table 5

Распределение успешности умственного решения задач на установление разных типов пространственно-временных и предметно-семантических отношений в разных возрастных группах испытуемых /
Distribution of the success of mental problem solving on the establishment of different types of space-time and subject-semantic relations in different age groups of subjects

	Быстрее – медленнее / Quicker – slower	Ниже – выше / Lower – higher	Тише – громче / Quieter – louder	Легче – тяжелее / Easier – heavier	Светлее – темнее / Lighter – darker	Раньше – позднее / Earlier – later	Ближе – дальше / Closer – farther	Слева – справа / On the left – on the right
5 класс	69,2 %	56,4 %	55,2 %	55,8 %	52,9 %	58,1 %	42,4 %	38,4 %
7 класс	75,5 %	67,1 %	63 %	58,9 %	55,7 %	55,7 %	44,3 %	37,5 %
9 класс	72,7 %	61,0 %	67,4 %	52,9 %	47,7 %	36,6 %	46,5 %	51,7 %
4 курс	74,2 %	72,7 %	66,4 %	63,3 %	60,2 %	55,5 %	40,6 %	47,7 %

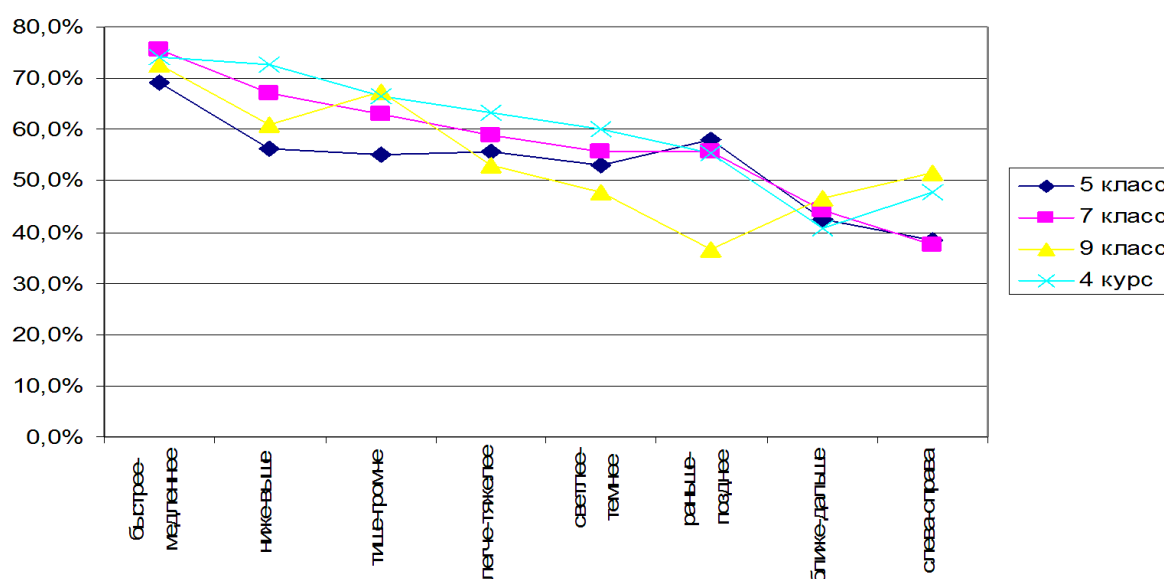

Рис. 5. Распределение успешности умственного решения задач на установление разных типов сравнительных отношений в возрастных группах испытуемых (%) /

Fig. 5. Distribution of the success of mental problem solving on the establishment of different types of comparative relationships in the age groups of the subjects (%)

Полезно отметить, что полученные результаты позволяют сделать вывод, что в период от 12 до 20 лет не наблюдается возрастной динамики развития умений устанавливать разные типы пространственно-временных и семантических отношений в составе умственных действий (рис. 2). Следует специ-

ально отметить, что вывод правомерен только для условий стихийного развития таких умений, формирующихся в более ранние возрастные периоды.

Распределение успешности решения задач в зависимости от особенностей сравниваемых объектов представлено в таблице 6 и на рисунке 6.

Таблица 6 / Table 6

Распределение успешности умственного решения задач на установление разных типов пространственно-временных и предметно-семантических отношений /
Distribution of the success of the mental solution of problems to establish different types of space-time and subject-semantic relations

	Быстрее – медленнее / Quicker – slower	Ниже – выше / Lower – higher	Тише – громче / Quieter – louder	Легче – тяжелее / Easier – heavier	Светлее – темнее / Lighter – darker	Раньше – позднее / Earlier – later	Ближе – дальше / Closer – farther	Слева – справа / On the left – on the right	Σ
Имена	223	217	219	194	180	184	149	149	1515
Фигуры	261	207	198	187	177	157	141	139	1467
Σ	484	424	417	381	357	341	290	288	2982

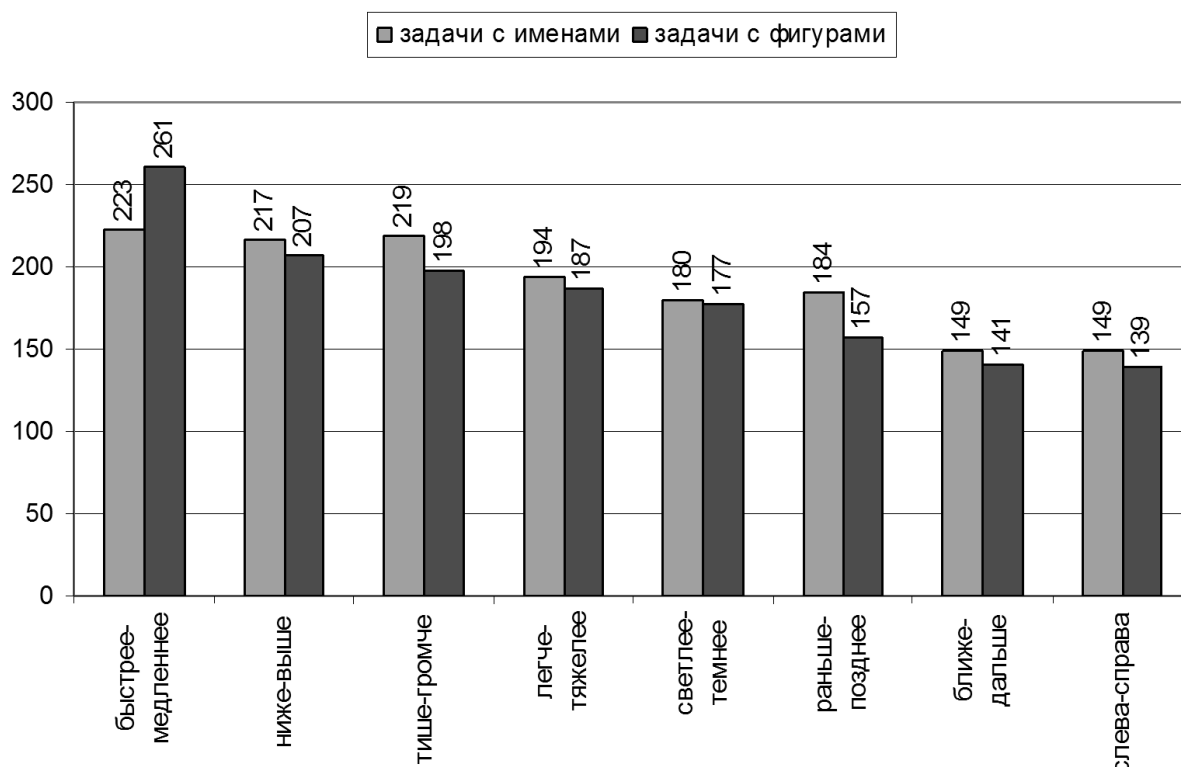

Рис. 6. Распределение успешности умственного решения задач на установление разных типов пространственно-временных и предметно-семантических отношений в зависимости от предметного содержания /
Fig. 6. Distribution of the success of mental problem solving for establishing different types space-time and subject-semantic relations, depending on the subject content

Более успешно решались задачи с «именами» по всем типам устанавливаемых отношений, кроме отношения «быстрее – медленнее», которое более эффективно устанавливалось в задачах с геометрическими фигурами. Заметим, что задачи на установление отношения «быстрее – медленнее» решались наиболее успешно испытуемыми во всех группах. При этом при исполь-

зовании критерия χ^2 отсутствуют статистически значимые различия в успешности решения задач с именами и геометрическими фигурами.

Распределение успешности решения задач в зависимости от «линейного» или «не линейного» способа их речевого предъявления представлено в таблице 7 и на рисунке 7.

Таблица 7 / Table 7

Распределение успешности умственного решения задач на установление разных типов пространственно-временных и предметно-семантических отношений в зависимости от способа предъявления /
The distribution of the success of the mental solution of problems on the establishment of different types of space-time and subject-semantic relations, depending on the mode of presentation

	Быстрее – медленнее / Quicker – slower	Ниже – выше / Lower – higher	Тише – громче / Quieter – louder	Легче – тяжелее / Easier – heavier	Светлее – темнее / Lighter – darker	Раньше – позднее / Earlier – later	Ближе – дальше / Closer – farther	Слева – справа / On the left – on the right	Σ
Нелинейный тип задач	254	192	171	170	158	128	136	150	1359
Линейный тип задач	230	232	246	211	199	213	154	138	1623
Сумма:	484	424	417	381	357	341	290	288	2982

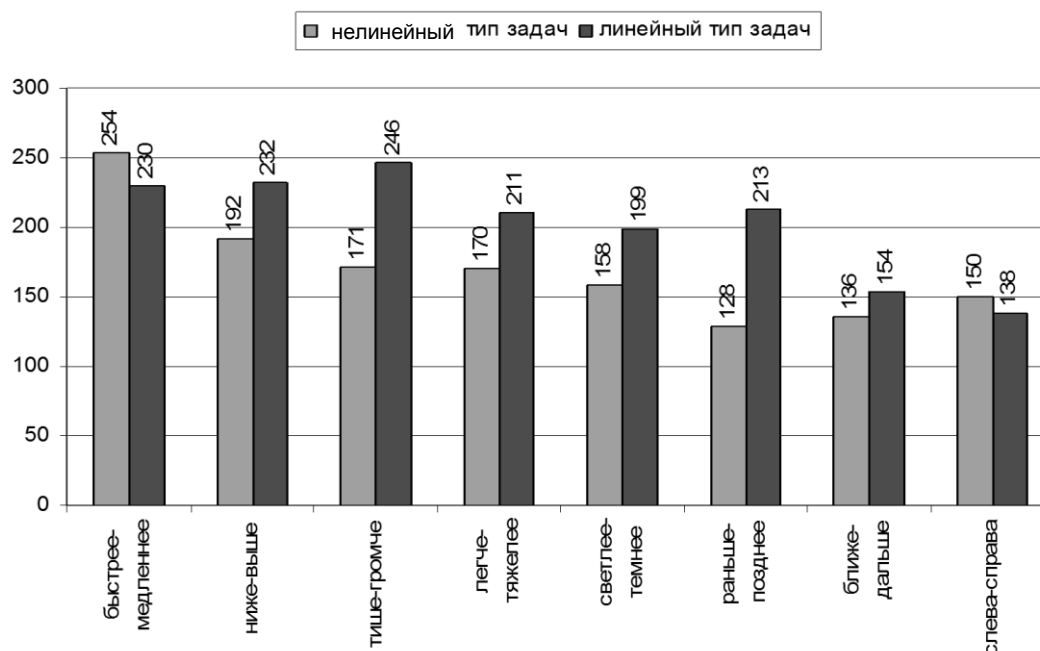

Рис. 7. Распределение успешности умственного решения задач на установление разных типов пространственно-временных и предметно-семантических отношений в зависимости от способа предъявления / Fig. 7. Distribution of the success of mental problem solving for establishing different types space-time and subject-semantic relations, depending on the mode of presentation

Более успешно решались задачи нелинейного типа при установлении отношений «раньше – позднее» и «справа – слева». Интересно отметить, что это те отношения, которые устанавливались соответственно наиболее и наименее успешно. Все остальные типы задач более успешно решались при линейном типе предъявления.

При этом при линейном предъявлении статистически значимые различия характеризуют большую успешность решения задач, требующих установления четырех типов отношений: «тише – громче» ($\chi^2 = 13,86$; $p \leq 0,01$); «легче – тяжелее» ($\chi^2 = 4,2$; $p \leq 0,05$); «светлее – темнее» ($\chi^2 = 4,48$; $p \leq 0,05$); «раньше – позднее» ($\chi^2 = 20,68$; $p \leq 0,01$).

Избирательное суммирование успешно решенных задач позволило проверить гипотезу о различиях эффективности организации умственных действий с помощью сравнительных суждений по двум основаниям: а) по различиям в сравниваемых объектах; в) по логико-синтаксической организации сравнительных суждений (речевых указаний). Такие различия представлены в таблице 8 и на рисунке 8.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что отсутствуют статистически значимые различия в умственном установлении сравнительных отношений, когда в качестве объектов для сравнения выступают имена (конкретные объекты) и геометрические фигуры (абстрактные объекты) ($\chi^2 = 0,74$; $p \geq 0,05$).

Таблица 8 / Table 8

Количество решенных задач в зависимости от: а) объектов сравнения; б) типа формулировки / The number of solved tasks, depending on: a) comparison objects; b) the type of wording

Различия объектов / Distinctions of objects		Линейные и нелинейные задачи / Linear and nonlinear tasks	
имена / names	фигуры / figures	линейный тип / linear type	нелинейный тип / non-linear type
из 2656 задач 166 испытуемых решили 1515 задач	из 2656 задач 166 испытуемых решили 1467 задач	из 2656 задач 166 испытуемых решили 1623 задач	из 2656 задач 166 испытуемых решили 1359 задач
57,04 %	55,23 %	61,11 %	51,17 %

Вместе с тем статистически значимые различия характеризуют успешность установления сравнительных отношений при решении линейных и нелинейных задач ($\chi^2 = 23,20$; $p \leq 0,05$). Задачи с ли-

нейным типом логико-синтаксической организации решаются более успешно, что совпадает с результатами подобных исследований, полученными на английском синтаксисе [13, с. 163–165].

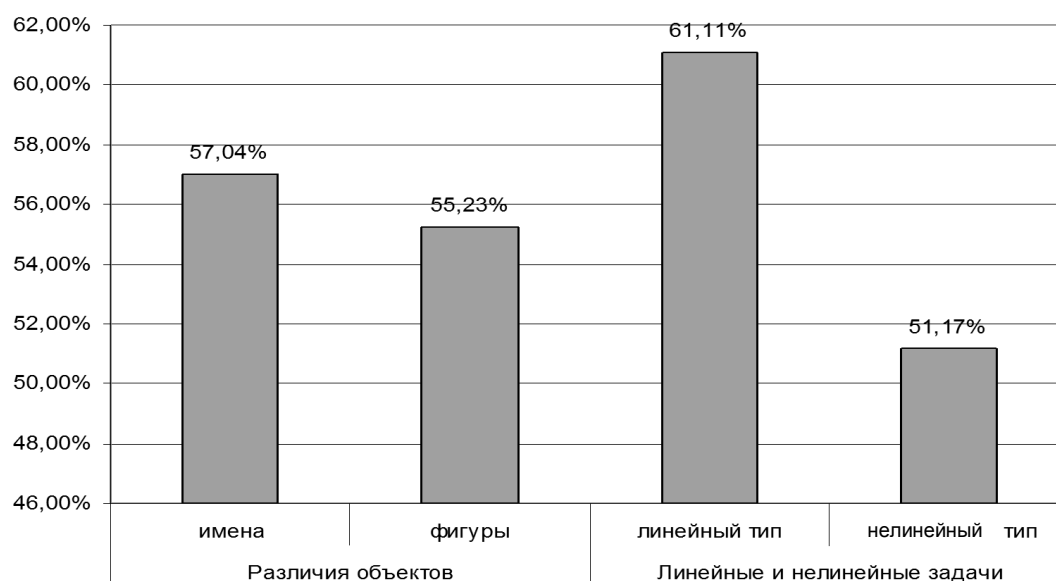

Рис. 8. Количество решенных задач в зависимости от:
 а) объектов сравнения; б) типа формулировки (в % к числу предъявленных задач) /
 Fig. 8. Number of solved tasks depending on: a) objects of comparison;
 б) type of formulation (in% of the number of tasks presented)

Результаты проведенных исследований подтверждают гипотезы о наличии различий в эффективности умственных действий, обеспечивающих установление разных типов пространственно-временных и предметно-семантических отношений, а также о зависимости эффективности умственных действий от логико-синтаксической организации суждений, с помощью которых актуализируются такие отношения.

Вместе с тем, не обнаружилось возрастной динамики в стихийном развитии умений устанавливать разные типы пространственно-временных и предметно-семантических отношений в составе умственных действий в возрастном диапазоне от 12 лет (5 класс) до 21–22 лет (студенты 4 курса).

* * *

С целью уточнения данных о различиях в успешности умственного решения сравнительных задач с линейной и нелинейной логико-синтаксической организацией, было проведено дополнительное исследование. В сравнительных суждениях использовался только один вид отношений – «быстрее – медленнее», которое в предыдущих исследованиях устанавливались наиболее эффективно.

Организация исследования

Гипотеза: при использовании сравнительных суждений существуют различия в эффективности организации умственных действий направленных на решение задач требующих

умственного сравнения объектов. Такие различия могут обнаруживаться:

- в зависимости от постановки вопроса (кто быстрее? – кто медленнее?);
- от синтаксической формы их предъявления (линейный – не линейный тип);
- от разных способов формулировки условий с помощью сравнительных форм наречий-антонимов (быстрее – медленнее);
- от семантического содержания глагола (ползет – бежит).

Для проверки гипотез использовались 32 сравнительных суждения, которые имели 8 вариантов логико-синтаксической организации содержания, в зависимости от комбинаций сравнительных форм наречий в формулировке условий задач:

МММ: Саша бежит **медленнее** Пети, Петя бежит **медленнее** Коли. Кто бежит **медленнее** всех? (Верный ответ: Саша).

ММБ: Петя бежит **медленнее** Саши, Саша бежит **медленнее** Коли. Кто бежит **быстрее** всех? (Верный ответ: Коля).

ББМ: Коля бежит **быстрее** Пети, Петя бежит **быстрее** Саши. Кто бежит **медленнее** всех? (Верный ответ: Саша)

БББ: Петя бежит **быстрее** Коли, Коля бежит **быстрее** Саши. Кто бежит **быстрее** всех? (Верный ответ: Петя).

МБМ: Петя бежит **медленнее** Саши, Петя бежит **быстрее** Коли. Кто бежит **медленнее** всех? (Верный ответ: Коля).

МББ: Саша бежит **медленнее** Пети, Саша бежит **быстрее** Коли. Кто бежит **быстрее** всех? (Верный ответ: Петя).

БММ: Саша бежит **быстрее** Коли, Саша бежит **медленнее** Пети. Кто бежит **медленнее** всех? (Верный ответ: Коля).

БМБ: Коля бежит **быстрее** Саши, Коля бежит **медленнее** Пети. Кто бежит **быстрее** всех? (Верный ответ: Петя).

Такие 8 видов организации сравнительных суждений и соответствующих им задач формулировались также с именами девочек (Лена, Рита, Надя) и с глаголом «ползет». Так было построено 32 задачи: 8 (варианты комбинаций наречий) $\times$ 2 (имена мальчиков и девочек) $\times$ 2 (глаголы «бежит» и «ползет»).

Заметим, что потенциально возможны еще четыре варианта нелинейных формулировок условий задач (**МБ** и **БМ**), которые не позволяют строго ранжировать заданные объекты по указанному признаку. Такие формулировки задач в исследовании не использовались, хотя две задачи имеют верное решение, а две не имеют. Например:

МБМ: Петя бежит **медленнее** Саши, Саша бежит **быстрее** Коли. Кто бежит **медленнее** всех? (Верный ответ невозможен, поскольку не заданным остается отношение между Петей и Колей.)

МББ: Саша бежит **медленнее** Пети, Петя бежит **быстрее** Коли. Кто бежит **быстрее** всех? (Верный ответ: Петя. При этом не заданным остается отношение между Петей и Колей.)

БММ: Саша бежит **быстрее** Коли, Коля бежит **медленнее** Пети. Кто бежит **медленнее** всех? (Верный ответ: Коля. При этом не заданным остается отношение между Сашей и Петей.)

БМБ: Коля бежит **быстрее** Саши, Саша бежит **медленнее** Пети. Кто бежит **быстрее** всех? (Верный ответ невозможен, поскольку не заданным остается отношение между Колей и Петей.)

После предварительного знакомства с 2–3 задачами и их пробного решения, испытуемым с интервалом времени около 5 с последовательно зачитывались 32 задачи. Предъявляемые задачи систематически комбинировались.

Выборка испытуемых. В исследовании принимали участие 38 школьников (18 мальчиков и 20 девочек) 5-х классов средней общеобразовательной школы г. Йошкар-Олы.

Анализ результатов

Всего испытуемым было предъявлено 1216 (38×32) задач разных типов. Решенной верно оказались 491 задача (40,38 %).

Распределение успешности решения задач с разными типами логико-синтаксической формулировки сравнительных отношений представлено в таблице 9 и на рисунке 9. Распределение статистически значимо ($\chi^2 = 41,22$; $p \leq 0,01$; при $v = 7$).

Наиболее успешно были решены задачи, требующие умственного установления сравнительных отношений «ММБ» ($A < B$; $B < C$; Кто $> ?$; $= C$), отношений «БМБ» ($A > B$; $A < C$; Кто $> ?$; $= C$), а также отношений «БММ» ($A > B$; $B > C$; Кто $< ?$; $= C$). Все задачи характеризуются тем, что умственно актуализируемый с помощью речевых указаний образ объекта, выбор которого служит решением задачи, строится последним из трех сравниваемых объектов. Вместе с тем, если задачи «ММБ» и «БММ» имеют линейную логико-синтаксическую формулировку условий, то в задаче «БМБ» формулировка условий не линейна.

Менее успешно решались задачи «МММ» ($A < B$; $B < C$; Кто $< ?$; $= A$) и «БББ» ($A > B$; $B > C$; Кто $> ?$; $= A$). Эти задачи характеризуются тем, что: а) умственно актуализируемый в соответствии с речевыми указаниями образ объекта, который требуется выбрать для верного решения задачи, строится первым из трех сравниваемых объектов; б) в условия задач характеризуются линейной логико-синтаксической организацией, где используется одно сравнительное наречие.

Еще большую трудность представляли задачи типа «БММ» ($A > B$; $A < C$; Кто $< ?$; $= B$). Они характеризуются тем, что ориентировка в установлении сравнительных отношений предполагает один из двух вариантов умственной перестановки представляемых объектов в линейную последовательность ($C > A > B$ или $B < A < C$), в результате которой расположение объекта в представляемом ряду может быть первым или последним. При этом при одинаковой формулировке условий задачи типа «БММ» с типом «БМБ» другая формулировка вопроса значительно снижает эффективность установления сравнительных отношений ($\chi^2 = 8,69$; $p \leq 0,01$). Возможно, это связано с тем, что для успешного установления сравнительных отношений в задаче «БМБ» после умственного сравнения первого и второго объектов не требуется возвращаться к первому объекту после сравнения второго с третьим, чтобы сделать верный выбор.

Наименее успешно решались задачи «МБМ» ($A < B$; $A > C$; Кто $< ?$; $= C$) и «МББ» ($A < B$; $A > C$; Кто $> ?$; $= A$). Обе задачи характеризуются тем, что ориентировка в установлении сравнительных отношений предполагает один из двух вариантов

умственной перестановки представляемых объектов в линейную последовательность ($C > A > B$ или $B < A < C$), в результате которой расположение объекта в представляемом ряду может быть

первым или последним. В результате последовательность речевых указаний расходится с последовательностью расположения объектов при их умственном сравнении.

Таблица 9 / Table 9

Успешно решенные задачи с разными типами логико-синтаксической формулировки сравнительных отношений
(в % по отношению к числу предъявленных задач данного типа) /
Successfully solved problems with different types logical-syntactic formulation of comparative relations
(in % in relation to the number of presented tasks of this type)

ММБ	БМБ	ББМ	МММ	БББ	БММ	МБМ	МББ
88	84	73	61	58	49	41	37
57,9 %	55,3 %	48,0 %	40,1 %	38,2 %	32,2 %	27,0 %	24,3 %

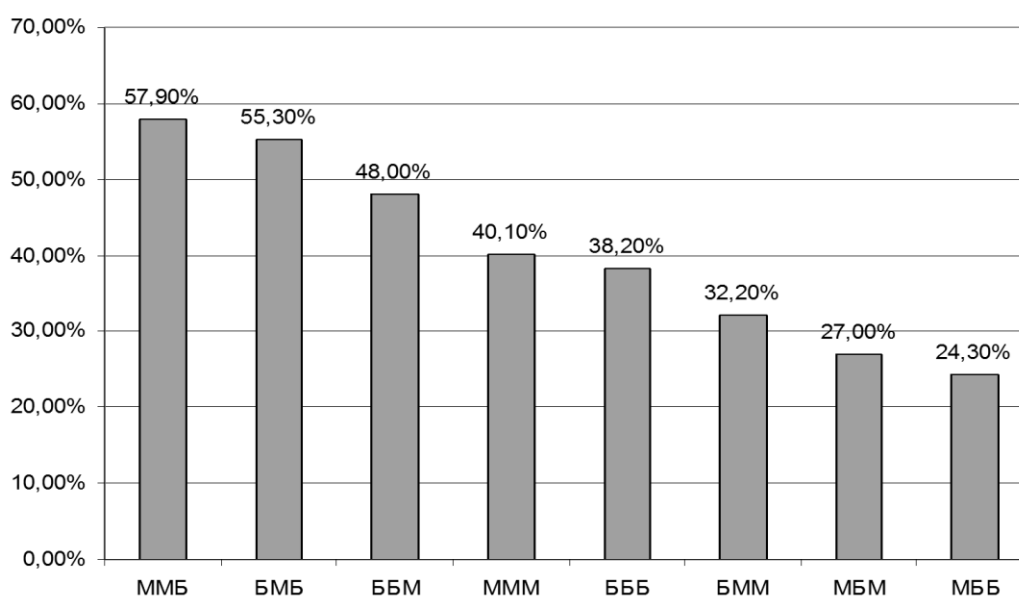

Рис. 9. Успешно решенные задачи с разными типами логико-синтаксической формулировки сравнительных отношений (в % по отношению к числу предъявленных задач данного типа) /
Fig. 9. Successfully solved problems with different types logical-syntactic formulation of comparative relations
(in % in relation to the number of presented tasks of this type)

Избирательное суммирование успешно решенных задач всех видов и соотнесения их с числом предъявленных задач в зависимости от: а) используемого глагола и б) формулировки условий; в) формулировки вопроса, – представлены в таблице 10 и на рисунке 10.

При использовании в условиях задач глагола «ползет» количество решенных задач оказалось на 2,5 % больше, чем при использовании глагола «бежит». Несмотря на это, подсчет верно решенных задач, в которых использовались глаголы с разным семантическим содержанием («бежит» или «ползет»), не позволяет делать вывод о значимости различий в успешности установления сравнительных отношений с объектами, которые включены в разные процессы ($\chi^2 = 0,4$; $p \geq 0,05$).

Количество верно решенных задач, в которых использовались линейные типы формулировки условий, статистически значительно превосходит количество решенных задач с нелинейными типами формулировки ($\chi^2 = 9,42$; $p \leq 0,01$). Линейная логико-синтаксическая формулировка задач обеспечивает более успешное установление сравнительных отношений, чем нелинейная формулировка.

Подсчет верно решенных задач, в которых использовались вопросы с разным семантическим содержанием («кто медленнее?» или «кто быстрее?»), не позволяет делать вывод о значимости различий в успешности установления сравнительных отношений при использовании в формулировке вопросов противоположных по значению (антонимов) сравнительных форм наречий ($\chi^2 = 3,59$; $p \geq 0,05$).

Таблица 10 / Table 10

Количество верно решенных задач в зависимости от: а) используемого глагола;
 б) формулировки условий; в) формулировки вопроса (в % к числу предъявленных задач) /
 The number of correctly solved problems depending on: a) the verb used; b) the formulation of the conditions;
 c) the wording of the question (in % of the number of tasks presented)

Различия глаголов / Differences between verbs		Тип формулировки / Type of wording		Различия вопроса / Difference of question	
«ползет» / «creeps»	«бежит» / «runs»	линейный / linear	нелинейный / not linear	кто медленнее? / who is slower?	кто быстрее? / who is quicker?
253	238	280	211	224	267
41,61 %	39,14 %	46,05 %	34,70 %	36,84 %	43,91 %

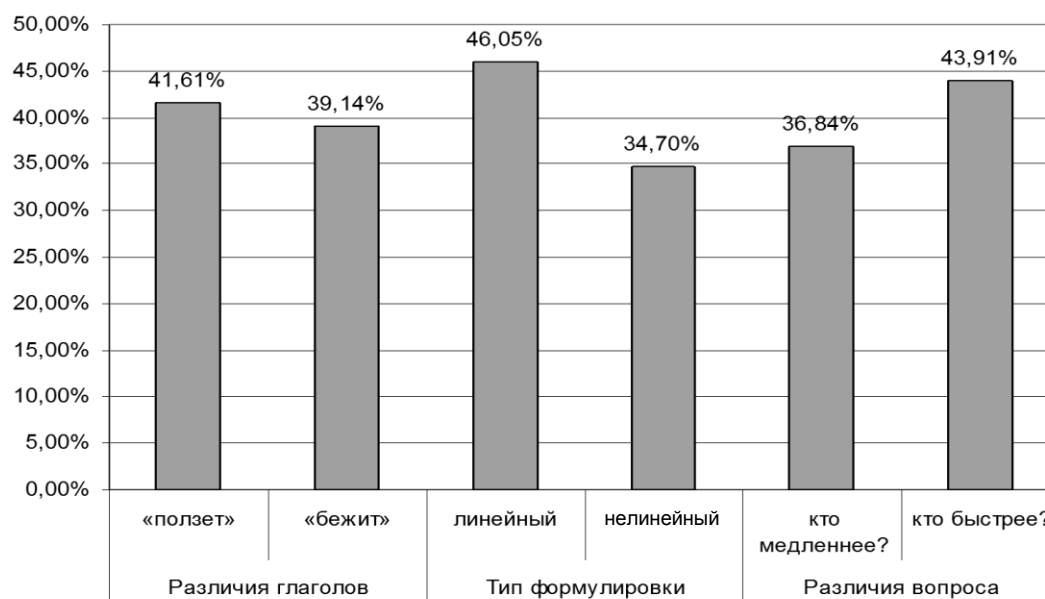

Рис. 10. Количество верно решенных задач в зависимости от: а) используемого глагола;
 б) формулировки условий; в) формулировки вопроса (в % к числу предъявленных задач) /
 Fig. 10. Number of correctly solved tasks depending on: a) the verb used; b) the formulation of the conditions;
 c) the wording of the question (in % of the number of tasks presented)

Таким образом, общая гипотеза подтвердилась: эффективность умственного решения задач, требующих установления сравнительных отношений, зависит от предметно-семантического содержания отношений между сравниваемыми объектами или сравниваемых признаков (семантических компонентов), с одной стороны, и от синтаксической организации речевых указаний (способов использования языковых средств) – с другой. Вместе с тем полученные результаты и выводы требуют эмпирического уточнения и конкретизации.

В заключение хотелось бы отметить, что масштабная реализация подобных экспериментальных исследований и последовательное накопление данных могут послужить основой: а) для построения содержательных моделей функциональной организации умственных действий и анализа их развития в онтогенезе; б) для решения широкого спектра прикладных задач, например, в сфере мас-

совых коммуникаций, а также в организации учебной деятельности.

Литература

1. Величковский Б. В. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006. 432 с.
2. Гальперин П. Я. Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет»: Высш. шк., 2002. 400 с.
3. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1998. 480 с.
4. Исследование речевого мышления в психолингвистике / под ред. Е. Ф. Тарасова. М.: Наука, 1985. 240 с.
5. Кубрякова Е. С., Сахарный Л. В., Шахнарович А. М. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 239 с.
6. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Едиториал УРСС, 2003. 312 с.

7. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Едиториал УРСС, 2003. 248 с.

8. Маланов С. В. Функциональная организация мышления и генезис установления пространственно-временных и предметно-семантических отношений // Мир психологии. 2014. № 1. С. 53–67.

9. Маланов С. В. Психолингвистика: психологическая теория речевой деятельности: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2014. 240 с.

10. Психолингвистические проблемы семантики / под ред.: А. А. Леонтьева, А. М. Шахнарович. М.: Наука, 1983. 286 с.

11. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: Едиториал УРСС, 2002. 480 с.

12. Францек А. С. Влияние позиции простого предложения в составе текста, а также синтаксической позиции лексем в составе предложения на организацию умственных действий // Актуальные психолого-педагогические проблемы образования: сб. статей / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. С. 122–127.

13. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000. 512 с.

14. Шахнарович А. М. Семантика в онтогенезе речи // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4 (22). С. 16–23.

References

1. Velichkovskii B. V. Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya. Vol. 2 [Cognitive science: The fundamentals of the psychology of cognition: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow: Smysl: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2006. 432 p. (In Russ).

2. Gal'perin P. Ya. Lektsii po psikhologii [Lectures on psychology]. Moscow: Knizhnyi dom «Universitet»: Vysshaya shkola, 2002. 400 p. (In Russ).

3. Gal'perin P. Ya. Psikhologiya kak ob'ektivnaya nauka [Psychology as an objective science]. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO "MODEK", 1998, 480 p. (In Russ).

4. Issledovanie rechevogo myshleniya v psikholingvistike [The study of speech thinking in psycholinguistics]. Ed. by E. F. Tarasova. Moscow: Publ. «Nauka», 1985, 240 p. (In Russ).

5. Kubryakova E. S., Sakharnyi L. V., Shakhnarovich A. M. Chelovecheskii faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi [Human factor in the language: language and the generation of speech]. Moscow: Nauka, 1991, 239 p. (In Russ).

6. Leont'ev A. A. Psikholingvisticheskie edynitsy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya [Psycholinguistic units and the generation of speech utterance]. Moscow: Editorial URSS, 2003. 312 p. (In Russ).

7. Leont'ev A. A. Slovo v rechevoi deyatelnosti: Nekotorye problemy obshchei teorii rechevoi deyatelnosti [Word in speech activity: Some problems of the general theory of speech activity]. Moscow: Editorial URSS, 2003, 248 p. (In Russ).

8. Malanov S. V. Funktsional'naya organizatsiya myshleniya i genezis ustanovleniya prostranstvenno-vremennykh i predmetno-semanticheskikh otnoshenii [Functional organization of thinking and the genesis of the establishment of space-time and subject-semantic relations]. *Mir psikhologii* = The World of Psychology, 2014. no. 1, pp. 53–67. (In Russ).

9. Malanov S. V. Psikholingvistika: psikhologicheskaya teoriya rechevoi deyatelnosti [Psycholinguistics: the psychological theory of speech activity]. Ioshkar-Ola, Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 2014, 240 p. (In Russ).

10. Psikholingvisticheskie problemy semantiki [Psycholinguistic problems of semantics]. Ed. by A. A. Leont'eva, A. M. Shakhnarovich. Moscow: Nauka, 1983, 286 p. (In Russ).

11. Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental'nye napravleniya [Modern American linguistics: fundamental directions]. Moscow: Editorial URSS, 2002, 480 p. (In Russ).

12. Frantsek A. S. Vliyaniye pozitsii prostogo predlozheniya v sostave teksta, a takzhe sintaksicheskoi pozitsii leksem v sostave predlozheniya na organizatsiyu umstvennykh deistvii [The influence of the position of a simple sentence in the text, as well as the syntactic position of the lexemes in the sentence for the organization of mental actions]. *Aktual'nye psikhologo-pedagogicheskie problemy obrazovaniya: sbornik statei* = Actual psychological and pedagogical problems of education: a collection of articles, Ioshkar-Ola, Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 2011, pp. 122–127. (In Russ).

13. Khalpern D. F. Psikhologiya kriticheskogo myshleniya [Psychology of critical thinking]. Saint-Petersburg: Piter, 2000, 512 p. (In Russ).

14. Shakhnarovich A. M. Semantika v ontogeneze rechi [Semantics in the ontogenesis of speech]. *Voprosy psikholingvistiki* = Questions of psycholinguistics, 2014. no 4 (22), pp. 16–23. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 12.05.2017 г.

Submitted 12.05.2017.

Для цитирования: Маланов С. В. Влияние логико-синтаксической организации сравнительных суждений на эффективность установления разных видов семантических отношений в составе умственных действий // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 59–74.

Citation for an article: Malanov S. V. Influence of logic-syntactic organization of comparative judgments on the effectiveness of setting of different types of semantic relations in the composition of mental actions. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 59–74.

Маланов Сергей Владимирович, доктор психологических наук, профессор, Московский институт психоанализа, г. Москва, MalanovSV@mail.ru

Sergey V. Malanov, Dr. Sci. (Psychology), professor, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, MalanovSV@mail.ru

УДК 159.9.07

**ВОЗМОЖНОСТИ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
В СОПРОВОЖДЕНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ, ПРОЖИВАЮЩИХ
В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА**

Е. Ю. Борисова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Введение. Современная ситуация характеризуется прогрессирующим ухудшением состояния психического здоровья детской популяции, ростом числа детей с отклонениями в развитии. В связи с этим сохраняется актуальность разработки методов и подходов, позволяющих своевременно диагностировать трудности и предупреждать развитие явлений дезадаптации. **Цель.** Основной целью исследования, представленного в данной статье, являлась разработка и апробация основанной на нейропсихологическом подходе технологии психолого-педагогического сопровождения детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья, воспитывающихся в условиях полилингвальной социокультурной среды. **Материалы и методы.** В эксперименте приняли участие воспитанники средних групп дошкольных учреждений с общим недоразвитием речи 3 уровня и с задержкой психического развития в количестве 70 человек, в том числе 40 дошкольников составили экспериментальную и 30 – контрольную группы. Диагностическая программа включала отдельные пробы адаптированных для детей вариантов батареи тестов А. Р. Лурия. На формирующем этапе реализовывалась комплексная коррекционно-развивающая работа, основанная на сочетании двигательной и когнитивной коррекции. **Результаты исследования.** Представлен сравнительный анализ динамики показателей психического развития детей дошкольного возраста разных нозологических категорий, воспитывающихся в полилингвальной и в монолингвальной среде. Результатом коррекционной работы стало продвижение дошкольников в умении усваивать и выполнять двигательные программы, выстраивать основные смысловые единицы рассказа в правильной последовательности, что отражает положительную динамику формирования произвольной регуляции, программирования и контроля. **Обсуждение и заключение.** Анализ результатов позволяет утверждать, что реализация нейропсихологического подхода в сопровождении детей с ограниченными возможностями здоровья обеспечивает позитивные изменения, характеризующие как регуляторные, так и практические и гностические процессы, при этом более выраженный позитивный эффект обеспечивается при достаточно продолжительном коррекционно-развивающем воздействии. Выявлено влияние специфики языковой среды на эффективность коррекционно-развивающей работы.

Ключевые слова: нейропсихологическая диагностика, психолого-педагогическое сопровождение, полилингвальная и монолингвальная среда, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Марий Эл в рамках научного проекта № 16-16-12004 а(р).

**THE POSSIBILITIES OF NEUROPSYCHOLOGICAL APPROACH
TO SUPPORT PRESCHOOL CHILDREN WITH LIMITED HEALTH ABILITIES LIVING
IN THE MULTICULTURAL REGION**

E. Y. Borisova

Mari State University, Yoshkar-Ola

The current situation is characterized by progressive deterioration of the mental health of the child population, the increase in the number of children with deviations in development. In this connection is a problem of development of methods and approaches to diagnose difficulties and to prevent the development of symptoms of maladjustment.

Purpose. The main objective of the research presented in this article was development and testing based on the neuropsychological approach of technology of psychological and pedagogical support of preschool children with disabilities living in conditions of polylingual sociocultural environment. **Materials and methods.** The experiment involved pupils of secondary groups of preschool institutions with General speech underdevelopment of level 3 and with a delay of mental development in the amount of 70 people, including 40 preschoolers to experimental and 30 to control group.

The diagnostic program included some tests adapted for children battery options tests A. R. Luria. In the forming step was implemented a complex of correctional-developing work based on the combination of motor and cognitive correction. **Results.** Implemented comparative analysis of dynamics of indicators of mental development of pre-school children of different nosological categories living in polylingual and monolingual environment. The result of remedial work is to promote preschoolers' ability to learn and execute motor programs to build basic semantic unit of the story in the correct sequence, reflecting the positive dynamics of formation of arbitrary regulation, programming and control. **Discussion and Conclusions.** Analysis of the results suggests that implementation of a neuropsychological approach to support for children with disabilities provides a positive change, characterizing both the regulative and praxis and gnostic processes, with a more pronounced positive effect is ensured with a sufficiently long correctional and developmental impact. It was revealed the effect of the specifics of the language environment on the effectiveness of correctional-developing work.

Key words: neuropsychological diagnostics, psychological and pedagogical support, polylingual and monolingually environment, children with limited health abilities.

Acknowledgements: the reported study was funded by RFPR and Government of the Mari El region according to the research project № 16-16-12004 a(p).

Введение

Характеризуя состояние психического здоровья детской популяции, большинство исследователей отмечает его прогрессирующее ухудшение, констатируя рост числа детей с отклонениями в психическом развитии, наличие у большинства признаков неблагополучия ЦНС. Именно поэтому не теряет своей актуальности поиск методов и подходов, дающих возможность своевременно диагностировать трудности и предупреждать развитие явлений дезадаптации. Все большее внимание, как при оценке актуального развития ребенка, так и, соответственно, при планировании эффективной психокоррекционной работы, уделяется нейропсихологическому подходу, позволяющему выявить слабые когнитивные механизмы, обуславливающие большинство трудностей, возникающих при обучении [1; 3; 4; 6; 7; 8; 10; 12].

Эффективность использования нейропсихологических методов в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья сегодня является общепризнанной, в связи с чем школьная нейропсихология активно внедряется в современную педагогическую практику [2; 9; 10]. Однако большинство разработанных программ ориентировано на младший школьный возраст, кроме того, часто за рамками исследований остаются вопросы учета особенностей развития и взаимодействия мозговых систем и механизмов в ситуации усвоения ребенком разных языков. Как отмечают Т. Г. Визель и А. В. Константинова, усваивать два языка ребенок может только в случае нормального речевого и психомоторного развития, и в условиях билингвизма патологические факторы, тормозящие усвоение учебного материала, оказываются гораздо более значимыми, чем в монолингваль-

ных [7]. С учетом характерной для нашей страны поликультурности, значительная часть детей дошкольного возраста развивается в полилингвистической среде, что определяет актуальность учета нейропсихологических и психологических механизмов и факторов развития высших психических функций в условиях языкового разнообразия.

Цель исследования

Основной целью исследования является разработка и апробация основанной на нейропсихологическом подходе технологии психолого-педагогического сопровождения детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья, воспитывающихся в условиях полилингвальной социокультурной среды. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что программа коррекционно-развивающего обучения, основанная на результатах дифференцированной и системной нейропсихологической диагностики, может быть достаточно эффективна.

Материалы и методы

В рамках данного исследования, реализованного при поддержке РФФИ (проект № 16-16-12004) осуществлен сравнительный анализ динамики показателей психического развития детей дошкольного возраста (пятый год жизни) разных нозологических категорий, воспитывающихся в полилингвальной и в монолингвальной среде. Динамика показателей отслеживалась в процессе реализации психолого-педагогического сопровождения, включающего нейропсихологическую диагностику и коррекцию. В эксперименте приняли участие воспитанники средних групп дошкольных учреждений с общим недоразвитием речи 3 уровня и с поддержкой психического развития в количестве

70 человек, в том числе 40 дошкольников составили экспериментальную и 30 – контрольную группы. Формирование групп осуществлялось на основе заключений психолого-медико-педагогической комиссии, а также по показателям экспертной оценки педагогов (учителей-логопедов).

В реализации апробируемой программы сопровождения принимали участие учителя-логопеды, педагоги-психологи и воспитатели групп.

Диагностическая программа нашего исследования включала отдельные пробы адаптированных для детей вариантов батареи тестов А. Р. Лурия (Т. В. Ахутина и др., Ж. М. Глоzman и др.) [8; 11]. В нашем исследовании тестовая батарея включала 22 пробы, выполнение которых оценивалось и анализировалось по 73 параметрам. Обследование осуществлялось на констатирующем и контрольном этапах, кроме того, с целью оценки динамики показателей была проведена промежуточная диагностика.

На формирующем этапе в течение учебного года в индивидуальной и групповой форме реализовывалась комплексная коррекционно-развивающая работа, основанная на сочетании двигательной и когнитивной коррекции. Преобладающее содержание коррекционно-развивающих программ было представлено игровыми методами, в том числе, предполагающими двигательное опосредование когнитивных процессов. Подбор игровых заданий, их количество и сложность носили индивидуализированный характер, поскольку определялись нейропсихологическим статусом ребенка.

Результаты

С целью оценки динамики показателей, после реализации 1 этапа программы сопровождения (два месяца коррекционной работы) была осуществлена промежуточная диагностика по отдельным пробам (динамический праксис, реципрокная координация, отсроченная моторная память, корректурная проба и составление рассказа по картинкам). Положительные сдвиги по большинству исследуемых параметров, отражающие возрастную динамику становления регуляторных функций, были отмечены в обеих группах. Оценка значимости различий динамики исследуемых показателей по критерию Mann–Whitney U в контрольной и экспериментальной группах (осуществлено сравнение сдвигов) позволила констатировать значимые различия между группами в сдвигах в сторону улучшения по таким параметрам как выполнение программы ($p = 0,036$) и ошибки серийной организации ($p = 0,008$) в пробе на отсроченную моторную память, продуктивность

выполнения корректурной пробы ($p = 0,043$) и программирование рассказа ($p = 0,003$) [5].

Программа итоговой диагностики, завершающей программу сопровождения, по своему составу полностью соответствовала первичной. Сравнение выраженности положительных сдвигов в контрольной и экспериментальной группах (Mann–Whitney U) выявило статистически значимые различия по следующим параметрам: усвоение программы ($p = 0,019$) и порядок элементов ($p = 0,015$) в пробе на динамический праксис; выполнение программы в пробе на реципрокную координацию ($p = 0,023$); продуктивность выполнения заданий на праксис позы левой рукой ($p = 0,033$), а также межполушарное взаимодействие в этой же пробе ($p = 0,001$); продуктивность выполнения заданий на оральный праксис ($p = 0,00001$); качество копирования рисунка ($p = 0,021$); результативность идентификации реалистичных изображений в пробе на зрительный гнозис ($p = 0,003$); смысловая адекватность рассказа ($p = 0,030$) в задании на составление рассказа по серии сюжетных картинок; понимание логико-грамматических конструкций ($p = 0,011$). Не достигают статистической значимости, но могут быть рассмотрены как тенденция улучшения показателей времени составления ($p = 0,065$) и количества слов в самостоятельном рассказе ($p = 0,065$) по серии сюжетных картинок. В целом можно констатировать, что реализация нейропсихологического подхода в сопровождении детей с ограниченными возможностями здоровья обеспечивает позитивные изменения, характеризующие как регуляторные, так и практические и гностические процессы.

Рассмотрим более подробно структуру сдвигов по некоторым диагностируемым параметрам. Если по результатам промежуточной диагностики изменение показателей усвоения программы в пробе на динамический праксис оказалось практически идентичным в обеих группах и около 40 % дошкольников не улучшили свои результаты, то в ходе итоговой диагностики подобная картина сохранилась лишь в контрольной группе [5]. На первоначальном этапе только 7,3 % дошкольников экспериментальной группы были способны усвоить программу с первого показа и почти половина (48,8 %) усвоили лишь после совместного с педагогом выполнения задания по речевой инструкции. Итоговая диагностика (табл.) продемонстрировала, что уже более половины испытуемых (58,5 %) стали способны усвоить программу после второго показа и лишь 2,4 % по-прежнему испытывали необходимость в совместном выполнении

и вербальном сопровождении. Более длительное коррекционное воздействие обеспечило воспитанникам экспериментальной группы развитие способности усвоения программ на двигательном уровне. Следует отметить также некоторое улучшение кинестетических характеристик выполнения пробы: если в контрольной группе у всех дошкольников сохранились неловкие, плохо скоординированные движения, то в экспериментальной у небольшого количества детей (14,6 %) эти проявления исчезли.

Сдвиги показателей пробы на динамический праксис на этапе итоговой диагностики (процент детей, продемонстрировавших соответствующий сдвиг) / The changes of indexes of test on dynamic praxis at the stage of final diagnosis (percentage of children demonstrating the appropriate shift)

Показатель / Indicator Группа / Group	Усвоение программы / The uptake of the program			Кинестетические характеристики / Kinesthetic characteristics		
	0	1	2	3	0	1
Экспериментальная / experimental group	26,8 %	24,4 %	43,9 %	4,9 %	85,3 %	14,6 %
Контрольная / control group	45,5 %	40,9 %	13,6 %	0 %	100 %	0 %

Интересные изменения произошли и в качественных характеристиках выполнения пробы на реципрокную координацию. На первоначальном этапе это задание вызывало выраженные затруднения в обеих группах: практически ни один из воспитанников не мог перейти к автоматизированному плавному выполнению программы сразу или после единичных сбоев в начале, большая часть (около 40 %) демонстрировала повторяющиеся сбои, отставания одной руки с самокоррекцией, 22 % в экспериментальной и 14 % в контрольной не справились с заданием, уподобляя движения обеих рук. На этапе итоговой диагностики в контрольной группе результаты мало изменились, ни один из воспитанников не получил максимальной оценки и все так же 40,9 % выполняли задание с повторяющимися сбоями с самокоррекцией. В то же время в экспериментальной группе большинство воспитанников продемонстрировали переход к автоматизированному выполнению сразу или после единичных сбоев в начале (26,8 %) или после нескольких сбоев или поочередного выполнения (43,9 %). Анализ результатов отражает положительную динамику формирования произвольной регуляции, программирования и контроля.

Сравнение результатов первичной и итоговой диагностики позволяет с уверенностью утверждать, что без введения элементов нейропсихологической коррекции в сопровождение детей с ОВЗ трудно ожидать существенной динамики формирования регуляторных функций, в то же время, учет данных промежуточной диагностики наглядно иллюстрирует необходимость не краткосрочно, а достаточно длительного воздействия.

Одной из задач нашего исследования являлся анализ результатов с позиций влияния специфики языковой среды на эффективность коррекционно-развивающей работы. С этой целью в структуре выборки выделены две уравненные по нозологическому признакам подгруппы: 1 – дети, воспитывающиеся в семьях, говорящих на одном языке, 2 – воспитывающиеся в полилингвальной среде (преимущественно билингвальной).

По результатам промежуточной диагностики статистический анализ (Mann – Whitney U) не выявил значимых различий в сдвигах исследуемых показателей в монолингвальной и полилингвальной экспериментальных группах, но была отмечена различная чувствительность к коррекционному воздействию дошкольников из билингвальных и монолингвальных семей. В частности, выяснилось, что улучшения показателей выполнения уже усвоенной двигательной программы оказались более характерны для воспитанников-билингвов, в то же время, по параметру уменьшения ошибок серийной организации более заметно влияние обучения в группе монолингвов. По остальным параметрам, характеризующим произвольную регуляцию, на этапе промежуточной диагностики изменения, произошедшие под влиянием обучения в группе моно- и билингвов существенно не различались [5].

Сравнительный анализ результатов первичной и итоговой диагностики позволяет констатировать значимые различия в выраженности изменений в моно- и полилингвальной экспериментальной группах по следующим шестнадцати параметрам: усвоение программы в пробе на динамический праксис ($p = 0,038$), выполнение программы в пробе на реципрокную координацию ($p = 0,11$), продуктивность выполнения ($p = 0,11$) и характер выполнения левой рукой ($p = 0,041$) пробы на праксис позы, а также количество кинестетических ($p = 0,05$) и пространственных ($p = 0,038$) ошибок в этом задании; продуктивность выполнения заданий на оральный праксис ($p = 0,026$); качество копирования рисунка ($p = 0,006$); результативность идентификации наложенных изображений в пробе на зрительный гнозис ($p = 0,005$); продуктивность

оценки ритмических структур в пробе на слухомоторную координацию ($p = 0,001$); слухоречевая память ($p = 0,006$); количество конкретно-ситуативных объяснений при исключении лишнего ($p = 0,021$); называние предметов и действий ($p = 0,006$); составление фраз ($p = 0,023$), составление рассказа по картине ($p = 0,016$); время составления рассказа по серии сюжетных картин ($p = 0,034$). По всем вышеперечисленным параметрам, за исключением времени составления рассказа по серии сюжетных картин, более выраженные позитивные изменения произошли в экспериментальной группе воспитанников-монолингвов. Это позволяет сделать вывод о том, что реализация нейропсихологического подхода в коррекционной работе с детьми оказывает более интенсивное воздействие на дошкольников, воспитывающихся в монолингвальных семьях.

С целью уточнения ситуации, характерной для дошкольников, воспитывающихся в полилингвальных семьях, рассмотрим результаты не только экспериментальных, но и контрольных групп. Сравнение сдвигов исследуемых показателей в экспериментальных и контрольных группах моно- и полилингвов вновь отражает специфическую чувствительность к коррекционному воздействию испытуемых, воспитывающихся в различной языковой среде. Существенные различия в уровне выраженности сдвигов между контрольной и экспериментальной группами оказались более характерны для воспитанников-полилингвов, поскольку в этих подгруппах выявлены статистически значимые различия по большему числу диагностируемых параметров (5 в группе монолингвов и 15 в группе полилингвов). Этот факт позволяет предположить, что отсутствие специального сопровождения, учитывающего нейропсихологический статус ребенка, более негативно сказывается именно на дошкольниках, воспитывающихся в полилингвальных семьях.

Заключение

На основании анализа результатов можно констатировать следующее:

1. Реализация нейропсихологического подхода в сопровождении детей с ограниченными возможностями здоровья обеспечивает позитивные изменения, характеризующие как регуляторные, так и практические и гностические процессы.

2. Отсутствие коррекционной работы, учитывающей нейропсихологический статус ребенка с ОВЗ, не позволяет обеспечить существенную динамику формирования регуляторных функций.

3. Более выраженный позитивный эффект обеспечивается при условии реализации коррекцион-

но-развивающей работы в течение продолжительного времени (не менее 6 месяцев), краткосрочные программы недостаточно результативны.

4. Реализация нейропсихологического подхода в коррекционной работе с детьми оказывает более интенсивное воздействие на дошкольников, воспитывающихся в монолингвальных семьях, при этом отсутствие специального сопровождения, учитывающего нейропсихологический статус ребенка, более негативно сказывается на дошкольниках, воспитывающихся в полилингвальных семьях.

В целом анализ результатов исследования подтверждает результативность дифференцированного коррекционно-развивающего воздействия, построенного с учетом актуальных возможностей ребенка, определяемых на основании нейропсихологического статуса. Выявленные тенденции определяют необходимость реализации психолого-педагогического сопровождения детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья с учетом, как нейропсихологического статуса ребенка, так и специфики полилингвальной социокультурной среды.

Литература

1. Ахутина Т. В., Пылаева Н. М., Хотылева Т. Ю. Нейропсихологический подход в инклюзивном образовании // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии: материалы Междунар. научно-практич. конф. (20–22 июня 2011, Москва). М.: МГППУ, 2011. С. 71–73.
2. Ахутина Т. В., Камардина И. О., Пылаева Н. М. Нейропсихолог в школе. Индивидуальный подход к детям с трудностями в обучения в условиях общего образования. М.: В. Секачев, 2013. 56 с.
3. Ахутина Т. В., Пылаева Н. М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. СПб.: Питер, 2008. 320 с.
4. Борисова Е. Ю. Возможности нейропсихологической диагностики риска формирования отклонений в развитии в дошкольном возрасте // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 5 (20). С. 65–70.
5. Борисова Е. Ю., Козина И. Б. Нейропсихологический подход в коррекции недостаточности регуляторных функций у детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2016. № 11. С. 311–317.
6. Борисова Е. Ю., Козина И. Б. Нейропсихологический подход к анализу особенностей психического развития детей дошкольного возраста, проживающих в поликультурном регионе / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2015. 140 с.
7. Визель Т. Г., Константинова А. В. Обучение грамоте в билингвальных условиях. М.: В. Секачев, 2014. 90 с.
8. Глоzman Ж. М. Нейропсихологическое обследование: качественная и количественная оценка данных. М.: Смысл, 2012. 264 с.
9. Камардина И. О., Матвеева Е. Ю., Пылаева Н. М. Групповая нейропсихологическая диагностика в начальной школе // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии: материалы Междунар. научно-практич. конф.

(20–22 июня 2011, Москва) / Моск. гор. психол.-пед. ун-т. М.: МГППУ, 2011. С. 147–148.

10. Корсакова Н. К., Микадзе Ю. В., Балашова Е. Ю. Неудачные дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников. Изд. второе, дополн. М.: Педагогическое общество России, 2001. 160 с.

11. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников. Изд. 2-е, исправленное и дополн. / под общ. ред.: Т. В. Ахутиной, О. Б. Иншаковой. М.: В. Секачев, 2012. 128 с.

12. Сергиенко А. А. Нейропсихологический метод в дифференциальной клинико-психологической диагностике когнитивных нарушений у детей и подростков с психической патологией // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 141–157.

References

1. Ahutina T. V., Pylaeva N. M., Hotyleva T. Ju. Neijropsihologicheskij podhod v inkljuzivnom obrazovanii [Neuropsychological approach in inclusive education]. *Inkljuzivnoe obrazovanie: metodologija, praktika, tehnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (20–22 ijunja 2011, Moskva)* = Inclusive education: methodology, practice, technologies: materials of the international scientific-practical conference (June 20–22, 2011, Moscow). Moscow: Publ. MGPPU, 2011, pp. 71–73. (In Russ).

2. Ahutina T. V., Kamardina I. O., Pylaeva N. M. Neijropsiholog v shkole. Individual'nyj podhod k detjam s trudnostjami v obuchenija v uslovijah obshhego obrazovanija [Neuropsychologist at school. Individual approach to children with learning difficulties in general education]. Moscow: V. Sekachev, 2013, 56 p. (In Russ).

3. Ahutina T. V., Pylaeva N. M. Preodolenie trudnostej uchenija: neijropsihologicheskij podhod [Overcoming the difficulties of learning: a neuropsychological approach]. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 320 p. (In Russ).

4. Borisova E. Y. Vozmozhnosti neijropsihologicheskoy diagnostiki riska formirovanija otklonenij v razvitii v doskol'nom vozraste [Possibilities of neuropsychological diagnostics of the risk of forming deviations in development at preschool age]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2015, no. 5(20), pp. 65–70. (In Russ, abstr. in Engl).

5. Borisova E. Y., Kozina I. B. Neijropsihologicheskij podhod v korrekcii nedostatochnosti reguljatornyh funkcij u detej doskol'no vozrasta s ogranichenymi vozmozhnostjami zdorov'ja [Neuropsychological approach in correction of insufficiency of regulatory functions in preschool-age children with disabilities].

European Social Science Journal = European Journal of Social Sciences, 2016, no. 11, pp. 311–317. (In Russ, abstr. in Engl).

6. Borisova E. Y., Kozina I. B. Neijropsihologicheskij podhod k analizu osobennostej psihicheskogo razvitija detej doskol'no vozrasta, prozhivajushhih v polikul'turnom regione [Neuropsychological approach to the analysis of the peculiarities of the mental development of preschool-age children residing in a multicultural region]. Yoshkar-Ola: Publ. Mari State University, 2015, 140 p. (In Russ).

7. Vizel' T. G., Konstantinova A. V. Obuchenie gramote v bilingval'nyh uslovijah [Learning to read and write in bilingual terms]. Moscow: V. Sekachev, 2014, 90 p. (In Russ).

8. Glozman Zh. M. Neijropsihologicheskoe obsledovanie: kachestvennaja i kolichestvennaja ocenka dannyh [Neuropsychological examination: qualitative and quantitative evaluation of data]. Moscow: Smysl, 2012, 264 p. (In Russ).

9. Kamardina I. O., Matveeva E. Y., Pylaeva N. M. Gruppovaja neijropsihologicheskaja diagnostika v nachal'noj shkole. [Group neuropsychological diagnostics in the elementary school] *Inkljuzivnoe obrazovanie: metodologija, praktika, tehnologii: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (20–22 ijunja 2011, Moskva)* = Inclusive education: methodology, practice, technologies: materials of the international scientific and practical conference (June 20–22, 2011, Moscow), Moscow: Publ. MGPPU, 2011, pp. 147–148. (In Russ).

10. Korsakova N. K., Mikadze Ju. V., Balashova E. Ju. Neuspevavushhie deti: neijropsihologicheskaja diagnostika trudnostej v obuchenii mladshih shkol'nikov [Unsuccessful children: neuropsychological diagnostics of difficulties in teaching younger schoolchildren]. 2-e izd., Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2001, 160 p. (In Russ).

11. Neijropsihologicheskaja diagnostika, obsledovanie pis'ma i chteniya mladshih shkol'nikov [Neuropsychological diagnostics, examination of writing and reading of younger schoolchildren]. Ed. by T. V. Ahutinoj, O. B. Inshakovoj. 2-e izd.: Moscow: V. Sekachev, 2012, 128 p. (In Russ).

12. Sergienko A. Neijropsihologicheskij metod v differencial'noj kliniko-psihologicheskoy diagnostike kognitivnyh narushenij u detej i podrostkov s psihicheskoy patologiej [Neuropsychological method in differential clinical and psychological diagnosis of cognitive impairment in children and adolescents with mental pathology]. *Klinicheskaja i spetsial'naja psihologija* = Clinical and special psychology, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 141–157. (In Russ, abstr. in Engl).

Статья поступила в редакцию 1.09.2017 г.

Submitted 1.09.2017.

Для цитирования: Борисова Е. Ю. Возможности нейропсихологического подхода в сопровождении детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья, проживающих в условиях поликультурного региона // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 75–80.

Citation for an article: Borisova E. Yu. The possibilities of neuropsychological approach to support preschool children with limited health abilities living in the multicultural region. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 75–80.

Борисова Елена Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, elenaborpsy@yandex.ru

Elena Yu. Borisova, Ph. D. (Psychology), associate professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, elenaborpsy@yandex.ru

УДК 159.9.07

**АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЗНАЧИМОСТИ
СТРЕСС-ФАКТОРОВ И СОМАТИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЖИТЕЛЯМИ,
ПРОЖИВАЮЩИМИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА****Е. Н. Рядинская***Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*

Цель исследования. Целью эмпирического исследования является анализ особенностей субъективного восприятия жителями, проживающими в условиях вооруженного конфликта, значимости стресс-факторов и соматического здоровья. В статье приведен анализ физического и психического здоровья респондентов Донецкой Народной Республики до и после начала вооруженного конфликта. **Материалы и методы.** В статье впервые приведены эмпирические результаты по разработанной автором анкете «Определение субъективного восприятия значимости стресс-факторов для личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта», вопросы которой были сгруппированы в следующие блоки: факторы угрозы жизни, здоровью экономические, общественно-политические; социальные, психологические факторы. Субъективная оценка изменения соматического и психического здоровья населения изучалась с помощью индивидуальных бесед, анализа медицинских данных о характере и количестве заболеваний за последние три года вооруженного конфликта (с 2014 по 2016 гг.). **Результаты и их обсуждение.** В результате исследования выявлено, что за время вооруженного конфликта в соматическом здоровье респондентов произошли существенные трансформации. Обнаружено, что изменения в соматическом здоровье наблюдается как у мужчин, так и у женщин; у мужчин уровень распространенности заболеваний выше, чем у женщин. Эмпирически показано, что в малоинтенсивных районах обстрелов (МИРО) статистически значимым является влияние психологических, социальных и общественно-политических стресс-факторов, тогда как в интенсивно обстреливаемых районах (ИРО) основными факторами, влияющими на психику людей, являются факторы угрозы жизни, здоровья и социальные факторы. Автором подчеркивается влияние стресс-факторов на возрастные категории от 35 до 60 лет и от 60 до 75 лет. **Заключение.** Изучив субъективные оценки соматического и психического здоровья и стресс-факторы, которые оказывают влияние на жителей, проживающих в условиях вооруженного конфликта, можно предположить, что длительное нахождение человека в сложных жизненных обстоятельствах, связанных с вооруженным конфликтом, может затруднять его интеграцию в общество и требовать коррекционных и реадаптационных мероприятий, разработка которых требует дополнительных исследований и дальнейшего внедрения.

Ключевые слова: стресс-факторы, соматическое здоровье, психическое здоровье, вооруженный конфликт, малоинтенсивный район обстрелов, интенсивный район обстрелов, трансформация личности, реадаптационные мероприятия.

Благодарности: исследование выполнено в рамках Инициативного научного проекта фундаментального характера в рамках реализации внутреннего гранта ЮФУ (ВнГр-07/2017-01).

**SPECIFIC FEATURES OF SUBJECTIVE PERCEPTION
OF THE SIGNIFICANCE OF STRESS FACTORS AND SOMATIC HEALTH
BY THE PERSON LIVING IN THE ARMED CONFLICT AREA****E. N. Ryadinskaya***Southern Federal University, Rostov-on-Don*

The goal of the study. The goal of this empirical study is the analysis of the specific features of subjective perception by the residents living in the armed conflict area, of the significance of stress factors and their somatic health. This paper presents an analysis of the somatic and mental health of the respondents of the Donetsk People's Republic before and after the beginning of the armed conflict. **Materials and methods.** For the first time the article presents empirical data based on the developed by the author questionnaire titled "Determination of subjective perception of the significance of stress factors for the person living in an area of the armed conflict" the questions of which were grouped into the following blocks: threats to life, health, economic, socio-political, social, and psychological factors. The subjective assessment of the change in the somatic health of the residents

was based on individual interviews, studying medical records on the nature and number of diseases in the last three years (from 2014 up to 2016). **Results and their discussion.** As a result of the research it was found that significant transformations took place in the somatic health of the respondents during the armed conflict. It was also established that changes in the somatic health are observed in both men and women; in men, the incidence of diseases is higher than that in women. It is empirically shown that in the areas of low-intensity shelling (ALIS) statistically significant are the influences of psychological, social and socio-political stress factors, whereas in the intensively shelled areas (ISA) the main factors affecting the human psyche are the threats to life, health and social factors. The author emphasizes the influence of stress factors on the age categories of people (from 35 to 60 years and from 60 to 75 years). **Conclusion.** Having studied the subjective assessments of somatic and mental health, and stress factors that affect the people living under the armed conflict conditions, it can be assumed that long stay of people in difficult life circumstances of an armed conflict can make it difficult to integrate them into society and demand corrective and re-adaptation measures, the development of which requires additional research and further implementation.

Key words: stress factors, somatic health, mental health, armed conflict area, area of low-intensity shelling, intensively shelled area, personality transformation, re-adaptation measures.

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of the Initiative Scientific Project of the fundamental nature according to the goals of the internal Southern Federal University grant (ВнГр-07/2017-01).

Цель исследования

Исследования многих авторов показывают, что страхи, тревоги, различные негативные эмоции, стрессы могут отражаться на физическом и психическом здоровье людей, особенно в условиях вооруженного конфликта (ВК) [2; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 12].

Стресс затрагивает весь организм в целом, даже если едва выражен, он все равно изменяет физиологическое состояние человека. Негативные эмоции активируют вегетативную нервную систему, которая в свою очередь воздействует на эндокринную и нервно-гуморальную системы [1; 13].

Следует отметить, что людям, проживающим в условиях вооруженного конфликта, очень сложно адаптироваться самостоятельно, как правило, им трудно преодолеть барьер между двумя реальностями – войны и мира. Ощущение несправедливости мира и хрупкости жизни, естественный страх за жизнь, желание мести – эти эмоции продолжают преследовать человека и в мирных условиях. Страх является стрессовой и травматической нагрузкой для человеческого организма, активизирует застарелые болезни, а иногда порождает новые [11; 15; 16; 19].

Материалы и методы

В эмпирическом исследовании, которое имело целью выявление особенностей субъективного восприятия значимости стресс-факторов и соматического здоровья личностью, проживающей в зоне вооруженного конфликта, приняли участие 723 человека в возрасте от 17 до 75 лет. Выборка была гетерогенной; семейное положение респондентов было различным (проживали в паре или были одиноки). Исследование проводилось в восьми

городах Донецкой Народной Республики (г. Ясиноватая, Горловка, Докучаевск, Дебальцево, Иловайск, Макеевка, Донецк, Енакиеве), в которых с 2014 г. по 2017 г. с разной интенсивностью идут боевые действия.

Для анализа психического и физического состояния людей, проживающих в зоне вооруженного конфликта (ЗВК), нами была разработана авторская анкета «Определение субъективного восприятия значимости стресс-факторов для личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта», а также проводились индивидуальные беседы, изучались медицинские статистические данные о характере и количестве заболеваний за последние три года (с 2014 по 2016 гг.) и др.

Результаты и их обсуждение

Для начала нами был проведен анализ состояния здоровья населения в Украине. Отметим, что в целом по Украине в 2016 г. произошел рост уровня распространенности болезней среди населения по отношению к 2014 г. (на 0,57 %, 170128,0 на 100 тыс. нас. в 2014 и 171096,7 на 100 тыс. нас. в 2016 г.).

В структуре распространенности заболеваний по классам болезней среди населения Украины в 2016 г. первое место заняли болезни системы кровообращения (31,0 %; 52956,9 на 100 тыс. нас.), второе место – болезни органов дыхания (19,8 %; 33952,9 соответственно), третье место – болезни органов пищеварения (9,9 %; 16998,1 соответственно), четвертое место – болезни мочеполовой системы (5,5 %; 9382,3 соответственно), пятое место – болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (5,4 %; 9301,8 соответственно) (рис. 1).

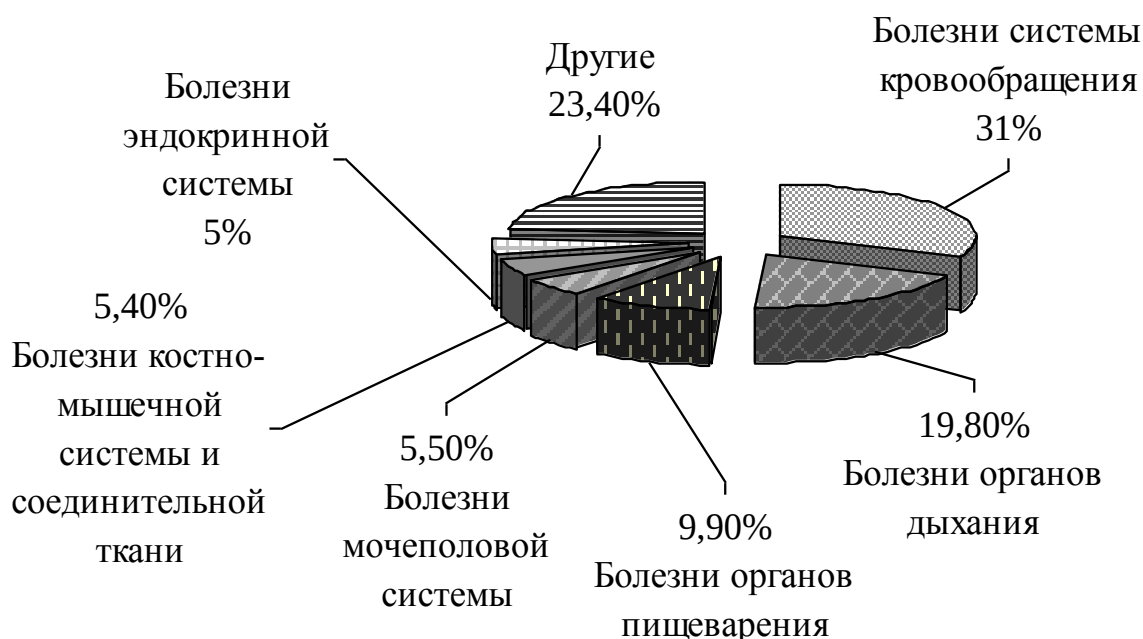

Рис. 1. Структура распространенности болезней среди населения Украины по классам болезней в 2016 г. /
Fig.1. Structure of the prevalence of diseases among the population of Ukraine according to the class of diseases in 2016

В 2016 году уровень распространенности болезней среди мужского населения страны был выше, чем среди женского, по следующим классам болезней: расстройства психики и поведения – на 105,5 %, болезни органов дыхания – на 0,15 %, врожденные пороки развития – на 27,3 %, травмы и отравления – на 67,9 % [14].

Анализируя результаты индивидуальных бесед, промежуточных данных медицинских учреждений разных районов зоны вооруженного конфликта (города Донецкой Народной Республики), изучая медицинские карты (с согласия респондентов), мы выявили значительные изменения психофизиологического состояния исследуемой категории людей (рис. 2).

Было установлено, что у опрошенных наиболее часто проявлялись болезни системы кровообращения – 43,8 % от общей выборки (27,3 % – мужчины, 16,5 % – женщины). Респонденты отмечали учатившиеся приступы стенокардии, аритмии, гипертонии, признаки вегето-сосудистой дисфункции в диагнозе и другое. Причем 58,9 % человек из этой группы проживают в районах, которые подвергаются интенсивным обстрелам (г. Горловка, Дебальцево, Докучаевск, Иловайск, Макеевка и отдельные районы г. Донецка: Киевский, Куйбышевский, Петровский).

У 27,1 % жителей ЗВК наблюдаются частые заболевания органов дыхания, больше у мужчин в возрасте от 35 до 60 лет и старше (52 %), чем у женщин (48 %).

Отметим, что Донецкая область до вооруженного конфликта стабильно входила в пятерку областей Украины по наивысшему уровню заболеваемости и смертности от туберкулеза. Кроме того, в Украине была зарегистрирована высокая заболеваемость область органов дыхания: бронхит, пневмония, бронхиальная астма, плеврит и тромбоэмболия легочной артерии и др.

У достаточного количества респондентов выявлено также нарушение эндокринной системы – 11,7 % опрошенных. Причем 72,3 % из этой группы являются женщинами в возрасте от 35 до 60 лет. Отмечается рост патологии щитовидной железы (гипотиреоз и гипертиреоз) и расстройства поджелудочной железы (сахарный диабет), прослеживается число заболеваний вирусного гепатита (ВГ).

Подчеркнем, что общая заболеваемость вирусными гепатитами на территориях ВК за 2015 г., по сравнению с аналогичным периодом 2014 г., уменьшилась на 48,3 %. Всего зарегистрировано 207 случаев заболевания. Однако неблагоприятная ситуация наблюдается в Амвросиевском районе, городах Горловка и Макеевка, где заболеваемость ВГ, по сравнению с 2014 годом, выросла от 2 до 7 раз.

6,4 % респондентов отметили наличие проблем с костно-мышечной системой и соединительной тканью (артрит, остеоартроз, подагра), а у 5,4 % наблюдались проблемы с пищеварительной системой (гастрит, язва желудка и т. д.).

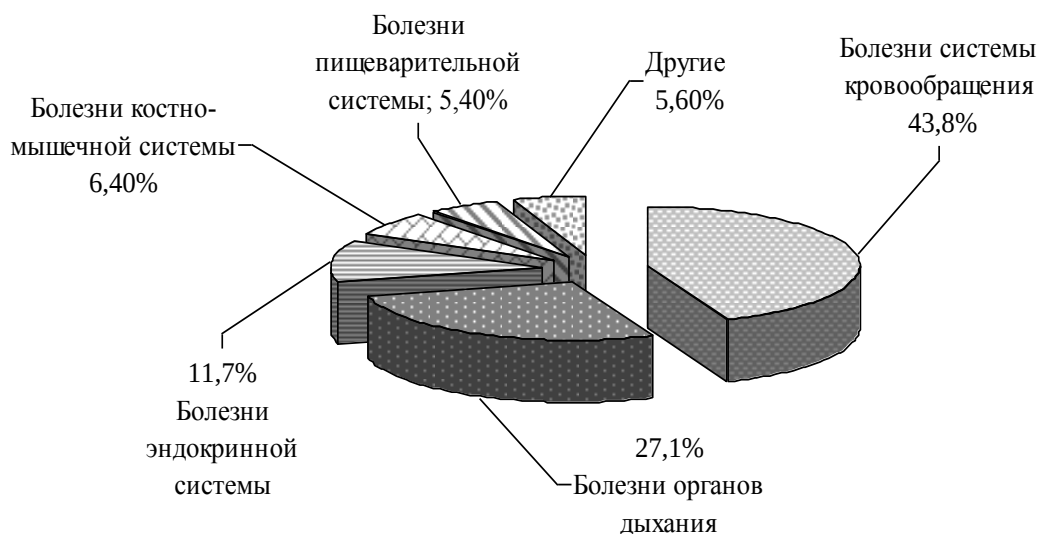

Рис. 2. Субъективная оценка распространенности болезней среди населения, проживающего в ЗВК (ДНР), по классам болезней в 2016 г. /

Fig. 2. A subjective assessment of the prevalence of disease among the population, living in the closed military personnel (Donetsk People's Republic) for disease classes in 2016

Следует подчеркнуть, что у трети респондентов (31,3 %) данные болезни проявились на протяжении 2014–2017 гг., особенно в начале вооруженного конфликта.

Наряду с перечисленными классами болезней были выявлены также более тяжелые формы заболеваний – новообразования различного характера, удаление органов (10,5 % от общей выборки).

Большинство респондентов (62,5 %) отмечают, что ранее не имели существенных проблем со здоровьем. Так, у 57,6 % людей (от количества заболеваний эндокринной системы) с заболеванием «сахарный диабет» не выявлены наследственные признаки, симптомы болезни проявились вследствие перенесенных стрессов в период проживания в зоне интенсивных обстрелов.

По результатам опроса аптек (127 учреждений) относительно лекарств, которые наиболее часто покупаются, было выяснено, что на первом месте лекарства сердечно-сосудистого спектра, на втором – лекарства, предназначенные для дыхательных органов; на третьем – обезболивающие, успокоительные и противовирусные; на четвертом – лекарства, связанные с заболеваниями эндокринной системы; на пятом – лекарства для пищеварительной системы.

В ходе бесед с респондентами было также установлено, что 51,9 % мужчин и 35,8 % женщин (от общей выборки) увеличили дозу употребления алкоголя и количество выкуриваемых в день сигарет. Причем эта тенденция наиболее сильно проявляется у одиноких респондентов возрастной категории 35–60 лет.

Таким образом, изучая субъективную оценку состояния физического здоровья людей, проживающих в зоне вооруженного конфликта, можно сделать вывод, что их здоровье претерпело существенные негативные изменения, что может способствовать и психологическим изменениям личности, вызывать депрессивные и панические состояния, которые могут оказывать влияние на трансформацию личности в целом.

Для изучения **субъективного восприятия личностью значимости стресс-факторов в условиях проживания в зоне вооруженного конфликта** нами использовалась авторская анкета, состоящая из 60 вопросов, которые сгруппированы в следующие блоки: факторы угрозы жизни, здоровью; экономические; общественно-политические; социальные; психологические факторы.

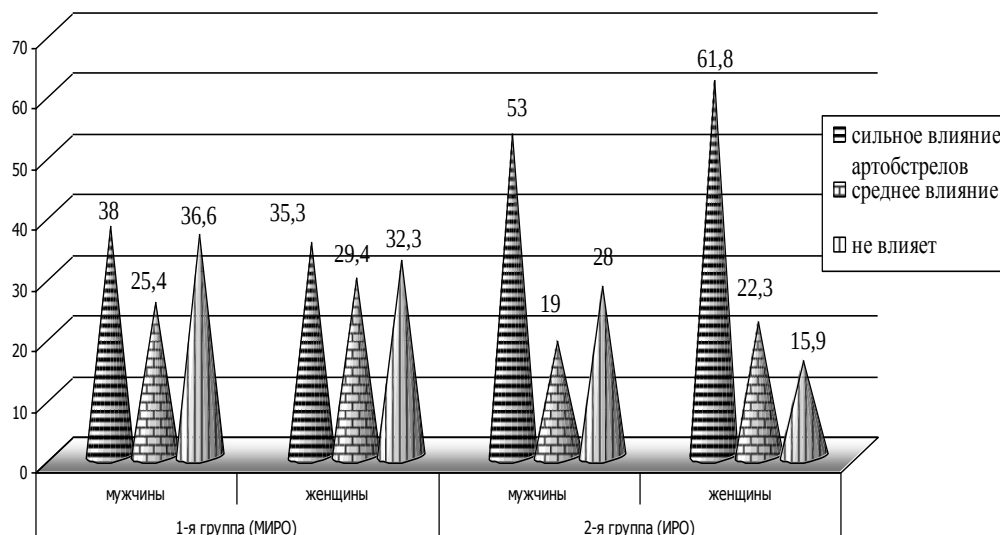
С целью получить более достоверную информацию по проблеме нами были сформированы две группы: первая группа состояла из жителей (335 человек) малоинтенсивных районов обстрелов (МИРО), во вторую входило население (388 человек) из интенсивных районов обстрелов (ИРО).

Анализируя значимость стресс-факторов по первому блоку «угроза жизни» мы выявили, что в основном для респондентов в возрасте от 19 до 60 лет и старше, проживающих как в малоинтенсивных районах обстрелов, так и в интенсивных районах, представляют опасность наземные и воздушные артобстрелы (см. рис. 3).

Как видно на рисунке, показатели во второй группе существенно отличаются от результатов в первой группе и имеют значимые достоверные

различия ($p \leq 0,05$). У жителей, проживающих в зоне интенсивных обстрелов, более выражена боязнь за свою жизнь, они острее чувствуют опасность, реальнее представляют угрозу обстрелов,

поскольку постоянно живут в страхе и тревоге за себя и своих близких, особенно это проявляется у старшей категории респондентов (от 35 до 60 лет, 60 и более лет).

* 1-я группа – жители малоинтенсивных районов обстрелов (МИРО)

** 2-я группа – жители интенсивных районов обстрелов (ИРО)

Рис. 3. Значимость стресс-факторов воздушных и наземных артобстрелов для населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта (в %) /

Fig. 3. The importance of stress factors of air and surface shelling for the population, living in the zone of armed conflict (in %)

Рассматривая результаты по возрастным признакам, следует отметить, что в первой группе (МИРО) респонденты в возрасте 16–19 лет практически не ощущают на себе влияние обстрелов, так как живут в относительно спокойных регионах.

Так, 90,3 % юношей и 70,7 % девушек отмечают, что на их физическое состояние артобстрелы никакого влияния не оказывают, лишь иногда слышны отголоски обстрелов, больше похожие на раскаты грома.

Во второй группе (ИРО) исследуемых этой же возрастной категории наблюдается подобная картина с незначимыми различиями – 89,7 % юношей и 50,9 % девушек указали, что не ощущают никакого влияния обстрелов. Вместе с тем почти у трети девушек (28,8 %) отмечено сильное влияние обстрелов, а у 20,3 % – среднее влияние. Данные результаты указывают, прежде всего, на особенности юношеского возраста.

Известно, что в период юности люди охотнее идут на риск, они непримиримы в отстаивании своих взглядов, им присуща максималистская позиция, хочется острых ощущений: идет погоня за адреналиновым возбуждением нейронов от необычных и неожиданных событий. Вооруженный конфликт для них может восприниматься как оче-

редное приключение, возможность показать себя окружающим, доказать себе свою состоятельность и значимость.

Возрастная группа респондентов 19–35 лет характеризуется более устойчивыми взглядами, меньшей степенью импульсивности, стремлением упорядочить свою жизнь, добиться реализации целей, карьеры, создать семью и необходимый материальный базис и т. д.

Результаты по вопросам степени влияния арт-обстрелов на человека в первой исследовательской группе (МИРО) указывают на то, что респонденты серьезно относятся к данным стресс-факторам. Больше половины опрошенных мужчин (51,5 %) отметили сильное влияние на них обстрелов, треть (33,3 %) – среднее влияние, а на 15,2 % это никак не влияет. Более 60 % женщин указали на то, что артобстрелы существенно влияют на их жизнь. Прежде всего их беспокоит будущее детей, постоянная угроза жизни и здоровью.

Вторая группа (ИРО) исследуемых той же возрастной категории (19–35 лет) показала более высокие результаты по данному стресс-фактору: 80 % мужчин и 100 % женщин отметили о сильном или среднем влиянии на их жизнь каждодневных обстрелов.

Большинство респондентов возрастной группы 35–60 лет и 60 и более лет обеих групп также указали на то, что постоянные обстрелы очень сильно влияют на их жизнь (первая группа – 81,6 % мужчин и 81,5 % женщин; вторая группа – 95,3 % мужчин и 96,4 % женщин).

Ряд вопросов анкеты касался отношения респондентов к возможности получения ранений и собственной гибели или гибели близких людей (рис. 4).

В первой группе (МИРО) половина респондентов, как мужчин (46,3 %), так и женщин (52,2 %) обозначили стресс-факторы, касающиеся ранений, вероятной собственной гибели или гибели родных наиболее значимыми. Треть опрошенных (33,6 % мужчин и 28,8 % женщин) указали на среднюю степень влияния этих факторов, 20 % – показали, что подобные возможные явления их не волнуют.

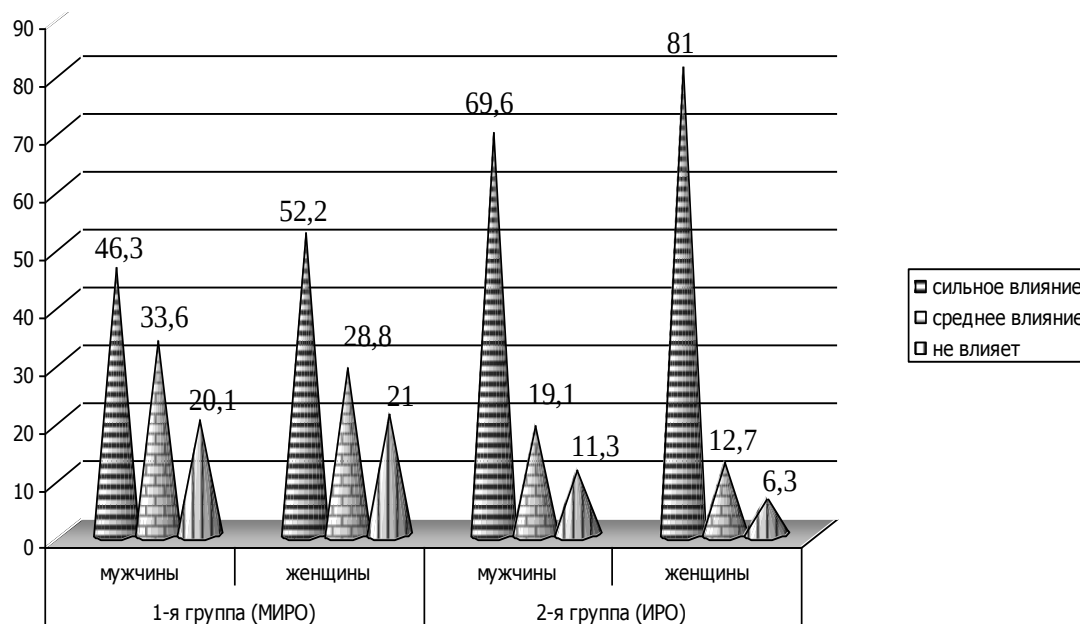

Рис. 4. Значимость стресс-факторов «ранения», «собственная гибель», «гибель родственников» в первой и второй исследовательских группах (в %) /

Fig. 4. The importance of stress factors of “wounding”, “own death”, “death of relatives” in the first and second research groups (in %)

Большинство мужчин (69,6 %) и женщин (81 %) второй группы (ИРО) констатировали, что подобные стресс-факторы являются для них значимыми. Лишь небольшое количество опрошенных (11,3 % и 6,3 %) в основном из возрастной категории 16–19 лет заявили, что они им не важны.

Здоровье – это самое ценное, что есть у человека. Здоровье во всех обществах, входит в число социальных ценностей и определяет специфику современного общества в его движении к исторически новому состоянию. Это положение определяется не только влиянием кризисов: экологического, демографического, геополитического, этнического, нравственного, но и влиянием технико-технологических достижений, вызывающих психические напряжения и стрессы, в результате которых увеличиваются специфические заболевания [3; 4; 17; 20].

Анализируя ответы на вопросы второго блока анкеты относительно важности здоровья респон-

дентов, мы выяснили, что существенных значимых различий в двух группах не выявлено (рис. 5).

Как показано на рисунке, для опрошенных двух групп здоровье имеет большое значение, особенно в условиях вооруженного конфликта. У женщин этот показатель выше, чем у мужчин (1-я группа – 57,5 % 71,7 %; 2-я группа – 73,8 %, 84,1 %). Это объясняется, прежде всего, ответственностью, заложенной в женском организме на генетическом уровне, из-за которой она более бережно относится к своему здоровью, чаще посещает врачей и меньше совершает необдуманных поступков. Мужчины в этом плане более безответственны, вызывают врача, только когда уже заболели. Они чаще употребляют для снятия стресса алкоголь или сигареты, что тоже оказывает не самое лучшее влияние на здоровье. Кроме того, мужчина, если он болен, больше подвержен депрессии, хотя с болезнями женский организм борется дольше мужского [18; 22].

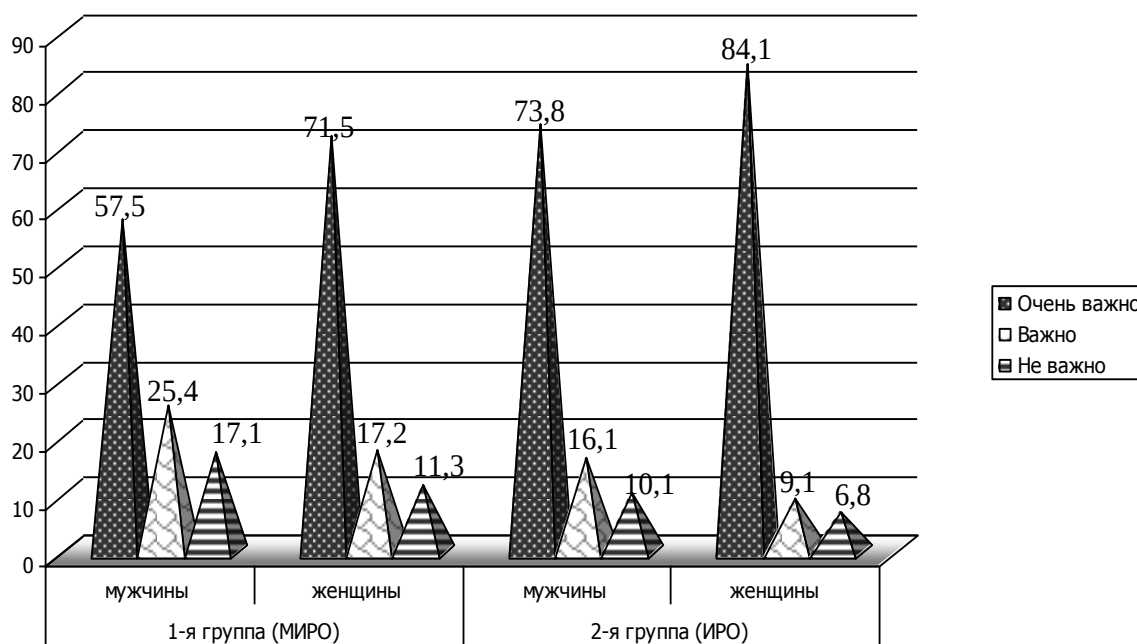

Рис. 5. Значимость стресс-факторов «угроза здоровью» для 1-й и 2-й исследуемых групп (в %) /
Fig. 5. Significance of stress factors "threat to health" for the 1st and 2nd study groups (in %)

Лишь незначительная часть молодых людей в возрасте от 16 до 19 лет из первой и второй групп (11,1 % и 7,7 % соответственно) считают не очень важным для себя здоровье. Видимо, это связано с возрастом, когда собственное здоровье не имеет большой ценности в силу молодости.

Вопросы экономического и общественно-политического блоков анкеты затронули практически всех респондентов. Результаты анкетирования свидетельствуют, что экономическая и общественно-политическая ситуация, сложившаяся в зоне вооруженного конфликта, экономическая и социальная блокада Донецкой Народной Республики усложняют все процессы жизнедеятельности. Невозможность нормально жить, осуществлять трудовую деятельность, финансовая нестабильность, затрудненность территориального передвижения и многие другие стресс-факторы вызывают у людей различные негативные состояния, которые отражаются, прежде всего, на их физическом и психическом здоровье.

Так, большинство респондентов первой группы (МИРО) – считают проблемы экономического характера наиболее важными и значимыми (67,9 % – мужчины, 85,6 % – женщины). Для небольшого количества респондентов (8,9 %) экономическая составляющая жизни не очень важна. Это в основном люди пенсионного возраста (55–65 лет), многие из которых получают пенсию и продолжают работать.

Во второй группе (ИРО) наблюдается подобная тенденция: лишь для 5,7 % респондентов эконо-

мический фактор жизни не имеет большого значения, а 72 % мужчин и 82,3 % женщин считают его значимым.

Общественно-политическая ситуация в Донецкой Народной Республике для жителей является значимой. Большинство жителей, как из первой исследовательской группы (85,7 %), так и второй (94,1 %), отмечают, что их очень волнует разрушение родственных связей, отсутствие понимания близких с территории, где нет военных действий, конфликты с бывшими сослуживцами, которые уехали из зоны вооруженного конфликта, разлука с некоторыми членами семьи и невозможность общения.

Многие мужчины из первой группы (53,7 %) и значительная часть мужчин в возрасте 35–60 лет второй группы (73,2 %) отмечают, что утратили веру в будущее и осознают реальное отсутствие жизненных перспектив. Сложность в трудоустройстве из-за закрытия многих предприятий вследствие блокады и военных действий, низкая заработная плата, вызывают у них чувство растерянности и безысходности. Так, 41 % мужчин первой группы (МИРО) одиноки, из них у 8,2 % респондентов брак разрушился вследствие отсутствия работы и невозможности содержать семью. Во второй группе (ИРО) 45,8 % мужчин одиноки, из них 11,3 % респондентов расстались с семьями по той же причине, что и в первой группе.

Женщины в обеих группах также свидетельствуют об утрате жизненных перспектив и отсутствии

возможности планировать будущее. Однако постоянная тревога и ответственность за детей заставляет их активизировать свои жизненные ресурсы для организации нормального существования в условиях военных действий.

44,7 % женщин первой группы и 59 % второй группы одиноки, из них у 6 % (1-я группа) и у 10 % (2-я группа) опрошенных мужа погибли, принимая участие в вооруженном конфликте. Некоторые одинокие женщины также отмечали, что их семьи распались по причине чрезмерного употребления мужьями алкоголя, привычки, которая проявилось в период вооруженного конфликта, особенно в его начале (2014–2015 гг.), когда невозможно было осуществлять трудовую деятельность из-за сильных артобстрелов.

Вопросы социального и психологического блоков анкеты имеют также большее значение для жителей, проживающих в ЗВК.

Большинство респондентов первой (61,2 %) и второй (77,8 %) групп беспокоят проблемы социального плана, особенно в период с 2014 по 2016 гг., когда Украиной осуществлялась социально-экономическая блокада Донбасса. Невозможность или затрудненность получения пенсий, пособий по уходу за ребенком и по инвалидности, отсутствие элементарных бытовых условий для жизни создавали серьезную угрозу, по их мнению, для дальнейшей жизнедеятельности. В 2014–2015 годах дети практически не посещали учебные учреждения, особенно в районах сильных артобстрелов, студенческая молодежь обучалась дистанционно, что, естественно, снижало уровень качества обучения. Наряду с этим огромное негативное влияние оказывали СМИ, которые всячески нагнетали обстановку, информируя население о положении дел в стране (зачастую не соответствующем действительности), а также негативное отношение жителей той части Украины, где нет военных действий к людям, оставшимся в ЗВК. Неопределенность и неоднозначность ситуации, хаос и неразбериха, отсутствие элементарной безопасности, гарантированной Конституцией, – все это вызывало панику и страх будущего [21].

Психологические стресс-факторы, которые наиболее остро проявились у жителей интенсивно обстреливаемых районов, свидетельствовали о том, что их привычная картина мира разрушена, насилие лишило их иллюзии безопасности, жизненные ценности, будучи ранее приоритетными, утратили свою актуальность. Главной и единственной ценностью стала являться собственная жизнь и жизнь близких людей.

Почти половина респондентов второй группы (ИРО) – 49,2 % отмечали немотивированные вспышки ярости и агрессии, особенно, когда слушали украинские новости, часто отмечали у себя неадекватные реакции на происходящее, 35 % мужчин и 40,5 % женщин жаловались на бессонницу. Жители интенсивно обстреливаемых районов стали замечать у себя проблемы с памятью и концентрацией внимания (19 % мужчин и 23,6 % женщин).

В первой группе (ИРО) треть респондентов (30 %) также указывала на немотивированную агрессию, которая особенно проявлялась у женщин возрастной группы 35–60 лет (19 %). Жители малоинтенсивных районов обстрелов менее пострадали физически, но подверглись психологическим изменениям: проявление подавленного настроения, утрата жизненного смысла вследствие нарушения привычного порядка жизни, страх возможных обстрелов и боязнь угроз об уничтожении, разрыв отношений с родными, у некоторых – потеря близких.

Заключение

Таким образом, проанализировав результаты индивидуальных бесед, данные о состоянии здоровья и условиях жизни, субъективном восприятии стресс-факторов населением, проживающем в условиях вооруженного конфликта, можно сделать вывод о существенных физиологических и социально-психологических изменениях, которые могут оказывать непосредственное влияние на всю ценностно-смысловую структуру личности, подвергая ее серьезной трансформации. Все это может затруднять интеграцию человека в общество и требовать коррекционных и реадаптационных мероприятий, разработка которых требует дополнительных исследований и дальнейшего внедрения.

Литература

1. Анциферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 34–38. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp
2. Асланова О. А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 59–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17753457>
3. Васильева О. С., Филатов Ф. Р. Здоровье как интегративная характеристика личности // Психологический вестник. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 1998. С. 412–419. URL: <http://www.viaregina.ru/workroom/nauchnye-publikacii-fr-filatova.html>
4. Волосюк П. В. Вооруженный конфликт на юго-востоке Украины и международное уголовное право // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 2 (139). С. 211–218. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vooruzhennyi-konflikt-na-yugo-vostoke-ukrainy-i-mezhdunarodnoe-ugolovnoe-pravo>

5. Данильченко С. А. Отношение к смерти и бессмертию на войне: монография. Владивосток: ТВМИ им. С. О. Макарова, 2007. 113 с. URL: <http://bccp.bspu.by/files/Monografiya%20Kadyrov.pdf>
6. Зеленев М. В., Лазебная Е. О., Тарабрина Н. В. Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у участников войны в Афганистане // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 34–47. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp
7. Корниенко Д. С. Личностные предикторы психологического благополучия // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–2. С. 429–432. URL: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35541>
8. Котенёв И. О., Богданова М. Б. Террористический акт в Буденновске: постстрессовые состояния у работников милиции // Известия МЦПО и КНИ при ГУК МВД России. 1996. № 3. С. 49–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-podgotovka-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-k-deystviyam-v-usloviyah-terroristicheskogo-akta>
9. Лазебная Е. О. Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // Психол. журн. 1999. № 5. С. 62–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21390330>
10. Левитов Н. Д. Психическое состояние беспокойства тревоги // Вопросы психологии. 1969. № 1. С. 131–138. URL: <http://www.koob.ru/levitov/>
11. Лунин С. Л. Особенности адаптации трудовых мигрантов разной этно-конфессиональной принадлежности // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции: в 5 т. Т. 5. / отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 263–265. URL: <http://hub.sfedu.ru/media/diss/b4c56750-0010-4c4b-8cd2-6373f6b61433/>
12. Рупперт Ф. Психологическая травма // Вопросы медицины и экологии, 2012. Т. 18. № 4. С. 81–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23404851>
13. Урываев В. А. Трансформации личности как многоаспектная проблема // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. Электрон. науч. журн. 2013. № 2 (2). URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения: 05.03.2015).
14. Щорічна доповідь про стан здоров'я населення, санітарно-епідемічну ситуацію та результати діяльності системи охорони здоров'я України. 2015 рік // за ред. Шафранського В. В.; МОЗ України, ДУ «УІСД МОЗ України». Київ, 2016. 452 с. URL: <http://www.uiph.kiev.ua/download/Vidavnicтво/Shchorichna%20dopovid/IЩорічна%20доповідь.2016.pdf>
15. Abakumova I., Kruteleva L., Ryadinskaya E. Transformation of Life-Sense Strategies of a Person in the Armed Conflict Environment: Theoretical Research // Barcelona: 6th World Congress of Psychology and Behavioral Sciences (Management, Psychology, Political and Social Sciences) (WCPBS 2016), 2016. P. 1–6. URL: https://psyjournals.ru/files/84491/psylaw_2016_n4.pdf
16. Basowitz H., Persky H., Korchin. Sh., Grinker R. Anxiety and Stress: An Interdisciplinary Study of a Life Situation. New York: McGraw-Hill, 1955. P. 203–243. URL: <https://www.amazon.com/Men-Under-Stress-Richard-Grinker/dp/B0007DPT8S>
17. Dohrenwend B. P., Link B. G., Kern R., Shrout P. E. et al. Measuring life events: The problem of variability within event categories. Special issue: II–IV. Advances in measuring life stress // Stress Med. 1990. V. 6. #3. P. 179–187. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/027112149201200310>
18. Grinker R. R., Robbins F. P. Psychosomatic Case Book. N. Y., 1954. P. 112. URL: <http://www.worldcat.org/title/practice-of-management/oclc/230717>
19. Lasarus R. S., Folkman S. Kognitive theories of stress end the issue of circulariti // Dynamics of stress. Physiological, psychological and socil perspectives. EDS M. H. Appley, R. Trumbul. N-Y.: Plenum, 1986. URL: http://userpage.fu-berlin.de/schuez/foalien/Krohne_Stress.pdf
20. Rizvi N. H. A Critique of the models to study stress // Journal Social Science and Human. 1985. Vol. 1–2. P. 103–123. URL: http://www.europeanjournalofsocialsciences.com/ejss_issues.html
21. Ryadinskaya Yev. Theoretical analysis of a systematic approach to the study of the strategies of life meaning of the individual under an armed conflict // The Tenth International Conference on Eurasian scientific development: proceedings of the conference (September 02, 2016). “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2016. P. 40–43. URL: http://ppublishing.org/upload/iblock/56e/X-Eurasia_02.09.2016.pdf
22. Wong P. T. P. Meaning in life. In A. C. Michalos (Ed.), Encyclopedia of quality of life and well-being research, 2014. P. 3894–3898. URL: <http://www.springer.com/us/book/9789400707528>

References

1. Antsiferova L. I. Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslvaniye, preobrazovaniye situatsiy i psikhologicheskaya zashchita [Personality in difficult living conditions: rethinking, transformation of situations and psychological defense]. *Psikhologicheskii zhurnal* = Psychological journal, 1994, vol. 15, no. 1, pp. 34–38. (In Russ).
2. Aslanova O. A. Sotsial'noye samochuvstviye: izmeritel'nyi instrumentariy, pokazatelye I sotsial'nye kriteriyy [Social well-being: measuring instruments, indicators and social criteria]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = Theory and practice of social development, 2012. no. 2, pp. 59–63. (In Russ).
3. Vasilyeva O. S., Filatov F. R. Zdorovye kak integrativnaya kharakteristika lichnosti [Health as an Integrative characteristic of the personality]. *Psikhologicheskii vestnik* = Psychological herald, vyp. 3, Rostov-on-Don, 1998, pp. 412–41. (In Russ).
4. Volosyuk P. V. Vooruzhonnyi konflikt na yugo-vostokye Ukrainy I mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo [Armed conflict in the southeast of Ukraine and international criminal law]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = Herald of the Tambov University. Series Humanities, 2014. vyp. 2 (139), pp. 211–218. (In Russ).
5. Danil'chenko S. A. Otnosheniye k smerti I bessmertiyu na voynye [Relation to death and immortality in war]. Vladivostok: S. O. Makarov Pacific Ocean Navy Institute, 2007. 113 p. (In Russ).
6. Zelenov M. V., Lazebnaya Ye. O., Tarabrina N. V. Psikhologicheskiye osobennosti posttravmaticheskikh stressovykh sostoyaniy u uchastnikov voyny v Afganistanye [Psychological features of posttraumatic stress states in participants of the war in Afghanistan]. *Psikhologicheskii zhurnal* = Psychological journal, 1997, vol. 18, no. 2, pp. 34–47. (In Russ).
7. Korniyenko D. S. Lichnostnye prediktory psikhologicheskogo blagopoluchiya [Personality predictors of psychological well-being]. *Fundamental'nye issledovaniya* = Fundamental research, 2014, no. 11–2, pp. 429–432. (In Russ).

8. Kotenyov I. O., Bogdanov M. B. Teroristicheskiy akt v Budyonnovske: poststressovye sostoyaniya u rabotnikov [The terrorist act in Budyonnovsk: post-stress conditions among police officers]. *Izvestiya MTsPO i KNI pri GUK MVD Rossii* = News of the MCIS and CED at the MCC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996, no. 3, pp. 49–56. (In Russ).
9. Lazebnaya Ye. O. Voenno-travmaticheskiy stress: osobennosti postravmaticheskoy adaptatsii uchastnikov boyevykh deystviy [Military-traumatic stress: features of post-traumatic adaptation of combatants]. *Psikhologicheskiy zhurnal* = Psychological journal, 1999, no. 5, pp. 62–74. (In Russ).
10. Levitov N. D. Psikhicheskiye sostoyaniya bespokoistva, trevogi [Mental anxiety]. *Voprosy psikhologii* = Questions of psychology, 1969, no. 1, pp. 131–138. (In Russ).
11. Lunin S. L., Abakumova I. V. Ossobennosti adaptatsii trudovykh migrantov raznoy etno-konfessional'noy prinalozhnosti [Peculiarities of the adaptation of labor migrants of different ethno-confessional affiliation]. *Ot istokov k sobremennosti: 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: sbornik materialov yubileynoy konferentsii: v 5-ti tomakh* = From the beginnings to the present: 130 years of organization of a psychological society at the Moscow University: a collection of materials for the jubilee conference: in 5 vols, vol. 5. Ed. by D. B. Bogoyavlenskaya. Moscow: Kogito-Tsentr, 2015, pp. 263–265. (In Russ).
12. Ruppert F. Psikhologicheskaya travma [Psychological trauma]. *Voprosy meditsiny i ekologii* = Questions of medicine and ecology, 2012, vol. 18, no. 4, pp. 81–92. (In Russ).
13. Uryvayev V. A., Boychuk B. V. Transformatsiya lichnosti kak mnogoaspektnaya problema [Transformation of the personality as a multidimensional problem]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obucheniye, praktika. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* = Clinical and medical psychology: research, teaching, practice, 2013, no. 2 (2). Available from: <http://medpsy.ru/climp> (accessed March 5, 2015). (In Russ).
14. Shchorichna dopovid' pro stan zdorovya naselennya, sanitarno-epidemichnu sytuatsiyu ta rezul'taty diyal'nosti systemy okhorony zdorovya Ukrainy. 2015 [Annual report on the health status of the population, the sanitary and epidemiological situation and the results of the health care system of Ukraine. 2015]. Ed. by Shafrans'ky V. V.; Ministry of Health Care of Ukraine, State Institution "Ukrainian Institute of Strategic Research of Ministry of Health Care of Ukraine, Kyiv, 2016. 452 p. (In Ukrainian).
15. Abakumova I., Kruteleva L., Ryadinskaya E. Transformation of Life-Sense Strategies of a Person in the Armed Conflict Environment: Theoretical Research. Barcelona: 6th World Congress of Psychology and Behavioral Sciences (Management, Psychology, Political and Social Sciences) (WCPBS 2016), 2016, pp. 1–6.
16. Basowitz H., Persky H., Korchin. Sh., Grinker R. Anxiety and Stress: An Interdisciplinary Study of a Life Situation. New York: McGraw-Hill, 1955, pp. 203–243.
17. Dohrenwend B. P., Link B. G., Kern R., Shrout P. E. et al. Measuring life events: The problem of variability within event categories. Special issue: II–IV. Advances in measuring life stress. *Stress Med.* 1990, vol. 6, no. 3, pp. 179–187.
18. Grinker R. R., Robbins F. P. Psychosomatic Case Book. N.-Y., 1954, p. 112.
19. Lasarus R. S., Folkman S. Kognitive theories of stress end the issue of circulariti. *Dinamics of stress. Physiological, psychological and socil perspectives.* EDS M. H. Appley, R. Trumbul. N.-Y.: Plenum, 1986.
20. Rizvi N. H. A Critique of the models to study stress. *Journal Social Science and Human*, 1985, vol. 1–2, pp. 103–123.
21. Ryadinskaya Yev. Theoretical analysis of a systematic approach to the study of the strategies of life meaning of the individual under an armed conflict. "The Tenth International Conference on Eurasian scientific development". *Proceedings of the Conference (September 02, 2016)*. = "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, 2016, pp. 40–43.
22. Wong P. T. P. Meaning in life. In A. C. Michalos (Ed.) *Encyclopedia of quality of life and well-being research*, 2014, pp. 3894–3898.

Статья поступила в редакцию 15.07.2017 г.

Submitted 15.07.2017.

Для цитирования: Рядинская Е. Н. Анализ особенностей субъективного восприятия значимости стресс-факторов и соматического здоровья жителями, проживающими в условиях вооруженного конфликта // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 81–90.

Citation for an article: Ryadinskaya E. N. Specific features of subjective perception of the significance of stress factors and somatic health by the person living in the armed conflict area. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 81–90.

Рядинская Евгения Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, докторант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, muchalola@mail.ru

Yevgeniya N. Ryadinskaya, Ph. D. (Psychology), associate professor, doctoral student, Southern Federal University, Rostov-on-Don, muchalola@mail.ru

УДК 159.922.5-055.2

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН С ИЗБЫТОЧНОЙ МАССОЙ ТЕЛА, ВЕДУЩИЕ К НАРУШЕНИЮ ЛЕЧЕБНОЙ ДИЕТЫ

Я. К. Смирнова, О. М. Любимова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Цель исследования – изучение специфики эмоционального состояния женщин с избыточным весом как риска нарушения пищевого поведения и срыва лечебной диеты. **Задачи.** Основная задача исследования на основе экспериментально-психологических данных – определить личностные особенности эмоционально-волевой сферы женщин, взаимосвязанные с пищевым поведением и способствующие нарушению лечебной диеты. **Методы.** На выборке женщин, занимающихся по программе снижения веса, при помощи психодиагностических процедур выделены параметры эмоционально-волевой регуляции, которые являются предикторами нарушения пищевого поведения. **Обсуждения и результаты.** Доказано, что среди важнейших причин нарушения пищевого поведения выделяются психологические факторы, возникающие в связи с неустойчивостью психологического состояния. Снижение волевой саморегуляции и контроля эмоциональных реакций у женщин с избыточной массой тела проявляется в следующих сферах: личностной (психологические защиты), эмоциональной (особенные эмоциональные реакции (агрессивность, тревожность и т. д.), волевой (слабость силы воли, астения). Показано, что особенности эмоционально-волевой сферы женщин с избыточной массой тела могут обуславливать эмоциогенное пищевое поведение. Дана сравнительная характеристика особенностей эмоционально-волевой сферы у женщин, обеспокоенных проблемой избыточного веса. Определены различия в пищевом поведении женщин в зависимости от наличия у них проблемы избыточного веса. На примере экстерналистского типа пищевого поведения доказано, что некоторые типы пищевого поведения у женщин могут влиять на состояние эмоциональной сферы. **Выводы.** Удалось проанализировать эмоциональное состояние женщин с избыточной массой тела и проследить, каким образом ситуация диеты актуализирует защитные механизмы личности, которые могут способствовать отказу женщин от соблюдения диеты. Подтверждено, что психологическими предпосылками нарушения пищевого поведения являются переживания фиксированных негативных эмоциональных состояний и снижение эмоционально-волевого контроля.

Ключевые слова: пищевое поведение, нарушение пищевого поведения, эмоциогенное пищевое поведение, эмоционально-волевая сфера, эмоциональное состояние, волевой контроль.

FEATURES OF THE EMOTIONAL-VOLITIONAL SPHERE OF WOMEN WITH EXCESSIVE BODY MASS, LEADING TO THE DISTURBANCE OF THE MEDICAL DIET

Y. K. Smirnova, O. M. Lyubimova

Altai State University, Barnaul

The aim of the study was to study the specificity of the emotional state of overweight women as a risk of eating disorders and disrupting a therapeutic diet. **Tasks.** The main objective of the study, based on experimental psychological data, is to determine the personality characteristics of the women's emotional-volitional sphere, which are interrelated with food behavior and contribute to the disruption of the therapeutic diet. **Methods.** On the sample of women involved in the weight loss program, using psychodiagnostic procedures, the parameters of emotional-volitional regulation are identified, which are predictors of eating disorders. **Discussions and results.** It is proved that among the most important factors of eating disorders are the psychological factors arising in connection with the instability of the psychological state. Reduction of strong-willed self-regulation and control of emotional reactions in women with excessive body weight, manifests itself in the following areas: personal (psychological protection), emotional (emotional reactions (aggressiveness, anxiety, etc.), volitional (weakness of willpower, asthenia). It is shown that the features of the emotional-volitional sphere of women with excessive body weight can cause emotional eating behavior. The comparative characteristics of the emotional-volitional aspects of women who are concerned about the hog exact weight. Identify the differences in eating behavior of women, depending on whether they are overweight problem. On the example of externalities such as eating proven that certain types of eating disorders in women can influence the state of emotional sphere. **Conclusions.** It was possible to analyze the emotional state of women with excessive body weight and to trace how the diet situation actualizes the personal defense mechanisms that can contribute to women's refusal

to comply with the diet. It has been confirmed that the psychological prerequisites of eating disorders are experiences of fixed negative emotional states with a decrease in emotional-volitional control.

Key words: eating behavior, eating disorders, emotional eating behavior, emotional-volitional sphere, emotional state, strong-willed control.

Введение

В современной науке особый интерес для изучения представляют не только факторы, ведущие к набору массы тела, но и психологические механизмы, приводящие к срыву диеты. Данная проблема продиктована тем, что лечебная диета всегда связана с ограничительным пищевым поведением. При этом основной причиной несоблюдения диеты является снижение контроля пищевого поведения на фоне изменения эмоционального состояния. Эмоциональная нестабильность, возникающая во время строгих диет, «диетическая депрессия» часто приводят к отказу от дальнейшего соблюдения диеты, бессистемности диеты, периоды ограничительного пищевого поведения сменяются периодами компульсивного переедания.

Для объяснения данного эффекта разработаны теории и модели факторов срыва соблюдения диет [1; 3]. J. Polivy, C. P. Herman предложили модель границ, где основной причиной рецидивного срыва переедания называется «эмоциональная» строгость диеты в форме контррегуляции (соблюдающие диету сознательно регулируют потребление пищи и склонны переедать при ослаблении самоконтроля и переживания стресса). Т. Г. Вознесенская обозначает данную эмоциональную нестабильность, возникающую в результате применения строгих диет, как «диетическую депрессию». Модель границ дополняется когнитивной теорией «перфекционизма» (Т. М. Гумницкая), в которой выдвинуто предположение о том, что перфекционизм и дихотомическое мышление могут порождать озабоченность формой тела и весом, заставляя придерживаться слишком жестких диетических ограничений и запускать пищевые срывы. Согласно психосоматической модели (Н. Bruch, Н. I. Kaplan, Н. S. Kaplan), в которой комбинируются теория социального научения с концепцией стресса, эмоциогенное пищевое поведение и ожирение являются следствием неспособности человека проводить различие между чувством голода и состоянием тревоги. Н. L. Kaplan, Н. S. Kaplan дополняют данные теории описанием психологических выгод человека от переедания: 1) гипотеза маскировки (переедание как маскировка дистресса); 2) гипотеза комфорта (переедание для облегчения

дистресса); 3) гипотеза отвлечения (переедание может поглощать внимание и отвлекать от беспокойств, вызывающих дистресс).

Таким образом, переедание (гипералиментацию) можно оценить как неполноценную форму психоэмоциональной адаптации (Т. Г. Вознесенская, А. Н. Дорожевец [1]). Нарушение пищевого поведения является одной из форм патологической адаптации и социально приемлемым видом аддиктивного поведения (Г. Д. Петров, А. В. Ротов [4]). В свою очередь, зависимое пищевое поведение учеными рассматривается с позиций психосоматической патологии, пограничного (невротического) нарушения (А. В. Приленская, Е. Р. Тумбасова) [5].

Так как именно стиль питания выступает одним из отражений эмоционального состояния человека (Т. А. Лоншакова, Е. В. Шевкова, Д. А. Толмачев, С. А. Мусаев, К. А. Шайдуров, Н. М. Попова [6], С. Д. Юдина, И. И. Чернова [8]), для нашего исследования важным аспектом стало изучение эмоционального состояния как риска нарушения пищевого поведения и срыва лечебной диеты. В связи с этим важное место в методологии исследования занимают концепции стилей пищевого поведения и положения о том, что люди с ожирением представляют собой гетерогенную группу, т. е. эта группа неоднородна, между ее членами имеются существенные различия, поэтому их трудно отнести к определенному личностному типу (Т. van Strien, С. Braet [10], Н. Thompson-Brenner [9]). Так, различают эмоциогенное, ограничительное и экстернальное пищевое поведение, свойственное пищевым аддиктам (Т. Г. Вознесенская, И. А. Рукавишников, S. Shachter, T. Van Strein, T. F. Heatherton, A. J. Stunkard, C. F. Teich, G. E. Wolff, A. Hilbert, S. Munsch). В большинстве случаев у пациентов с ожирением именно на фоне нестабильного психологического состояния наблюдается выраженное переедание – эмоциогенное пищевое поведение или гиперфагическая реакция на стресс (Т. Г. Вознесенская, В. А. Сафонова, С. L. Ogden). Эмоциогенное пищевое поведение может быть представлено пароксизмальной формой (компульсивное пищевое поведение) либо перееданием с нарушением суточного ритма приема пищи (синдром ночной еды) (А. J. Stunkard, T. Van Sirein).

На данный момент выявлена роль личностных особенностей в возникновении и течении нарушения пищевого поведения, получены данные о структуре личности людей с ожирением (Т. Г. Вознесенская, А. Н. Дорожевец, А. В. Бобровский, A. Ryden). Показано, что у людей с нарушением пищевого поведения и ожирением часто обнаруживаются психопатологические расстройства эмоциональной сферы, такие как депрессия и тревога (Е. Старостина, Н. А. Крапивина, Н. В. Артымук, О. А. Тачкова, В. И. Костин, М. И. Ликстанов, H. Gleaves David, A. Katherine, K. E. Wegner, S. Markowitz, R. E. Roberts, K. L. Tamashiro, K. C. Dunican, D. Rucker, K. E. Wegner, N. M. Petry). Произведены исследования по изучению особенностей психического состояния при нарушениях пищевого поведения (Н. Ю. Краснощёва, М. В. Коркина, М. А. Цивилько, А. В. Ротов, М. А. Гаврилов, А. В. Бобровский, А. В. Приленская, Л. Б. Дыхан, В. В. Пижугийда, Е. И. Геслер, Н. А. Белякова, М. Б. Лясникова, Н. О. Милая). Представлены результаты исследований, отражающие половые различия в проявлении нарушений пищевого поведения у мужчин и женщин (Ю. И. Моталова, Н. В. Семенова, Е. Г. Блинова, В. А. Ляпин, Е. Г. Рыжова О. В. Данилова, В. Н. Буренков, G. J. Musante, P. R. Costanzo, L. M. Boerner, N. S. Spillane, K. G. Anderson). Отдельно раскрыты психологические особенности женщин, имеющих проблемы с лишним весом (Ю. Л. Савчикова, Л. В. Святенко, М. А. Гаврилов и др.) [2; 6; 7]. Однако остается мало исследована область психологических особенностей женщин, способствующих срыву диеты, отказу от похудения с точки зрения эмоционально-волевых особенностей нарушения пищевого поведения.

Из данных проведенных исследований видно, что переедание на фоне эмоционального состояния дискомфорта проявляется как типичная стереотипная реакция на стрессовое состояние. Прослеживается четкая связь между трудностью терапии, соблюдением диеты и эмоциональными нарушениями у этих больных, что и легло в основу нашего исследования.

Мы исходили из предположения, что особенности эмоционально-волевой сферы женщин являются одним из факторов риска нарушения пищевого поведения, а именно изменения в эмоциональной сфере и снижение волевого контроля увеличивают аффективную потребность в еде и приводят к срыву диеты. При этом некоторые типы пищевого поведения у женщин могут влиять на состояние их эмоциональной сферы. Целью исследования

стало выявление особенностей эмоционально-волевой сферы женщин, обуславливающих различные формы нарушений пищевого поведения и срыва соблюдения диеты.

Материалы и методы

Эмпирические методы исследования: клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич), методика «Индекс жизненного стиля» Келлермана – Плутчика – Конте, опросник агрессивности Басса – Дарки (стандартизирован А. А. Хваном, Ю. А. Зайцевым и Ю. А. Кузнецовой), тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверькова, Е. В. Эйдман), голландский опросник пищевого поведения DEBQ.

В исследовании использовались следующие методы математико-статистической обработки данных: критерий U Манна–Уитни, регрессионный анализ (соблюдены требования интервальности данных, независимости переменных, гомогенности данных, учтена нормальность распределения данных, исключена мультиколлинеарность данных, соблюдены требования к количеству выборки). При обработке данных использовался пакет статистических программ SPSS 21.00.

Эмпирическая база исследования. Базой исследования выступил психологический центр «Bliss» г. Усть-Каменогорска. Выборку составили женщины ($n = 30$ в возрасте 25–40 лет), занимающие по программе снижения веса в психологическом центре совместно с медиком, диетологом и психологом. Все женщины имели индекс избыточной массы тела или ожирения 1 степени, согласно современным медицинским показателями лишнего веса. Все женщины в выборке нарушают лечебную диету. Выборку контраста ($n = 30$) составили женщины, не имеющие индекс избыточного веса.

Результаты и обсуждение

Мы исходили из того, что именно пищевое поведение как один из компонентов поведения человека, может выступать внешним индикатором нарушения эмоционального состояния и особенностей регулятивных функций, проявляющихся в процессе приема пищи. В связи с этим изначально нами была поставлена задача выявить особенности эмоционально-волевой сферы, связанные с нарушением пищевого поведения. Для обнаружения особенностей пищевого поведения женщин с избыточной массой тела и нарушающих диету был применен критерий U Манна – Уитни.

Результаты показывают, что у данной группы женщин, по сравнению с группой контраста,

достоверно преобладают такие формы нарушения пищевого поведения как эмоциогенное пищевое поведение ($p = 0,006$), экстернальное пищевое поведение ($p = 0,0001$) и ограничительное пищевое поведение ($p = 0,0001$). Уже можно сделать вывод, что для женщин с избыточной массой тела и нарушающих диету характерно преобладание всех 3 типов нарушения пищевого поведения. При этом по проявлениям нарушений пищевого поведения данная группа оказалась гетерогенной. Однако если проводить внутригрупповое сравнение ($p = 0,05$) у женщин с избыточным весом отмечается преобладание экстернального типа пищевого поведения над другими типами, то есть повышенная реакция женщин не на внутренние стимулы к приему пищи, такие как чувство голода, наполнение желудка, а на внешние стимулы (например, вид еды, социальное окружение).

Также критерий U Манна–Уитни выявил статистически достоверные различия 2 групп, подтверждающие, что женщин с избыточной массой и склонных нарушать диету характеризует явно выраженные изменения эмоционального состояния.

У женщин с избыточной массой и нарушающих диету выявлено преобладание вегетативных нарушений на фоне эмоционального состояния ($p = 0,001$): нарушение аппетита, желудочно-кишечные расстройства, нарушение терморегуляции, нарушения дыхательной системы, нарушение сна, неустойчивость сосудистого тонуса, нарушение сердечно-сосудистой деятельности, головные боли.

Также у женщин с избыточной массой и склонных нарушать диету выявлено наличие обсессивно-фобических тенденций ($p = 0,015$), навязчивых мыслей и воспоминаний, сомнений, страхов, неуверенностью в своих поступках и решениях.

Выявлено, что данной группе присущ истерический тип реагирования ($p = 0,0001$), основные тенденции которого – стремление обратить на себя внимание, нехватка признания, повышенная чувствительность и впечатлительность, обидчивость, а также различные проявления в виде соматических нарушений.

Отличия найдены в выраженности астении ($p = 0,015$). Так, в данной группе присутствуют симптомы психической и физической гиперестезии: повышенная чувствительность, болезненно повышенная возбудимость, быстрая утомляемость, снижение работоспособности, раздражительность, вспыльчивость, эмоциональная лабильность (неустойчивость).

Необходимо отметить характерные особенности женщин с нарушением пищевого поведения

в уровне тревоги ($p = 0,007$). Так, данную группу характеризует снижение порога возбуждения в отношении стимулов, вызывающих тревогу, имеются признаки беспокойства, тревожного напряжения, неуверенности при общении, плохая переносимость ожидания, нетерпеливость, нерешительность.

Данные подтверждают наличие изменений в эмоциональной сфере у женщин с избыточной массой и склонных нарушать диету. У женщин, которые нарушили диету для снижения веса, отмечается эмоциональное переживание внутреннего дискомфорта, напряженное и истощающее физическое ожидание неприятностей. Возможно, тревога у женщин связана с реакцией на стресс и изменившиеся условия жизнедеятельности во время диеты.

Были найдены различия в уровне агрессивности. Так, женщин с избыточной массой тела и нарушением диеты отличают от группы контраста такие формы агрессии, как косвенная агрессия ($p = 0,0001$), негативизм ($p = 0,019$), уровень обиды ($p = 0,0001$), подозрительность ($p = 0,0001$). Данные показывают, что у женщин с избыточной массой тела и нарушающих диету преобладает не прямая агрессия, а формы косвенной враждебности, оппозиционная манера в поведении, недоверие и осторожность по отношению к людям как инструментальная агрессия, связанная с эмоциональными переживаниями. Возможно, косвенная агрессивность женщин с избыточной массой тела связана с ограничительной ситуацией диеты и характеризуется наличием деструктивных тенденций не столько в области субъектно-субъектных отношений, а в области преодоления процесса адаптации к режиму питания.

Для нашего исследования также важно отображение различий в волевой саморегуляции.

Так, по сравнению с группой контраста, у женщин с избыточной массой и склонных нарушать диету наблюдается снижение самообладания ($p = 0,0001$) и общей волевой саморегуляции ($p = 0,006$). Данные свидетельствуют о том, что у данной группы женщин снижается произвольный контроль эмоциональных реакций и состояний. Данной группе женщин характерна спонтанность и импульсивность. Подтверждается предположение о связи низкой способности женщин с избыточной массой тела к овладению собственным поведением в различных ситуациях, трудностью сознательно управлять своими действиями, в том числе снижением уровня развития волевой саморегуляции относительно пищевого поведения, приводящего к набору веса и срыву лечебной диеты.

Также найдены достоверные различия в уровне напряженности психологических защит как индикатора эмоционального состояния и типичного способа преодоления негативных эмоций. Так, можно наблюдать более высокий уровень напряженности и актуализации психологических защит в группе женщин с избыточной массой тела и не соблюдающих диету. Выявлена высокая актуализация защитных механизмов вытеснения ($p = 0,0001$), замещения ($p = 0,0001$), гиперкомпенсации ($p = 0,0001$), регрессии ($p = 0,0001$) и отрицания ($p = 0,008$). Повышенная актуализация защитных механизмов женщин с избыточной массой тела отображает наличие ярковыраженного внутриличностного процесса, направленного на минимизацию отрицательных эмоциональных переживаний. Данные показывают, что среди психологической защиты женщин с избыточной массой тела наблюдается преобладание механизма реактивного образования (гиперкомпенсации). При данном типе актуализации психологических защит человек защищается от осознания дискомфортных эмоций путем преувеличенного развития противоположных стремлений. Это приводит к замещающему поведению: невозможность преодолеть фрустрацию в одной сфере приводит к сверхудовлетворению в других сферах (например, замещающее эмоциогенное пищевое поведение из-за невозможности совладания с негативными эмоциями). Актуализация данных незрелых психологических защит в аффективной ситуации зачастую повышает риск срыва лечебной диеты.

Преобладание данных типов психологических защит, скорее всего, связано с особенностями волевого контроля женщин с избыточной массой тела. В свою очередь, через преобладающие защитные механизмы подтверждается, что, возможно, еда выступает тем заместителем, который позволяет разрешить накопившееся напряжение, которое обнаружено нами в форме эмоционального напряжения, невротических симптомов, агрессивных тенденциях у женщин с избыточной массой тела и нарушающих диету.

Дальнейшим этапом исследования являлось выявление предикторов нарушения пищевого поведения при помощи регрессионного анализа. Регрессионный анализ подтвердил предположение о влиянии особенностей эмоционально-волевой сферы на пищевое поведение.

Так подтверждаются вышепредставленные данные, что предикторами эмоциогенного пищевого поведения у женщин с избыточной массой тела и нарушающих диету ($R^2 = 0,972$, $p = 0,001$) является актуализация защитного механизма ги-

перкомпенсации ($\beta = 0,296$), проявления агрессивных тенденций в форме обиды ($\beta = 0,046$). Истерический тип реагирования ($\beta = 0,171$) влияет на преобладание ограничительного пищевого поведения ($R^2 = 0,713$, $p = 0,047$) у женщин с избыточной массой тела и нарушающих диеты.

При этом на экстерналиное пищевое поведение влияний не было обнаружено. Однако обнаружено, что следствием экстерналиного пищевого поведения является целый спектр эмоциональных состояний. Интересен факт, что другие типы пищевого поведения не являются предикторами эмоционального состояния. Именно следствием преобладания данного типа пищевого поведения у женщин могут быть такие проявления в эмоциональной сфере, как: косвенная агрессия ($\beta = 0,590$, $R^2 = 0,501$, $p = 0,007$), обида ($\beta = 0,850$, $R^2 = 0,537$, $p = 0,001$), подозрительность ($\beta = 0,740$, $R^2 = 0,472$, $p = 0,004$), преобладание вегетативных реакций ($\beta = 0,740$, $R^2 = 0,490$, $p = 0,002$). То есть можем говорить, что следствие данного пищевого поведения – это аутоагрессивные и косвенные реакции агрессии. Вместе с тем, обнаружено, что экстерналиное пищевое поведение снижает тревогу ($\beta = -0,656$, $R^2 = 0,389$, $p = 0,019$), астению ($\beta = -0,750$, $R^2 = 0,394$, $p = 0,017$), истерические ($\beta = -0,950$, $R^2 = 0,417$, $p = 0,011$) и обсессивно-фобические реакции ($\beta = -0,552$, $R^2 = 0,364$, $p = 0,029$). Учитывая специфику экстерналиного типа пищевого поведения, мы видим, что именно социальная обусловленность переедания может приводить к изменениям эмоциональной сферы.

Таким образом, исследование показывает, что одним из важнейших психологических факторов нарушения пищевого поведения выступают интериоризованные психологические факторы, возникающие в связи с эмоциональными переживаниями и различными жизненными ситуациями.

Данные особенности женщин с избыточной массой тела проявляются в следующих сферах: личностной (психологические защиты); эмоциональной (особенные эмоциональных реакций, агрессивность, тревожность, эмоциональная чувствительность, алекситимия, эмоциональная незрелость); волевой (слабость силы воли, пассивность). Женщинам, которые нарушили диету для снижения веса, свойственны такие доходящие до акцентуированного уровня состояния, как тревога, невротическая депрессия, астения, истерический тип реагирования, обсессивно-фобические и вегетативные нарушения.

В ситуации фрустрации еда играет роль заместителя удовлетворения и создает ощущение безопасности. Выявленные различия позволяют

понять механизмы становления форм эмоционального пищевого поведения (перманентного приема пищи в ответ на отрицательные эмоции, компульсивных приступов переедания).

Нарушения пищевого поведения в виде эмоционально-мотивационного паттерна характерны для эмоционального пищевого поведения и менее проявляются в других типах пищевого поведения, однако следствием именно экстернального типа пищевого поведения является изменение эмоционального состояния, которое может приводить к срыву диеты.

Заключение

В исследовании показано, что в формировании нарушений пищевого поведения основную роль играет склонность к эмоционально-аффективным реакциям. Обнаружено, что психологическими предпосылками нарушения пищевого поведения и срыва диеты являются переживания фиксированных негативных эмоциональных состояний со снижением эмоционально-волевого контроля.

Раскрыто содержание нарушений эмоционально-волевой сферы женщин с нарушением пищевого поведения: проявления невротизации, напряженность психологических защит и проявление косвенных форм агрессии. Именно эти проявления конкретизированы как основные направления психопрофилактики и психологической коррекции женщин с проблемами избыточного веса.

Переедание как нарушение пищевого поведения может приводить к изменениям эмоциональной сферы. На примере экстернального типа пищевого поведения доказано, что некоторые типы пищевого поведения у женщин могут влиять на состояние эмоциональной сферы (например, на такие проявления как косвенная агрессия, обида, подозрительность, повешенной тревоги, астении, истерических и обсессивно-фобических реакций, преобладанию вегетативных реакций).

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать данные для психологического консультирования женщин в период выбора типа ограничительной диеты с учетом их эмоционального состояния. Данные особо востребованы в консультировании женщин в период соблюдения диеты. Оказание психологической поддержки и сопровождения в процессе снижения веса необходимо через создание эмоционально стабильной и благополучной среды. Комплексный медицинский подход должен включать аспекты психологического сопровождения по обучению женщин совладанию с эмоциональным состоянием, снятию напряжения, повышению уровня субъективного благополучия развития эффективных копинг-стра-

тегий и волевого самоконтроля. Данное направление работы станет профилактикой снижения контроля пищевого поведения и рецидивов срыва диеты на фоне изменения эмоционального состояния, снизит вероятность появления «диетической депрессии» и отказа от дальнейшего соблюдения диеты, предотвратит формирование негативного эмоционального состояния на фоне новой формы пищевого поведения. При этом в рамках психологического сопровождения диеты у женщин должна сформироваться эмоционально-волевая устойчивость, которая станет личностным новообразованием предотвращающим дальнейшие нарушения пищевого поведения и набора массы тела.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в целях совершенствования диагностики психологических особенностей женщин с проблемами избыточного веса, в том числе связанных с нарушением социально-психологической адаптации.

Литература

1. Вознесенская Т. Г. Расстройства пищевого поведения при ожирении и их коррекция // Международный эндокринологический журнал. 2007. № 3(9). С. 2–6 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17331934> (дата обращения: 20.09.2017).
2. Удалова Е. А. Особенности образа тела у девушек с нарушенным и ненарушенным пищевым поведением // Вестник Института психологии и педагогики. 2016. № 20. С. 259–263. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29225036> (дата обращения: 20.09.2017).
3. Малкина-Пых И. Г. Исследование влияния индивидуально-психологических характеристик на результаты коррекции пищевого поведения и алиментарного ожирения // Сибирский психологический журнал. 2008. № 30. С. 90–94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12837464> (дата обращения: 20.09.2017).
4. Петров Г. Д. Влияние стресса на пищевое аддиктивное поведение // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества: сб. статей Международной научно-практич. конф.: в 2 частях. 2017. С. 262–264. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29340169> (дата обращения: 20.09.2017).
5. Приленская А. В., Приленский Б. Ю. Интегративная модель психотерапии лиц с зависимым пищевым поведением // XVI Съезд психиатров России. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы»: тезисы / отв. ред. Н. Г. Незнанов. 2015. С. 721. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27619532> (дата обращения: 20.09.2017).
6. Толмачев Д. А., Мусаев С. А., Шайдулов К. А., Попова Н. М. Медико-социальная значимость депрессивного состояния студентов в связи с длительной психической травматизацией и нарушением пищевого поведения // Научный журнал. 2017. № 5 (18). С. 94–97. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29149283> (дата обращения: 20.09.2017).
7. Тумбасова Е. Р. Анализ понятия «пищевое поведение» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–9. С. 130–133. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29001906> (дата обращения: 20.09.2017).

8. Юдина С. Д., Чернова И. И. Пищевое поведение как часть образа жизни // Медицина Кыргызстана. 2015. Т. 1. № 2. С. 106–108. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27701587> (дата обращения: 20.09.2017).

9. Thompson-Brenner H. Improving psychotherapy for anorexia nervosa: Introduction to the special section on innovative treatment approaches // *Psychotherapy (Chic)*. 2016. № 53(2). Pp. 220–230.

10. Van Strien T., van der Zwaluw C. S. & Engels R. C. M. E. Emotional eating in adolescents: A gene (SLC6A4/5-HTT)-depressive feelings interaction analysis // *Journal of Psychiatric Research*. 2010. № 44. Pp. 1035–1042.

References

1. Voznesenskaja T. G. Rasstrojstva pishhevogo povedenija pri ozhirenii i ih korrekciya [Eating disorders in obesity and their correction]. *Mezhdunarodnyj jendokrinologicheskij zhurnal* = International endocrinology journal, 2007, no. 3(9), pp. 2–6, Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17331934> (accessed 20.09.2017). (In Russ).

2. Udalova E. A. Osobennosti obraza tela u devushek s naru-shennym i nenaru-shennym pishhevym povedeniem [Features of the image of the body in girls with disturbed and undisturbed food behavior]. *Vestnik Instituta psihologii i pedagogiki* = Herald of the Institute of Psychology and Pedagogy, 2016, no. 20, pp. 259–263, Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29225036> (accessed 20.09.2017). (In Russ).

3. Malkina-Pyh I. G. Issledovanie vlijaniya individual'no-psihologicheskikh harakteristik na rezul'taty korrekci pishhevogo povedenija i alimentarnogo ozhireniya [Investigation of the influence of individual psychological characteristics on the results of the correlations of alimentary behavior and alimentary obesity]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* = Siberian Psychological Journal, 2008, no. 30, pp. 90–94. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12837464> (accessed 20.09.2017). (In Russ).

4. Petrov G. D. Vlijanie stressa na pishhevoe addiktivnoe povedenie [The influence of stress on food addictive behavior]. *Problemy jeffektivnogo ispol'zovanija nauchnogo potentsiala obshchestva: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 ch.* = Problems of the effective use of the scientific potential of society. Collection of articles of the International scientific and practical conference: in 2 parts, 2017, pp. 262–264, Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29340169> (accessed 20.09.2017). (In Russ).

5. Prilenskaja A. V., Prilenskij B. Ju. Integrativnaja model' psihoterapii lic s zavisimym pishhevym povedeniem [Integral model of psychotherapy of persons with dependent food behavior]. *XVI S'ezd psixiatrov Rossii. Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija s mezhdunarodnym uchastiem «Psihatrija na jetapah reform: problemy i perspektivy»*: tezisy = XVI Congress of psychiatrists of Russia. All-Russian scientific-practical conference with international participation “Psychiatry at the stages of reforms: problems and prospects”: abstracts, ed. by N. G. Neznakov, 2015, p. 721, Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27619532> (accessed 20.09.2017). (In Russ).

6. Tolmachev D. A., Musaev S. A., Shajdurov K. A., Popova N. M. Mediko-social'naja znachimost' depressivnogo sostojaniya studentov v svjazi s dlitel'noj psihicheskoj travmatizaciej i naru-sheniem pishhevogo povedenija [Medico-social significance of the depressed state of students in connection with prolonged mental traumatism and eating disorders]. *Nauchnyj zhurnal* = Scientific journal, 2017, no. 5 (18), pp. 94–97, Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29149283> (accessed 20.09.2017). (In Russ).

7. Tumbasova E. R. Analiz ponjatija «pishhevoe povedenie» [Analysis of the concept of “food behavior”]. *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tehnologii* = Current trends in the development of science and technology, 2017, no. 3–9, pp. 130–133, Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29001906> (accessed 20.09.2017). (In Russ).

8. Judina S. D., Chernova I. I. Pishhevoe povedenie kak chast' obraza zhizni [Food behavior as part of a way of life]. *Medicina Kyrgyzstana* = Medicine of Kyrgyzstan, 2015, vol. 1, no. 2, pp. 106–108, Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27701587> (accessed 20.09.2017). (In Russ).

9. Thompson-Brenner H. Improving psychotherapy for anorexia nervosa: Introduction to the special section on innovative treatment approaches. *Psychotherapy (Chic)*, 2016, no. 53(2), pp. 220–230

10. Van Strien T., van der Zwaluw C. S. & Engels R. C. M. E. Emotional eating in adolescents: A gene (SLC6A4/5-HTT)-depressive feelings interaction analysis. *Journal of Psychiatric Research*, 2010, no. 44, pp. 1035–1042.

Статья поступила в редакцию 17.09.2017 г.

Submitted 17.09.2017.

Для цитирования: Смирнова Я. К., Любимова О. М. Особенности эмоционально-волевой сферы женщин с избыточной массой тела, ведущие к нарушению лечебной диеты // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 91–97.

Citation for an article: Smirnova Ya. K., Lyubimova O. M. Features of the emotional-wolve sphere of women with excessive body mass, leading to the disturbance of the medical diet. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 91–97.

Смирнова Яна Константиновна, кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, yana.smirnova@mail.ru

Любимова Ольга Марковна, кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, lubimovaom@gmail.com

Yana K. Smirnova, Ph. D. (Psychology), associate professor, Altai State University, Barnaul, smirnova@mail.ru

Olga M. Lyubimova, Ph. D. (Psychology), associate professor, Altai State University, Barnaul, lubimovaom@gmail.com

УДК 159.922.2:004

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М. В. Чемоданова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Введение. В статье представлены результаты исследования публикационной активности по проблеме информационно-психологической безопасности (ИПБ) в современной российской науке. Актуальность данной темы обусловлена критическими изменениями информационной среды, затрагивающими все сферы бытия человека, трансформирующими систему социальных отношений и способы ориентировки индивида в окружающем мире. В первую очередь, эта проблема связана с воздействием недоброкачественной информации на сознание индивида, угрожающей его интеллектуальному, духовному и физическому развитию и благополучию. **Материалы и методы.** Исследование проводилось при помощи методов качественного и количественного анализа, обобщения и систематизации материалов, представляющих результаты работы современных российских ученых в сфере информационно-психологической безопасности. **Результаты исследования.** Полученные результаты позволили определить ИПБ как сложный многоуровневый феномен, требующий комплексного междисциплинарного изучения, выделить основные направления исследований информационно-психологической безопасности (общие методологические основы ИПБ; информационно-психологическая безопасность в системе безопасности государства; информационно-психологическая безопасность личности, исследования актуальных характеристик информационной среды). **Обсуждения и заключение.** Осуществленный теоретический анализ современных научных исследований в области информационно-психологической безопасности показал низкую разработанность проблемы и большой интерес ученых к разработке путей и средств формирования психологической защиты личности от вредоносного воздействия информационной среды. Позволил выделить наиболее популярные направления изучения информационно-психологической безопасности и проблемные области, обращающие на себя внимание современных психологов-исследователей.

Ключевые слова: российская психология, психологические исследования, информация, информационная среда, информационно-психологическая безопасность.

THE PROBLEM OF PERSON'S INFORMATION-PSYCHOLOGICAL SAFETY IN MODERN RUSSIAN RESEARCHES

M. V. Chemodanova

Mari State University, Yoshkar-Ola

Introduction. The article presents the results of the research of publications activities on the problem of information-psychological safety (IPS) in modern Russian science. The relevance of this topic is due to critical information environment changes, affecting all spheres of human being, transforming the system of social relations and ways of human orientation in the environment. First of all, this problem is connected with affecting of poor-quality information on the human consciousness, threatening his intellectual, spiritual and physical development and well-being. **Materials and methods.** The study was conducted using methods of qualitative and quantitative analysis, generalization and systematization of materials presenting the results of work of modern Russian scientists in the field of information and psychological safety. **Results.** The obtained results have identified the IPB as a sophisticated multilevel phenomenon that requires a complex interdisciplinary research; indicated the main directions of information-psychological safety's researching (general methodological principles of the IPB, information-psychological safety in the state security system, information-psychological safety of the personality, researching actual characteristics of the information environment). Among them, we have identified the general direction and content of dissertation researches on this issue. **Discussion and Conclusions.** Implemented theoretical analysis of modern scientific research in the field of information-psychological safety showed a low level of the problem's development and a great interest of scientists in the development of ways and means of the formation of personal's psychological defense from harmful effecting of the information environment.

Key words: Russian psychology, psychological research, information, information environment, information-psychological safety, personality.

Основополагающей характеристикой современного информационного пространства является необычайный уровень внедрения информационных технологий во все сферы человеческой жизни. Степень влияния СМИ на формирование мотивационно-ценностных и морально-нравственных установок индивида неуклонно растет [10]. Это активизирует потребности людей в социально значимой информации для ориентировки в политической и социально-экономической ситуации на федеральном, региональном и местном уровнях, мотивирует их стать активными потребителями информации, участниками информационно-коммуникативных процессов в нашем обществе. Возникает необходимость не столько защиты индивида от физических угроз, сколько защиты личности, т. е. индивида, как субъекта социальных отношений, и его психологической безопасности, психического благополучия и способности адекватно воспринимать окружающую действительность.

Каждый исследователь по-своему определяет термин «информационно-психологическая безопасность» (ИПБ), однако, в целом ее можно определить как состояние, переживаемое человеком, как защищенность сознания от разного рода деструктивной информации, представляющей угрозу для жизни и психического и/или соматического здоровья индивида, а также потенциально способной нанести вред его социальной адаптации [4]. Понятие информационно-психологической безопасности личности многомерно, рассматривать его следует как с позиции психологии личности, так и социологии, политологии и информационного права. При этом необходимо разделить информационно-психологическую и информационно-техническую безопасность, которая включает в себя программно-технические способы и средства защиты персональных данных [8].

Методология исследования психологического аспекта информационной безопасности личности предполагает анализ характеристик информационной среды, с которой взаимодействует индивид на протяжении жизни, и изучение тех ее факторов, которые влияют на формирование и репрезентацию его личности, а также внутренних личностных ресурсов, которые способствуют развитию индивидуальных защитных механизмов от деструктивного воздействия различных видов информации.

Одним из важных показателей разработанности научной проблемы, на наш взгляд, является число диссертационных исследований и публикаций в научных изданиях по теме, поэтому для выявления актуальных тенденций исследования

информационно-психологической безопасности на современном этапе нами был проведен контент-анализ диссертаций и публикаций по данной проблематике, представленных в российских периодических изданиях с 2000 года. Прежде всего, в журналах, входящих в базы Scopus и Web of Science, таких как «Вопросы психологии» и «Психологический журнал», «Вестник психотерапии» (с 2006), «Мир психологии» (с 2005) и др. – всего 6 диссертаций и 130 статей. Контент-анализ производился по временному принципу и предмету исследования информационно-психологической безопасности.

Анализ публикационной активности по данной проблематике позволяет констатировать, что устойчивый интерес исследователей к вопросам деструктивного влияния информации на психику человека с начала XXI века достаточно выражен: примерно 2 % от общегодового количества статей, с неуклонным ростом из года в год. На данный момент число научных публикаций, посвященных различным аспектам проблемы информационно-психологической безопасности человека, составляет около 3,5 % всех статей, опубликованных в названных нами журналах.

При анализе публикаций интересны данные и об удельном весе статей по проблематике в этих периодических изданиях. В конце XX – начале XXI вв. такие статьи не публиковались в классических журналах, «Вопросы психологии» и «Психологический журнал», но их уже можно было встретить в журналах: «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология», «Современные проблемы науки и образования» и «Акмеология». В настоящее время статьи по данному направлению можно найти в каждом из проанализированных журналов, в том числе, индексируемых в базах Scopus и Web of Science.

Однако диссертационных исследований по проблемам, связанным с информационно-психологической безопасностью человека, явно недостаточно – с 2000 года по настоящее время было защищено только 6 диссертаций. При этом существует перерыв с 2002 по 2007 гг., когда по этой теме не было защищено ни одной работы.

Анализ опубликованных исследований позволяет выявить период наибольшего интереса к проблематике информационно-психологической безопасности – 2008–2015 гг. Это, на наш взгляд, связано в первую очередь, с активными социокультурными изменениями в стране, усложнением информационной среды и ее возрастающим влиянием на личность.

Обратимся к анализу тематики опубликованных статей и диссертационных исследований.

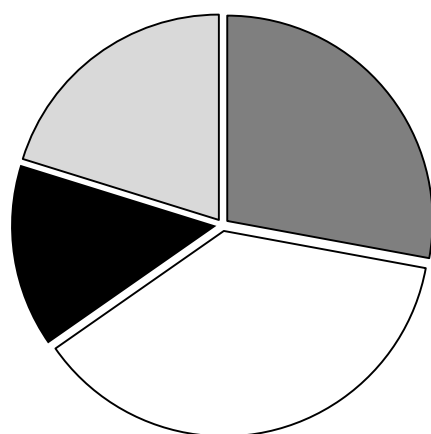
Опираясь на выделенные Г. В. Грачевым [7] и Л. В. Астаховой [1] компоненты информационно-психологической безопасности человека, в ходе анализа научных работ мы выделили 4 предметных направления исследований по данной проблематике (рис. 1):

1. Общие методологические основы (определение содержания понятия, видов, структурных компонентов, места в системе информационной безопасности и т. д.).

2. Информационно-психологическая безопасность в системе безопасности государства (изучение возможностей использования манипулятивных технологий в СМИ, исследования защищенности граждан государства от деструктивного влияния пропаганды террористических и экстремистских организаций и т. д.).

3. Исследование актуальных характеристик информационной среды на разных временных и культурно-исторических этапах и особенностей взаимодействия с ней человека.

4. Информационно-психологическая безопасность личности (внутренние личностные ресурсы ИПБ, механизмы психологической защиты от деструктивной информации и т. д.).

- Общ. методология 27,9 %
- ИПБ в системе безоп. гос-ва 37,4 %
- Хар-ка информ. среды 14,5 %
- ИПБ личности 20,2 %

Рис. 1. Распределение количества публикаций по выделенным направлениям исследования ИПБ человека (%) /

Fig. 1. The distribution of the number of publications in selected areas of the study of information-psychological security of a person (%)

Как мы видим, наибольший интерес исследователи проявляют к теме информационно-психоло-

гической безопасности как элементу государственной безопасности, что, несомненно, обусловлено сложными социокультурными, внешними и внутриполитическими условиями, характерными для страны в последнее десятилетие, а также вновь актуальной проблемой защиты сознания граждан от намеренных манипуляций и пропаганды насилия, терроризма и экстремизма.

В разные исторические периоды проблема информационно-психологической безопасности звучала по-разному (рис. 2).

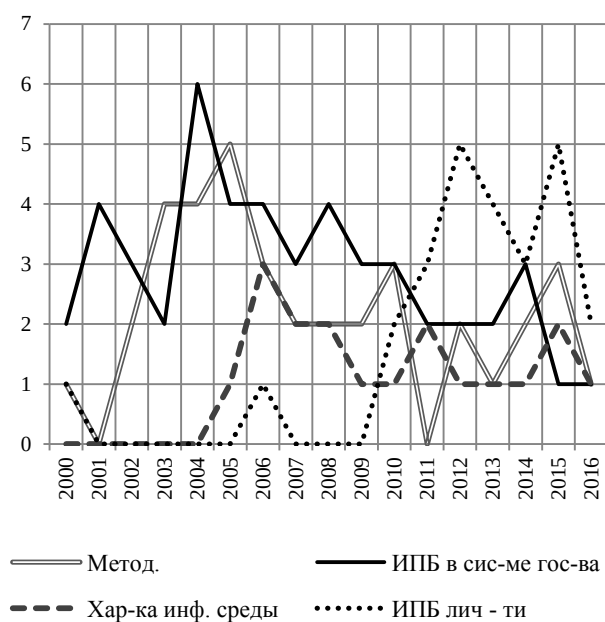

Рис. 2. Публикационная активность по предметным направлениям исследования информационно-психологической безопасности в России (кол-во статей в год) /
Fig. 2. Publication activity on the subject areas of research of information and psychological security in Russia (number of articles per year)

Наименее изученным на данный момент направлением является характеристика особенностей современной информационной среды – оно возникло позже остальных, – только в 2004 году, когда стало очевидно, что лавинообразное увеличение уровня информатизации всех сфер человеческой жизни неминуемо влечет за собой качественные изменения во взаимодействии индивида с окружающей средой.

Интерес к проблеме информационно-психологической безопасности в диссертационном исследовании впервые возникает именно в контексте необходимости обеспечения информационной безопасности государства, в том числе, психологической защиты индивида от политических и социальных манипуляций (как внешних, так и внутренних), средствами которых часто является

определенным образом транслируемая информация. Этому направлению посвящено 70 % публикаций до 2005 года и около 60 % до 2014 года. В последние годы, число работ по данной тематике резко сократилось до 5 %. По тематике все исследования данного раздела можно разделить на две большие группы:

1) участие средств массовой информации в обеспечении информационно-психологической безопасности в условиях нестабильных международных отношений, методологических и концептуальных проблем безопасности личности, общества, государства и других социальных систем (Г. В. Грачев 2000, Пермяков О. Н. 2004, И. М. Миронов 2004, Чистяков Д. В. 2007, Рыдченко К. Д. 2011, и др.);

2) защита психики граждан от информационно-манипулятивного воздействия деятельности экстремистских, радикально-религиозных и террористических организаций (Т. Б. Мельницкая 2009, О. А. Артемьева 2014, А. С. Лукьянов 2014, Р. М. Токсоналиева 2012 и др.).

Уже на начальном этапе изучения процесса и содержания информационного обмена человека со средой, особенностей влияния информации на личность, ее социальные, аксиологический и мировоззренческие установки, возникла необходимость более четкого определения предметного поля понятия «информационно-психологическая безопасность»: его смысловых характеристик, структурных компонентов и сфер применения [5]. Бум публикаций в периодической печати, посвященных методологии изучения информационно-психологической безопасности, приходится на 2003–2005 год (И. Г. Медведева 2003; А. В. Непомнящий 2003; А. И. Волкова 2005; О. Н. Федорова 2005 и др.), но интерес сохраняется на протяжении всего исследуемого нами периода (Т. В. Тимошенко 2010; С. Ю. Михова 2013). В дальнейшем большая часть внимания уделяется определению и описанию различного вида угроз психологической безопасности личности, источники которых связаны с информационной средой (К. Д. Рыдченко 2009; А. В. Мирошниченко 2014; Э. Н. Бердникова 2014; Ю. В. Буц и Е. В. Крайнюк 2015 и др.).

Отдельным направлением исследований информационно-психологической безопасности является анализ особенностей информационной среды в разные временные периоды. Осуществляется трансформация социальных институтов – политических, экономических, социокультурных, и вслед за ними происходят и качественные изменения информационного пространства. Нет сомнений в необходимости изучения стратегии субъектов

транзакции информации, их трансформационной активности в информационно-коммуникативной среде и как следствие, особенности ее влияние на человека. До 2005 года внимание этому аспекту анализа проблем информационно-психологической безопасности личности уделялось лишь в контексте проблемы угроз манипулирования сознанием и пропаганды ксенофобии, разжигания межнациональной вражды и дискриминации, о которых было сказано выше. С 2005 года возрастает число статей, авторы которых обеспокоены последствиями разрастающейся компьютеризации, внедрением в повседневную жизнь сети Интернет и, в связи с этим, кардинальной трансформацией информационного пространства (В. И. Божич, Н. В. Горбатюк, М. Б. Савченко, 2005; Д. Е. Григорьева 2006; О. Н. Федорова 2009; Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгерова, Р. С. Шилко 2011 и др.). В последние три года, в связи с новым витком возрастающей информатизации общества, число статей на эту тему возрастает, а в заголовках появляются термины «информационный кризис» и «информационный стресс» (Т. Б. Ершова 2014; В. Д. Альперович 2013; А. Е. Волкова 2015 и др.). Необходимо также отметить, что на протяжении всего изучаемого нами периода исследований психологической безопасности в информационной среде актуальной оставалась проблема угрозы радиационного заражения и ее влияния на психологическое здоровье человека (Ю. В. Рыбников и Т. Б. Мельницкая 2008; С. С. Алексанин 2009; Н. Я. Борисевич и Е. И. Горанская 2015 и др.).

Начиная с 2010 года внимание исследователей обращается к конкретной личности и взаимосвязи ее психологического здоровья и информационно-психологической безопасности (С. С. Матвиенко 2010; А. А. Ахметвалиева 2011; Т. И. Ежевская 2012). Также каждый год появляются работы, посвященные возможным личностным источникам и внутренним ресурсам защиты от влияния информационной среды (Т. И. Ежевская 2011; А. А. Зинченко и А. В. Непомнящий 2012; Ю. В. Ильиных 2013; Н. Л. Сунгурова 2014; Балаев Р. С. 2015; Г. Б. Телятникова 2016 и др.).

Остановимся на тематическом анализе диссертационных психологических исследований по теме информационно-психологической безопасности личности. Первым обратил свое внимание к этой проблеме в своей докторской диссертации Георгий Васильевич Грачев (2000 г.) [6]. Его работа – «Информационно-психологическая безопасность личности: Теория и технология психологической защиты» в первую очередь посвящена

психологической самозащите как центральному компоненту системы психологической защиты личности и изучению алгоритмов обработки информации и поведения в ситуациях, когда на личность оказывается информационное воздействие. Однако, так как понятие «информационно-психологическая безопасность» введено достаточно недавно, ученый чувствует необходимость посвятить значительную часть работы определению термина, описанию его смысловых и структурных компонентов.

В 2002 году И. А. Баева [3] в докторской диссертации обосновывает концепцию информационно-психологической безопасности как компонента психологической безопасности образовательной среды. Т. А. Басанова в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук «Представления студентов вуза об информационно-психологической безопасности и пути их трансформации» (2007 г.) исследует возможности целенаправленной трансформации представлений студентов об ИПБ в процессе обучения в вузе, что, по ее мнению, способствует решению задачи развития их личности [2].

На изучение личности студентов направлено и исследование А. В. Ляшука – «Личностные детерминанты информационно-психологической безопасности студентов» (2008 г.). Как указывает автор в автореферате своей работы: «работа представляет собой попытку поиска способов защиты от внешних воздействий и разрешения противоречия, согласно которому, с одной стороны, человек субъектен, ответственен за свои решения, поступает как сознательное существо, а с другой стороны – человек находится во власти информационных и психологических технологий, пытающихся завладеть его сознанием» [9].

Как писалось выше, радиационная угроза и ее влияние на информационно-психологическую безопасность является постоянной темой для исследований. Ей же посвящена работа Т. Б. Мельницкой, опубликованная в 2009 г., – «Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: концепция, модель, технологии». В ней представлены результаты разработки концепции, принципов, структурно-функциональной модели и технологий обеспечения информационно-психологической безопасности человека в условиях риска радиационного воздействия [11].

Последняя из опубликованных на данных момент диссертаций по интересующей нас теме – исследование Р. В. Вольнова, осуществленное в рамках юридической психологии, – «Психолого-право-

вые особенности обеспечения информационно-психологической безопасности личности» (2011 г.). Несмотря на то, что в названии заявлено достаточно широкое исследовательское поле, целью своей работы автор указывает оптимизацию информационно-психологической безопасности сотрудников правоохранительных органов [6].

Таким образом, на основе проведенного нами контент-анализа диссертационной и публикационной активности по проблеме информационно-психологической безопасности личности можно сделать следующие выводы:

1. Интерес к данной проблематике растет с каждым годом, и она становится популярным направлением в российской науке.

2. Распределение исследований по характеру смещено в сторону теоретико-методологических работ, эмпирические и практико-ориентированные исследования представлены значительно меньше, что свидетельствует об исходном (начальном) уровне изучения проблемы ИПБ.

3. Публикации, представленные в периодической печати, не всегда соотносятся с проводимыми диссертационными исследованиями, а именно, авторы статей в основной своей массе не являются авторами диссертаций по данной проблематике.

4. Наиболее разработанными тематическими разделами исследований по данной теме являются «ИПБ в системе безопасности государства», а также «Общие методологические основы ИПБ». Изучение остальных разделов набирает обороты в последние три года.

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что проблема информационно-психологической безопасности в нашей стране, несмотря на неуклонный рост публикаций и диссертационных исследований из года в год, остается мало изучена. К тому же, постоянная трансформация социальных и культурных институтов, а вслед за ними и информационной среды, воздействующей на человека, ставит перед учеными все новые и новые задачи и подводит к необходимости активного сбора фактического материала и построения новых теоретических концепций.

Литература

1. Астахова Л. В. Информационно-психологическая безопасность в регионе: культурологический аспект // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2011. № 2. С. 40–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17321317> (дата обращения: 11.08.2017).
2. Басанова Т. А. К вопросу обеспечения информационно-психологической безопасности студентов вуза // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. № 13. С. 311–316. URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-obespecheniya-informatsionno-psihologicheskoy-bezopasnosti-studentov-vuza (дата обращения: 11.08.2017).

3. Баева И. А. Психологическая безопасность образовательной среды школы и ее психолого-педагогическое сопровождение // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 30–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17986646> (дата обращения: 11.08.2017).

4. Баришполец В. А. Информационно-психологическая безопасность: основные положения // Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. 2013. № 2. С. 62–104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21139546> (дата обращения: 11.08.2017).

5. Вербина Г. Г. Психологическая безопасность личности // Вестник ЧГУ. 2013. № 4. С. 196–202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-lichnosti> (дата обращения: 11.08.2017).

6. Вольнов Р. В. Психолого-правовые особенности обеспечения информационно-психологической безопасности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 25 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/psikhologo-pravovye-osobennosti-obespecheniya-informatsionno-psikhologicheskoi-bezopasnosti> (дата обращения: 11.08.2017).

7. Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: Изд-во РАГС, 1998. 125 с. URL: <http://licman.narod.ru/books/psychology/01/gratchov.htm> (дата обращения: 11.08.2017).

8. Ежевская Т. И. Психологическое здоровье как значимый ресурс информационно-психологической безопасности личности // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 1. С. 205–210. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17758068> (дата обращения: 11.08.2017).

9. Ляшук А. В. Рефлексивность в обеспечении информационно-психологической безопасности личности // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Психология и педагогика». 2006. № 14 (69). С. 371–377. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksivnost-v-obespechenii-informatsionnopsihologicheskoy-bezopasnosti-lichnosti> (дата обращения: 11.08.2017).

10. Мохова С. Ю. Идентичность и идентификация как составляющие информационно-психологической безопасности // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогика и психология. 2013. № 5 (52). С. 86–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21087839> (дата обращения: 11.08.2017).

11. Мельническая Т. Б., Рыбников В. Ю. Информационно-психологическая безопасность личности и проблема восприятия радиационного фактора // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 4(35). С. 46–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/informatsionno-psihologicheskaya-bezopasnost-lichnosti-i-problema-vospriyatiya-radiatsionnogo-riska> (дата обращения: 11.08.2017).

References

1. Astakhova L. V. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' v regione: kul'turologicheskii aspekt [Information and psychological security in the region: cultural aspect]. *Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informatsionnoy sfere* = Herald of the Ural Federal District. Security in the information sphere, 2011, № 2, pp. 40–47. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17321317> (accessed 11.08.2017). (In Russ).

2. Basanova T. A. K voprosu obespecheniya informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti studentov vuza [On the

issue of providing information and psychological safety of university students]. *Izvestiya YUFU. Tekhnicheskiye nauki* = News of SFU. Technical science, 2006, № 13, pp. 311–316. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-obespecheniya-informatsionno-psihologicheskoy-bezopasnosti-studentov-vuza> (accessed 11.08.2017). (In Russ).

3. Baeva I. A. Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noy sredy shkoly i yeye psikhologo-pedagogicheskaya podderzhka [Psychological safety of the educational environment of the school and its psychological and pedagogical co-formation]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* = Psychological science and education, 2012, no. 3, pp. 30–40. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17986646> (accessed 11.08.2017). (In Russ).

4. Barishpolets V. A. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost': osnovnyye polozheniya [Information-psychological security: the main provisions]. *Radioelektronika. Nanosistemy. Informatsionnyye tekhnologii* = Radioelectronics. Nanosystems. Information Technology, 2013, № 2, pp. 62–104 Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21139546> (accessed 11.08.2017). (In Russ).

5. Verbina G. G. Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti [Psychological security of the individual]. *Vestnik ChGU* = Herald of the Cheboksary State University, 2013, pp. 196–202. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-lichnosti> (accessed 11.08.2017). (In Russ).

6. Vol'nov R. V. Psikhologo-pravovyye osobennosti obespecheniya informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti lichnosti [Psikhologo-legal ensure information-psychological safety of the person]. Moscow, 2011, 25 p. Available from: <http://www.dissercat.com/content/psikhologo-pravovye-osobennosti-obespecheniya-informatsionno-psikhologicheskoi-bezopasnosti> (accessed 11.08.2017). (In Russ).

7. Grachev G. V. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti: sostoyaniye i vozmozhnosti psikhologicheskoy zashchity [Information-psychological security of the person: the state and the possibilities of psychological protection]. Moscow: Publishing house of RASS, 1998, 125 p. Available from: <http://licman.narod.ru/books/psychology/01/gratchov.htm> (accessed 11.08.2017) (In Russ).

8. Ezhevskaya T. I. Psikhologicheskoye zdorov'ye kak znachimyy resurs informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti lichnosti [Psychological health as a significant resource of information-psychological security of the individual]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* = Humanitarian vector. Series: Pedagogy, psychology, 2012, no. 1, pp. 205–210. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17758068> (accessed 11.08.2017). (In Russ).

9. Lyashuk A. V. Refleksivnost' v obespechenii informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti lichnosti [Reflexivity in ensuring the information-psychological security of the individual]. *Izvestiya TRTU. Tematicheskii vypusk «Psikhologiya i pedagogika»* = Izvestiya TRTU. Thematic issue “Psychology and Pedagogy”, 2006, no. 14 (69). pp. 371–377. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksivnost-v-obespechenii-informatsionnopsihologicheskoy-bezopasnosti-lichnosti> (accessed 11.08.2017). (In Russ).

10. Mokhova S. YU. Identichnost' i identifikatsiya kak sostavlyayushchiye informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti [Identity and identification as components of information-psychological security]. *Uchonyye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* = Scholarly notes of TSU. Series: Pedagogy and psychology, 2013, no. 5 (52), pp. 86–90.

Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21087839> (accessed 11.08.2017). (In Russ).

11. Mel'nitskaya T. B., Rybnikov V. YU. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti i problema vospriyatiya radiatsionnogo faktora [Information and psychological security of the person and the problem of perception of the radiation

Psychopedagogy in law enforcement agencies, 2008, no. 4(35), pp. 46–49. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/informatsionno-psihologicheskaya-bezopasnost-lichnosti-i-problema-vospriyatiya-radiatsionnogo-riska> (accessed 11.08.2017). (In Russ).

Статья поступила в редакцию 12.08.2017 г.

Submitted 12.08.2017.

factor]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* =

Для цитирования: Чемоданова М. В. Проблема информационно-психологической безопасности личности в современных психологических исследованиях // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 98–104.

Citation for an article: Chemodanova M. V. The problem of person's information-psychological safety in modern russian researches. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 3 (27), pp. 98–104.

Чемоданова Мария Владимировна, преподаватель, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, turning_point@bk.ru

Mariya V. Chemodanova, lecturer, Mari State University, Yoshkar-Ola, turning_point@bk.ru

УДК 159.97-159.99

**РАЗВИТИЕ ПОЗИТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ СЕМЬИ
К ПСИХИЧЕСКИ НЕЗДОРОВЫМ РОДСТВЕННИКАМ****О. В. Шишкина¹, О. А. Гаверилова², И. А. Загайнов³, М. Л. Блинова³**¹Межрегиональный открытый социальный институт, г. Йошкар-Ола²Кундуштурский психоневрологический интернат, Республика Марий Эл³Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

В статье представлен материал исследования проблем семьи, имеющей психически больного (исследованы два типа семей – с больным ребенком и с больным взрослым). Целью исследования было развитие позитивного отношения семьи к психически больным родственникам. Объектом исследования были определены взаимоотношения в семье, имеющей психически больных (детей или взрослых). Предметом исследования стало развитие позитивных семейных отношений в процессе психологического сопровождения семей, где живут психически больные. Мы предположили в гипотезе исследования, что в процессе психологического сопровождения семьи, имеющей психически нездорового родственника, изменятся в позитивном направлении такие явления, как отсутствие сопереживания и сочувствия к больному, высокая степень тревожности и подавленности, неприемлемое отношение к больному взрослому или ребенку. Семьи прошли психодиагностическое исследование, затем приняли участие в программе психологического сопровождения, в которую входили тренинговые занятия в группах, психокоррекционные занятия и реабилитационные занятия с родственниками больных. Программа психологических занятий для родителей, имеющих больного ребенка, была направлена на изменение детско-родительских отношений, на улучшение восприятия своих детей, на развитие навыков общения с психически больным ребенком. Программа занятий для семей, имеющих взрослых больных, была нацелена на развитие коммуникативных навыков, эмпатийности, эмоциональной саморегуляции личности и на повышение толерантности родных к взрослому больному. Реализованные психологические занятия привели к улучшению отношения членов семьи к психически больным детям и взрослым, что позволило внедрить данный вид психологического сопровождения в работу Кундуштурского психоневрологического интерната.

Ключевые слова: психическое здоровье, психическая болезнь, отношение семьи к психически больному родственнику, детско-родительские отношения, психологическое сопровождение семьи.

DEVELOPMENT OF POSITIVE FAMILY'S ATTITUDE TO MENTALLY ILL RELATIVES**O. V. Shishkina¹, O. A. Gavrilova², I. A. Zagainov³, M. L. Blinova³**¹Interregional Open Social Institute, Yoshkar-Ola²Kundushturskii psychoneurological residential institution, The Mari El Republic³Mari State University, Yoshkar-Ola

The article deals with the research of problems in a family which has a mentally ill relative (two kinds of families were analyzed – with a mentally ill child or adult). Development of the positive attitude of family towards mentally ill relatives is a research objective. Object of a research is relationship in family which has mentally ill patients (children or adults). Development of the positive family relations in the course of psychological support of families where there live mentally ill is subject of research. We have offered in a research hypothesis that in the course of psychological support of the family having mentally ill relative such phenomena as the lack of empathy and sympathy for the patient, high degree of anxiety and low-spiritedness, the unacceptable attitude towards the ill adult or the child, will change in the positive direction. The families underwent psychological diagnostics, then took part in the programme of psychological assistance. This assistance supposed training activities in groups, psychocorrective and rehabilitation activities with relatives of mentally ill people. The programme of psychological activities for parents who have a mentally ill child was aimed at changing child-parent relations, improving of perception of children, at developing of communication skills with a mentally ill child. The programme of activities for families who have a mentally ill adult was aimed at developing of communication skills, empathy, person's emotional self-regulation and at improving of relatives' tolerance to a mentally ill adult. The carried out psychological activities led to positive changes in families' relation to mentally ill relatives, that made it possible to introduce this kind of psychological assistance in the work of Kundushturskiipsychoneurological residential institution.

Key words: mental health, mental disease, family's attitude to a mentally ill relative, child-parent relations, psychological assistance for a family.

Специалисты, работающие с семьями, имеющими психически больных, выявили, что в таких семьях можно развить значительный внутренний потенциал и помочь им преодолеть неблагоприятные условия жизнедеятельности семьи, межличностных отношений и внутриличностных факторов [12]. На современном этапе начали подробно изучать такие семьи и организовывать психологическую помощь в решении указанных проблем в данных семьях [2].

Актуальность проблемы внутрисемейных отношений здоровых и психически больных родственников подчеркивается в зарубежных исследованиях количественными показателями: зарубежные исследования свидетельствуют, что у 57 % матерей и 20 % отцов детей от 0 до 14 лет наблюдаются тяжелые психические нарушения (Wing), по другим данным, у 41,5 % матерей, имеющих психически нездорового ребенка, присутствуют четыре и более психических симптома (Anstey, Spence) [11]. Около 38 % матерей детей дошкольного возраста с различными психическими отклонениями страдают депрессией (Smith). Среди тех матерей, дети которых страдают множественными психическими нарушениями, стрессы встречаются чаще (Troster), особенно в случаях, когда к этому добавляются неадекватность в поведении ребенка и проблемы во взаимоотношениях с ним (Reid, Renwick) [9].

Психические заболевания являются достаточно распространенными и среди других классов болезней занимают третье место (9,4 %). В числе контингента людей, страдающих психическими болезнями, есть дети и взрослые. Если дети, чаще всего, воспитываются в семье, то взрослые больные обычно помещаются в интернат или в медицинский стационар [13]. Интеллектуальная недостаточность и нарушения эмоционально-волевой сферы дезорганизуют деятельность многих психических функций, что приводит к социальной дезадаптации больных детей и взрослых: происходит ограничение их жизнедеятельности в образовании, в самообслуживании, в профессионально-трудовом процессе, в регуляции своего поведения, в свободном перемещении и в общении с другими людьми. Это приводит к стрессовым напряженным внутрисемейным отношениям, так как здоровые родственники всегда чувствуют повышенную ответственность и вину перед своими больными родственниками [9].

Исследователи выявили причины многолетней стрессогенной внутрисемейной ситуации, приводящей к конфликтным отношениям. Среди них

выделены проблемы разногласий по вопросу заботы о больных, а также неумение решать конфликты и преодолевать кризисы. Особенно много проблем возникает между супругами, воспитывающими ребенка с ограниченными возможностями здоровья¹.

Трудности семейного характера, возникающие при заботе о психически больном взрослом (особенно пожилого возраста), характеризуются скрытыми и явными признаками негативно-пренебрежительного содержания, враждебного и даже ненавистного отношения к больным родственникам. Взрослых больных трудно опекать, они часто стремятся все делать по-своему и не подчиняются более молодым здоровым членам семьи, ухаживающим за пожилыми [5].

Проблема нашего исследования состояла в том, чтобы выяснить, какие формы психологического сопровождения семьи, имеющей психически больного, изменят в позитивном направлении отношение семьи к психически больным родственникам. Целью исследования было развитие позитивного отношения семьи к психически больным родственникам. Объектом исследования были определены взаимоотношения в семье, имеющей психически больных (детей или взрослых). Предметом исследования стало развитие позитивных семейных отношений в процессе психологического сопровождения семей, где живут психически больные. Мы предположили в гипотезе исследования, что в процессе психологического сопровождения семьи, имеющей психически нездорового родственника, изменятся в позитивном направлении такие явления, как отсутствие сопереживания и сочувствия к больному, высокая степень тревожности и подавленности, неприемлемое отношение к больному взрослому или ребенку.

В основе нашей работы лежали фундаментальные исследования семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, проведенные Р. Д. Бабенковой, И. Д. Бородиной, М. П. Краузе, В. В. Лебединским, Е. Р. Смирновой, К. Тингей-Михаэлисом [8], а также работы О. Берманта, Т. А. Добровольской, Е. Н. Самсоновой, А. И. Ташевой о взаимоотношениях в семьях, имеющих пожилых людей с нарушением психического здоровья [4].

Выборку исследования составили 28 семей, имеющих психически нездоровых взрослых и детей. Исследование было выполнено на базе

¹ Елиашвили М. Н. Особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Московский городской педагогический университет. М., 2012. 24 с.

ГБУ РМЭ «Кундуштурский психоневрологический интернат» и в поселке Советский Советского района Республики Марий Эл. Исследование предусматривало три этапа.

На констатирующем этапе исследования (ноябрь – декабрь 2012 г.) проводилась психодиагностика родителей психически больных детей и родственников пожилых людей, проживающих в Кундуштурском психоневрологическом интернате.

На формирующем этапе исследования (январь – октябрь 2013 г.) была разработана и апробирована программа психологического сопровождения семей, направленная на улучшение отношения к психически нездоровому родственнику, на приведение в норму эмоциональных состояний родственников больных, на повышение их толерантности и развитие эмпатийности.

На контрольном этапе исследования (ноябрь – декабрь 2013 г.) проведена повторная психодиагностика семей, имеющих психически больных, выполнен сравнительный анализ полученных данных на первом и третьем этапах исследования, сформулированы выводы о позитивных изменениях в отношении к психически нездоровым людям, проделан количественный и качественный анализ данных, обобщены результаты.

Среди семей, принявших участие в исследовании, мы выделили 11 семей, имеющих детей с нарушениями психического здоровья в возрасте от 1 года до 11 лет (здесь были разные диагнозы: интеллектуальное недоразвитие в степени выраженной дебильности, детский церебральный паралич с интеллектуальным недоразвитием). Среди семей, чьи больные родственники в возрасте от 35 до 60 лет живут в психоневрологическом интернате, мы выбрали 17 семей, с которыми у больного наблюдается достаточно близкая родственная связь.

Для проведения психодиагностики семей, воспитывающих больного ребенка, в соответствии с целью исследования были применены следующие методики: методика диагностики родительских отношений (ОРО) А. Я. Варга и В. В. Столина; методика «Самооценка эмоциональных состояний» (А. Уэссман и Д. Рикс); «Шкала семейного окружения» (ШСО) (адаптирована С. Ю. Куприяновым). В качестве методического инструментария диагностики семей, имеющих психически больных взрослых, нами были отобраны следующие: «Опросник для диагностики способности к эмпатии» А. Мехрабиана, Н. Эпштейна и методика диагностики коммуникативной толерантности (В. В. Бойко).

Рассмотрим результаты диагностики родителей. По тесту-опроснику родительского отношения вы-

яснилось, что эти родители гордятся любыми достижениями своих детей, несмотря на имеющееся заболевание, они поощряют самостоятельность и инициативу детей, стараются доверять им, по мере возможности. Большинство родителей (63,6 %) стараются во всем помочь и сочувствуют своим детям, принимая своих детей такими, какие они есть. 54,5 % родителей пытаются поддерживать симбиотические отношения с детьми, остальные 45,5 % родителей имеют в общении с детьми межличностную дистанцию. Среди опрошенных 36,4 % родителей отвергают своих детей. Для 45,5 % участников исследования характерен авторитаризм, для 63,6 % родителей зафиксировано стремление инфантилизировать своих детей.

Определение социального климата в семьях с больными детьми было проведено по шкале семейного окружения по таким показателям отношений между членами семьи, как *экспрессивность*, *конфликтность* и *сплоченность*. Оценка межличностных отношений в семьях, имеющих детей с психическими нарушениями, показала, что 36,4 % исследованных семей отличаются конфликтностью, в 63,6 % семей существует сплоченность в семье, в 54,5 % семей детям разрешается открыто действовать и выражать свои чувства. По полученным данным мы выявили, что благоприятные отношения между членами семьи складываются в 7 семьях (63,6 %), неблагоприятные – в 4 семьях (36,4 %).

Состояние эмоциональной сферы родителей больных детей было нами исследовано по методике самооценки эмоциональных состояний родителей психически больных детей. По нашим результатам, 54,5 % опрошенных родителей обладают энергичностью, другие 45,5 % участников отметили усталость; 63,6 % родителей можно охарактеризовать относительно спокойным состоянием, у оставшихся 36,4 % участников опроса проявляется тревожность; 54,5 % родителей свидетельствовали о приподнятости настроения, остальные 45,5 % родителей чувствуют себя подавленно, они угнетены взятой на себя виной за здоровье детей. Уверенность в себе проявляют 63,6 % родителей, другие 36,4 % опрошенных либо разочарованы своей слабостью и недостатком способностей, либо чувствуют недостаточность своих умений и способностей, либо страдают от своей некомпетентности.

Анализируя полученные результаты самооценки эмоциональных состояний родителей и показателей взаимоотношений в семье, мы выявили некоторую зависимость: в семьях, где существует неприятие ребенка, наблюдается конфликтность,

непонимание между членами семьи, а в тех семьях, где ребенка любят таким, какой он есть, несмотря на психическое нарушение, присутствует доброжелательность в межличностных отношениях, а сами родители не так подавлены и тревожны, как в конфликтных семьях.

В 17 семьях, чьи родственники проживают в интернате, были получены следующие результаты.

По опроснику диагностики способности к эмпатии было выявлено, что никто из опрошенных не показал высокий уровень эмпатических способностей. Шесть человек (35,3 %) проявили средний уровень эмпатии, низкий уровень эмпатии определен у 8 человек (47,1 %) и очень низкий уровень определен у 3 человек (17,6 %). Итак, практически у всех семей с психически больными взрослыми обнаружено невысокое развитие эмпатийности.

Анализ результатов по диагностике коммуникативной толерантности членов семей с психически больными, находящимися на лечении в интернате, позволил сделать вывод о невысоком уровне данного показателя. Результаты опроса по методике В. В. Бойко, подтвердили, что из 17 опрошенных членов семей низкий уровень коммуникативной толерантности показали 11 человек, что составляет 64,7 %, у пяти семей (29,4 %) определен средний уровень коммуникативной толерантности, у одного представителя (5,9 %) выделен уровень коммуникативной толерантности выше среднего, а высокий уровень толерантности не определен вообще.

Таким образом, на констатирующем этапе по результатам диагностики семей с психически больными обнаружены такие негативные явления, как непринятие своего больного ребенка, негативное его восприятие, отстраненность и конфликтность во взаимодействии с больным ребенком или гиперопека, подавление самостоятельности. У родителей наблюдается повышенная тревожность, подавленность, усталость, некомпетентность в уходе за ребенком с психической болезнью. У родственников, имеющих психически больных взрослых, выявлен довольно низкий уровень толерантности и невысокий уровень эмпатийности.

В соответствии с полученными результатами были разработаны и апробированы программы психологического сопровождения для семей, реализованные в двух вариантах: первый вариант – для группы родителей, не принимающих своего ребенка с психическими нарушениями¹ [1; 4; 13];

второй вариант – для группы родственников с низким уровнем эмпатии и толерантности, имеющих больных взрослых [7; 10; 11; 13].

Родители, не принимающие своего ребенка с психическими нарушениями, характеризуются низкой стрессоустойчивостью, усталостью, тревожностью, чувствуют себя подавленно, они угнетены, часто в их семьях наблюдается повышенная конфликтность, а также непонимание между членами семьи по вопросам воспитания и ответственности, поэтому с данной группой проводилась работа по саморегуляции эмоционального состояния и преодоления негативных эмоций, в частности, организованы занятия по овладению арт-терапевтическими техниками, развивающими личностный потенциал человека, по обучению специальным методам аутогенной тренировки и развитию стрессоустойчивости.

При решении задачи перевода негативных эмоций в состояние адекватного восприятия жизненной ситуации были проведены тренинги релаксации (расслабления). Цель тренинга релаксации состояла в том, чтобы помочь родителям научиться чувствовать и контролировать мышечное напряжение, а также управлять своим мышечным тонусом и расслаблением в ходе специальных упражнений с музыкальным сопровождением (прогрессивная релаксация Джекобсона и аутогенная тренировка) [10]. Эти два подхода различаются лишь технически, а принцип их действия один и тот же. Корректирующий эффект основан на тесной связи между психическим напряжением и напряжением мышечным. Результирующий факт заключается в том, что, добившись физического расслабления, человек автоматически приходит в спокойное психическое состояние. В наших программах мышечно-психическое расслабление использовали в качестве тормозящей стресс-реакции, поэтому овладев данной техникой семьи приобрели возможность снижать напряженность и конфликтность в межличностных отношениях. Занятия по развитию навыков мышечно-психического расслабления проводились как в групповой (восемь занятий), так и в индивидуальной форме (по мере необходимости с каждой семьей выполнено 2–4 индивидуальных консультационных занятия).

Родителям, в семье которых живут дети с психическими отклонениями, были рекомендованы и апробированы в работе с ними различные методы психотерапии отклонений невротического состояния (использован подход Лазаруса): терапия ощущениями и восприятием; терапия размышлением;

¹ Елиашвили М. Н. Особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Московский городской педагогический университет. М., 2012. 24 с.

терапия движением [11]. В ходе использования метода терапии ощущениями и восприятием применялся корректирующий потенциал различных органов чувств и ощущений: зрительные ощущения – в виде кратковременного воздействия через специальные приборы и фильтры на глаза различным цветом или в виде эстетического восприятия картин художников-пейзажистов; слуховые ощущения – в виде прослушивания гармоничных спокойных музыкальных произведений или звуков природы, пения птиц, капель падающего дождя; обонятельные ощущения – через ароматерапию специально подобранных запахов и вдыхание слабых ароматов цветов, хвои, нектара; тактильные ощущения – в виде классического массажа шеи и головы или в виде восточного массажа (акупунктуры) при воздействии на биологически активные точки, а также поверхностного и глубокого массажа поверхности тела, приемам выполнения которых мы обучали родителей. В процессе проведения терапии размышлением мы стимулировали родителей создавать образы позитивного мышления, а затем развивать необходимость стиля позитивного мышления с помощью различных упражнений; в терапии движением родителям нужно было научиться воспринимать свое тело расслабленным и утомленным после использования небольшой двигательной танцевальной нагрузки. Проведено 8 занятий психотерапии эмоциональных состояний.

Возможности специальных тренинговых групповых занятий были использованы в работе с родителями, на этих занятиях для каждого родителя были предложены средства самопомощи в стрессовой ситуации в соответствии с индивидуальными особенностями личности [13]. На занятиях давались наиболее распространенные ситуации внутрисемейных конфликтов, и для каждой семьи была составлена определенная программа копинг-поведения по индивидуальному плану с последующей рефлексией и обсуждением в группе. Проведено 7 тренинговых занятий.

Помимо психотерапии эмоциональной сферы родителей, воспитывающих ребенка с психическими отклонениями, была апробирована психокоррекционная работа по развитию психологической готовности к адекватному восприятию своего «особенного» ребенка, в которой применялись упражнения из программы «Счастливая мама – счастливый малыш» (Овчарова, Р. В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. – М.: МПСИ, 2006. – 496 с.). Целью данных занятий было формирование адекватного, осознанного, положительного восприятия своего

ребенка. Было проведено 7 занятий с частотой 2 раза в неделю длительностью по 2,5–3 часа. Методы и приемы работы, которые использованы в данном направлении психологического сопровождения: тематические беседы; формирование умений и навыков ухода за ребенком с психическими отклонениями, отработка адекватного взаимодействия с окружающими членами семьи; обучение эмпатийному слушанию; аутогенная тренировка; арт-терапия (танцевально-двигательная, хоровая, художественно-изобразительная, театральносценическая); визуализации с последующим обсуждением записанных роликов; голосовые упражнения для развития артикуляции и дикции, приемы дыхательной гимнастики; ролевые игры; ароматерапия (использовалась на всех занятиях); спокойная, медленная музыка для внешнего стимулирования эмоционального состояния. В течение всего периода занятий родители заполняли дневники наблюдений за ребенком. Это направление впервые использовано большинством из родителей, оно было направлено на появление у родителей ощущения полной включенности в жизнь своего ребенка и выстраивание с ним коммуникативного взаимодействия на основе понимания его и своих чувств. В дневник записывались особенности реакций ребенка на различные слова и жесты, на те или иные стимулы, рядом описывались настроения мамы (папы) и ребенка, мысли, которые возникали у родителей в новой форме общения.

В работе с семьями психически больных взрослых, находящихся на лечении в интернате, реализовано такое направление психологического сопровождения, как занятия и упражнения на повышение коммуникативной толерантности и развитие эмпатии.

На занятиях по развитию эмпатии и толерантности важное значение имели упражнения по формированию универсальных навыков общения, которые будут обеспечивать адекватное взаимодействие родственников в межличностном общении как с психически больными, так и друг с другом. Программа таких занятий включала несколько циклов: во-первых, цикл упражнений на расширение диапазона информационных каналов общающихся; во-вторых, упражнения на развитие навыков психологического анализа, рефлексии поступков и прогнозирования поведения психически нездорового родственника; в-третьих, занятия по овладению навыками эффективного общения; в-четвертых, упражнения на расширение диапазона раскрытия коммуникативного потенциала родственников; в-пятых, занятия, вырабатывающие

навыки саморегуляции эмоционального состояния своего и партнера по общению. Занятия проводились как тематические, так и комплексные, содержащие одновременно все виды упражнений (обычно такие занятия использовались по завершению определенного цикла). Иногда с родственниками взрослых больных проводились и специальные упражнения на развитие эмпатийных способностей.

Мероприятия по программе психологического сопровождения были организованы отдельно для каждой группы семей с психически больными в соответствии с обозначенными в ходе диагностики проблемами.

На последнем этапе исследования снова проведена диагностика по тем же методикам, что и на констатирующем этапе. Все семьи-участники вновь были опрошены по методикам, использованным нами для семей с больными детьми и для семей с больными взрослыми.

Анализ результатов диагностики родителей по опроснику родительского отношения выявил тенденцию улучшения в отношении родителей к своим детям: теперь уже большинство родителей стали принимать своего ребенка (90,9 %), они стали стремиться к кооперации в отношениях с ними (81,8 %), к развитию симбиотических отношений с детьми (81,8 %). И лишь только для двух родителей (18,2 %) сохранилась межличностная дистанция в отношениях с детьми, у трех родителей (27,3 %) остался авторитаризм, для трех родителей (вместо 7 в начале исследования) наблюдалось стремление инфантилизировать своих детей.

По второй методике (шкала семейного окружения) определено, что уже девять родителей (81,1 % по сравнению с 63,6 % на констатирующем этапе) отметили наличие сплоченности в семье. В восьми семьях (72,7 % по сравнению с 54,5 % в начале исследования) члены семьи стали не только открыто действовать и выражать свои чувства, но и стимулировать такое поведение у детей. И всего лишь в двух семьях (18,2 % по сравнению с 36,4 %) отношения сохранились конфликтными.

Таким образом, можно констатировать факт позитивных изменений после проведенных мероприятий: статистический анализ результатов диагностики межличностных отношений в семьях, имеющих детей с психическими отклонениями, на констатирующем и контрольном этапах исследования показал, что данные различия достоверны, и благоприятные внутрисемейные отношения складываются в 81,8 % семей (по сравнению с 63,6 % на начальном этапе), неблагоприятные – в 18,2 % семей (по сравнению с 36,4 % в начале исследования).

По методике самооценки эмоциональных состояний родителей детей с психическими нарушениями определено, что десять родителей (90,9 % по сравнению с 63,6 %) стали обладать относительным спокойствием. Восемь человек (72,7 % по сравнению с 54,5 % в начале эксперимента) показали жизнерадостность, приподнятость, хорошее самочувствие и расположение духа, у девяти родителей из группы (81,8 % по сравнению с 54,5 % на начальном этапе) проявилась энергичность, уверенность в себе стала характерна для десяти опрошенных родителей (90,9 % по сравнению с 63,6 %). Сравнительный анализ результатов самооценки эмоциональных состояний родителей на первом и третьем этапах исследования доказал тенденцию снижения подавленности, тревожности, чувства усталости и беспомощности у родителей.

Динамика результатов диагностики членов семей с психически больными взрослыми на контрольном этапе исследования была следующая.

Данные опроса, полученные по методике диагностики способности к эмпатии, определили повышение показателей уровня эмпатии опрошенных: высокий уровень эмпатийности был обнаружен у одного человека (5,9 %) по сравнению с отсутствием такого уровня на констатирующем этапе; у девяти человек засвидетельствован средний уровень эмпатических способностей (52,9 % по сравнению с 35,3 %), уменьшилось до семи человек количество родственников с низким уровнем эмпатийности (41,2 % по сравнению с 47,1 %), очень низкий уровень не показал ни один родственник больного взрослого (по сравнению с 17,6 % на констатирующем этапе).

Улучшились и показатели коммуникативной толерантности: уровень толерантности выше среднего показали уже два родственника (11,8 % по сравнению с 5,9 %), для девяти человек (52,9 % по сравнению с 29,4 %) определен средний уровень коммуникативной толерантности, низкий уровень толерантности остался характерным лишь для шести человек (35,3 % по сравнению с 64,7 % на начальном этапе).

Таким образом, результаты диагностирования психологических проблем семей с психически больными до и после проведения программы психологического сопровождения показали, что в большинстве семей с психически больными детьми произошло позитивное изменение отношения к ребенку, улучшились показатели межличностных отношений в семье (увеличилась сплоченность, уменьшилась конфликтности между членами

семей), стабилизировалось эмоциональное состояние родителей на адекватном уровне. В семьях с психически больными взрослыми наметилась тенденция повышения толерантности и эмпатийности у родственников больных.

Для определения достоверности полученных результатов на констатирующем и контрольном этапах исследования использовался параметрический *t*-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Фактическое значение критерия достоверности (*t_ф*) оказалось несколько выше стандартного значения критерия *tst* (*t_ф* > *tst* при *p* = 0,05), что свидетельствует о значимости различий в показателях на констатирующем и контрольном этапах исследования и в эмоциональных состояниях родителей психически больных детей, и в уровне развития эмпатии и толерантности родственников психически больных взрослых.

Обобщая данные проведенного исследования, достоверность которых проверена с помощью *t*-критерия Стьюдента, можно отметить подтверждение выдвинутой нами гипотезы. Выявленные нами основные психологические проблемы семьи, имеющей психически больного, были эффективно решены в процессе реализованных программ психологического сопровождения, поэтому оба варианта программ психологического сопровождения семьи, имеющей психически больного, были внедрены в практическую деятельность Кундшурского психоневрологического интерната.

Литература

1. Гурович И. Я. От опосредованного и общего психосоциального воздействия к направленной реабилитации // Психосоциальная и когнитивная терапия и реабилитация психически больных. М., 2015. С. 8–11.
2. Гурская В. В. Семья психически больного как клиент специалиста по социальной работе // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XVII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 6(17). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/6\(17\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/6(17).pdf) (дата обращения: 21.10.2017).
3. Корень Е. В., Куприянова Т. А. Влияние групповой психосоциальной терапии с родителями на социальное функционирование детей и подростков с расстройствами шизофренического спектра // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22. № 3. С. 43–47.
4. Менделевич В. Д. К вопросу о человечности психически больных // Образование и саморазвитие. 2015. № 3. С. 161–164.
5. Петров Д. С. Медико-социальная нагрузка на семьи пациентов с шизофренией и органическими психическими расстройствами // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья РАМН. 2011. Вып. 4. С. 115–120.
6. Солохина Т. А., Тюменкова Г. В. Потребности родственников психически больных // Психотерапия и психосо-

циальная работа в психиатрии. Вып. II / под ред.: О. В. Лиманкина, С. М. Бабина. СПб.: Таро, 2014. С. 45–51.

7. Судьин С. А. Психическая болезнь и семья: субъективные и объективные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 2(1). С. 390–395.
8. Судьин С. А. Психические расстройства как фактор семейного неблагополучия // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. 2013. С. 4414–4420.
9. Эйми Уоллис, Хенкин Билл. Искусство психического исцеления. М.: Наука, 2015. 240 с.
10. Харди И. Врач, сестра, больной. Психология работы с больными. М.: Изд-во Академии Наук Венгрии Verlagder Ungarischen Akademieder Wissenschaften Editionsdel' Academie Hongroisedessciences, 2014. 340 с.
11. Хритинин Д. Ф., Петров Д. С. Лечебно-реабилитационный потенциал больных шизофренией и их семей // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2012. Т. 112. Вып. 5. С. 78–82.
12. Хритинин Д. Ф., Петров Д. С., Коновалов О. Е. Организация лечения и реабилитации больных шизофренией на основе семейно-ориентированного подхода: монография. М., 2012. 192 с.
13. Шевеленкова Т. Д., Твердохлеб Н. А. Отношение к психически больным людям в современном российском обществе // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2015. № 2. С. 139–149.

References

1. Gurovich I. Ya. Ot oposredovannogo i obshchego psikhosotsial'nogo vozdeistviya k napravlennoi reabilitatsii [From mediated and general psychosocial effects to directed rehabilitation]. *Psikho-sotsial'naya i kognitivnaya terapiya i reabilitatsiya psikhicheski bol'nykh* = Psychosocial and cognitive therapy and rehabilitation of mentally ill patients, Moscow, 2015, pp. 8–11. (In Russ)
2. Gurskaya V. V. Sem'ya psikhicheski bol'nogo kak klient spetsialista po sotsial'noi rabote [A family of a mentally ill person as a client of a specialist in social work]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov: mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sb. st. po mat. XVII mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf.* = Scientific community of students: interdisciplinary research: interdisciplinary researches: the article of XVII International student theoretical and practical conference, no. 6 (17). Available from: [https://sibac.info/archive/meghdis/6\(17\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/6(17).pdf) (accessed: 21.10.2017). (In Russ)
3. Koren' E. V., Kupriyanova T. A. Vliyanie gruppovoi psikhosotsial'noi terapii s roditel'nyami na sotsial'noe funktsionirovanie detei i podrostkov s rasstroistvami shizofrenicheskogo spektra [The influence of group psychosocial therapy with parents on the social functioning of children and adolescents with schizophrenic spectrum disorders]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya* = Social and Clinical Psychiatry, 2012, vol. 22, no. 3, pp. 43–47. (In Russ)
4. Mendelevich V. D. K voprosu o chelovechnosti psikhicheski bol'nykh [On the question of the humanity of mentally ill]. *Obrazovanie i samorazvitie* = Education and self-development, 2015, no. 3, pp. 161–164. (In Russ)
5. Petrov D. S. Mediko-sotsial'naya nagruzka na sem'i patsientov s shizofreniei i organicheskimi psikhicheskimi

rasstroistvami [Medical and social load on families of patients with schizophrenia and organic mental disorders]. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya RAMN* = Herald of the National Research Institute of Public Health of the Russian Academy of Medical Sciences, 2011, vyp. 4, pp. 115–120. (In Russ)

7. Solokhina T. A., Tyumenkova G. V. Potrebnosti rodstvennikov psikhicheski bol'nykh [Needs of relatives of mentally ill]. *Psikhoterapiya i psikhosotsial'naya rabota v psikiatrii. Vyp. II* = Psychotherapy and psychosocial work in psychiatry. Issue. II, ed. by: O. V. Limankina, S. M. Babina, Saint-Petersburg: Taro, 2014, pp. 45–51. (In Russ)

8. Sud'in S. A. Psikhicheskaya bolezn' i sem'ya: sub"ektivnye i ob"ektivnye problemy [Mental illness and family: subjective and objective problems]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = Herald of the Nizhny Novgorod University, 2012, no. 2(1), pp. 390–395. (In Russ)

9. Sud'in S. A. Psikhicheskie rasstroistva kak faktor semeinogo neblagopoluchiya [Mental disorders as a factor of family unhappiness]. *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiye [Elektronnyi resurs]: materialy IV Ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* = Sociology and society: global challenges and regional development [Electronic resource]: materials of the IVth All-Russian Sociological Congress. ROS, IS RAS, Academy of Sciences of Belarus, ISPI, Moscow: ROS, 2012, 1 CD ROM, 2013, pp. 4414–4420. (In Russ)

10. Eimi Uollis, Khenkin Bill. Iskusstvo psikhicheskogo istseleniya [The art of mental healing]. Moscow: Nauka, 2015, 240 p. (In Russ)

11. Khardi I. Vrach, sestra, bol'noi. Psikhologiya raboty s bol'nymi [The doctor, the sister, the patient. Psychology of working with patients]. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk Vengrii Verlagder Ungarischen Akademieder Wissenschaften Editionsdel' Academie Hongroisedessciences, 2014, 340 p. (In Russ)

12. Khritinin D. F., Petrov D. S. Lechebno-reabilitatsionnyi potentsial bol'nykh shizofreniei i ikh semei [Treatment and Rehabilitation Potential of Patients with Schizophrenia and Their Families]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova* = Journal of Neurology and Psychiatry. S. S. Korsakov, 2012, vol. 112, Vyp. 5, pp. 78–82. (In Russ)

13. Khritinin D. F., Petrov D. S., Konovalov O. E. Organizatsiya lecheniya i reabilitatsii bol'nykh shizofreniei na osnove semeino-orientirovannogo podkhoda [Organization of treatment and rehabilitation of schizophrenic patients on the basis of the family-oriented approach]. Moscow, 2012, 192 p. (In Russ)

14. Shevelenkova T. D., Tverdokhle N. A. Otnoshenie k psikhicheski bol'nym lyudyam v sovremenno rossiiskom obshchestve [Attitude to mentally ill people in modern Russian society]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie* = Herald of the RSUH. Series: Psychology. Pedagogy. Education, 2015, no. 2, pp. 139–149. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 12.09.2017 г.

Submitted 12.09.2017.

Для цитирования: Шишкина О. В., Гаврилова О. А., Загайнов И. А., Блинова М. Л. Развитие позитивного отношения семьи к психически нездоровым родственникам // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 105–112.

Citation for an article: Shishkina O. V., Gavrilova O. A., Zagainov I. A., Blinova M. L. Development of positive family's attitude to mentally ill relatives. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 105–112.

Шишкина Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, Межрегиональный открытый социальный институт, г. Йошкар-Ола, koratos1@gmail.com

Гаврилова Ольга Алексеевна, фельдшер, Кундуштурский психоневрологический интернат, Республика Марий Эл, koratos1@gmail.com

Загайнов Игорь Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, zagainov-igor@nm.ru

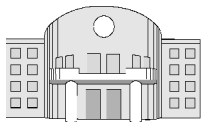
Блинова Мария Леонидовна, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, airam8@mail.ru

Olga V. Shishkina, Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Interregional Open Social Institute, Yoshkar-Ola, koratos1@gmail.com

Olga A. Gavrilova, paramedic, Kundushturskii psychoneurological residential institution, The Mari El Republic, koratos1@gmail.com

Igor A. Zagainov, Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, zagainov-igor@nm.ru

Maria L. Blinova, Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, airam8@mail.ru

Филологические науки

PHILOLOGY

УДК 316.775:327

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОМЕХИ И ПРОБЛЕМЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ГРАЖДАН РОССИИ И США

М. Ю. Андуганова, Л. К. Постоян

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Данная статья посвящена рассмотрению лингвокультурологических особенностей межкультурной коммуникации в России и США, где будут отражены эмоции и чувства человека, что является значимым и очень важным аспектом для научного исследования с разных точек зрения. Исследование дает возможность выявить особенности английской национальной культуры, что позволяет рассмотреть возможные проблемы и перспективы в процессе коммуникации между гражданами России и США. Поскольку лингвокультурология является смежной наукой, образованной на стыке языкознания и культурологии, то и методы применяются соответственно исходя из арсенала обоих направлений. Работа нацелена на решение трех основных задач, а именно: 1) определение предмета лингвокультурологии и описание основных подходов взаимоотношения культуры и языка; 2) описание видов коммуникативных и культурологических помех и проблем в межкультурной коммуникации; 3) выявление наиболее значимых безэквивалентных концептов в языке и культуре русского и американского этносов. В ходе исследования нами выявлено три основополагающих подхода при решении проблемы взаимоотношения культуры и языка. В теории межкультурной коммуникации обнаружено пять видов помех, а в культурологии найдено девять. Результаты исследования позволяют сделать общий **вывод** о том, что основные лингвокультурологические проблемы коммуникации граждан России и США появляются по причине различий в их языковых картинах мира и концептосферах. Возникновение трудностей при межкультурном общении обусловлено расхождениями в фоновых знаниях, культурных коннотациях отдельных языковых единиц, действием культурных стереотипов, особенностями национальных характеров и коммуникативных стратегий, а также коммуникативной асимметрией.

Ключевые слова: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, культура, язык.

LINGUOCULTURAL HINDRANCES AND PROBLEMS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION BETWEEN CITIZENS OF RUSSIA AND USA

M. Yu. Anduganova, L. K. Postoyan

Ugra State University, Khanty-Mansiysk

This article is devoted to the consideration of linguocultural features in intercultural communication between Russian Federation and the USA, where there will be reflected emotions and feelings of a person, which is considered to be significant and very important aspect for scientific research from different points of view. The analysis of this study provides an opportunity to clarify the peculiarities of English national culture, and also allows us to consider possible problems and prospects in the process of communication between Russian Federation and the USA. Since linguoculturology is considered to be a related science, formed at the junction of linguistics and culturology, then the methods of this science are applied accordingly based on the arsenal of both directions. The investigation is aimed at solving three main tasks, namely: 1) to determine the subject of linguoculturology and describe the main approaches of the relationship between culture and language; 2) a description of the types of communicative and cultural hindrances and problems in intercultural communication; 3) the identification of the most significant nonequivalent concepts in the language

and culture of the Russian and American ethnic groups. The study has revealed three main relationship problem approaches between culture and language. There were brought to light five intercultural communicative hindrances and nine linguocultural hindrances. Overall conclusion is that basic linguocultural problems between citizens of Russia and USA appear by the reason of concept and linguistic picture of world varieties. There are Intercultural communication difficulties such as background knowledge, cultural connotation differences of language units, cultural stereotypes, special national character, communicative strategies and communicative skewnesses 2) a description of the types of communicative and cultural hindrances and problems in intercultural communication; 3) the identification of the most significant nonequivalent concepts in the language and culture of the Russian and American ethnic groups. The study has revealed three main relationship problem approaches between culture and language. There were brought to light five intercultural communicative hindrances and nine linguocultural hindrances. Overall conclusion is that basic linguocultural problems between citizens of Russia and USA appear by the reason of concept and linguistic picture of world varieties. There are Intercultural communication difficulties such as background knowledge, cultural connotation differences of language units, cultural stereotypes, special national character, communicative strategies and communicative skewnesses.

Key words: linguoculturalogy, intercultural communication, culture, language.

Цель исследования: проанализировать лингвокультурологические особенности, выявить проблемы и помехи в межкультурной коммуникации россиян и американцев. Для реализации цели необходимо решить ряд задач, которые заключаются в следующем:

1. Определить предмет лингвокультурологии и описать основные подходы взаимоотношения культуры и языка.

2. Описать виды коммуникативных и культурологических помех и проблем в межкультурной коммуникации.

3. Выявить наиболее значимые безэквивалентные концепты в языке и культуре русского и американского этносов.

Материалом данного исследования послужили отрывки из текстов английской классической художественной литературы.

Процесс коммуникации неразрывно связан с речевой деятельностью. Интерес к изучению проблем языка и культуры появился достаточно давно. По мнению Н. И. Толстого, эти истоки нужно искать еще в работах Братьев Гримм, создателей знаменитой мифологической школы [7].

Язык является важнейшим инструментом познания, который формирует «картину мира». В то же время культура включает в себя познание, язык, верования, способности и привычки, присущие человеку как члену общества, поэтому каждая нация, пользуясь своими инструментами концептообразования, формирует уникальную картину мира, являющуюся по сути основанием национальной культуры [2].

Как отмечает В. Н. Телия, для лингвокультурологии характерна синхронная ориентация, в частности, он отмечает взаимодействие языка и культуры в рамках современного культурно-национального

самосознания и его знаковой презентации [7]. Предметом лингвокультурологии является исследование и описание одновременно действующих средств и способов взаимодействия, как языка, так и культуры. В. Н. Телия считает, что ее цель заключается в выявлении культурно-языковой компетенции субъектов сообщества.

Следует отметить, что решение проблемы взаимоотношения культуры и языка на данный момент представлено тремя основополагающими подходами, а именно:

1. Подход, разработанный в основном российскими философами – Г. А. Брутяном, Е. И. Кукушкиным и Э. С. Маркаряном. Здесь главным тезисом выступает то, что язык является отражением культуры а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, которую отражает язык [8].

2. Подход, основанный на проблеме взаимоотношения языка и культуры. Его основоположниками являются представители американской школы Э. Сепир и Б. Уорф. Они разработали гипотезу лингвистической относительности. В ее основе заложена идея о том, что люди видят мир сквозь призму своего родного языка.

3. Подход, в рамках которого язык является фактом культуры, которую мы наследуем от наших предков. Яркими ее представителями являются: Н. И. Жинкин, К. Леви-Строс, В. А. Маслова и др.

Необходимо обратить внимание и на методологию лингвокультурных коммуникаций. По мнению исследователей, в данной области междисциплинарный характер, возникшей на стыке лингвистики и культурологии, позволяет использовать как лингвистические методы, так и культурологические [6].

Рассматривая проблематику в процессе лингвокультурологической коммуникации, стоит сказать,

что, вступая в межкультурное общение, его участники сталкиваются не просто с носителями иностранного языка, но в то же время с носителями иной культуры. Национальная культура вступает в диалог с другими культурами. Такой процесс вызывает коммуникативные проблемы и помехи.

В теории межкультурной коммуникации выделяются следующие виды коммуникативных помех, возникающих со стороны участников коммуникации: физиологические, языковые, поведенческие, психологические и культурологические. К культурологическим помехам относятся: 1) расхождения в языковых картинах мира, включая восприятие времени и пространства; 2) коммуникативная асимметрия; 3) отличие форм и средств невербальной коммуникации, используемой в разных культурах; 4) отличие ценностных ориентиров; 5) специфичность восприятия юмора; 6) отличия в фоновых знаниях; 7) различия культурно-специфических коннотаций языковых единиц; 8) расхождения культурно-языковых норм; 9) несовпадение коммуникативных стратегий; 10) влияние культурных стереотипов [4].

Существует большое множество примеров того, что знание реалий необходимо для понимания языковых фактов, ввиду того что понимание текста в целом значительно затрудняется и ведет к усложнению процесса коммуникации, а двуязычные словари не всегда способны дать исчерпывающую информацию о переводимом предмете. Это может привести к тому, что смысл текста понимается искаженно и не в полной мере. Иноязычный пользователь словаря при таком толковании получает довольно общее представление о предмете, т. к. слово в словаре его лишь обозначает и называет вне ситуации и контекста. Следовательно, при представлении слова с культурным компонентом значения возникает проблема его подбора или выбора, а для этого необходимы дополнительные фоновые знания и когнитивный опыт.

При сопоставлении американских и русских концептов обращается внимание на то, что русскоязычные концепты, особенно отражающие духовную и эмоциональную стороны жизни, часто не имеют американских аналогов [3]. В то же время американские концепты, не переводимые на русский язык, в большинстве своем отражают прагматический и активистский характер американской культуры.

Наиболее очевидную трудность для передачи на иностранный язык представляют концепты, не имеющие эквивалентов в другой культуре. В связи с чем является невозможным выполне-

ние абсолютно точного перевода на английский язык таких концептов, как например: *цельность, умиление, лукавство, разгул, склока, блат, номенклатура, самиздат, шефство*. Американцу, в свою очередь, будет трудно подобрать эквивалент в русском языке для следующих понятий: *self-made, self-righteous, competitive, cooperative, materialistic*.

Зачастую не имеют аналогов в американской концептосфере такие русские концепты, как, например: душа, судьба, тоска. Когда американские авторы пишут о русской «душе» или «тоске», они используют в тексте английскую транскрипцию русского слова:

Dusha... is the essence of Russian behavior. The romantic ethos, dusha, appeals to feeling rather than fact, sentiment over certainty, suffering instead of satisfaction, and nostalgia for the past as opposed to the reality of the present. In a broader sense, dusha is also a reaffirmation of the purity of traditional Russian values against the encroachment of Western enlightenment, rationalism, and secularism, especially in things cultural [10]. 'Душа – это сущность русского поведения. Романтическая черта, *душа*, обращается скорее к чувству, чем к разуму, сентиментальности более чем определенности, страданию, вместо удовлетворения и ностальгии по прошлому, в противопоставление реальности и настоящего. В более широком смысле, *душа* – это также подтверждение чистоты традиционных русских ценностей в сравнении с проникновением западного просвещения и рационализма, особенно в предметах культуры' [9].

Для передачи концепта «тоска» на английском языке можно попытаться использовать пограничные концепты (*melancholy, depression, yearning, anguish, longing, ennui, grief* и т. д.). Н. А. Бердяев писал, что «нужно делать различие между тоской и страхом и скукой. Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира ... Страх и скука направлены не на высший, а на низший мир. Страх говорит об опасности, грозящей из низшего мира. ... В тоске есть надежда, в скуке – безнадежность».

Изучение лингвокультурологических особенностей как способа выражения эмоций в культурах разных народов показывает его определенные типологические черты. Так, некоторые слова позволяют полнее выражать первичные врожденные аффекты, чем другие, более культурно обоснованные.

Формируя социокультурный компонент межкультурной коммуникативной компетенции, лингвокультурология играет важную роль в межкультурном общении. Недостаток знаний подобного рода

сказывается на качестве межкультурной коммуникации и зачастую приводит к проблемам в понимании.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что основные лингвокультурологические проблемы коммуникации граждан России и США возникают по причине различий в их языковых картинах мира и концептосферах. Возникновение трудностей при межкультурном общении обусловлено расхождениями в фоновых знаниях, культурных коннотациях отдельных языковых единиц, действием культурных стереотипов, особенностями национальных характеров и коммуникативных стратегий, а также коммуникативной асимметрии.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010. С. 34.
2. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
3. Костомаров В. А. В. Виноградов о русском языке как явлении мировой культуры // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. 1995. № 3. С. 49–54.
4. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005.
5. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13–24.
6. Тер-Минасов С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
7. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: 1995. С. 35.
8. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Вопросы языкознания. 1995. № 2.
9. Lourie Richard and Mikhalev Alexei. Why You'll Never Have Fun in Russian. New York Times Book Review. 18 June 1989. P. 1, 38.
10. Richmond Yale. From Nyet to Da: Understanding the Russians. Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1996. 191 p.

References

1. Alefirenko N. F. Lingvokulturologija. Cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka [Lingvoculturology. Value-semantic space of language]. Moscow: Flinta, 2010, p. 34. (In Russ).
2. Weisgerber L. Rodnoi yazyk i formirovanie dukha [Native language and the formation of the spirit]. Moscow, 1993 (In Russ).
3. Kostomarov V. A., Vinogradov A. V. O russkom yazyke kak yavlenii mirovoi kul'tury [On the Russian language as a phenomenon of world culture]. *Izv. RAN. Seriya lit-ry i yazyka* = *Izv. RAS. A series of literature and language*, 1995, no. 3, pp. 49–54. (In Russ).
4. Leontovich O. A. Russkie i amerikancy: paradoksy mezhkul'turnogo obshheniya [Russian and Americans: the paradoxes of intercultural communication]. Moscow: Gnozis, 2005 (In Russ).
5. Teliya V. N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava jazyka v kontekste kul'tury [Priority tasks and methodological problems of the study of phraseological composition of language in the context of culture]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* = *Phraseology in the context of culture*, Moscow, 1999, pp. 13–24 (In Russ).
6. Ter-Minasova S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija [Language and Intercultural Communication]. Moscow: Slovo/Slovo, 2000, 624 p. (In Russ).
7. Tolstoj N. I. Jazyk i narodnaja kul'tura: Oчерки po slavyanskoi mifologii i jetnolingvistike [Language and Folk Culture: essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: 1995, p. 35 (In Russ).
8. Frumkina RM Est' li u sovremennoi lingvistiki svoya epistemologiya? [Does modern linguistics have its own epistemology?]. *Voprosy yazykoznanija* = *Questions of linguistics*, 1995, no. 2 (In Russ).
9. Lourie Richard and Mikhalev Alexei. Why You'll Never Have Fun in Russian. New York Times Book Review, 18 June 1989, pp. 1, 38.
10. Richmond Yale. From Nyet to Da: Understanding the Russians. Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1996, 191 p.

Статья поступила в редакцию 14.08.2017 г.

Submitted 14.08.2017.

Для цитирования: Андуганова М. Ю., Постоян Л. К. Лингвокультурологические помехи и проблемы в межкультурной коммуникации граждан России и США // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 113–116.

Citation for an article: Anduganova M. Yu., Postoyan L. K. Linqucultural hindrances and problems in intercultural communication between citizens of Russia and USA. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 113–116.

Андуганова Марианна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Sem-Marianna@yandex.ru

Постоян Лиана Камоевна, студентка, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Sem-Marianna@yandex.ru

Marianna Y. Anduganova, Hh. D. (Philology), associate professor, Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Sem-Marianna@yandex.ru

Liana K. Postoyan, student, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Sem-Marianna@yandex.ru

УДК 811.161.1'37

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ЛЕКСЕМ
И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ РЕЧИ****А. Р. Ахмедзянова***Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола*

В статье рассматриваются некоторые лингвокультурологические особенности лексических и фразеологических единиц с семантикой речи в русском языке. **Цель статьи** – дать лингвокультурологическую характеристику лексемам и фразеологизмам с семантикой речи. Речь предстает как лингвокультурный феномен, включенный в культурный контекст и позволяющий человеку стать носителем определенной лингвокультуры. В частности, предпринята попытка соотнести слова с семантикой речи с кодами культуры, которые выделяет лингвист, психолингвист В. В. Красных. В центре внимания оказываются лексемы с прозрачной внутренней формой. Предпринята попытка соотнесения сем, семем и связей в семантической структуре с архетипами и этимологическим значением. Также учитываются современные лексические и грамматические значения слов. Выделены базовые коды культуры, соотносящиеся с речью, обоснована связь лексических и фразеологических единиц и ментефактов в русской культуре. Предпринята попытка анализа изменения значения некоторых единиц. Статья написана на **материале** составляемого и редактируемого мультимедийного словаря «Красная книга русского языка», который разрабатывается в рамках проекта «Красная книга русского языка». Предпринята попытка создания образа речи как феномена человеческой жизни и деятельности в русской лингвокультуре. Дано описание лингвокультурологических характеристик речи, закреплённых в значениях прилагательных и существительных с семантикой оценки. Также рассматриваются коннотации как важный элемент лингвокультурологического анализа единиц лексического уровня языка. Предпринята попытка анализа связи коннотации с этимологическим значением (пример с архетипом «говорить»). Статья представляет собой попытку характеристики семантики в лингвокультурологическом, этнолингвистическом, этимологическом плане.

Ключевые слова: фразеологизм, речь, семантика, лингвокультура, стереотип, метафора.

Благодарности: исследование проведено в рамках реализации федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы.

**LINGVOCULTURAL FEATURES OF RUSSIAN LEXEMS
AND PHRASEOLOGISTS WITH SEMANTICS OF SPEECH****A. R. Akhmedzyanova***Mari State University, Yoshkar-Ola*

The article deals with some linguistic and cultural peculiarities of lexical and phraseological units with the semantics of speech in the Russian language. The aim of the article is to give linguistic cultural characteristics of lexemes and idioms. It appears as linguistic-cultural phenomenon, is included in a cultural context and enables a person to become a carrier of a certain culture. In particular, an attempt to relate the words with the semantics of the question with the codes of culture was made, that the linguist V. V. Krasnykh, specialist in, In psycholinguistic distinguishes. Red. In the token with a transparent inner form. An attempt to correlate the SEM, semen and relationships in the semantic structure with the archetypes and etymological value. Also into account modern lexical and grammatical meanings of the words is taken. Basic codes of the culture, correlated with the speech, substantiated the relationship of lexical and phraseological units and mentifacts in Russian culture. Investigates change the values of some units. This article draws on material compiled and edited multimedia dictionary “The red book of the Russian language”, which is being developed in the framework of the project “Red book of the Russian language”. An attempt to create the image of a speech as a phenomenon of human life and activity in a Russian linguistic culture. The description of the linguistic and cultural characteristics of speech enshrined in the values of adjectives and nouns with semantics of evaluation. Connotations are also considered as an important element of linguistic and cultural analysis of lexical units of the language. An attempt to analyze the relationship connotations from an etymological value (example with the archetype “to speak”) was made. The paper is an attempt of characterization of the semantics in linguistic and cultural, ethnolinguistic, etymological aspect.

Key words: idiom, speech, semantics, linguistic culture, stereotype, metaphor.

Acknowledgements: the study was conducted within the framework of the implementation of the federal target program "Russian Language" for 2016–2020.

Фразеологический пласт языка, по В. А. Масловой¹, является основой лингвокультуры. Фразеологизмы вследствие своей непереводаемости являются вербальным выражением особенных черт в культуре определенного народа. Ту же функцию нередко выполняют лексикализованные сочетания и субстантивные единицы со значением характеристики человека / народа / места жительства и мн. другого. Развитие идиоматических образов какого-либо феномена человеческой жизни часто ведет к созданию стереотипного образа. О стереотипах как устоявшихся образах писал польский лингвист Ежи Бартминьский², проводивший исследование стереотипов, касающихся национальности и восприятия представителей конкретных народов (например, русских, поляков) в польской и русской лингвокультурах.

Однако ученый в данном случае исследовал вербальные способы объективации и оценки привычек, манеры поведения, рассматриваемые извне, с позиции «чужой» лингвокультуры.

В данной статье будут рассмотрены некоторые идиоматические (устойчивые) единицы русского языка, связанные с речью как процессом говорения, способом выражения мыслей и инструментом коммуникации.

В лингвокультурологии часто используется понятие кода культуры, «совокупности ментефактов, формирующей определенный аспект картины мира». Речь как явление вербализации сознания, как многоплановый феномен может рассматриваться в русле различных аспектов картины мира.

В. В. Красных выделяет несколько кодов культуры: временной, пространственный, антропный, природно-стихийный, духовный и др. [4].

Речь как результат коммуникации носителей лингвокультуры, когда выполняется функция воздействия (волеуководная) и происходит обмен мнениями, информацией, можно рассматривать с позиции артефактного, антропного, акционального и духовного кодов культуры. Это деление, на наш взгляд, может быть некоторым обобщением по отношению к рассмотрению метафорических моделей Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [5].

Моделирование семантики, как представляется, стало одним из основных методов лингвокультурологических и семантических исследований [1].

К акциональному коду культуры можно, например, отнести такие единицы, связанные по семантике с речью, как *вилами по воде писано* (в значении «неточно, доподлинно неизвестно»), *каша во рту, взяться за перо*. К антропному – *бормотать под нос, рот открыть* и т. д. К духовному – *сказать от души, душа говорит*. Следовательно, предположение о многоплановости речи и как реалии, описанной в культурных кодах, можно считать подтвержденным. С семантикой речи также может быть связана семантика невыразимого, базирующаяся на грамматической категории отрицания [6].

Е. В. Урысон относит выражение *душа говорит* к области «наивной анатомии человека» и рассматривает, таким образом, душу как часть человеческого организма, что раскрывает полиметафоричный характер семантики речи в сопоставлении с такими единицами, как *душа, совесть* и т. д. (см. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике). По пути исследования лингвокультурного восприятия человека вообще, как феномена реальности идет Д. Н. Галимова [2].

Не менее важными объектами лингвокультурного исследования становятся лексемы с семантикой речи, говорения. Объективация семы «речь» связана и с вербализацией такой области жизни, как поведение человека.

Представляется уместным рассмотреть наиболее редко встречающиеся в активном словарном запасе современных носителей языка лексические единицы, помещенные в словарь «Красная книга русского языка», разрабатываемый в рамках одноименного проекта³.

Слово «бахвалиться», по мысли М. Фасмера⁴, этимологически восходит к двум корням: «баять» и «хвалить», следовательно, эта лексема связана с двумя лингвокультурными ипостасями человека: «человек говорящий» и «человек оценивающий». Хвала, как известно, высокая оценка чьих-либо способностей или поступков. В сочетании эти

¹ Маслова В. А. Лингвокультурология. 2001. 183 с.

² Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005. 512 с.

³ Красная книга русского языка. URL: <http://rusredbook.ru> (дата обращения: 7.10.2017).

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <http://vasmer.narod.ru/> (дата обращения: 1.10.2017).

семы образуют семему «человек, который хвалит сам себя».

В русской лингвокультуре излишнее внимание к себе оценивается как проявление гордыни, эгоизма. В том же ключе стоит рассмотреть и абстрактное существительное «себялюбие», в известной мере противопоставленное человеколюбию (вниманию к другим). В данном случае концепт «любовь» проявляет только одну грань значения – чрезмерная привязанность.

Следовательно, бахвалиться дословно можно «перевести» на современный язык как «воздавать хвалу самому себе». Эту единицу можно отнести к духовному коду культуры. Эгоизм в русской лингвокультуре – качество, стыдное для человека, особенно если оно проявляется в речи, которую, как известно необходимо обдумывать.

Кроме того, с речью через ее связь с поведением можно сопоставить глагол *лукавить* в значении «говорить неправду, лгать». Здесь прослеживается связь со стереотипом «лукавый – нечистая сила, символ вселенского зла» Отождествление этого действия с силами зла дает оценку и относит лексему опять-таки к духовному коду культуры, точнее, к моральным ценностям, представлениям о добре и зле.

Как зафиксированное в языке деление речи на жанры интересны две единицы: *баснословный* и *побасёнка*. Оба в русском языке имеют эмоциональную окраску, которая следует из семантики. Адъектив *баснословный* имеет значение «небылальный», «трудно представляемый» и этимологически связан с глаголом *баять* (*говорить*). В данном случае можно наблюдать усиление семы «говорение» семой «слово». Этимологически эти слова восходят к разным архетипичным корням: *ba-* «говорить» и *slou-* «слово, слава, слыть». Иными словами, *баснословный* называется такой предмет или такое явление, которое можно только представить, описать, но не увидеть, не воспринять. Усиление семантики дает возможность объяснить отрицательную коннотацию: доверия к слову, вернее, к тому, что рассказано другими, носитель русской лингвокультуры не имеет (ср. поговорку «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»).

Не менее интересно в этом отношении слово *побасёнка*, имеющее два значения: «короткий занимательный рассказ» [3] и «не заслуживающее внимания сообщение»¹. Второе толкование, как представляется, больше связано с этимологическим

значением: архетипический корень *-ba-* (*баять*) связан с речью, подчас не несущей смысла. Суффикс *-ёнк-* (*-онк-*), будучи уменьшительно-ласкательным, несет эмоциональную окраску презрения (ср. *деньжонки*). Эмоциональная коннотация современного компонента и древнего корня при конструировании семемы дают оба значения: и уменьшительное (от *басня* в значении «история»), и презрительное (от того же слова в значении «сказка, небылица»). В группу слов, этимологически связанных с архетипом *-ba-*, входит и существительное *краснобай*, называющее человека, склонного к красивым, однако пустым, бессмысленным разговорам.

Одной из лексических единиц, в которых проявляется ироничное отношение к излишне украшенной речи в русской лингвокультуре, является прилагательное *велеречивый*, характеризующее человека, склонного к чересчур высокопарной речи, исполненной воодушевления в неуместной и не соответствующей ситуации мере. Велеречивый оратор стремится к украшенной речи, думая таким образом захватить внимание читателей, однако эта цель, как можно видеть, не может быть достигнута при подобном отношении к этой особенности говорящего в русской лингвокультуре. Бытующее в семантической структуре этого слова значение «красноречивый» не содержит отрицательных коннотаций. Этот адъектив характеризует правильную, выразительную, красивую речь. Однако в семантике слова *красноречивый* не существует никаких отрицательных коннотаций. В этом случае внимание обращается именно на ораторское мастерство, умение точно и выразительно передать смысл какого-либо высказывания, воздействуя на аудиторию.

Таким образом, можно заметить, что в русской лингвокультуре чрезмерно украшенная речь считается признаком не хорошего ратора, а увлеченного «поиском оригинальности» человека. В этом плане речь относится, по-видимому, к духовному коду культуры, поскольку эмоционально-экспрессивные коннотации соотносят речь с моральными установками «хорошо» и «плохо».

Иными словами, речь как уникальный феномен человеческой жизни является не только средством выражения мыслей и коммуникации, но и, с точки зрения лингвокультуры, способом включения человека в культурное пространство.

Следует в заключение заметить, что осуществление лингвокультурологического анализа русских лексических и фразеологических единиц

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2009. 567 с.

важно и как действие, направленное на сохранение экологии языка.

Литература

1. Андреева М. И., Солнышкина М. И. Семантические модели единиц, номинирующих эмоции, в английских профессиональных подязыках // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 3 (27). С. 88–92.
2. Галимова Д. Н. Человек в метафорической диалектной картине мира // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 11–14.
3. Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
4. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. М., 2017. 256 с.
6. Михайлова М. Ю. Семантика невыразимого и смежные явления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. № 117. С. 963–966.
7. Тер-Минасова С. Г. «Мысль изреченная есть ложь...» // Ценности и смыслы. 2012. № 1. С. 22–32.
8. Соколова М. В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках: монография. Йошкар-Ола, 2017. 251 с.
9. Ушакова Е. В. Вербализация концепта «угроза» в русском языке // Интерактивная наука. 2017. № 10 (20). С. 37–38.
10. Чубур Т. А. Семантико-когнитивный анализ лексико-семантического поля концепта «Культурный человек» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. № 146. С. 86–92.

References

1. Andreeva M. I., Solnyshkina M. I. Semanticheskie modeli edinit, nominiruyushchikh emotsii, v angliiskikh professional'nykh pod'yazykakh [Sematic models of the units naming

emotions in English professional sublanguages]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of the Mari State University*, 2017, no. 3 (27), pp. 88–92. (In Russ)

2. Galimova D. N. Chelovek v metaforicheskoi dialektnoi kartine mira [The Human in figurative dialectical view of the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Herald of Tomsk State University*, 2008, no. 316, pp. 11–14. (In Russ)

3. Zaliznyak A. A. Russkaya semantika v tipologicheskoi perspective [Russian semantics in typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013, 640 p. (In Russ)

4. Krasnykh V. V. Slovar' i grammatika lingvokul'tury; Osnovy psikholingvokul'turologii [The vocabulary and grammar of linguistic culture]. Moscow: Gnozis, 2016, 496 p. (In Russ)

5. Lakoff Dzh., Johnson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Moscow, 2017, 256 p. (In Russ)

6. Mikhailova M. Yu. Semantika nevyrazimogo i smezhnye yavleniya [Semantics of “the untold” and related phenomena]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* = *News of Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences*, 2015, no. 117, pp. 963–966. (In Russ)

7. Ter-Minasova S. G. «Mysl' izrechenaya est' lozh'...» [The told thought is false]. *Tsennosti i smysly* = *Values and meanings*, 2012, no. 1, pp. 22–32. (In Russ)

8. Sokolova M. V. Lingvokul'turologicheskaya spetsifika frazeologicheskikh edinit s komponentom-zoonimom v mariiskom i finskom yazykakh [Lingvocultural specific of idioms with zoonym component]. *Ioshkar-Ola*, 2017, 251 p. (In Russ)

9. Ushakova E. V. Verbalizatsiya kontsepta «ugroza» v russkom yazyke [Verbalization of the concept “Threat” in the Russian language]. *Interaktivnaya nauka* = *Interactive science*, 2017, no. 10 (20), pp. 37–38. (In Russ)

10. Chubur T. A. Semantiko-kognitivnyi analiz leksiko-semanticheskogo polya kontsepta «Kul'turnyi chelovek» [Semantic and cognitive analysis of semantic field of the concept “Cultured man”]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* = *News of the RSPU named after A. I. Herzen*, 2012, no. 146, pp. 86–92. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 25.07.2017 г.
Submitted 25.07.2017.

Для цитирования: Ахмедзянова А. Р. Лингвокультурные особенности русских лексем и фразеологизмов с семантикой речи // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 117–120.

Citation for an article: Akhmedzyanova A. R. Lingvocultural features of russian lexemes and phraseologists with semantics of speech. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 117–120.

Ахмедзянова Альмира Рашидовна, магистрант, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, askiprema@yandex.ru

Al'mira R. Akhmedzyanova, master student, Mari State University, Yoshkar-Ola, askiprema@yandex.ru

УДК 8125

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**С. В. Владимирова, А. В. Аникина***Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск*

Целью статьи является рассмотрению специфики перевода дипломатического дискурса как основы коммуникации в деятельности государств и правительств по осуществлению внешней, международной и внутренней политики. Дипломатический дискурс рассматривается как текст официально-делового характера, имеющей институциональную направленность, содержание которого направлено на урегулирование спорных вопросов мирным путем, создание международного доверия между странами и правительствами. Его отличие от близких по значению понятий «политические переговоры» и «политическая аргументация» состоит в том, что он представлен в устной и письменной форме, структурирован в виде монологов, диалогов и полилогов. Авторы определяют основные функции дипломатического дискурса: апеллятивную, коммуникативную, репрезентативную, манипулятивную, регулятивную, пропагандистскую; рассматривают экстралингвистические (инструмент убеждения, информирования, воздействия; средство коммуникации в общественных институтах) и лингвистические характеристики (употребление специфической терминологии; набор стандартных этикетных фраз и клише; специальные лексические и грамматические единицы); способы и результаты перевода лексических единиц на материале инаугурационной речи 44-го президента США Барака Обамы. Проведенный анализ показал, что при переводе лексических единиц используются следующие переводческие трансформации: метод регулярных соответствий (35 %), опущения (25 %), генерализации (17 %), модуляции (7 %), калькирования (7 %), транслитерации (3 %), конкретизации (3 %), импликации (3 %). Чаще используются переводческие трансформации, имеющие несколько соответствий в тексте оригинала и перевода. Реже переводчики прибегают к трансформациям, не имеющих регулярных соответствий. Для нейтрализации лексических единиц с негативной коннотацией применяют метод генерализации.

Ключевые слова: коммуникация, дипломатический дискурс, функциональные и содержательные особенности, лингвистические и экстралингвистические характеристики, инаугурационная речь, переводческие трансформации.

TRANSLATION'S FEATURES OF DIPLOMATIC DISCOURSE**S. V. Vladimirova, A. V. Anikina***Ugra State University, Khanty-Mansiysk*

The aim of the article is to research specific of diplomatic discourse as the framework of communication in the state and government activities caring out external international and domestic policy. Diplomatic discourse is considered as text of the official character having institutional focus whose contents are aimed at resolving contentious issues through peaceful means and at the creation of the international trust between countries and governments. Its difference from the close concepts "political talks" and "political argumentation" consists in form (oral and written) and structure (monologue, dialogue, polylog). The authors define the main functions of diplomatic discourse: appellative, communicative, representative, manipulative, regulative, function of propaganda. They analyze the extralinguistic (the means of persuasion, information, impact, communication in public institutions) and linguistic (the use of specific terminology, standard etiquette phrases, clichés, special lexical and grammatical units) features of the text. The article describes methods and results translation of lexical units in the Inaugural speech of the 44th President Barack Obama. The text has following translation transformations: the method of regular correspondences (35 %), method of prolapse (25 %), the method of generalization (17 %), method of modulation (7 %), method of tracing (7 %), the method of transliteration (3 %), the method of concretization (3 %), method implications (3 %). Frequently are used translation transformations, if the original text and translation text have many matching. Infrequently are used translation transformations, if the original text and translation text have few matching. For the neutralization of lexical items with negative connotations are used method of generalization.

Key words: communication, diplomatic discourse, informative and functional features, linguistic and extralinguistic characteristics, Inaugural speech, translation transformations.

Вопросы взаимоотношения между государствами, забота о внутренней и внешней безопасности, акты регулирования их совместной деятельности являются основополагающими дипломатической деятельности любого государства и правительства.

Дипломатия является одним из древнейших искусств вести переговоры и договариваться друг с другом. В научной и справочной литературе представлены различные формулировки понятия, характеризующие его как:

- науку о взаимных сношениях государей и государств вообще¹;

- деятельность государств и правительств по осуществлению внешней, международной политики, касающейся вопросов об охране национальных и международных интересов, о поддержании мира, упрочении и развитии экономических и духовных интересов международного общения;

- принципиальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению целей и задач внешней политики государства, а также по защите прав и интересов государства за границей².

Схожесть данных определений состоит в том, что их содержанием является представление внутренних и внешних интересов государства, которое возможно благодаря правильной, опирающейся на законы страны, коммуникации. В связи с этим представляется актуальным изучить употребление и функционирование языковых средств и способов их перевода в данной сфере общения.

Коммуникативное явление, когда целью говорящего является воздействие на реципиента, называют «дискурсом» (Н. Д. Арутюнова, М. Я. Дымарский, В. Г. Костомаров, М. Л. Макаров и др.), переговорами (И. А. Василенко), аргументацией (А. А. Волков). Они включают в себя социокультурный контекст, участников коммуникации, коммуникативное намерение, имеют политический, юридический, военный, экономический характер, близки по содержанию к средствам массовой информации.

Переговоры в общем и политические в частности интерпретируются как взаимодействие политических субъектов или их представителей в форме прямого или опосредованного диалога, предусматривающего согласование интересов, и направленного на нейтрализацию потенциально-

го или урегулирование реального конфликта [1]. Политическая аргументация – это приведение логических доводов с целью доказать истинность или опровергнуть какое-либо положение выдвинутого кем-либо тезиса через доказательство антитезиса, чтобы создать у получателя информации то видение проблемы, которое им предлагается, убедить его в ее первоочередной важности [2].

Мы рассматриваем политическую коммуникацию в широком смысле, как текст в устной и письменной форме, представленный монологами, диалогами, в том числе, и полилогами, поэтому будем оперировать понятием «дипломатический дискурс». Особенностью дипломатического дискурса является то, что он включает в себя все упомянутые выше виды коммуникации, а, являясь инструментом убеждения, информирования, воздействия, применяется в общественных институтах.

Дипломатический дискурс относится к официально-деловому стилю речи, представлен различными формами устного и письменного общения, такими как: переговоры, ноты, памятные записки, меморандумы, декларации, резолюции, заявления, коммюнике и т. д. На лингвистическом уровне его отличает наличие собственной терминологии, набора стандартных этикетных фраз, клише и лексических и грамматических единиц, используемых как средство воздействия на получателя информации.

Сказанное выше позволяет рассматривать дипломатический дискурс как текст официально-делового характера, имеющего институциональную направленность, содержание которого имеет целью урегулирование спорных вопросов мирным путем, создание международного доверия между странами и правительствами.

Дипломатический дискурс выполняет ряд функций, наиболее значимыми из которых являются:

- апеллятивная (М. В. Бутырина, Е. И. Шейгал): поддержание внутренней и внешней безопасности государства, урегулирование споров;

- коммуникативная (Б. Ю. Норман, А. Соломо-ник): информирование представителей дипломатического корпуса, граждан своей страны и других стран о принятии каких-либо решений;

- репрезентативная (Л. С. Бейлинсон, А. Олянич): представление интересов своего государства;

- манипулятивная: воздействие на общественное мнение по важным политическим вопросам, событиям и проблемам с целью изменения восприятия или поведения, а также на оппонентов, оправдание собственных действий;

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Цитадель Формат, 1998.

² Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. фил. наук. Челябинск, 2007. 231 с.

– регулятивная (И. А. Василенко): организация и контроль совместной деятельности государств и правительств по решению каких-либо вопросов;

– пропагандистская: донесение до общественного мнения позиции государств и правительств по каким-либо вопросам, объяснение разумности политических поступков с точки зрения их рациональности [1].

Языковыми особенностями текстов подобного рода является употребление языковых средств, направленных на достижение обозначенных задач, употребление определенных способов перевода с одного языка на другой.

В данной статье представлены результаты исследования способов перевода лексических единиц, позволяющие соблюсти специфику содержания дипломатического дискурса, его функциональные возможности на материале инаугурационной речи Барака Обамы от 20 января 2009 года (President Barack Obama's Inaugural Address)¹.

Для достижения адекватности перевода в текстах политического дискурса применяются способы, описанные В. Н. Крупновым (1979), Т. И. Гуськовой и Г. М. Зиборовой (2000), В. Н. Трибунской (2004), В. В. Алимовым, Ю. В. Артемьевой, Н. П. Беспаловой, К. Н. Котляровой, Н. Г. Лазаревой (2012) и другими исследователями.

Адекватность перевода достигается за счет умелого использования переводческих трансформаций (ПТ), передающих информацию текста оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка. Суть трансформации состоит в изменении формальных или семантических компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи. Я. И. Рецкер определяет трансформации как приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным [5].

В переводческой литературе представлены разнообразные классификации переводческих трансформаций (Л. К. Латышев, Я. И. Рецкер, З. Д. Львовская, Р. Райт-Королева и др.). Авторы выделяют лексические, грамматические, стилистические, смешанные трансформации. Исходя из материала исследования, мы остановились на анализе способов перевода лексических единиц, соответственно, рассмотрев лексические переводческие трансформации. Они применяются, если в оригинальном

тексте присутствуют нестандартные слова, такие как термины, клише, имена собственные, понятия, характеризующие исходную культуру, и т. д.

В ходе анализа инаугурационной речи были определены наиболее часто встречающиеся способы перевода лексических единиц: метод регулярных соответствий (35 %), опущения (25 %), генерализации (17 %). Частотность употребления методов модуляции и калькирования составила по 7 % каждый, транслитерации, конкретизации и импликации – по 3 % каждый.

Рассмотрим применение данных способов перевода на конкретных примерах, представленных в материале исследования.

1. *«These are the indicators of crisis, subject to data and statistics. Less measurable, but no less profound, is a sapping of confidence across our land; a nagging fear that America's decline is inevitable, that the next generation must lower its sights»*². – Все это – признаки кризиса, подтверждаемые статистическими данными. Не поддаются количественному измерению, но не менее серьезен и тот факт, что у граждан нашей страны **слабеет** уверенность в будущем, они опасаются неизбежного упадка Америки и того, что следующему поколению американцев придется уменьшить свои ожидания.

Примером перевода выступает словосочетание «is a sapping», имеющее негативную окраску. Оно образовано от глагола «to sap» (подрывать, истощать, высасывать, подкапывать). В данном контексте переводчик путем логической замены слова выбрал глагол «слабеет», используя метод регулярных соответствий, вероятно, для того чтобы подчеркнуть последовательное развитие мыслей говорящего, его намерение, донести до аудитории весь масштаб политической и экономической нестабильности государства, которая досталась новому президенту от предшественника.

Лексическая единица «sight», имеющая значение «зрение, вид кого-либо/чего-либо, поле зрения, вид, зрелище, точка зрения, рассматривание», имеет нейтральную окраску, переводится методом импликации как «ожидание».

2. *«The words have been spoken during rising tides of prosperity and the still waters of peace»*³. – Слова произносились в периоды процветания и спокойного мирного времени.

Словосочетание rising tides (подъем уровня, прилив, нарастание, нарастающая волна) в соче-

¹ President Barack Obama's 2009 Inauguration Speech. URL: <http://heavy.com/news/2017/01/watch-president-barack-obama-2009-inauguration-speech-video-text-quotes-first-trump-address/>

² Там же.

³ Там же.

тании с существительным *prosperity* (процветание, подъем уровня благосостояния) при буквальном переводе привели бы к речевой ошибке – тавтологии, поэтому переводчик прибегнул к методу опущения, не перевел не представляющие необходимости для понимания слово, чтобы избежать тавтологии.

3. «*Our nation is at war against a far-reaching network of violence and hatred*»¹. – *Наша страна находится в состоянии войны против тех, кто всюду сеет насилие и ненависть.*

Исследуемая лексическая единица «*far-reaching*» имеет негативную коннотацию и переводится как «*имеющий широкое распространение, чреватый серьезными последствиями, масштабный*». При переводе на русский язык происходит сужение значения слова, видовое понятие заменяется родовым, перевод осуществлен с помощью метода генерализации как «*сеющий*», чтобы «сгладить» негативную коннотацию.

4. «*The words have been spoken during rising tides of prosperity and the still waters of peace*»². – *Слова произносились в периоды процветания и спокойствия мирного времени.*

Данная фраза произносится в начале инаугурационной речи, вероятно, с целью показать типичность руководства государством предшественниками 44-го президента. Лексическая единица *still waters* является фразеологическим оборотом, переводится как «*застой, непроточный водоем, стоячая вода*». В данном примере имеет положительную коннотацию, переведена методом модуляции.

5. «*These are the indicators of crisis, subject to data and statistics*»³. – *Все это – признаки кризиса, подтверждаемые статистическими данными.*

Лексическая единица «*crisis*» была передана посредством соответствия «кризис», который является единственно верным для данного контекста. Данная лексическая единица несет в себе негативную коннотацию. Перевод выполнен с использованием метода транслитерации.

6. «*Homes have been lost, jobs shed, businesses shuttered*»⁴. – *Люди теряют жилье и работу, закрываются предприятия.*

При переводе «*shed*» используется метод конкретизации, переводчик сузил значение слов,

объединил два глагола «*lose*» и «*shed*», заменив их словом «*терять*», в ходе данного преобразования был сохранен смысл исходного предложения.

Заключение

Исходя из определения дипломатического дискурса как текста официально-делового характера, имеющего институциональную направленность, содержание которого имеет целью урегулирование спорных вопросов мирным путем, были конкретизированы его экстралингвистические и лингвистические особенности, определены способы перевода лексических единиц.

В ходе проведенного анализа была установлена частотность употребления переводческих трансформаций. Часто используемым способом перевода стал метод регулярных соответствий (35 %), который подтверждает наличие нескольких соответствий в языке оригинала и перевода, когда переводчик может сделать выбор. Менее употребительными методами являются транслитерация, конкретизация и импликация (по 3 % каждый), применяемые в случае отсутствия регулярных соотношений между единицами оригинального текста и текста перевода. Для нейтрализации лексических единиц с негативной коннотацией применяют метод генерализации.

Литература

1. Аникина Ю. В., Владимирова С. В. Сущность политических переговоров // Взаимодействие науки и общества: сб. статей Междунар. научно-практич. конф. (1 марта 2016 г.): в 4 ч. Ч. 4. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С. 164–166.
2. Аникина Ю. В., Владимирова С. В. Способы аргументации в речи президента России на примере «Прямая линия с В. В. Путиным» // Вопросы филологического анализа текста: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред.: Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. С. 3–7.
3. Данилова С. А. Функции дискурса // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2014. Т. 26. С. 146–150. Available from: <http://e-koncept.ru/2014/64330.htm>
4. Кафтя А. И. Лексические особенности функционирования и перевода дипломатического дискурса // Молодой ученый. 2016. № 2. С. 904–908.
5. Рещер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р-Валент, 2007. 244 с.
6. Шапочкин Д. В. Комплексный лингвистический подход к исследованию политической языковой личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 26. Филология. Искусствоведение. Вып. 93. С. 129–132.

References

1. Anikina Yu. V., Vladimirova S. V. Sushchnost' politicheskikh peregovorov [The essence of political negotiations]. *Vzaimodejstvie nauki i obshchestva: sbornik statej mezhd. nauch. prak. konferencii (1 marta 2016 g.): v 4 ch., ch. 4* = Interaction of science and society: collection of articles of Int. sci. prak. conference

¹ President Barack Obama's 2009 Inauguration Speech. URL: <http://heavy.com/news/2017/01/watch-president-barack-obama-2009-inauguration-speech-video-text-quotes-first-trump-address/>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

(March 1, 2016): in 4 parts, part 4, Ufa: AEHTERNA, 2016, pp. 164–166 (In Russ).

2. Anikina YU. V., Vladimirova S. V. Sposoby argumentacii v rechi prezidenta Rossii na primere «Pryamaya liniya s V. V. Putinym» [Ways of argumentation in the speech of the President of Russia on the example of “A Direct Line with V. V. Putin”]. *Voprosy filologicheskogo analiza teksta: sb. nauch. st.* = Questions of Philological Analysis of Text, Chuvash. gos. ped. un-t; otv. red. N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t, 2016, pp. 3–7 (In Russ).

3. Danilova S. A. Funkcii diskursa [Functions of the discourse]. *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal «Koncept»* = Scientific and methodical electronic journal “Concept”, 2014, vol. 26, pp. 146–150. Available from: <http://e-koncept.ru/2014/64330.htm> (In Russ).

4. Kaftya A. I. Leksicheskie osobennosti funkcionirovaniya i perevoda diplomaticheskogo diskursa [Lexical features of the functioning and translation of diplomatic discourse]. *Molodoj uchenyj* = Young scientist, 2016, no. 2, pp. 904–908 (In Russ).

5. Recker YA. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika [Translation theory and translation practice]. Moscow: R-Valent, 2007, 244 p. (In Russ).

6. Shapochkin D. V. Kompleksnyj lingvisticheskij podhod k issledovaniyu politicheskoy yazykovoj lichnosti [Integrated linguistic approach to the study of political language personality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Herald of Chelyabinsk State University, 2014, no. 26, Filologiya. Iskusstvovedenie, vyp. 93, pp. 129–132 (In Russ).

Статья поступила в редакцию 23.04.2017 г.

Submitted 23.04.2017.

Для цитирования: Владимирова С. В., Аникина Ю. В. Особенности перевода дипломатического дискурса // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 121–125.

Citation for an article: Vladimirova S. V., Anikina Yu. V. Translation's features of diplomatic discourse. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 121–125.

Владимирова Светлана Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, vsv6725@mail.ru

Аникина Юлия Владимировна, студентка, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, anikina-yulya@inbox.ru

Svetlana V. Vladimirova, Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Ugra State University, Khanty-Mansiysk, vsv6725@mail.ru

Yulia V. Anikina, student, Ugra State University, Khanty-Mansiysk, anikina-yulya@inbox.ru

УДК 81.42+811.111

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Л. В. Гриченко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Целью исследования данной статьи выступает комплексный анализ лексико-семантических трансформаций фразеологических единиц (ФЕ) в текстах англоязычных СМИ. Материал исследования составляют 200 примеров лексико-семантических трансформаций, которые рассматриваются в аспекте их семантики, функционирования, экспрессивной стилистики, когнитивных оснований возникновения, а также возможной лингвокультурной специфики. В числе рассмотренных преобразований выделяются лексико-семантические трансформации ФЕ на основе тематического ряда, синонимии, паронимии, антонимии, которые базируются на ключевых принципах мышления: отношениях тождества, аналогии, противопоставления, принадлежности к множеству. Основу исследования составляет интегрированный подход изучения лингвистических явлений с позиций традиционного лексикографического, структурно-семантического, когнитивного и элементов стилистического анализа. Интеграция научных парадигм позволила выявить когнитивные и языковые основания замен, объяснить выбор компонентов ФЕ с учетом прагматики сообщаемого, речевой ситуации, а в отдельных случаях и лингвокультурной специфики. В статье подчеркивается факт принадлежности трансформированных ФЕ к речи, особое внимание уделяется ассоциативным связям, на основании которых возможно сопоставление с узуальной формой и распознавание трансформированного варианта, затрагиваются вопросы отличной от свободных сочетаний природы ФЕ, указывается на широкие системные возможности, допускающие синкретизм парадигматических отношений, описывается особый характер прагматического воздействия на адресата, позволяющий снизить долю личного участия адресанта. Новизну исследования составляет рассмотрение лексико-семантических трансформаций ФЕ в обусловленности их формирования набором лингвистических и экстралингвистических факторов (когнитивными принципами организации суждения, языковыми особенностями ФЕ, функционированием, интенцией адресанта и т. д.).

Ключевые слова: фразеологическая единица, лексико-семантические трансформации, тематический ряд, антонимия, синонимия, когнитивия, контекст.

LEXICO-SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH LANGUAGE MEDIA

L. V. Grichenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don

The aim of the article concerns the analysis of the lexico-semantic transformations of phraseological units in the English language media. The material of the study is 200 examples of lexico-semantic transformations, which are considered in the aspects of their semantics, functioning, expressive stylistics, cognitive basis and linguocultural specificity. Analyzed lexico-semantic transformations are based on the thematic unity, synonymy, paronymy, antonymy. The listed types of transformations concern the key principles of human cognition: the relations of identity, analogy, opposition, group affiliation. The basis of the study is a comprehensive approach to the linguistic phenomena research in the aspects of traditional lexicographic, structural-semantic, cognitive and stylistic analysis. The integration of scientific paradigms allows to identify cognitive and linguistic basis for substitutions, explains the choice of the components according to the pragmatics, communicative situation, linguocultural peculiarities. The article emphasizes the fact of transformed phraseological units reference to speech, the existence of associative connections, on the basis of which it is possible to recognize the conventional and transformed versions. The author deals with the issues of phraseological units and free combinations different nature, reveals the wide systemic possibilities that allow paradigmatic relations syncretism, underlines the unique nature of the pragmatic influence, which allows to decrease addressee's attitude. The originality of the study concerns the analysis of lexico-semantic transformations of the phraseological units determined by a set of linguistic and extralinguistic factors (cognitive principles, language features of the phraseological units, functioning, addressee intention and etc.).

Key words: phraseological unit, lexico-semantic transformations, thematic unity, antonymy, synonymy, antonymy cognition, context.

Начало XXI века в отечественной лингвистике отмечено повышенным интересом к изучению устойчивых сочетаний различной природы, обладающих богатой семантикой, широкими функциональными возможностями, а также лингвокультурным своеобразием. Перечисленные особенности определяют регулярность обращения ученых к исследованию ФЕ с целью их всестороннего и комплексного изучения в различных аспектах: компаративном, лингвокультурологическом, лингвокогнитивном, структурно-семантическом, функционально-прагматическом и т. д.

Принципиально актуальными в наши дни становятся вопросы исследования индивидуально-авторских трансформаций ФЕ в аспекте их функционирования в текстах различных жанров и стилей (Т. Н. Федуленкова, Л. Г. Ефанова, Е. Н. Селиверстова, Е. В. Тюменцева, И. Ю. Третьякова, Н. И. Батунова, Л. А. Будниченко, В. Г. Костомаров, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Т. А. Бертаев и др.).

Предметом анализа данной статьи выступают индивидуально-авторские лексико-семантические трансформации ФЕ в англоязычных СМИ, которые рассматриваются в аспекте их семантики, функционирования, экспрессивной стилистики, когнитивных оснований возникновения, а также возможной лингвокультурной специфики. Указанный предмет исследования требует обращения к интегрированному подходу изучения лингвистических явлений с позиций традиционного лексикографического, структурно-семантического, когнитивного и элементов стилистического анализа. Интеграция научных парадигм и подходов позволит описать лексико-семантические трансформации ФЕ с учетом существования узально зафиксированных и возникающих в контексте ФЕ, обнаружить когнитивные и системные основания замены компонентов, раскрыть экстралингвистические механизмы, обуславливающие необходимость трансформации ФЕ.

Новизну исследования составляет рассмотрение лексико-семантических трансформаций ФЕ в англоязычных СМИ в обусловленности их возникновения рядом лингвистических и экстралингвистических факторов (когнитивными принципами организации суждения, языковыми особенностями ФЕ, функционированием, интенцией адресанта и т. д.). Материалом анализа служат 200 примеров индивидуально-авторских лексико-семантических трансформаций ФЕ в англоязычных СМИ, отобранных методом случайной выборки из Кор-

пуса современного американского английского языка¹ и Британского национального корпуса².

Трансформированная ФЕ понимается нами как функционирующая в контексте и незафиксированная в лексикографических источниках ФЕ, отличающаяся по семантике, лексическому составу и/или структуре от узальной, но сохранившая с ней некоторую связь. Данная точка зрения совпадает с авторитетным мнением ученых, занимающихся вопросами окказионального трансформирования ФЕ. Согласно мнению Т. А. Пичкур, под трансформацией ФЕ понимается «осознанное, стилистически обусловленное авторское преобразование фразеологизма с целью достижения определенного прагматического эффекта в границах, которые позволяют распознать исходный фразеологизм» [7, с. 51]. Под трансформированием ФЕ Л. Г. Ефанова понимает «такие окказиональные изменения в форме и/или значении устойчивых сочетаний слов, которые позволяют сохранить единство фразеологизма, то есть оставляют его узнаваемым» [4, с. 123]. Окказиональные фразеологизмы, по определению И. Ю. Третьяковой, представляют собой «единицы, функционирующие в речи, не зафиксированные в нормативных словарях, образуемые отдельными носителями языка с определенными коммуникативными целями путем трансформации языковых фразеологических единиц; существенно различающиеся с фразеологическим инвариантом в семантике и/или структуре (компонентном составе)»³. Основанием индивидуально-авторских трансформаций ФЕ выступают различные лингвистические и экстралингвистические факторы, обуславливающие возможность, а затем и регулярность преобразований ФЕ в контексте. По мнению А. В. Кунина, основной причиной трансформаций ФЕ «выступает их раздельнооформленность, образная семантика, прагматическая задача адресанта и контекст»⁴. Е. И. Диброва полагает, что вариативность ФЕ затрагивает «устойчивость единицы и одновременную ее способность к различным преобразованиям...

¹ Corpus of Contemporary American English // Корпус современного американского английского языка URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения 12.07.2017).

² The British National Corpus // Британский национальный корпус URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 14.07.2017).

³ Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2011. С. 8.

⁴ Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. С. 243.

целостность значения и большой диапазон семантических отклонений» [3, с. 3]. А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко считают, что трансформации «достаточно активно провоцирует и сама креативная энергия конкретных ФЕ» [5, с. 240]. Согласно мнению И. Ю. Третьяковой, экстралингвистическим основанием трансформаций выступают интенции адресанта, которые «осуществляются с целью придания языковым ФЕ новых, добавочных, смысловых оттенков или нового смысла, изменения оценочности, стилистической маркированности, усиления экспрессивности, лаконизации речи, буквализации фразеологического образа»¹.

По нашему мнению, возможность трансформаций ФЕ в текстах англоязычных СМИ определяется как стилевыми и функциональными особенностями языка СМИ, нацеленного на воздействие на эмоционально-волевое «я» адресата, так и системными характеристиками ФЕ: устойчивостью, потенциальной непроницаемостью компонентного состава, образностью, формульностью структуры, воспроизводимостью в готовом виде, которые позволяют репрезентировать обновленное содержание в известной форме, вызывающей ассоциации с инвариантом. Справедливыми в этой связи представляются взгляды Т. Н. Федуленковой и Р. А. Воронина на предмет базовой формы ФЕ, которая внедикурсивна и «сохраняется в долговременной памяти носителя языка в качестве воспроизводимой единицы, которая в случае необходимости извлекается из памяти для удовлетворения нужд конкретной дискурсивной ситуации» [9, с. 126].

Значимой для возникновения различного рода трансформаций ФЕ также оказывается детерминация контекстом, прагматической задачей, интенцией адресанта, когда необходимо «встроить» ФЕ в контекст, с целью отразить происходящие в обществе изменения и оказать влияние на адресата. Функционируя в текстах различных жанров в своей узуальной или окказиональной форме, ФЕ характеризуются особым характером прагматического воздействия на адресата. В отличие от лексических единиц и свободных сочетаний, данные единицы «обладают высокой степенью абстракции и генерализации семантики, сверхличностным характером, декодируются по конвенционально закреплённой системе ценностей» [2, с. 248], что «снижает долю личного участия адресанта в оценке ситуации или воздействии

на адресата» [2, с. 248]. Как следствие, обнаруживается связь генетических (системных) и функциональных характеристик ФЕ, в том числе и трансформированных. Признается, что контекстуальное функционирование ФЕ регулируется конкретными возможностями языковой системы и ее единиц, имеет когнитивные основания и обусловлено стремлением создать высказывание, «обладающее повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата» [10, с. 31].

В рамках данной статьи предлагается сконцентрироваться на описании системных оснований возникновения лексико-семантических трансформаций ФЕ и когнитивных факторов, обуславливающих их частотность. Представляется обоснованным полагать, что в основе возможности индивидуально-авторских трансформаций изначально устойчивых единиц лежат именно системные характеристики языковых знаков, а именно: способность компонентов узуальной и трансформированной ФЕ вступать в парадигматические отношения. Возникающие отношения синонимии, омонимии, паронимии, антонимии, а также единство тематики компонентов составляют основу лексико-семантических трансформаций ФЕ в контексте. Замена компонентов ФЕ происходит согласно основным принципам мышления и часто строится на основе отношений тождества, аналогии, противопоставления, принадлежности к множеству, что определяет закономерность трансформаций изначально на уровне когнитивности, а затем и на уровне языкового воплощения. Таким образом обосновывается понимание индивидуально-авторских трансформаций ФЕ как факта речи, который изначально возникает на уровне когнитивности и отражается в системе языка, правилам которой он подчиняется (например, замены компонентов осуществляются по принципу синонимии, антонимии, омонимии, паронимии, гиперо-гипонимии и т. д.). К примерам лексико-семантических трансформаций ФЕ относятся замены компонентов на основе единства тематики, синонимии, антонимии и в отдельных случаях паронимии, если паронимы характеризуют отношения синонимии.

В контексте: «*One of his most-quoted lines had been inspired by a bassist of **woeful countenance** who played in the house band*»² лексико-семантическая трансформация ФЕ: *knight of the **Rueful***

¹ Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2011. С. 9.

² Corpus of Contemporary American English // Корпус современного американского английского языка URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>, American Scholar, 2007 (дата обращения: 12.07.2017).

Countenance – рыцарь Печального Образа¹ строится с использованием паронимов: *rueful* – *woeful*, которые в системе языка являются синонимами: *rueful* (печальный, грустный); *woeful* (скорбный, жалкий). По причине крайней семантической близости компонентов *rueful* – *woeful* изменениям подвергается в первую очередь план выражения, но не план содержания, что свидетельствует о том, что формальная замена компонентов ФЕ не всегда приводит к изменению денотативного содержания. Данная ситуация возможна при лексико-семантических трансформациях, основанных на синонимии, когда замена компонентов базируется на семантическом сходстве или совпадении денотативного компонента значения при отсутствии лексической тождественности и возможных стилистических отличиях. Примеры созвучия синонимичных единиц (*rueful* – *woeful*, *fling* – *sling*) служат созданию комического и каламбурного эффекта, основанием которого выступает фонетическое сходство лексических единиц.

Имеющая место в этом же контексте замена компонентов *knight* – *bassist* основана на единстве тематики и использовании антропонимов, что свидетельствует о возможном сочетании нескольких способов трансформаций и о широких системных возможностях, допускающих синкретизм парадигматических отношений.

Переименования на основе общей тематики компонентов ФЕ представляют собой лексико-семантическую трансформацию, когда понятие заменяется смежным родовым. Данный процесс имеет когнитивные предпосылки, в основе которых лежит принадлежность явления или предмета к множеству, что служит обоснованием образования тематических рядов.

В следующем примере фразеологизм: *To be all things to all men* – стараться угодить всем² трансформируется на основе единства тематики и синонимии антропоморфных компонентов (*men* – *people*): «*With the traditional business model, airlines have tried to be all things to all people. A better strategy is to pick a niche, such as budget, regional business, or global travel-and be the best airline in that arena*»³. Ключевым аспектом данных трансформаций выступает соблюдение

принципа единства тематики при возможности формировать новые оценочные, ассоциативные, экспрессивные оттенки значения. Тематическими группами, в которых возможны индивидуально-авторские замены на основе тематического единства в англоязычных СМИ, выступают наименования животных, человека, частей его тела (зоонимы, атропонимы и соматизмы). Традиционно считается, что подобные трансформации не требуют больших когнитивных усилий, так как замена компонентов ФЕ происходит внутри тематической группы. Вместе с тем, встречаются примеры, когда компоненты узуальной и трансформированной ФЕ выступают «показателем уникальности образного мышления народа, носителями национально-культурной и культурно-исторической информации, отражением своеобразия народного мировосприятия» [1, с. 70]. Таковы, например, отличия лексем *baby* – *child*, *arm* – *hand*, *leg* – *foot*, *men* – *people*. Семантика данных единиц содержит лингвокультурный компонент, знание о котором у представителей культуры закреплено на уровне когниции.

Индивидуально-авторские лексико-семантические трансформации ФЕ в англоязычных СМИ могут также строиться на синонимии, обнаруживая когнитивные основания выбора компонентов: «именно когнитивный подход позволяет понять, как происходит выбор того или иного синонима при порождении речи, то есть при переходе с пропозиционального уровня на уровень внешнеязыкового высказывания» [8, с. 149]. Компоненты ФЕ нередко заменяются по признаку параллельности, тождества, аналогии, семантической близости. Например, трансформируя ФЕ: *To make great strides* – делать большие успехи⁴ в контексте англоязычных СМИ: «*As it happens, the Army has made tremendous strides in rebuilding the population of the birds at Fort Hood over the past decade and a half...*»⁵; «*There is more information in the human genome, which describes the human body, than in the design of the brain. We are making tremendous strides toward being able to understand how the brain works*»⁶, авторы обращаются к синонимам *great*, *tremendous*, которые

¹ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык Медиа, 2006. С. 293.

² Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык Медиа, 2006. С. 235.

³ Corpus of Contemporary American English // Корпус современного американского английского языка; URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>, USA Today Magazine, 2003 (дата обращения: 12.07.2017).

⁴ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык Медиа, 2006. С. 334.

⁵ Corpus of Contemporary American English // Корпус современного американского английского языка; URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>, Washington Post, 2009 (дата обращения: 12.07.2017).

⁶ Corpus of Contemporary American English // Корпус современного американского английского языка; URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>, Popular science, 2006 (дата обращения: 12.07.2017).

характеризует признак семантической параллельности, обнаруживающийся в высокой степени устойчивости денотативного и оценочного компонентов значения. Отличия затрагивают большую выраженность интенсификационного признака лексической единицы *tremendous*, что сказывается на ее сочетаемостных возможностях.

В целом в отношении замен компонентов ФЕ на основе синонимии следует говорить об обязательной устойчивости только денотативного компонента, совпадение остальных компонентов значения является факультативным. Выбор компонента трансформированной ФЕ детерминирован «коммуникативным намерением говорящего..., фиксирует разного рода взаимосвязи и взаимозависимости – отношения, возникающие в процессе актуализации пропозиции в дискурсе» [8, с. 156].

Также трансформации ФЕ на основе синонимии могут затрагивать неполные синонимы, часто отличающиеся семантикой интенсивности и экспрессивности. В этом случае имеет место непараллельное трансформирование, осложненное несоответствиями на уровне коннотативного значения, объединяющего оценочные, экспрессивные и эмоциональные компоненты значения. Между варьирующимися компонентами ФЕ возникают отношения градации, которые характеризуются интенсификацией / деинтенсификацией семантики оценочности, экспрессивности, интенсивности часто через указание на степень признака или количество. Замены компонентов на основе синонимии позволяют актуализировать даже самые незначительные оттенки значений, соответствующие замыслу адресанта и отвечающие прагматическим задачам.

В англоязычных СМИ трансформация ФЕ возможна также на основе антонимии, в том числе контекстуальной и межчастеречной. Последняя требует структурных изменений ФЕ и не рассматривается в рамках данной статьи. Преобразования ФЕ на основе противительных отношений выступают средством создания экспрессивности и воздействия на адресата. Как правило, они строятся с использованием системных одночастеречных разнокорневых антонимов. Например, узуальная ФЕ: *Make a day of it – посвятить день какому-либо занятию*¹ встречается в варианте: «*Make a night of it with a skate under the (fogcovered) stars followed by a cocktail at the Ferry Building's Slanted Door*»².

В отдельных случаях используются контекстуальные антонимы. Например, ФЕ: *As happy as a king – очень счастливый, на седьмом небе*³ трансформирована следующим образом: «*I've been as happy as a turkey in December...*»⁴. Для своего корректного декодирования семантика трансформированной ФЕ требует устойчивых ассоциаций и знания лингвокультурной информации: индейку запекают к праздничному столу. Счастливчик, о котором говорится в узуальной ФЕ, превращается в неудачника в контексте статьи (*a king – a turkey*). Учитывая то, что имеет место только «ситуативное и контекстуальное соединение противоположностей» [6, с. 17], для выявления смысла трансформированной ФЕ требуются значительные когнитивные усилия.

При трансформации ФЕ в контексте англоязычных СМИ противопоставление языковых единиц может осуществляться в парадигматическом, ассоциативном, гиперо-гипонимическом аспектах, доказывая возможность противопоставления явлений на основе их качественных признаков, заложенных реальной действительностью.

Таким образом, лексико-семантические трансформации ФЕ на основе паронимии, синонимии, антонимии, единства тематического в текстах англоязычных СМИ служат достижению требуемого прагматического эффекта, в своей совокупности они способствуют реализации аттрактивно-воздействующей, оценивающей, экспрессивной функций. При трансформации ФЕ экспрессивность может усиливаться за счет включения более экспрессивных единиц или использования сочетаний нескольких способов трансформации. Кроме этого, закреплённость структуры и лексического состава ФЕ в сознании говорящих приводит к тому, что любые лексико-семантические трансформации ФЕ привлекают внимание адресата, способствуя достижению экспрессивности.

Встречающиеся в текстах англоязычных СМИ лексико-семантические трансформации ФЕ возможны благодаря системным характеристикам языковых знаков, подчиняются прагматике сообщаемого и вписываются в контекст, обнаруживая связь с узуальной формой. Между трансформированной и узуальной ФЕ возникают когнитивные и ассоциативные связи, на основе которых распознается трансформированный вариант. Регулярность

¹ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык Медиа, 2006. С. 381.

² Corpus of Contemporary American English // Корпус современного американского английского языка; URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>, Sunset, 2011 (дата обращения: 12.07.2017).

³ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык Медиа, 2006. С. 216.

⁴ The British National Corpus // Британский национальный корпус; URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>, Morning Star, 2001 (дата обращения: 14.07.2017).

лексико-семантических трансформаций ФЕ в текстах англоязычных СМИ объясняется возможностью «вписать» новый компонент в формульную структуру ФЕ, вызывающую устойчивые ассоциации и, как правило, не требующую значительных усилий адресата по декодированию. Интеграция лексикографического, структурно-семантического, а также элементов когнитивного и стилистического подходов в исследовании лексико-семантических трансформаций ФЕ позволяет обнаружить когнитивные основания и языковые возможности замен, объяснить выбор компонентов ФЕ с учетом прагматики сообщаемого, интенции адресанта, речевой ситуации, а в отдельных случаях и лингвокультурной специфики.

Литература

1. Абукаева Л. А., Фокина А. А. Национальное своеобразие фразеологизмов с соматизмами *vuy / golova / head* в мариjsком, русском и английском языках // Вестник Мариjsкого государственного университета. 2016. № 2 (22). С. 66–70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26366876> (дата обращения: 12.07.2017).
2. Гриченко Л. В. Фразеологические и паремнологические единицы как средство речевого воздействия в политической коммуникации // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 246–252. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27723753> (дата обращения: 07.08.2017).
3. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. университета, 1979. 192 с.
4. Ефанова Л. Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2005. Вып. 3 (47). С. 123–127. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11612638> (дата обращения: 12.07.2017).
5. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Окказиональные преобразования фразеологических единиц // Вестник ЧГПУ. 2014. № 8. С. 234–252. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22673316> (дата обращения: 13.07.2017).
6. Милованова М. С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 348 с.
7. Пичкур Т. А. Интертекстуальная фразеологическая ассоциация как разновидность структурно-семантической трансформации в дискурсе современной немецкоязычной печатной рекламы // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2015. № 8–9 (53–54). С. 51–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25666877> (дата обращения: 15.07.2017).
8. Сорокина Т. С. Когнитивные основания темпоральных синонимических парадигм в английском языке // Вестник МГЛУ. Серия Лингвистика. Грамматика в когнитивно-дискурсивном аспекте. 2008. № 554. С. 147–156. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13456161> (дата обращения: 15.07.2017).
9. Федулєнкова Т. Н., Воронин Р. А. Окказиональное преобразование фразеологических единиц как лингвистическое явление (о вкладе А. С. Начисчионе в разработку проблемы) // Вестник СВФУ. 2012. Т. 9, № 3. С. 126–130. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20340432> (дата обращения: 12.07.2017).
10. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.

References

1. Abukaeva L. A., Fokina A. A. Nacional'noe svoeobrazie frazeologizmov s somatizmami *vuy / golova / head* v marijskom, russkom i anglijskom yazykah [National peculiarity of phraseological units with somatisms *vuy / head / head* in Mari, Russian and English languages]. Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Mari Staty University, 2016, no. 2 (22), pp. 66–70. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26366876> (accessed 12.07.2017) (In Russ).
2. Grichenko L. V. Frazeologicheskie i paremiologicheskie edinyцы kak sredstvo rechevogo vozdejstviya v politicheskoy kommunikacii [Phraseological and paremiological units as a means of speech influence in political communication]. Kul'tura i civilizaciya = Culture and Civilization, 2016, no. 4, pp. 246–252. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27723753> (accessed 07.08.2017) (In Russ).
3. Dibrova E. I. Variantnost' frazeologicheskikh edinic v sovremennom russkom yazyke [Variability of phraseological units in modern Russian]. Rostov-na-Donu, 1979, 192 p. (In Russ).
4. Efanova L. G. Frazeologicheskie transformacii v rechi i tekste [Phraseological transformations in speech and text]. Vestnik TGPU = Herald of TSPU. Series: The humanities (Philology). 2005, no. 3(47), pp. 123–127. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11612638> (accessed 12.07.2017) (In Russ).
5. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Okkazional'nye preobrazovaniya frazeologicheskikh edinic [Occasional transformations of phraseological units]. Vestnik CHGPU = Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University. 2014, no. 8, pp. 234–252. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22673316> (accessed 13.07.2017) (In Russ).
6. Milovanova M. S. Semantika protivitel'nosti: opyt strukturno-semanticheskogo analiza: monografiya [Semantics of adversity: the experience of structural-semantic analysis]. Moscow: FLINTA: Nauka, 2015. 348 p. (In Russ).
7. Pichkur T. A. Intertekstual'naya frazeologicheskaya associaciya kak raznovidnost' strukturno-semanticheskoy transformacii v diskurse sovremennoj nemec koyazychnoj pechatnoj reklamy [Intertextual phraseological association as a kind of structural and semantic transformation in the discourse of modern German-language print advertising]. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk = Actual problems of the humanities and social sciences, 2015, no. 8–9 (53–54), pp. 51–55. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25666877> (accessed 15.07.2017) (In Russ).
8. Sorokina T. S. Kognitivnye osnovaniya temporal'nykh sinonimicheskikh paradig v anglijskom yazyke [Cognitive foundations of temporal synonymous paradigms in English]. Vestnik MGLU = Herald of Moscow State Linguistic University. Seriya Lingvistika. Grammatika v kognitivno-diskursivnom aspekte, 2008, no. 554, pp. 147–156. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13456161> (accessed 15.07.2017) (In Russ).
9. Fedulenkova T. N., Voronin R. A. Okkazional'noe preobrazovanie frazeologicheskikh edinic kak lingvisticheskoe yavlenie (o vklade A. S. Nachischione v razrabotku problemy) [Occasional transformation of phraseological units as a linguistic

phenomenon (on the contribution of A.S. Naschicion to the development of the problem)]. *Vestnik SVFU* = Herald of North-Eastern Federal University, 2012, vol. 9, no. 3, pp. 126–130. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20340432> (accessed 12.07.2017) (In Russ).

10. Shelestyuk E. V. *Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya* [Speech influence: ontology and methodology of research]. Moscow: FLINTA: Nauka, 2014. p. 344 (In Russ).

Статья поступила в редакцию 17.08.2017 г.

Submitted 17.08.2017.

Для цитирования: Гриченко Л. В. Лексико-семантические трансформации ФЕ в англоязычных СМИ // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 126–132.

Citation for an article: Grichenko L. V. Lexico-semantic transformations of phraseological units in the English language media. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 126–132.

Гриченко Людмила Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, rgrichenko@yandex.ru

Ludmila V. Grichenko, Ph. D. (Philology),
associate professor, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, rgrichenko@yandex.ru

УДК 82-2=512.111

**ЧУВАШСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ 1990-Х ГГ.:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА****И. Ю. Кириллова***Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары*

В статье рассматриваются основные тенденции развития чувашской драматургии в 1990-е годы. Конец XX века отмечен в истории чувашского народа рядом социальных, политических, культурных перемен, оказавших влияние на развитие национальной драмы. В этот период ей были характерны разнонаправленность развития и расширение идейно-тематического диапазона. В статье на широком материале чувашской драматургии 1990-х гг. рассмотрены мотивы социальных и экономических потрясений, отразившихся на семейных ценностях и нравственных ориентирах современного общества, показана актуальность конфликта между социумом и человеком в условиях стремительно меняющегося мира. Статья является продолжением научных исследований ее автора, связанных с обобщением художественных достоинств чувашской драмы. Основное внимание в ней уделяется драмам Б. Чиндыкова, Н. Сидорова, Н. Угарина, А. Тарасова, в которых авторы драматургическими средствами анализируют актуальные проблемы истории и сегодняшнего дня, осмысливают прошлое народа, исследуют развитие национального характера, выявляют истоки социально-нравственных проблем современности. Значительное внимание в статье уделено различным подходам к проблеме идентификации современной чувашской драмы в парадигме того или иного типа творчества (реалистического, постмодернистского). Так, на основе анализа художественной системы драматургических опытов Б. Чиндыкова («Ежевика вдоль плетня» и др.) доказывается их включенность в общую парадигму так называемой «новой драмы». В статье также дается анализ жанровых компонентов чувашской драмы, определяется художественный статус каждого из них в системе поэтики жанра, рассматриваются особенности конфликта.

Ключевые слова: чувашская драматургия 1990-х гг., новая драма, реализм, поэтика, ценностная система, персонаж.

**CHUVASH DRAMATURGY OF THE 1990S:
SOME ASPECTS OF STUDYING A QUESTION****I. Yu. Kirillova***Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Cheboksary*

The main tendencies of development of the Chuvash dramaturgy in the 1990s are considered in the article. The end of the twentieth century was marked in the history of the Chuvash people by a number of social, political, cultural changes that had an impact on the development of the national drama. During this period, it was characterized by a multidirectional development and expansion of the ideological and thematic range. In the article on the broad material of the Chuvash dramaturgy of the 1990s the motives of social and economic shocks, reflected on family values and moral orientations of modern society, are shown, the urgency of the conflict between the society and the person in the conditions of the rapidly changing world is shown. The article is a continuation of the author's scientific research related to the generalization of the artistic merits of the Chuvash drama. The main attention is paid to the dramas of B. Chindykov, N. Sidorov, N. Ugarin, A. Tarasov, in which the authors analyze the actual problems of history and the present day with dramatic means, comprehend the past of the people, investigate the development of the national character, identify the sources of social and moral problems of modernity. Considerable attention is paid to different approaches to the problem of identification of modern Chuvash drama in the paradigm of one or another type of creativity (realistic, postmodern). Thus, based on the analysis of B. Chindykov's artistic system of dramaturgic experiments ("Blackberries along the wattle fence" etc.), their involvement in the general paradigm of the so called "new drama" is proved. The article also analyzes the genre components of the Chuvash drama, determines the artistic status of each of them in the system of poetics of the genre, examines the features of the conflict.

Key words: Chuvash dramaturgy of the 1990s, a new drama, realism, poetics, value system, character.

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется кардинальными для России изменениями в сфере политики, социальных институтов, культуры. Происходит перестройка общественного сознания, формулируется новая этика, так или иначе отразившаяся на театрально-драматургических процессах указанного периода. В истории развития региональной драматургии он ознаменован поисками в идейно-эстетическом плане, обновлением художественного сознания, экспериментами в отношении сюжетно-композиционного построения, разнообразием характеров и образов и т. п. [1; 14].

В чувашской литературе 1990-х гг. новые направления движения художественной мысли наметились с приходом молодого поколения драматургов. Поиски Б. Чиндыкова, Н. Сидорова, В. Тургая, Г. Медведева, Н. Угарина, А. Тарасова, Л. Сачковой, А. Пртти были направлены на освоение новых художественных средств, исследование изменившейся реальности, что, бесспорно, расширило границы художественной системы чувашской драмы. Правдивость рассматривается ими уже не как копирование действительности, а художественное реализуется на основе их индивидуального мировосприятия, ощущения и понимания. И, как следствие, драма приобретает открытость, жанровую и стилевую размытость, склонность к эксперименту, условности, когда условное предполагает не уход от действительности, а более глубокое ее постижение.

Чувашская драматургия вплоть до конца 1980-х гг. официально оставалась традиционно «советской». В конце XX века драматурги более старшего поколения, не сумев найти себя в новой реальности, отошли от драмы (Г. Краснов, Н. Терентьев, Г. Терентьев, М. Юхма, А. Угольников, И. Кузьмин и др.). Этим можно объяснить тот факт, что в репертуаре национальных театров «перестроечных» лет несколько поубавилось пьес современных драматургов.

Обстановка меняется, и уже в 1990-е годы в репертуаре появляются пьесы молодых авторов Б. Чиндыкова, Н. Сидорова, Н. Угарина, А. Тарасова. Они в некоторой степени и предопределили поиски современного чувашского театра. На авансцену вышла драматургия с иным восприятием современной действительности, основной темой которой стала проблема сложных взаимоотношений внутреннего мира простого человека с окружающим его миром.

«Новая волна» в чувашской драматургии связана с именем Б. Чиндыкова, который вошел в литературу в самом начале 1980-х гг. Первая книга

прозаика, драматурга, критика, переводчика, выпускника Литературного института им. А. М. Горького была издана в 1987 г. (Чук уйăхĕ (Месяц жатвы)), а сценический дебют состоялся еще позже – в 1990 году. С первых же литературных шагов он отличился не похожестью ни на кого из современных авторов, уникальностью авторского стиля, которая выражалась в новаторской форме выражения объективной действительности, что и явилось следствием неоднозначного, порой противоположного восприятия критиками его произведений. Восторженно он был принят молодежью, которая призывала чувашских писателей потрясти новизной слова и смелостью мысли. В новом для чувашской литературы стиле автора критики увидели влияние западного искусства, «своего рода сплав древней чувашской поэтики с авангардной литературной техникой» [11, с. 256]. Так или иначе, творческие поиски писателя позволили говорить о проявлении в чувашской литературе таких направлений, как постмодернизм и этнофутуризм [12, с. 3].

Авторский стиль Б. Чиндыкова отличался новаторской формой выражения реальной действительности. Особенностью его творчества стало то, что современные проблемы общества в его произведениях приобрели наиболее выраженный характер. Как один из активных деятелей национального движения в Чувашии, он в своих произведениях остро поднимал актуальные вопросы общественного функционирования и сохранения чувашского языка, культуры, искусства, вопросы национальной самоидентификации, проблемы развития современной чувашской литературы. В них отчетливо проявились отголоски надвигающихся общественно-политических перемен и умонастроение национальной творческой интеллигенции 1980-х гг., ее нравственные искания и перебои чувств. Уже в начале 1980-х гг., наперекор устоявшимся в советской подцензурной литературе традициям, в драме «Ъатан карта ҫинчи хура хăмла ҫырли» (Ежевика вдоль плетня, 1982) он сумел отразить нравственно-кризисное состояние народа застойного периода. По объективным причинам пьеса была поставлена на сцене Чувашского государственного академического драматического театра им. К. В. Иванова (ЧГАДТ) режиссером В. Яковлевым лишь в 1990 г. и стала ярким свидетельством возросшей исполнительской культуры театра. Новая драматургия диктовала иную сценическую интерпретацию, основанную на условно-метафорической реальности как особой системы образности. Отказ режиссера от принципа репрезентации позволил ему

глубже понять многоуровневый текст автора, развить и усложнить ее философию. И театральные, и литературные критики в один голос заговорили о раскрытии нового творческого потенциала национального искусства [3, с. 34].

Плодотворными оказались поиски Б. Чиндыкова в русле «новой драмы», которая вновь заявила о себе в отечественной драматургии конца XX в. в ответ на перестроечные процессы конца XX столетия. Драма реагирует на них перестройкой характера, новым качеством сюжета, трансформацией форм, стремлением к созданию синтетической формы. Так, для творчества Чиндыкова наиболее существенной оказалась двуплановость действия, которая развивается как в плане личных взаимоотношений персонажей, так и в плане отношений каждого из них к общим жизненным и общественным проблемам в связи с новым натиском исторических сил. Его драматургия, впрочем, как и проза, поднимает вечные вопросы национального мироздания, заставляет задуматься о роли и месте чуваша в этом огромном противоречивом мире, пытается выявить исторические корни выдвинутых современностью проблем. Нравственный кризис устоев современной жизни народа – результат отречения чуваша от своих национальных корней, своего рода, веры, нравственно-духовного мировоззрения. Перестав почитать вековые традиции, нравственные законы народа, люди потеряли свои ценностные ориентиры. В этом состоит их трагедия («Ежевика вдоль плетня», «Алăксем умёнче» (У дверей, 1986), «Урасмет» (Уразметь, 1989) и др.). Его пьесы призывают не только к разуму и чувству, но и к национальной природе читателя (зрителя), при этом воплощая в себе не только узконациональный смысл, а общечеловеческий в целом.

Чувашская современная драматургия закономерно выросла на почве чиндыковской «новой драмы», переняв у драматурга интерес к национальному, тенденцию к субстанционально-экзистенциональному, неразрешимому внутреннему конфликту, современная чувашская драма нашла способ разрешить его с помощью выхода в фантастический, сюрреалистический мир, примиряющий героев с действительностью, и что важно – друг с другом.

Центральную проблему литературы конца 1980–1990-х гг. исследователь А. Закирзянов связывает с отношениями человека и обновленного общества. Соответствие творчества писателя духу времени он объясняет отражением в произведениях социально-общественных вопросов эпохи

и их решением [8, с. 87]. На первый план выдвигается раскрытие представлений человека о мире в условиях посттоталитарного общества. С одной стороны, в произведениях значительное место занимает критика советской системы, с другой – наблюдается отражение в социально-философском плане трагедии человека, оставшегося в тяжелом положении в результате жестких условий того времени. К сожалению, «первые опыты не могли удовлетворить ни драматургов, ни зрителей» [4, с. 72].

Драмы В. Тургая «Телейпе юнашар» (Рядом со счастьем, 1985), «Ашта эс, ҫăлăнаҫ?» (Спасти и спастись, 1988), «Каҫар мана» (Прости меня, 1989) были восприняты критикой как «пьесы с современными проблемами, освещающими духовный распад общества» [4, с. 79]. Традиционное для чувашских пьес предметно-аналитическое изображение жизненных реалий в его пьесах заменяется условно-абстрактным. Так, сценическое пространство драматурга отличается местом происходящих в драмах действий, которые включают в себя свойства топосов колодца («Спасти и спастись») и интерната душевнобольных («Прости меня»). Они являются моделями современного общества и раскрывают его нравственную деградацию. На первом плане здесь выступает ощущение трагизма человеческой жизни, которое ведет к отчуждению и изоляции людей друг от друга. Так автор раскрывает судьбу людей, ставших жертвами давления тоталитарной системы.

Более глубокое символическое значение образ сумасшедшего дома как модели тоталитарного режима приобретает в пьесе В. Эктеля «Усёр карап» (Пьяный корабль, 1999). Автор обозначил ее как трагедия, вынося в жанровое обозначение саму идею трагического ощущения эпохи. Ее персонажи – пациенты наркодиспансера: высокопоставленный чиновник, интеллигент, девушка-наркоманка, молодой поэт и другие (представители разных социальных слоев), потерявшие себя в новой реальности люди. Они ощущают себя пассажирами пьяного корабля, потерявшего курс. Тем самым драматург вырисовывает условную модель общества, где «вор в законе» чувствует себя хозяином жизни и вершителем человеческих судеб, и показывает читателю (зрителю), как простой человек расплачивается за «всеобщее счастье». В публицистической пьесе Эктель поднимает актуальные проблемы влияния социума на судьбу личности и критически осмысливает постсоветскую действительность. Как и татарские писатели З. Хаким («Сумасшедший

дом», 1995), Ф. Байрамова («Действие происходит в сумасшедшем доме», 1998), В. Эктель озабочен моральным социально-общественным разложением.

Молодые драматурги не лишены стремления передать документальную точность современной действительности, которая заключалась в показе реальной жизни без приукрашивания, без ложной видимости, что было характерным для пьес советского периода. Не осталась без их внимания и актуальная тема войны в мирное время (боевые действия в Афганистане (1979–1989) и Чеченской республике (1994–1996, 1999–2002)). Это драмы К. Кириллова «Кая юлса сурална» (Взвод, 1985), Б. Чиндыкова «Хупланна тѣкѣрсем» (Занавешенные зеркала, 1989), Н. Угарина «Мӓнкун умѣн» (Перед пасхой, 1995), Л. Сачковой «Эс кайра́нта...» (С тобой и без тебя, 1998) и др. Как правило, герои этих драм, прошедшие тяготы войны, не найдя места в мирной жизни, впадают в депрессию, спиваются, теряют интерес к жизни. Чувство вины перед погибшими товарищами не дает им спокойно спать. Авторы особо акцентируют в них идею ненужности войны, ее пагубную роль в деградации современных мужчин.

Активно развивается жанр мелодрамы: Г. Медведев «Кѣленнѣ юрату» (Разбитая любовь, 1986), Н. Сидоров «Юнашарах телей сѣрет» (Счастье ходит рядом, 1987), «Юрату касармасть» (Любовь не прощает, 1990). На рубеже веков жанр активно разрабатывается А. Пртта – «Турӓ пӓрмен юрату» (Запрещенная любовь, 1997), «Качча каиччен» (До замужества, 1999), «Вӓрманна юлна сӓмрӓклӓх» (Потерянная юность, 2000) и др.; Л. Сачковой – «Юрату турри» (Бог любви, 2000), «Сухална хуркайӓк сӓлѣ» (Затерянный млечный путь, 2003) и др. Успех их постановок связан с востребованностью этого жанра театрами и зрителем тех лет. Наряду с мелодраматическим сюжетом авторы в них затрагивают проблемы личных взаимоотношений, учат ценить семейные и духовные ценности.

Процесс нравственного распада общества отразила в себе и нравственно-психологическая драма, поиски решения которой стояли во главе угла начинающего драматурга Н. Сидорова [9]. В основе его пьес «Сулӓ тӓкӓнатъ» (Опавшие листья, 1990), «Кѣтрѣм сана, кѣтрѣм» (В ожидании тебя, 1992), «Ют йӓвари кукук» (Кукушка в чужом гнезде, 1997), «Атте мана шур пӓрт лартса парас тетъ» (Завещал мне отец..., 1998) лежат социально-нравственные конфликты общества. Так, успешная и образованная женщина-мать отказывается от сына-инвалида ради карьеры, отрекается как

от ненужной проблемы, которая становится проблемой всего общества. Опавшие листья в драме это – никому ненужные детдомовцы, не по своей воле вошедшие в социально неблагополучный слой общества («Опавшие листья»). И символический образ кукушки-Наты говорит сам за себя: меркантильная девушка разрушает семью лесника, который ради нее убивает больную жену, и бросает его ради более выгодной кандидатуры («Кукушка в чужом гнезде»). Н. Сидоров в своих пьесах заставляет читателя (зрителя) повернуться лицом к подобным морально-нравственным проблемам, взглянуть на «болевые» точки общественной жизни.

Быстрота и интенсивность происходящих перемен побуждали современную чувашскую драматургию к освоению новых художественных способов осмысления действительности. Осваивая новые этапы развития общества и преодолевая устоявшиеся штампы, авторы искали в человеке нарождающиеся, меняющиеся и отмирающие извечные основы. Особое внимание они уделяли тревожным процессам в нравственной атмосфере, остро реагировали на возникающие очаги общественного неблагополучия. Чем глубже проявлялся духовный кризис общества, тем острее становилась проблема соотношения человека и социума, «человека среди других», проблема социального слоя, своего круга, где конфликтная ситуация не обостряется, не преодолевается, а наоборот, множится. Разлом в душе одного из героев многократно повторяется аналогичной ситуацией с другими героями, подчеркивая общность судьбы поколений.

Драматург Н. Угарин все свое творчество посвятил морально-нравственной проблематике, проповеди добра и человечности на фоне бездуховности. Через все его творчество красной нитью проходит ощущение трагической безысходности бытия, несбыточности простого человеческого счастья. Его пьесы «Иртни те тавра́натъ» (И прошлое возвращается, 1992), «Юнна вараланна фата» (Окровавленная фата, 1993), «Тѣпсѣр сӓпкари ача сасси» (Крик ребенка из колыбели 1993), «Ах, кӓйка́рам...» (Сокол мой, 1994), «Пулаймарӓм эп сан мӓшӓру» (Знать не судьба, 1994), «Мӓнкун умѣн» (Перед пасхой, 1995), «Салтак юратӓвѣ» (Любовь солдата, 1996), «Чечек ӓшѣнчи сӓрт» (Дом в цветах, 2000) с успехом шли не только на чувашской, но и на татарской и марийской сценах. В них автор поднимает проблемы воспитания молодого поколения и влияния семейных отношений на становление личности, объектом его

внимания становились негативные общественные явления 1990-х годов.

Имя драматурга А. Тарасова не ново для чувашской литературы. В драматургии он продолжил свои поиски в области интеллектуально-философской, нравственно-психологической литературы. Они содержательны в плане показа современной чувашской действительности. Раскрывая проблему поиска смысла жизни в драмах «Инçет телей çути» (Свет далекого счастья, 1998), «Вёссе иртеçсё кайăксем» (Прощальный крик печальных журавлей, 1999), А. Тарасов акцентирует внимание на внутреннем мире героев, самоанализе и нравственных терзаниях образов, их духовных поисках. Сила эмоционального влияния на читателя (зрителя) достигается уместно подобранными стилистическими приемами: автор умело пользуется условно-ассоциативными образами-символами, применяет элемент психологического анализа, обращается к национальным традициям и т. д.

Эстетические принципы чувашской драматургии последних десятилетий во многом были связаны с процессом возрождения национально-этнического самосознания. Находясь на перепутье, в раздумьях о дальнейшей судьбе своего народа, деятели национальной культуры ищут ответ на свои вопросы в событиях истории, в фольклоре – словом, в истоках народной культуры. Творческим стимулом для писателей послужил и всплеск активности изучения истории чувашского народа в аспекте национальных проблем, что было неприемлемым в советское время. Переосмыслению и фактологическому обновлению подвергается история чувашей в составе Казанского ханства, присоединения к Российскому государству, проявление национально-освободительных устремлений, остро отмечается негативное влияние «сталинских деформаций» и их последствия для национальной жизни чувашского народа и т. п. [5].

В этих условиях чувашскими писателями борьба народа за свои национальные интересы и приоритеты, национальную свободу рассматривалась с новых позиций и освещалась в таких исторических драмах, как «Пёр хёрес айёнце» (Под одним крестом, 1990) Н. Максимова, «Мён-ши въл ирёклёх?» (Что же такое свобода? 1991) М. Юхмы, «Хұхём хёрен хұхлевё» (Плач девушки на заре, 1995) и «Çалтăр сүннё каç» (Когда гаснут звезды, 2000) Н. Сидорова, монодраме Б. Чиндыкова «Хура чёкеç» (Черная ласточка, 2002) и др. Исторические пьесы Б. Чиндыкова «Урасмет» (Уразметь, 1989), Н. Искукова «Ахăрсамана» (Све-

топреставление, 1991), Н. Петровского-Теветкеля «Киремет» (Киреметь, 1994), М. Карягиной «Кёмёл тумлă çар» (Серебряное войско, 1997) – яркий признак поисков новых форм в жанре трагедии в стихах в современной чувашской драматургии. Необходимо отметить решительный выход писателей за рамки тех традиционных принципов и форм, в которых во второй половине XX в. развивался исторический жанр. Новизна авторской тематической концепции выражена в изображаемой драматической ситуации, сильных человеческих характерах. Свою задачу они понимал не только как показ определенных исторических событий, но также и как раскрытие стоящих за ними реальных движущих сил [7, с. 158].

Историческая диалогия Н. Сидорова «Плач девушки на заре» и «Когда гаснут звезды» охватывает период борьбы чуваш-булгар против татаро-монгольских захватчиков и повествует о периоде присоединении Чувашского края к Российскому государству. Основываясь на выводах историков, автор опровергает упрощенную концепцию добровольного вхождения Чувашии в состав России. Ему важно не столько воссоздать реальные исторические события, сколько отразить национальный дух, дух эпохи, охваченный распрями между родовыми кланами, волнениями народа: с кем быть, кому поклониться, как сохранить свою идентичность? И в самые переломные моменты истории среди чувашей оказывались сильные духом, преданные общей идее, народу, нации предводители, которые спасли народ наперекор тщеславному, стремящимся к власти и богатству мурзам и турханам.

Коллизия власти и человека, идея объединения народа в борьбе за независимость, самосохранение, отстаивание своих интересов, волнуют и Б. Чиндыкова в трагедии «Уразметь». В исторической же тематике им разработан и совершенно новый для чувашской драмы жанр монодрамы. Он легко поддавался автору, стиль которого в критике определен как монологичный, которому характерно бездействие, реализация конфликта во внутреннем мире героя [6, с. 31]. По своей тематике «Черная ласточка» близка жанру исторической трагедии, раскрывающей страницы чувашской истории времен падения Булгарского государства в результате татаро-монгольского нашествия.

Тема сохранения родного языка, продолжения рода, традиций предков для будущего поколения в условно-мифологическом ключе продолжена М. Карягиной в трагедии «Серебряное войско».

Не применяя документально-исторические факты, автор раскрывает перед нами значимые события из жизни далеких предков чувашского народа, когда перед угрозой полного истребления рода женщины, проявляя волю и мужество, превращаются в грозную силу и отражают натиск превосходящего во всех отношениях врага. Главная идея трагедии носит в себе глубокий философский смысл – правда на стороне тех, кто отстаивает земли своих предков, свободу и независимость народа. Это пьеса о человеческой мудрости и глупости, о честности и лжи, о древних традициях и уважении к своим предкам. В нем сквозит и боль за то, что в современное суетное время постепенно утрачиваются вековые традиции народа, уходят доброта, человечность, утрачивается язык. Исследователь Ю. Артемьев: «Представленная в проекции Марины Карягиной драматическая судьба чувашского народа вызывает чувство гордости и восхищения: как он при таких продолжающихся веками чувствительных потерях сохраняет свой генофонд и не устает растить талантливых сыновей и дочерей, бескорыстно преданных земле предков» [2, с. 3].

Авторы рассмотренных трагедий, утверждая идею непреходящей ценности культурного и исторического опыта древности, вместе с тем, особо тщательно стремились воспроизвести борьбу страстей, раздиравших души героев, вождей народа, как воплощение вечной и вневременной мятущейся природы человека. Личное и социальное находятся в пьесах в трагическом конфликте. По ходу прочтения пьес, просмотра спектаклей постоянно возникают сомнения и надежды, связанные с раздумьями об исторической судьбе народа.

Чувашская комедиография, как и вся драматургия и театр рубежа веков, находилась в затруднительном положении. Об этом свидетельствовали и полупустые зрительные залы, снижение художественного и идейно-эстетического уровня пьес и спектаклей. Чувашские театры выходили из положения разными способами, один из которых – постановка пьес легкого жанра. И Н. Сидоров оказался во главе современных чувашских комедиографов. Его «легким» комедиям характерен отказ от общественно-социальной проблематики в пользу семейно-бытовой, уход от прямого дидактизма и нравоучения, что позволило «растворить» прямолинейную авторскую установку в легкой иронии и сделать, таким образом, предметом осмеяния забавные человеческие слабости и психологические недостатки (сериальная комедия «Шупашкарти савни» (Невеста из Чебко-

сар), «Хёр сұрашма кайсан» (Сватовство, 1994), «Пуса каччи» (Свадебный парень, 1996), «Пуш килсен пушана» (Пришла напасть свояка звать, 1998), «Туй хысшан арәм шырамашсё» (После свадьбы невесту не ищут, 1998) и др.). Для них характерны легкая, изящная интрига, анекдотичный, неглубокий конфликт, шутивая веселость сценических ситуаций. Первостепенное внимание уделяется языку, которому автор стремится придать, и с успехом, разговорную легкость и непринужденность. Их популярность у зрителя на рубеже веков объясняется их натуралистическим правдоподобием, они вызывают прямые ассоциации, бытовые анекдотические поверхностные аналогии, предельно легкие для восприятия. Таким образом, зритель 1990-х гг. определял не только направление театра, но самой чувашской драматургии. Значение читательской (зрительской) аудитории особенно явно осознается в переломные годы.

Комическое Н. Сидорова более внушительно представлена в жанре трагикомедии. Социально-нравственные вопросы он успешно поднимает в трагикомедиях «Вёсшён Вацшан сиччёмёш арәмё» (Седьмая жена, 1999), «Вун сиччёре сунать чёре» (Как молоды мы были, 2001).

«В эпоху духовного кризиса и идейной дезориентации комедия утрачивает боевой критический дух, угасает ее сатирический пафос и она вырождается в фарс» [10, с. 72]. В этом жанре написана пьеса Б. Чиндыкова «Масаркасси ясарён ситмёл сиччёмёш матки» (77 жена донжуана с кладбищенского авеню, 1998), своего рода эксперимент в области театра абсурда. В фарсе автор через смех пытается открыть читателю (зрителю) абсурдные стороны его существования. Кажущиеся бессмысленными интриги и диалоги должны раскрыть ему мелочность и бессмысленность его собственных интриг и разговоров с близкими и друзьями, приводя его к переосмыслению своей жизни. «Абсурд спасет человечество от зла, его дом – человеческая душа», – размышляет Артур, герой другой пьесы Б. Чиндыкова «Ужин после полуночи» [13, с. 183].

В условиях коммерциализации театрального искусства, когда зритель воспринимался как экономическая основа существования театра, усиливалась его развлекательная роль. Если раньше театр был лидером общественной мысли, то в новых условиях театр приобрел значение как место отдыха, что напрямую сказалось на формировании его репертуарной политики и развитии самой драматургии.

Итак, развитие драматургии 1980–2000 гг. сопровождается активными художественно-эстетическими поисками, сосуществованием различных художественных направлений, традиционных и авангардных форм. Чувашская драма конца XX в. представлена разнообразием жанров, как традиционных, так и новых, иногда придуманных драматургами для конкретной пьесы, вроде «драматической повести» или «трагикомической феерии» и т. п. Модернизируется психологическая, социально-нравственная, бытовая драмы. Трагическое как эстетическая категория ощущается в нравственно-психологических, философских, исторических пьесах. Переживают подъем чувашские пьесы национально-исторической проблематики, они, безусловно, свидетельствовали об углублении процесса художественного познания истории народа.

Литература

1. Антонов Ю. Г. Истоки эволюции жанра комедии в мордовской драматургии // Труды Карельского НЦ РАН. Петрозаводск, 2014. С. 120–124. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21705785> (дата обращения: 08.04.2017).
2. Артемьев Ю. М. Предисловие // Карягина М. Ф. Серебряное войско. Трагедия в стихах на чувашском, русском и английском языках. Чебоксары: АО «ИПК «Чувашия», 2017. С. 3–5.
3. Данилова Г. Росла Ежевика вдоль плетня... // Театральная жизнь. 1990. № 16. С. 34–35.
4. Дмитриев И. А. Пьесы молодых авторов на сцене чувашских театров // Вопросы истории и теории искусств. НИИЯЛИЭ. Чебоксары. 1992. С. 68–85.
5. Изоркин А. В. Сказка о «добровольном вхождении» Чувашии в состав Русского государства // ЛИК Чувашии. 1997. № 2. С. 127–137.
6. Кириллов К. Пиçĕхӱ // Ялав. 1988. № 8. 30–31 с.
7. Кириллова И. Ю. Развитие жанра трагедии в стихах в чувашской драматургии // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 4 (28). С. 156–158. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27700992> (дата обращения: 12.05.2017).
8. Нигматуллина Ю. Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: Фэн, 2002. 155 с.
9. Никитина М. В. Проблема нравственности в драматических произведениях Александра Пртты // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 7–2 (7). URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 04.06.2017).
10. Федь Н. М. Жанры в меняющемся мире. М.: Советская Россия, 1989. 543 с.
11. Хузангай А. Изнанка жизни // Дружба народов. 1989. № 2. С. 256–257.
12. Хузангай А. Между Сциллой и Харибдой // Республика. 2001. 28 ноября.
13. Чиндыков Б. Тухса каиччен. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. 400 с.
14. Яковлева Г. А. Современная марийская драма (1985–2000) // Роль личности в становлении и развитии национальных культур: сб. ст. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2013. С. 167–171. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11846780> (дата обращения: 02.05.2017).

References

1. Antonov Yu. G. Istoki ehvolyucii zhanra komedii v mordovskoj dramaturgii [Origins of the evolution of the comedy genre in Mordovian dramaturgy]. *Trudy Karelskogo NC RAN* = Proceedings of the Karelian scientific center of the Russian academy of sciences, Petrozavodsk, 2014, pp. 120–124. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21705785> (accessed 08.04.2017).
2. Artem'ev Ju. M. Predislovie [Foreword]. *Karjagina M. F. Serebrjanoe vojsko. Tragedija v stihah na chuvashskom, russkom i anglijskom jazykah* = Karyagina M. F. The Silver Army. Tragedy in verse in Chuvash, Russian and English, Cheboksary: AO «IPK «Chuvashija», 2017, pp. 3–5 (In Russ).
3. Danilova G. Rosla Ezhevika vdol' pletnja... [Blackberries grew along the fence ...]. *Teatral'naja zhizn'* = Theater life, 1990, no. 16, pp. 34–35 (In Russ).
4. Dmitriev I. A. P'esy molodyh avtorov na scene chuvashskih teatrov [Pieces of Young Authors on the Stage of Chuvash Theaters]. *Voprosy istorii i teorii iskusstv* = Questions of History and Theory of Arts, NIIJaLIJe, Cheboksary, 1992, pp. 68–85 (In Russ).
5. Izorkin A. V. Skazka o «dobrovol'nom vhozhenii» Chuvashii v sostav Russkogo gosudarstva [The Tale of “Voluntary Entering” of Chuvashia into the Russian State]. *LIK Chuvashii* = Face of Chuvashia, 1997, no. 2, pp. 127–137 (In Russ).
6. Kirillov K. Piçĕhӱ. *Jalav*, 1988, no. 8, pp. 30–31.
7. Kirillova I. Ju. Razvitie zhanra tragedii v stihah v chuvashskoj dramaturgii [Development of the genre of tragedy in poems in the Chuvash drama]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = Humanities and Education, 2016, no. 4 (28), pp. 156–158. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27700992> (accessed 12.05.2017) (In Russ).
8. Nigmatullina Ju. G. «Zapozdalij modernizm» v tatarskoj literature i izobrazitel'nom iskusstve [“Belated Modernism” in the Tatar literature and fine arts]. *Kazan': Fjen*, 2002, 155 p. (In Russ).
9. Nikitina M. V. Problema нравственности в драматических произведениях Александра Пртты [The problem of morality in the dramatic works of Alexander Prtt]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* = International Scientific and Research Journal, 2012, no. 7–2 (7), Available from: https://elibrary.ru/query_results.asp (accessed 04.06.2017). (In Russ).
10. Fed' N. M. Zhanry v menjajushhemsja mire [Genres in a changing world]. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1989, 543 p. (In Russ).
11. Huzangaj A. Iznanka zhizni [The Wrong Side of Life]. *Druzha narodov* = Friendship of Peoples, 1989, no. 2, pp. 256–257 (In Russ).
12. Huzangaj A. Mezhd Scilloj i Haribdoj [Between Scylla and Charybdis]. *Respublika* = Republic, 2001, 28 nojabrja. (In Russ).
13. Chindykov B. Tuhsa kaichchen. Shupashkar: Chăvash kĕn. izd-vi, 2009, 400 p.

14. Yakovleva G. A. Sovremennaya marijskaya drama (1985–2000) [Modern Mari drama (1985-2000)]. *Rol' lichnosti v stanovlenii i razvitii nacional'nyh kul'tur: sb. st. IYALI Komi NC UrO RAN* = The role of personality in the formation and

development of national cultures. Sat. Art. IALS of the Komi Scientific Center of the UrB RAS, Syktyvkar, 2013, pp. 167–171. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11846780> (accessed 02.05.2017) (In Russ).

*Статья поступила в редакцию 12.09.2017 г.
Submitted 12.09.2017.*

Для цитирования: Кириллова И. Ю. Чувашская драматургия 1990-х гг.: некоторые аспекты изучения вопроса // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 133–140.

Citation for an article: Kirillova I. Yu. Chuvash dramaturgy of the 1990s: some aspects of studying a question. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 133–140.

Кириллова Ирина Юрьевна, ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, irinakir1@mail.ru

Irina Yu. Kirillova, Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Chuvash State Institute of humanitarian sciences, Cheboksary, irinakir1@mail.ru

УДК 82-23

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ЧУВАШСКОЙ ДРАМАТУРГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*И. Ю. Кириллова¹, А. Ф. Мышкина²*¹Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары²Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Исторический жанр в современной художественной литературе является достаточно развитым. Его поэтика сложна и разнообразна: для достижения достоверности писатели обращаются как к историческим документам и личностям, так и к легендам, сказаниям и фольклорным образам. **Целью** данного исследования стало изучение тех произведений чувашской литературы (в основном драм), в которых писатели затрагивают историю народа, в частности, эпоху Волжской Булгарии и вхождения чувашских земель в состав России. Данная тема в художественном творчестве писателей является достаточно деликатной, потому что до сегодняшнего дня чувашская историческая наука не до конца решила проблему исторического развития народа. В связи с этим в любом произведении такого характера много спорных и неоднозначных с точки зрения их достоверности вопросов. В качестве основного **материала** для научного анализа авторы статьи выбрали произведения драматургии второй половины XX века (Т. Педерки, М. Юрьев, И. Петрова, М. Карягина, Б. Чиндыков, Н. Петровский-Теветкель и др.). Также в качестве наиболее удачного примера исторического жанра и с точки зрения достоверности исторических фактов и событий проанализирован роман К. Турхана «Свияга впадает в Волгу». Следует отметить, что многие из проанализированных произведений свою популярность получили в конце XX века, в период подъема национального самосознания чувашского народа, и в начале XXI века, когда проблема сохранения национального языка и культуры также остается одной из актуальных. Основным **результатом** данного исследования является выявленная авторами тенденция привлечения схожего исторического материала для реализации главной идеи произведения – становления или возрождения национально-этнического самосознания чувашского народа.

Ключевые слова: чувашская литература второй половины XX века, историческое повествование, чувашский исторический роман, чувашская историческая драма, историчность, вымышленное (или художественный вымысел).

PECULIARITIES OF HISTORICAL RELIGION IN THE CHUVASH DRAMATICS OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

*I. Yu. Kirillova¹, A. F. Myshkina²*¹Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Cheboksary²Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

The historical genre in modern fiction is sufficiently developed. His poetics are complex and diverse: to achieve credibility, writers refer to both historical documents and personalities, as well as to legends and folklore images. The purpose of this study was to study those works of Chuvash literature (mainly dramas) in which writers touch upon the history of the people, in particular, the era of the Volga Bulgaria and the entry of Chuvash lands into Russia. This topic in the works of writers is rather delicate, because until now Chuvash historical science has not fully solved the problem of the historical development of the people. In this regard, in any work of this nature, there are many controversial and ambiguous questions from the point of view of their reliability. As the main material for scientific analysis, the authors selected works of drama from the second half of the 20th century (T. Pederki, M. Yuriev, I. Petrova, M. Karyagina, B. Chindykov, N. Petrovsky-Tevetkel, etc.). Also, as the most successful example of the historical genre and from the point of view of the reliability of historical facts and events, K. Turhan's novel "Sviyaga falls into the Volga" is analyzed. It should be noted that many of the analyzed works gained their popularity at the end of the 20th century, during the rise of the national self-consciousness of the Chuvash people, and at the beginning of the XXI century, when the problem of preserving the national language and culture is also one of the most urgent. The main result of this study is the tendency, revealed by the authors, to attract a similar historical material for the realization of the main idea of the work – the formation or revival of the national-ethnic self-consciousness of the Chuvash people.

Key words: Chuvash literature of the second half of the 20th century, historical narrative, Chuvash historical novel, Chuvash historical drama, historicity, fictional (or artistic fiction).

Чувашская национальная культура сегодня достаточно изучена, но тем не менее многие вопросы по ее истории до сих пор не решены. Чувашская историческая наука по независящим от нее причинам лишь с 1980-х гг. стала интенсивно искать пути развития истории народа, выявлять исторические события, способствовавшие становлению нации и т. д. Между тем художественное творчество, начиная уже с 1920-х гг., используя «крупинки» знания, стремилось реконструировать древнюю историю чувашского народа. В этом писатели видели своеобразную платформу для духовности и дальнейшего самосохранения нации. В последние годы усилился интерес литературоведов к проблеме историзма в литературе [3; 9; 10]. Исследователи отмечают, что «литературный процесс XX столетия в целом представляет собой своеобразный феномен, заключающий в себе непростое взаимодействие разных векторов эстетического поиска. Поэтому и писатели, тяготеющие к классическим традициям, и экспериментаторы-первопроходцы, ищут те художественные формы, которые адекватно отражали бы все изменения в сознании современников, а также соответствовали бы собственным представлениям о мире, о функции языка, о месте и роли литературы» [6, с. 113]. В своих работах они учитывают то, что у каждого автора есть свое видение и толкования того или иного исторического события и факта.

Так, интерес писателей к истории народа в середине XX в. способствовал появлению и серьезной исторической литературы. В эти годы чувашская проза (Н. Мранькка, С. Аслан, Н. Ильбек, К. Турхан и др.) впервые обратилась к такому сложному жанру как исторический роман, а драматургия (И. Максимов-Кошкинский, М. Ухсай, Л. Родионов, Т. Педерки, Н. Терентьев) – к историческим и героико-революционным пьесам и драмам, которые были обращены к различным этапам истории чувашского народа от средних веков до периода Великой Отечественной войны.

Историческое произведение – это произведение, в котором действие разворачивается на фоне исторических событий. С этих позиций произведение К. Турхана «Сёве Атӑла юкса кӗрет» (Свияга впадает в Волгу), действительно, является историческим романом. Тем не менее, сразу же хочется обратить внимание, что писатель больше нацелен на создание художественного произведения, а не летописи, т. е. не пересказывает действительную историю. Так, уже само название романа имеет философско-эстетическое значение. Свияга впадает в Волгу: в данном утверждении Волга – это

образ России, а Свияга – чувашский край. Подобно тому, как в природе большие реки (Волга) подпитываются водами маленьких рек и родников (Свияга), чувашский край, чувашская культура обогащает Россию. В этом, на наш взгляд, есть определенный художественно-философский взгляд самого писателя – вхождение чувашского края в состав России – это естественное историческое движение чувашей, такое же, как движение реки. Такое же, когда большие реки притягивают к себе маленькие ручьи. Но это вместе с тем лишь один из путей, который был выбран в тот исторический момент.

К. Турхан стремится максимально правдиво описать период Казанского ханства в истории чувашского народа. На наш взгляд, в этих целях он создает атмосферу мирного сосуществования чувашей как с русскими, так и с казанскими татарами, по крайней мере огромное стремление чувашей к такому мирному существованию. Правдивым фактом являются, скорее всего, и примеры добровольного, единичного принятия ислама чувашами для достижения определенного социального статуса. В романе на эту идею работает образ чуваша Тукая.

Для усиления историзма писатель широко использует слова и выражения, которые относятся к лексике описываемой в романе исторической эпохе. К примеру, в первой книге [11] это: «Иҫниксем» – военнотруженики Казанского ханства стоящие на страже вдалеке; «ясырь» – плененный мирный народ; «элем» – флаг; «алмак мар» – не родная мать; «айпӑлта» – маленький топор древних чувашей; «кӑш» – соболев; «стратилат» – военнотруженик, полководец; «сӑ-чӑваш» – чуваш, живущий в двух религиях. Во второй книге [12]: «херӗп» – нужда, трудности; «станица» – охрана от татаров; «тезицки купсасем» – купцы из Средней Азии; «енлӗк» – дикая птица и т. д. Более того, в романе много татарских терминов и выражений, имеющих религиозное или военно-хозяйственное значение. Все это, на наш взгляд, также усиливает ощущение реальной исторической действительности в поэтике романа.

В качестве бесспорных исторических фактов, которые повышают документальную точность событий романа, вероятно, также нужно назвать: 1) решение русского государя Ивана Грозного построить крепость – «на месте, где Свияга впадает в Волгу» – Новоград Свияжский; 2) образы русских воевод – Данил Юрьев, Иван Хабаров, Михайло Воротинский, Семен Микулинский, Петр Шуйский, Петр Серебряный, Григорий Булгаков, Иван Шереметьев; 3) послание царя с конкретной

датой – «лета 7059... (соответствует 1554 году)»; 4) точные даты смены власти казанских ханов, в частности прихода к власти героя романа Магмет Эминя и его набеги на Москву и на русскую территорию – 1484, 1487, 1495, 1502 годы и т. д.

Историческая основа романа не вызывает сомнения, но данное произведение не следует рассматривать как полную реконструкцию исторических событий периода присоединения чувашского края к России. Несмотря на все исторические факты и персонажи, роман «Свияга впадает в Волгу» остается толкованием истории, как ее понимает сам писатель и как его понимают его современники, т. е. поколение чувашей второй половины XX века.

История чувашского народа во времена Волжской Булгарии, а также присоединения чувашей к России в национальной словесности чаще всего интерпретируется в жанре трагедии. Этот жанр, как один из самых сложных, был недостаточно развит на протяжении всей истории чувашской драматургии [2, с. 156]. Появлению первых исторических трагедий (трагедии «Силпи – пайлар пики» (Сильби – дочь болгарского царя) Г. Тал-Мырзы, «Пайлар патшалăхĕн юлашки кунĕсем» (Последние дни Булгарского государства) М. Юрьева) способствовали подъем национального самосознания в годы революции 1917 г. и работы Г. Комиссарова [5], Н. Ашмарина [1] и других исследователей по истории происхождения чувашского народа. Во второй половине XX в. тему Булгарского государства как части истории чувашского народа поднял писатель Т. Педерки в исторической пьесе «Юнлă кунсем» (Кровавые дни), жанр которой автор обозначил как трагедия.

Во время работы над пьесой «Кровавые дни» он обратился к документальным источникам по истории Волжской Булгарии. В ней обозначено конкретное время действия происходящих событий – 1236 г., год падения Булгарского государства. Целью автора стало не столько воссоздание достоверной исторической картины, сколько исследование духа самой эпохи, одной из сложнейшей и противоречивейшей в истории народа. Столь тревожное время отражается и на героях драмы. Через переживания и действия персонажей, ощутивших на себе нападение татаро-монгольского войска (в самой пьесе врагами показаны только монголы), автор показывает патриотизм и стойкость чуваш-булгар. В этом отношении убедительно показаны характеры героев Уманхана, повелителя города, его дочери Чернекей, судьи Уганея, простых воинов Тырна и Курбун.

По охватываемым событиям пьеса «Кровавые дни» созвучна трагедии «Последние дни болгарского государства» М. Юрьева и близка ей как в идейном плане, так и композиционным построением. Обе начинаются с пролога, где старцы-чуваши рассказывая своим внукам древнюю историю своего народа, когда они еще назывались булгарами, переносят повествование в далекие 1220–1230-е годы. В обеих пьесах мотив предательства толкуется как одна из причин падения такого могучего государства как Волжская Булгария. Однако если в «Кровавых днях» предатель Алцек, будущий зять Уманхана и сын повелителя города Сувар (предатель из первых лиц государства), больше опасается за свою жизнь и все равно погибает от рук врага, то в трагедии М. Юрьева предатели Селехмет и Шахшар преследуют корыстные цели и показаны более убедительно. И в структурном, и в идейном плане вторая трагедия выглядит содержательнее, в ней автор сумел показать нарастающее напряжение и идейно доказать неизбежность подобного конца такого великого государства. Обе пьесы постигла одна и та же участь забвения. Булгаро-чувашская тема, еще в 1920-е гг. в официальных кругах считавшаяся проявлением «буржуазного национализма» [8, с. 397], и в 1960-е гг. не вызвала у критиков особого энтузиазма [7].

Тема Волжской Булгарии как части истории чувашского народа волнует чувашских историков и писателей с момента обнародования данного исторического факта. В историческом жанре к ней обращались и обращаются драматурги разных поколений. В жанре трагедии в стихах написано одно из удачных творений 1970-х гг. – «Кун-сул юппинче» (На распутье) И. Петровой. Если авторы исторических пьес чаще всего акцентировали свое внимание на распаде Булгарского государства, то И. Петрова освещает социально-общественный строй Булгарии в начале X в. (910–940-е гг.). События в трагедии связаны с периодом исламизации ее населения. Из истории известно, что болгарский правитель Алмуш действительно, стремясь освободиться из-под власти Хазарского каганата, просил Багдадского халифа прислать мусульманских наставников и строителей мечети для распространения ислама среди болгарского населения. В 921 году в Булгарию в составе багдадского посольства в качестве секретаря прибывает и Ахмед ибн Фадлан, описавший свое путешествие на Волгу в форме «Заметок». Эти путеводные заметки являются одним из важнейших источников по средневековой истории Поволжья,

Заволжья и Средней Азии, на которые опиралась и И. Петрова при написании трагедии «На распутии». Об этом свидетельствуют и те факты, что в качестве героев автор вводит прототипы исторических личностей (Алмуш, Ахмед ибн Фадлан, Джафар ал-Муктадир и др.), пользуется точной датировкой (309 г. хиджры), вводит сюжетную линию с торжественным оглашением письма халифа и обещанными им, но не присланными 4000 динарами для постройки крепости и т. д. Хорошим источником послужило издание монографии «Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана» [4].

В трагедии «На распутии» художественно убедительно показана самоотверженная и трагическая борьба местного населения (чуваши-булгары) против исламизации. На ее фоне разворачивается сюжетная линия трагической любви Телей и Илем, что послужило поводом для некоторых критиков рассматривать пьесу как любовно-романтическую драму. Но именно она усиливает трагизм происходящих исторических событий. Дочь чувашского эмба Юмана Илем и предводитель рода Вырох Телей любят друг друга. Но элдебер Алмуш и его зять Чахал похищают Илем и отправляют в подарок багдадскому Халифу. Через 30 лет влюбленные встречаются: Телей как чувашский предводитель предстает перед багдадским Халифом, мужем Илем, но им уже не суждено быть вместе – Илем убивает себя, а Телю казнят. За несчастьями влюбленных лежит трагическая судьба самого народа, который верен своему вероисповеданию и не приемлет чужого.

Эстетические принципы чувашской драмы последних десятилетий во многом были связаны с процессом возрождения национально-этнического самосознания. Находясь на перепутье, в раздумьях о дальнейшей судьбе своего народа, деятели национальной культуры ищут ответ на свои вопросы в событиях истории, в фольклоре – словом, в истоках народной культуры. Борьба народа за свои национальные интересы и приоритеты, национальную свободу рассматриваются с новых позиций и освещаются в таких исторических драмах, как «Пёр хёрес айёиче» (Под одним крестом) Н. Максимова, «Мён-ши вэл ирёклёх?» (Что же такое свобода?) М. Юхмы, «Хёхем хёрен хёхлевё» (Плач девушки на заре) и «Салтёр сүннё каç» (Когда гаснут звезды) Н. Сидорова, монодраме Б. Чиндыкова «Хура чёкеç» (Черная ласточка) и других. Исторические пьесы Б. Чиндыкова «Урасмет» (Уразметь), Н. Исмукова «Ахёрсамана» (Светопреставление), Н. Петровского-Теветкеля «Киремет» (Киреметь), М. Карягиной «Кёмёл тум-

лэ çар» (Серебряное войско) – яркий признак поисков новых форм в жанре трагедии в стихах в современной чувашской драматургии.

Историческая диалогия Н. Сидорова «Плач девушки на заре» и «Когда гаснут звезды» охватывает период борьбы народов Волжской Булгарии против татаро-монгольских захватчиков и повествует о периоде присоединения Чувашского края к Российскому государству. Основываясь на выводы историков, автор опровергает концепцию добровольного вхождения Чувашии в состав России. Ему важно не столько воссоздать реальные исторические события, сколько отразить национальный дух, дух эпохи, охваченный распрями между родовыми племенами, волнениями народа: с кем быть, кому поклониться, как сохранить свою идентичность? И в самые переломные моменты своей истории среди чувашей оказывались сильные духом, преданные своей идее, народу, нации предводители, которые спасли народ напекор тщеславному, стремящимся к власти и деньгам мурз и турханов.

Коллизия власти и человека, идея объединения народа в борьбе за независимость, самосохранение, отстаивание своих интересов, волнуют и Б. Чиндыкова в трагедии «Урасмет» (1992). В центр пьесы поставлен сложный образ предводителя рода Урасметя, который счастливым стечением обстоятельств – чувашские племена объединились в борьбе против исламизации и победоносно казанского Хана – становится великим князем. Захватив власть, он устанавливает жесткую тиранию, держа народ в подчинении и нещадно обирая его. Безжалостный и коварный, он плетет интриги для достижения своих честолюбивых целей. Эта деспотичная, губительная для окружающих власть сеет раздоры, лезть, раболепие, ненависть, унифицирует человеческие характеры, лишает их достоинства, превращает в слепое орудие чужой воли. Используя стихотворный метр, автор прибегает к ритмизированной прозе, чем усиливает трагическое восприятие пьесы. Для актеров чувашского театра более чем полезным стал опыт работы над воплощением подобной сложной стихотворной драматургии.

Проблема власти поднята и в трагедии «Киремет». Историческим фоном в ней послужили пугачевские восстания, которые отразились и на судьбе чувашского народа. Автор Н. Петровский-Теветкель описывая деревенский быт, углубляется в проблему постепенного разрушения испокон веков передающихся национальных традиций. Богач Сандубай, во власти которого находится

вся деревня, и после смерти желает, чтобы односельчане поклонялись и молились ему как Киремтю. Однако властолюбие, не почитание народных обрядов и традиций губит его самого и всю семью.

Тема сохранения родного языка, продолжения рода, традиций предков для будущего поколения в условно-мифологическом ключе продолжена М. Карягиной в трагедии «Серебряное войско». Не применяя документально-исторические факты, автор раскрывает перед нами значимые события из жизни далеких предков чувашского народа, когда перед угрозой полного истребления рода женщины, проявляя волю и мужество, превращаются в грозную силу и отражают натиск превосходящего во всех отношениях врага. Главная идея трагедии носит в себе глубокий философский смысл – правда на стороне тех, кто отстаивает земли своих предков, свободу и независимость народа. Это пьеса о человеческой мудрости и глупости, о честности и лжи, о древних традициях и уважении к своим предкам. В нем сквозит и боль за то, что в современное суетное время постепенно утрачиваются вековые традиции народа, уходят доброта, человечность, утрачивается язык.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что авторы рассмотренных трагедий, утверждая идею непреходящей ценности культурного и исторического опыта древности, вместе с тем, особо тщательно стремились воспроизвести борьбу страстей, раздиравших души героев, вождей народа, как воплощение вечной и вневременной мятущейся природы человека. Личное и социальное находятся в пьесах в трагическом конфликте, что в свою очередь способствует углублению размышлений писателя об исторической судьбе народа.

Литература

1. Ашмарин Н. И. Болгары и чувашы. Казань, 1902. 142 с.
2. Кириллова И. Ю. Развитие жанра трагедии в стихах в чувашской драматургии // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 4 (28). С. 156–158.
3. Кириллова И. Ю. Жанровые особенности исторической трагедии в чувашской драматургии второй половины XX в. // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2016. С. 172–174.
4. Ковалевский А. П. Чувашы и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. ЧНИИЯЛИ. Чебоксары, 1954. 64 с.
5. Комиссаров Г. И. Чăваш халăхĕн историйĕ (История чувашского народа, вып. 1. Казань, 1921. 62 с.
6. Мышкина А. Ф. Национальная литература региона как художественно-эстетическая общность (из опыта начала XX века) // Вестник Марийского государственного университета. 2016. Т. 10. № 1 (21). С. 113–117.

7. Павлов Н. С. Драматургия 1967 года // Ученые записки / Науч.-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Вып. 39. Чебоксары, 1969. С. 66–70.

8. Родионов В. Г. Чăваш литератури. 1917–1930-мĕш çулсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2008. 430 с.

9. Родионов В. Г. Концепт «народ-лидер» в фольклоре и литературе народов Урало-Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 351–354.

10. Софронова И. В. Отображение образа Волжской Булгарии в чувашском и татарском фольклорах // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2012. № 1–2. С. 174–179.

11. Турхан К. С. Сĕве Атăла юкса кĕрет: Истори романĕ. 1-мĕш кĕн. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1994. 607 с.

12. Турхан К. С. Сĕве Атăла юкса кĕрет: Истори романĕ. 2-мĕш кĕн. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1994. 559 с.

References

1. Ashmarin N. I. Bulgary i chuvashi [Bulgarians and Chuvashes]. Kazan', 1902, 142 p. (In Russ).
2. Kirillova I. Ju. Razvitiye zhanra tragedii v stihah v chuvashskoj dramaturgii [Development of the genre of tragedy in poems in the Chuvash drama]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = Humanities and Education, 2016, no. 4 (28), pp. 156–158 (In Russ).
3. Kirillova I. Ju. Zhanrovye osobennosti istoricheskoy tragedii v chuvashskoj dramaturgii vtoroy poloviny XX v. [Genre features of the historical tragedy in the Chuvash dramaturgy of the second half of the 20th century]. *Problemy marijskoy i sravnitel'noj filologii: sb. st.* = Problems of Mari and Comparative Philology: sat. art., Yoshkar-Ola, 2016, pp. 172–174 (In Russ).
4. Kovalevskij A. P. Chuvashi i bulgary po dannym Ahmeda ijbni-Fadlana [Chuvash and Bulgars according to Ahmed ibn-Fadlan]. ChNIJALI, Cheboksary, 1954, 64 p. (In Russ).
5. Komissarov G. I. Chăvash halăhĕn istorijĕ (Istoriya chuvashskogo naroda) [Chavash halakhin stories (History of the Chuvash people)]. Vyp. 1, Kazan', 1921, 62 p. (In Russ).
6. Myshkina A. F. Nacional'naja literatura regiona kak hudozhestvenno-jesteticheskaja obshhnost' (iz opyta nachala XX veka) [National literature of the region as an artistic and aesthetic community (from the experience of the beginning of the XX century)]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2016, vol. 10, no. 1 (21), pp. 113–117 (In Russ).
7. Pavlov N. S. Dramaturgija 1967 goda [Dramaturgy of 1967]. *Uchenye zapiski* = Scientific notes, Nauch.-issled. in-t jazyka, literatury, istorii i jekonomiki pri Sovete Ministrov Chuvash. ASSR, vyp. 39, Cheboksary, 1969, pp. 66–70 (In Russ).
8. Rodionov V. G. Chăvash literaturi. 1917–1930-mĕsh çulsem. Shupashkar: Chăvash kĕn. izd-vi, 2008, 430 p.
9. Rodionov V. G. Koncept «narod – lider» v fol'klore i literature narodov Uralo-Povolzh'ja [The concept of “people-leader” in the folklore and literature of the peoples of the Ural-Volga region]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Herald of the Chuvash University, 2012, no. 2, pp. 351–354 (In Russ).
10. Sofronova I. V. Otobrazhenie obraza Volzhskoj Bulgarii v chuvashskom i tatarskom fol'klorah [The mapping of the image of the Volga Bulgaria in the Chuvash and Tatar folklore]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva* = Herald of the Chuvash State Pedagogical University. I. Ya. Yakovlev, 2012, no. 1–2, pp. 174–179 (In Russ).

11. Turhan K. S. Sëve Atăla juhsa kĕret: Istori romanĕ. 1-mĕsh ken. Shupashkar: Chăvash kĕn. izd-vi, 1994, 607 p.

12. Turhan K. S. Sëve Atăla juhsa kĕret: Istori romanĕ. 2-mĕsh ken. Shupashkar: Chăvash kĕn. izd-vi, 1994, 559 p.

Статья поступила в редакцию 18.08.2017 г.

Submitted 18.08.2017.

Для цитирования: Кириллова И. Ю., Мышкина А. Ф. Особенности исторического повествования в чувашской драматургии второй половины XX века // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 141–146.

Citation for an article: Kirillova I. Yu., Myshkina A. F. Peculiarities of historical religion in the Chuvash dramatics of the second half of the XX century. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 141–146.

Кириллова Ирина Юрьевна, ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, irinakir1@mail.ru

Irina Yu. Kirillova, Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Chuvash State Institute of humanitarian sciences, Cheboksary, irinakir1@mail.ru

Мышкина Альбина Фёдоровна, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, alb-myshkina@mail.ru

Al'bina F. Myshkina, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, alb-myshkina@mail.ru

УДК 821.161.1

**КОНЦЕПТ «ДОМ» В «ПЕТЕРБУРГСКОМ ТЕКСТЕ»
(ПО РОМАНУ Н. С. ЛЕСКОВА «НА НОЖАХ»)****О. С. Крылова***Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола*

«Петербургский текст» как сверхтекст представляет собой комплекс различных произведений, объединенных ситуативно и содержательно. Формированию особого смыслового пространства «петербургского текста», в котором традиционные для русского человека ценности получают противоположное освещение, содействует концепт «дом». **Цель** данного исследования – рассмотреть способ реализации концепта «дом» в ракурсе проблемы «петербургского текста» на материале романа Н. С. Лескова «На ножках» (1870–1871). Цель конкретизируется в следующих **задачах**: описать суть явления «петербургский текст» русской литературы; проанализировать воплощаемые особенности и оттенки смысла ключевого концепта «петербургского текста» – концепта «дом» в романе Н. С. Лескова «На ножках». В основном в произведении представлено два противопоставленных топоса – Петербург и провинция. Автору статьи важно показать, как материальная реальность Петербурга в романе влияет на духовные ценности и изменяет их. В результате исследования автор статьи приходит к **выводу**, что Петербург в романе Н. С. Лескова предстает в традиционном описании – мрачный, опасный, незащищенный город, в котором человек одинок и несчастен, а концепт «дом» в «петербургском тексте» реализует не свойственные ему в стандартной языковой картине мира оттенки смысла: дом выступает местом одиночества и тоски. **Актуальность** статьи обусловлена частым обращением исследователей к феномену «петербургского текста», являющегося частью национальной культуры и влияющего на ее развитие. Недостаточная изученность романа «На ножках» в связи с его вынужденной и незаслуженной «забытостью» из-за антинигилистической направленности произведения говорит о **новизне** исследования. Используются **методы**: сравнительный, контекстуального анализа, типологического анализа.

Ключевые слова: «На ножках», Н. С. Лесков, концепт «дом», «петербургский текст», антинигилистический роман.

**THE CONCEPT OF THE “HOUSE” IN THE “PETERSBURG TEXT”
(BASED BY N. S. LESKOV'S NOVEL “ON THE KNIVES”)****O. S. Krylova***Mari State University, Yoshkar-Ola*

“Petersburg text” as supertext is a complex of different works, combined in a situational and content. Formation of a special semantic space of the “Petersburg text”, in which traditional values for Russian people receive the opposite illumination, the concept “house” contributes. The purpose of this article is to consider how to implement the concept of «home» in the perspective of the problem of the “Petersburg text” on the material of N. S. Leskov “On the knives” (1870–1871). The purpose is concretized in the following tasks: describe the essence of the phenomenon of the “Petersburg text” of Russian literature; to analyze the embodied features and shades of the meaning of the key concept of the “Petersburg text” – the concept “house” in the novel by N. S. Leskov “On the knives.” Basically, the novel presents two opposing topos – St. Petersburg and the province. The author of the article is important to show how the material reality of St. Petersburg in the novel influences and changes spiritual values. As a result of the research, the author of the article comes to the conclusion that St. Petersburg in the novel of N. S. Leskov appears in the traditional description – a gloomy, dangerous, unprotected city in which a person is lonely and unhappy, and the concept of the “house” in the “St. Petersburg text” realizes the shades of meaning that are not peculiar to him in the standard linguistic picture of the world: the house is a place of solitude and longing. The relevance of the article is due to the frequent appeal of researchers to the phenomenon of the “Petersburg text”, which is part of the national culture and influences its development. Insufficient study of the novel “On the knives” in connection with his forced and undeserved “forgetfulness” because of the antinigilistic orientation of the work speaks about the novelty of the research. Methods used: comparative, contextual analysis, typological analysis.

Key words: “On the knives”, N. S. Leskov, the concept of the “house”, “Petersburg text”, an antinigilistic novel.

«Петербургский текст» русской литературы – явление значительное и актуальное. По словам В. Н. Топорова, «тема Петербурга мало кого оставляет равнодушным»¹, а потому исследуется многими учеными (В. Н. Топоров, Б. В. Томашевский², Ю. М. Лотман³, Н. П. Анциферов⁴, В. М. Маркович⁵, О. Г. Дилакторская⁶). Издавна Петербург воспринимается как антитетичный город, вмещающий в себя полярные полюса: смерть и бездну с торжеством, расцветом, триумфом. В «петербургском тексте» воплощается не столько описание Санкт-Петербурга, а осмысливается феномен этого города, являющегося уникальным и с точки зрения географического расположения, и своей истории, и мифологии, архитектуры – все это не могло не волновать русских писателей, что они и воплощали в своих произведениях. Строительство города на Неве обросло множеством легенд, мифов. Они отчасти формировали атмосферу города, его изначальную семиотику, связанные с ним ожидания и предчувствия. Влияние их – непосредственное или опосредованное вещностью города – не могло не сказаться на русской литературе, и сказалось оно двойственно. С одной стороны, Петербург – самый европейский город России, предстает в ней как наиболее рационализированный из всех российских городов, с другой, в нем много исходно иррационального, необъяснимого, проявившегося в изначальном противоречии замысла Петра I и формы осуществления.

В петербургской теме выделяются определенные константы. Они представляют несколько реальностей «петербургского текста»: литературную,

метафизическую и мистическую. «Петербургский текст» включает в себе набор мотивов, характерный для этого города: мифологические, загробные, исторические, государственные; мотив двойственности («зазеркалье»); внутреннего протеста героя, простого («маленького») человека; единства судьбы города и героя; расплаты [10]. Жизнь в «петербургском тексте» одновременно существует и погибает, призрак прошлого живет в настоящем, зло уживается с добром, ложь с истиной, а сакральное с бесстыдным – возникает оксюморонная двойственность. Петербург – реальность мифосимволической природы высшей степени, град Святого Петра – город-призрак, в котором блуждают тени. Кажется, это гиблое место, смерть неминуема, что подкрепляется страшными мифами, связанными со строительством города. «Этот «ужас жизни», потрясший сознание и совесть, и вызвал в конечном счете к жизни Петербургский текст как противовес ему»⁷. Главный герой «петербургского текста» – это заложник Петербурга, поведение которого мотивировано городским пространством. Вокруг все разрушено, и, кажется, эта разруха проникает в героя, вызывая душевную болезнь.

Художественную реализацию, как принято считать, «петербургский текст» получил в XIX веке – в «Медном всаднике» и в «Пиковой даме» А. С. Пушкина, в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя, в раннем творчестве Ф. М. Достоевского («Белые ночи», «Бедные люди»), где впервые Петербург предстал как образ-символ. По мнению В. Н. Топорова, Санкт-Петербург имеет свой неповторимый язык: он говорит своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте. Таким образом, «петербургский текст» как сверхтекст представляет собой комплекс высказываний или текстов разных писателей различных эпох, которые объединены содержательно и ситуативно в одно целое.

С Петербургом связан первый журналистский и писательский опыт Н. С. Лескова. За годы пребывания в столице Н. Лескову довелось сменить более десятка адресов и съемных квартир: жил он и на Серпуховской, и на Таврической улице, на Невском проспекте и на Литейном, на Фурштатской

¹ Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. URL: http://philologos.parod.ru/ling/topor_piter.htm (дата обращения: 5.09.2017).

² Томашевский В. Б. Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/tp/tp2-001-.htm> (дата обращения: 1.08.2017).

³ Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. URL: http://www.historicus.ru/simvolika_Peterburga_i_problemi_semiotiki_goroda (дата обращения: 5.09.2017).

⁴ Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 581 с. URL: <http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Anziferov2.pdf> (дата обращения 11.07.2017).

⁵ Маркович В. М. О значении «одесских» строф в «Евгении Онегине» // Пушкин и другие: сборник статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=XBP1vLDJWBY%3D&tabid=10358> (дата обращения: 16.09.2017).

⁶ Дилакторская О. Г. Петербургская повесть в русской литературе XIX века (Пушкин, Гоголь, Достоевский): дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 2001. 688 с.

⁷ Топоров В. Н. Там же.

улице и в Кузнечном переулке. Роман «На ножах», писавшийся в Санкт-Петербурге в 1870–1870 годы, принес писателю скандальную известность и стал своего рода кризисом, которым завершилось у Н. Лескова сведение счетов с революционным движением 60-х годов. В восприятии современников роман распался на две части: нигилистический Петербург и провинцию, конкретно выписанный быт которой затмевал собой мрачные петербургские сцены. В романе Петербург назван городом «на костях и сваях»¹. Образ мистического города ощущается и в создаваемой писателем атмосфере таинственности, страха, греха, нечистой силы, смерти, и даже в названии глав². Многие, видимо, советовали автору вообще свернуть события, по авторскому замыслу, происходящие в Петербурге. Известно, что Н. С. Лесков писал историку и публицисту П. К. Щербальскому: «Я вас послушаю и не буду выходить из провинции, насколько можно...»³. Следуя этому плану, Н. Лесков все свои симпатии переносит на те части романа, действие которых происходит в провинции. Об одной из них, отсылая эту часть в редакцию, он пишет любовно: «Я посылаю кусок романа «На ножах». Кусок живой и горячий, как парная кровь...»⁴.

Провинциальный город N типичен: река, церковь, гостиница – автор даже не указывает его название. При описании Петербурга писатель прибегает к топонимам. Приведенные реалии городского пространства служат доказательством того, что перед нами действительно «петербургский текст». Так, известно, что Иосаф Висленев живет «в одном из тех громадных домов Невского проспекта, где, как говорится, чего хочешь, того получишь: здесь и роскошные магазины, и депо, и мелочная лавка, и французский ресторан, и греческая кухмистерская восточного человека Трифандоса, и другие ложементы с парадных входов на улицу, и сходных цен нищенские стойла в глубине черных дворов»⁵, Михаил Бодростин и Павел Горданов какое-то время занимают «бельэтаж большого дома на Литейной»⁶, из окон квартиры

Висленева видны кресты Владимирской церкви. Встречаются и общие описания – так называемые обезличенные объекты: «по одной из больших улиц Петербурга», «петербургских набережных, мостов», «у большого роскошного дома на одной из петербургских набережных». Моделирование сверткста в романе «На ножах» происходит, в числе прочего, и благодаря отсылке к поэме «Медный всадник» А. С. Пушкина, считающейся, как уже говорилось выше, одной из первых художественных реализаций «петербургского текста» в русской литературе. Описывая сцену приближения героев к Петербургу, Н. Лесков использует перифраз, называя город «полночных стран краса и диво».

Интересно, что «петербургская» тема возникает при характеристике сложных взаимоотношений двух героев, Н. Лесков не прибегает к подробному описанию, а лишь приводит емкое сравнение: «эти разводятся и сводятся как петербургские мосты»⁷. Обращает на себя внимание связанная с городом видоизмененная поговорка «Нам, брат, Питер-то уже глаза повытер»⁸.

Петербург в романе – «вертеп сорока разбойников», здесь находится касса ссуд Тихона Кишенского. Писатель частично воссоздает картину петербургских пожаров 1862 года, которые он подробно освещал в период своей журналистской деятельности. Описывая, как Тихон Кишенский и Алина Фигурина сжигают свой дом, обманывая всех и вынеся заранее все самое ценное, Н. Лесков показал, что герои во главу угла ставят свои меркантильные интересы. Тихая гавань Кишенского и Алины отнюдь не Петербург, а провинциальный Павловск, где они музицируют, собирают друзей.

По словам Ю. М. Лотмана, «в петербургской реальности существуют лишь прикидывающиеся домами не-дома»⁹. Сам по себе концепт «дом», безусловно, существует в русском сознании «со знаком плюс», однако именно в атмосфере Петербурга его значение нивелируется. Дом героя «петербургского текста» – как правило, тесная, узкая комната, часто в мансарде, бедная, даже убогая. Таковы, например, съемные квартиры Висленева: него продырявленный клеенчатый диван в «очень, очень маленькой комнатке»¹⁰. Затем, в квартире

¹ Лесков Н. С. На ножах: роман. М.: Русская книга, 1994. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1870_na_nozhah.shtml (дата обращения: 12.06.2017).

² Одна из глав романа так и называется – «Нечистые силы».

³ Шелаева А. Забытый роман: предисловие // Лесков Н. С. На ножах: роман. М.: Русская книга, 1994. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1870_na_nozhah.shtml (дата обращения: 12.06.2017).

⁴ Шелаева А. Там же.

⁵ Лесков Н. С. Там же.

⁶ Лесков Н. С. Там же.

⁷ Лесков Н. С. Там же.

⁸ Лесков Н. С. Там же.

⁹ Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. URL: http://www.historicus.ru/simvolika_Peterburga_i_problemi_semiotiki_goroda (дата обращения: 5.09.2017).

¹⁰ Лесков Н. С. Там же.

Кишенского Висленев помещен «в небольшом кабинетике, служившим в одно и то же время и спальней»¹. Причем несомненные атрибуты уюта – занавески, комод, обои, компактное помещение – в петербургском тексте выступают почему-то показателями бедности, нищеты. Противопоставлением такому дому в романе служит любовно нарисованный хутор Починок тоже с маленьким, но очень уютным домиком Синяниной [3].

Брак в Петербурге того времени теряет свою ценность, относится к категории незначительно-го, измены в порядке вещей: «Ну, помилуйте, кто же в наше время из порядочных людей с женами живет? У нас в Петербурге уж и приказные нынче это за моветон считают»².

Гнездо концепта «дом» – семья, женщина, уют, покой, защита – в «петербургском тексте» становится не на первую роль, меняясь местами с периферийными, так называемыми внешними признаками – строение, здание, жилье. Образ женщины-хранительницы домашнего очага уходит в тень [3], уступая место разбитному образу нигилистки: «Он с жаром говорил о покинутых им в Петербурге женщинах, презирающих брак, ненавидящих домашние обязанности, издевающихся над любовью, верностью и ревностью, не переносящих родственных связей, говорящих только «о вопросах» и занятых общественным трудом, школами и обновлением света на необыкновенных началах. Мне все это представлялось очень смутно: я Петербурга никогда не видала, о жизни петербургской знала только понаслышке да из книг»³.

Концепт «дом» приобретает отрицательный смысл в «петербургском тексте», что вызвано противоречивым образом северной столицы, которая с самого момента своего основания вызывала у русского человека как искреннее восхищение, так и столь же искреннюю, смешанную со страхом ненависть. Ненависть является определяющей в отношениях людей: «Как все у нас в Петербурге связаны – враждой друг к другу. Здесь, душа моя, все на ножах»⁴.

Дом в «петербургском тексте» – символ одиночества, грусти, тоски. Объективируется обстановка враждебного города, в котором герой несчастен и ностальгирует по отчужденному дому: «Жизнь его бы-

ла теперь настоящая «ночь жития», от которой он пробуждался только во сне, когда ему мерещился и далекий старый висленевский сад в далеком губернском городке, и светлый флигель, и сестра, красавица Лара, и русая головка свежей миловидной Alexandrine»⁵.

При анализе городских текстов в литературе часто соотносят «петербургский текст» и «лондонский текст» [8]. И в том и в другом городе – мрачные и чужие для своих героев, но совершенно по-разному в них реализован концепт «дом». В «лондонском тексте», представленном, например, повестями Ч. Диккенса, дом – уютное место, куда стремятся герои спрятаться от внешних невзгод. Так, в рождественских повестях Ч. Диккенса («Сверчок за очагом», «Рождественская песнь в прозе») герои, терпящие нужду, часто голодающие, вечерами стремятся домой, где они собираются возле домашнего очага в кругу своей семьи [2]. В «петербургском тексте» герои, находясь дома, ощущают мучительное одиночество и тоску. Так и у Н. Лескова в романе, традиционное для русской культуры чувство защищенного дома, дома-гнезда, дома-ковчега, крепости в «петербургском тексте» заменяется ощущением гнетущего пространства.

Таким образом, если дом в русской культуре в целом представляет собой организующий центр мира, безопасное пространство, убежище, в котором можно обрести защиту и покой, то в «петербургском тексте» это чуждое человеку место. Именно благодаря тому, что в пространстве «петербургского текста» реализуются периферийные слои концепта «дом», создается миф, лежащий в основе данного сверхтекста, в котором получает воплощение атмосфера проклятого города, где человек томится, страдает и не может обрести подлинный дом.

Литература

1. Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 581 с. URL: <http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Anziferov2.pdf> (дата обращения 11.07.2017).

2. Березина О. С. Концепция дома в рождественских повестях Ч. Диккенса и святочных рассказах Н. С. Лескова // История русского литературного процесса XI–XXI вв. и закономерности его развития: электронный сборник статей по материалам III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под ред. М. И. Журиной. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. С. 28–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26612628> (дата обращения: 15.09.2017).

¹ Лесков Н. С. На ножах: роман. М.: Русская книга, 1994. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1870_na_nozhah.shtml (дата обращения: 12.06.2017).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

3. Березина О. С. Типология женских образов в романе Н. С. Лескова «На ножах» // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 4 (24). С. 81–84. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27506371_62059762.pdf (дата обращения: 6.09.2016).

4. Виноградова О. А. Особенности организации художественного пространства в Петербургском тексте русской литературы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. С. 74–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-organizatsii-hudozhestvennogo-prostranstva-v-peterburgskom-tekste-russkoy-literatury> (дата обращения: 6.09.2016).

5. Жаднова Е. Н. Современные подходы к изучению проблемы петербургского текста русской литературы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-podhody-k-izucheniyu-problemy-peterburgskogo-teksta-russkoy-literatury> (дата обращения: 11.07.2017).

6. Старыгина Н. Н. Жанрообразующая функция контекста в рассказе Н. С. Лескова «Привидение в Инженерном замке» // Вестник Марийского государственного университета. 2017. Т. 11. № 1 (25). С. 92–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhanroobrazuyuschaya-funktsiya-konteksta-v-rasskaze-n-s-leskova-prividenie-v-inzhenernom-zamke> (дата обращения: 11.07.2017).

7. Уваров М. С. Поэтика Петербурга: очерки по философии культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 252 с. URL: http://folioverso.ru/bibl/uvarov_poetika_peterburga.pdf (дата обращения: 6.09.2016).

8. Шурупова О. С. Концепт «дом» в смысловой организации петербургского текста русской литературы // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 4. С. 1183–1185. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_15589769_58697945.pdf (дата обращения: 6.09.2016).

9. Шурупова О. С. Особенности методологии исследования городского сверхтекста // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 295–302. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-metodologii-issledovaniya-gorodskogo-sverhteksta> (дата обращения: 11.07.2017).

10. Joost van Baak. The House in Russian Literature: A Mythopoetic Exploration. Amsterdam; N. Y.: Editions Rodopi, 2009, 526 p.

11. Starygina Natalya N., Pershina Marina A., Mikheeva Inna N., Berezina Olga S., Klyukha Irina K. Dickens' Christmas Story as an Intertexteme in Leskov's Yule Short Story. Review of European Studies, 2015, vol. 7, no. 8, pp. 193–201. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23661052> (дата обращения: 12.08.2017).

References

1. Antsiferov N. P. Problemy urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature [The problems of urbanism in Russian fiction]. Moscow: IMLI RAN, 2009. 581 s. Available from: <http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Anziferov2.pdf> (accessed 11.07.2017). (In Russ).

2. Berezina O. S. Kontseptsiya doma v rozhdestvenskikh povestnykh Ch. Dikensa i svyatochnykh rasskazakh N. S. Leskova [The concept of the house in the Christmas stories of Charles Dickens and the sacred stories of N. S. Leskova]. *Istoriya russ-*

kogo literaturnogo protsessa XI–XXI vv. i zakonomernosti ego razvitiya: elektronnyi sbornik statei po materialam III Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii = The history of the Russian literary process XI–XXI centuries. and the laws of its development: an electronic collection of articles on the materials of the III All-Russian (with international participation) scientific and practical conference, ed. by M. I. Zhurinoi. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t, 2016, pp. 28–32. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26612628> (accessed 15.09.2017). (In Russ).

3. Berezina O. S. Tipologiya zhenskikh obrazov v romane N. S. Leskova «Na nozhakh» [Typology of female characters in the novel by N. S. Leskov “On the knives”]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2016, no. 4 (24), pp. 81–84. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_27506371_62059762.pdf (accessed 6.09.2016). (In Russ).

4. Vinogradova O. A. Osobennosti organizatsii khudozhestvennogo prostranstva v Peterburgskom tekste russkoi literatury [Features of the organization of the artistic space in the St. Petersburg text of Russian literature]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* = Vestnik of the South Ural State University. Series: Linguistics, 2011, no. 1, pp. 74–78. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-organizatsii-hudozhestvennogo-prostranstva-v-peterburgskom-tekste-russkoy-literatury> (accessed 6.09.2016). (In Russ).

5. Zhadnova E. N. Sovremennye podkhody k izucheniyu problemy peterburgskogo teksta russkoi literatury [Modern approaches to the study of the problem of the St. Petersburg text of Russian literature]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* = Proceedings of the Saratov University. New episode. Series of Philology. Journalism, 2013, vol. 13, Issue 4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-podhody-k-izucheniyu-problemy-peterburgskogo-teksta-russkoy-literatury> (accessed 11.07.2017). (In Russ).

6. Starygina N. N. Zhanroobrazuyushchaya funktsiya konteksta v rasskaze N. S. Leskova «Prividenie v Inzhenernom zamke» [Genre-forming function of the context in NS Leskov's story «Ghost in the Engineer's Castle»]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2017, vol. 11, no. 1 (25), pp. 92–96. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhanroobrazuyushchaya-funktsiya-konteksta-v-rasskaze-n-s-leskova-prividenie-v-inzhenernom-zamke> (accessed 11.07.2017). (In Russ).

7. Uvarov M. S. Poetika Peterburga: ocherki po filosofii kul'tury [The poetics of Petersburg: essays on the philosophy of culture]. St. Petersburg, 2011, 252 p. Available from: http://folioverso.ru/bibl/uvarov_poetika_peterburga.pdf (accessed 6.09.2016). (In Russ).

8. Shurupova O. S. Kontsept «dom» v smyslovoi organizatsii peterburgskogo teksta russkoi literatury [Concept «house» in the semantic organization of the Petersburg text of Russian literature]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* = Vestnik of Bashkir University, 2010, vol. 15, no. 4, pp. 1183–1185. Available from: http://elibrary.ru/download/elibrary_15589769_58697945.pdf (accessed 6.09.2016). (In Russ).

9. Shurupova O. S. Osobennosti metodologii issledovaniya gorodskogo sverhteksta [Peculiarities of the methodology of urban supertext research]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = News of Tula

State University. Humanitarian sciences, 2014, no 2, pp. 295–302. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-metodologii-issledovaniya-gorodskogo-sverhteksta> (accessed 11.07.2017). (In Russ).

10. Joost van Baak. The House in Russian Literature: A Mythopoetic Exploration. Amsterdam; N. Y.: Editions Rodopi, 2009, 526 p.

11. Starygina Natalya N., Pershina Marina A., Mikhееva Inna N., Berezina Olga S., Klyukha Irina K. Dickens' Christmas Story as an Intertexteme in Leskov's Yule Short Story. Review of European Studies, 2015, vol. 7, no. 8, pp. 193–201 (accessed 12.08.2017).

Статья поступила в редакцию 28.08.2017 г.

Submitted 28.08.2017

Для цитирования: Крылова О. С. Концепт «дом» в «петербургском тексте» (по роману Н. С. Лескова «На ножжах») // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 147–152.

Citation for an article: Krylova O. S. The concept of the “house” in the “Petersburg text” (based by N. S. Leskov's novel “On the knives”). *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 147–152.

Крылова Ольга Сергеевна, ответственный секретарь РИЦ, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, o-beryuza@mail.ru

Olga S. Krylova, executive secretary of the editorial and publishing center, Mari State University, Yoshkar-Ola, o-beryuza@mail.ru

УДК 821.161.1

**«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ЦИКЛЕ Н. С. ЛЕСКОВА «ПРАВЕДНИКИ»****И. Н. Михеева***Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола*

Введение. «Петербургский текст» намеренно используется Н. С. Лесковым в раскрытии образов героев-праведников. Писатель берет уже сложившуюся в русской литературе аксиологическую значимость Петербурга. **Целью** данной статьи является исследование функционирования «петербургского текста» русской литературы в цикле «Праведники». **Результаты исследования, обсуждения.** Один из приемов создания образа Петербурга в цикле – изображение псевдодеятельности чиновников, бюрократии. Петербург оказывает влияние на персонажей, становится местом испытания их системы ценностей. В «Праведниках» Н. С. Лесков изображает и персонажей, погубленных «петербургскими обстоятельствами» (левша (сказ «Левша»), Фермор (рассказ «Инженеры-бессребреники»)), и персонажей, имеющих духовный стержень, героев-праведников, которые неподвластны пагубному влиянию (Иван Флягин (повесть «Очарованный странник»), Брянчанинов и Чихачев («Инженеры-бессребреники», солдат Постников (рассказ «На часах»), пигмей (рассказ «Пигмей»), генерал-майор Перский, эконом Бобров, доктор Зеленский, повар Кулаков, отец архимандрит («Кадетский монастырь»)). Внутренняя духовная организация персонажей – это своего рода иммунитет, направленный против влияния окружающего пространства, окружающей среды. Именно целостность натуры героя определяет его устойчивость к влиянию Петербурга. Н. С. Лесков противопоставляет бюрократическому городу живого человека, способного пожертвовать собой ради ближнего, для которого соблюдение заповеди важнее устава. **Заключение.** «Петербургский текст» выполняет в цикле «Праведники» функцию создания условий для проявления ценностно значимых качеств личности героя-праведника. Данная функция реализуется как подверженность / неподверженность влиянию губительного города и как духовного-нравственное испытание.

Ключевые слова: праведники, цикл, «петербургский текст», бюрократия, аксиология, духовно-нравственные испытания.

**“PETERSBURG TEXT” OF RUSSIAN LITERATURE
IN THE LESKOV'S CYCLE “THE RIGHTEOUS MEN”****I. N. Mikheeva***Mari State University, Yoshkar-Ola*

Introduction. “The Petersburg text” was deliberately used By Leskov in the disclosure of images of righteous man. The writer takes already established in the Russian literature of the axiological significance of Petersburg. **The purpose** of this article is to study the functioning of the “Petersburg text» of Russian literature in the cycle “The Righteous Men”. **Results, discussion.** One of the methods of creating the image of Petersburg in the cycle is the image of the activity of officials, bureaucracy. Petersburg has an impact on the characters, becomes a place of testing their value system. In the “Righteous” NS. Leskov depicts the characters who were killed by “Petersburg circumstances” (left-hander (“Lefty”), Fermor (“Engineers-bessrebeniki”)), and characters with a spiritual core, heroes-righteous who are not subject to harmful influence (Ivan Flyagin (“Enchanted Wanderer”), Bryanchaninov and Chikhachev (Engineers-Bessarrenki, soldier Postnikov (“On the Clock”), Pygmy (“Pygmy”), Major-General Persian, economist Bobrov, Dr. Zelensky, cook Kulakov, Father Archimandrite (“The Cadet Monastery”)). The internal spiritual organ The characterization of the characters is a kind of immunity directed against the influence of the surrounding space, the environment, and it is the integrity of the hero's character that determines his resistance to Petersburg's influence of the charter. **Conclusion.** “Petersburg text” performs in the “The Righteous Men” cycle the function of creating conditions for the manifestation of value-significant qualities of the personality of the hero-righteous person. This function is realized as susceptibility / non-adherence to the influence of a destructive city and as a spiritual-moral test.

Key words: Righteous Men, “Petersburg text”, the bureaucracy, axiology, moral and spiritual test.

Введение. Цикл Н. С. Лескова «Праведники» («Однодум» (1879), «Пигмей» (1876), «Кадетский монастырь» (1880), «Русский демократ в Польше» (1880), «Несмертельный Голован» (1880), «Инженеры-бессребреники» (1887), «Левша» (1881), «Очарованный странник» (1873), «Человек на часах» (1887), «Шерамур» (1879)) – это произведение, в центре которого предстает собирательный образ героя-праведника. В предисловии к циклу в воображаемом споре с маловером и скептиком, утверждавшим, что «ни в его, ни в чьей русской душе не видать ничего, кроме дряни»¹ (Предисловие, 4), автор-повествователь решает доказать своему читателю существование праведных, без которых «несть граду стояния» (Предисловие, 4). Специфика образа лесковского праведника в том, что он не каноничен, но, творя добро, следуя евангельским заповедям (порой даже не осознавая этого), проявляя участие и милосердие к живущим рядом, герои-праведники спасают себя и человечество, совершая свой ежедневный, ежечасный подвиг деятельной любви к людям. В раскрытии образа праведника писатель, в том числе, использует уже сформированные к этому времени традиции «петербургского текста» русской литературы [7]. Как отмечал А. В. Кузьмин, «петербургская тема возникла у Лескова отнюдь не спонтанно, писатель сознательно работает с предшествующим Петербургским текстом» [4]. Поэтому особая тема в цикле «Праведники» – воздействие Петербурга на человека. Город своими «петербургскими обстоятельствами» («Воительница») оказывает пагубное влияние на людей, становится местом испытания системы ценностей человека.

Результаты исследования, обсуждения. Один из приемов создания образа Петербурга у Н. С. Лескова – изображение псевдодеятельности чиновников: «<...> для спешной передачи приказаний начальства скакали по всем направлениям «сорок тысяч курьеров», о которых сохранится долговечное воспоминание в комедии Гоголя. Это, разумеется, не было так скоро, как телеграф или телефон, но зато сообщало городу значительное оживление и свидетельствовало о неусыпном бдении начальства» (Человек на часах, 346). Подключая контекст гоголевского «Ревизора», повествователь создает субординационный образ Петербурга (в противовес иерархической модели

мира²) как целостной системы, в которой, с одной стороны, представлена вся социальная лестница, с другой стороны, обозначены морально-нравственные аспекты бюрократической деятельности. Благодаря возникновению интертекстуальных связей в произведении создается емкий образ чиновничьего Петербурга, содержащего готовую (гоголевскую) аксиологическую оценку.

В сказе «Левша» образ этого города создают приставы, городовые, полицейские: «А левшу свалили в квартале на пол и спрашивают: «Кто такой и откуда, и есть ли паспорт или какой другой тугамент»? А он от болезни, от питья и от долгого колтыханья так ослабел, что ни слова не отвечает, а только стонет. Тогда его сейчас обыскали, пестрое платье с него сняли и часы с трепетиром, и деньги обрали, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить» (Левша, 215). Это часть безликой структуры, которая руководствуется не христианскими заповедями, а «тугаментом». Для них грабеж и гибель никому неизвестного человека в пределах нормы. Примечательно, что попадает левша в Петербург ночью, возят его по больницам не прямым путем, а «кривопутками»: «Привезли в одну больницу – не принимают без тугамента, привезли в другую – и там, не принимают, и так в третью, и в четвертую – до самого утра его по всем отдаленным кривопуткам таскали и все пересаживали, так что он весь избился» (Левша, 216). Даже в больницах вместо милосердия левша встречает бюрократическое равнодушие. Больной левша не в силах сопротивляться бездушной структуре, и в простонародной Обухвинской больнице он умирает. Фактически его убивает чиновничий Петербург, поскольку полицейские вместо помощи «везли левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, все роняют, а поднимать станут – ухи рвут, чтобы в память пришел» (Левша, 216). Левша «кончался, потому что у него затылок о парат раскололся» (Левша, 217). Тем не менее, погибая, простой тульский мастер, никогда не дававший ни клятв, ни присяг, думает о своем священном долге отдать жизнь до последней капли Отечеству и государю: «<...> он одно только мог внятно выговорить: «Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят <...>. И с этой верностью левша перекрестился и помер» (Левша, 217). Левша погибает именно в Петербурге, вдалеке от родных

¹ Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. 416 с. Здесь и далее произведения цикла «Праведники» цитируются по данному изданию с указанием названия и страниц в тексте.

² Михеева И. Н. Художественная модель мира в цикле Н. С. Лескова «Праведники»: аксиология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2010. 207 с.

тульских мест. Предшествует этому сильное алкогольное опьянение, в состоянии которого герой особенно уязвим (пьянство – греховное состояние души) и потому не выдерживает испытания, которое ждет его по прибытии в Россию – встречи с чиновничьим Петербургом.

Еще один персонаж лесковского цикла – Иван Северьянович Флягин – в Петербург едет за «карьерой и благополучием». Но, попав в него, герой приходит к мысли о попытке самоубийства, к которому Флягина толкает суетность и бесполезность чиновничьей службы: «Тот покровитель, к которому я насчет карьеры был прислан, в адресный стол справщиком определил <...>. Никакой пользы нет, а сиди на службе; ну, я и вижу, что дело плохо, и стал опять наниматься, по старому обыкновению, в кучера, но никто не берет; говорят: ты благородный офицер <...>. Просто хоть повеситься, но я благодаря бога и с отчаянности до этого себя не допустил <...>» (Очарованный странник, 326–327). Для Ивана Северьяныча неотъемлемой частью понимания службы является ее полезность, нужность людям, однако на чиновничьей должности он этого не находит. Поэтому «карьера и благополучие» («<...> письмо мне полковник к одному большому лицу в Петербург дал. – Ступай, – говорит, – он твою карьеру и благополучие совершит» (Очарованный странник, 326)), за которыми он ехал в Петербург, являются несовместимыми с его жизнью.

В цикле «Праведники» Н. С. Лесков изображает и персонажей, погубленных «петербургскими обстоятельствами», и персонажей, имеющих внутренний духовный стержень, героев-праведников, которые неподвластны пагубному влиянию. В рассказе «На часах», действие которого происходит в Петербурге, обстоятельства вынуждают солдата Постникова сделать нравственный выбор: либо дать погибнуть тонущему человеку (герой находился на часах в караульной будке и не имеет права отлучиться), либо последовать заповеди милосердия и спасти человека, нарушив устав. Герой-праведник спасает утопающего. Для писателя важно, что этому бюрократическому городу противопоставлен живой человек, способный пожертвовать собой ради ближнего, для которого соблюдение заповеди важнее устава. Именно целостность натуры героя определяет его устойчивость к влиянию Петербурга.

Противопоставление цельной натуры и характера, подверженного влиянию, Н. С. Лесков изображает в рассказе «Инженеры-бессребреники». Это одно из немногих произведений цикла, в ко-

тором довольно широко представлено пространство Петербурга, персонажи в нем свободно перемещаются. Анализируя образ Петербурга в произведениях писателя, И. В. Мотеюнайте приходит к выводу о том, что Петербург становится местом испытания лесковских героев, их веры, взглядов, их способности противостоять воздействию Города [7, с. 160]. В «Инженерах-бессребрениках» испытание проходят три персонажа – Брянчанинов, Чихачев и Н. Фермор. Поскольку характеры первых двух персонажей повествователь определяет как «врожденные», они не испытывают на себе воздействие Петербурга, напротив, они способны организовать время и пространство согласно своим интересам: «Каждый день они вставали очень рано и шли пешком в Невскую лавру, где выслушивали раннюю обедню» (Инженеры-бессребреники, 142); «Помолившись за раннюю обедню и напившись чаю у Виктора, друзья шли в свое инженерное училище, в офицерские классы, где оставались положенное время, а потом уходили домой, скромно трапезовали и все остальное время дня проводили за учебными занятиями, а покончив с ними, читали богословские и религиозные книги <...>» (Инженеры-бессребреники, 142). В отличие от Брянчанинова и Чихачева движение Н. Фермора по Петербургу либо бесцельно, либо подчинено чужой воле. Так, Николай сначала по требованию доктора Мандта приходит к нему на квартиру, затем, гуляя по городу, случайно встречает императора, после чего «произошла перемена, которая дала делу новое направление»: его отправляют к новому врачу, тот, в свою очередь, в больницу для душевно больных «на седьмую версту», а затем и в берлинскую клинику. Таким образом, внутренняя духовная организация персонажей – это своего рода иммунитет, направленный против влияния окружающего пространства, окружающей среды.

Помещая своих героев-праведников в разные условия (в том числе пространственные), Н. С. Лесков подчеркивает контрастность этих хронотопов. Так в рассказе «Однодум» действие происходит в маленьком уездном городе Солигаличе, где героя ставят городничим, то есть уже не он исполняет волю чиновников, а сам устанавливает порядок в городе, следуя библейским заповедям. В отличие от «Однодума», в рассказе «Пигмей» действие происходит не в уездном городе, а в столичном Петербурге. И должность главного героя уже не городничий, а обычный чиновник, служащий «в Петербурге в ведомстве с.-петербургской полиции и на самом ничтожном месте» (Пигмей, 34).

Выбор Н. С. Лесковым данного пространства не случаен, автор показывает становление личности героя не только в приближенных к идеальным условиям (природа, уединенный путь, заветное место под дубом), как это было с Однодумом, но и в самых невыгодных условиях: Петербург, полицейское ведомство, исполнение публичных телесных наказаний. Каждый из перечисленных хронотопов является знаковым. Повествователь сам обращает внимание слушателей на то, что Пигмей совершил благородный поступок, «живучи здесь в Петербурге» (Пигмей, 34). Благородство контрастирует с фоном этого города, поскольку «свобода петербургских нравов и разврат – устойчивые приметы Петербурга в сознании Лескова» [7, с. 161].

Лесковские праведники, чтобы противостоять пагубному влиянию Петербурга, способны организовывать внутри него некое сакральное пространство, защищая последнее от влияния извне. Например, в рассказе «Кадетский монастырь» это Первый петербургский кадетский корпус. Четкие границы и их соблюдение связаны с построением иерархической (от «иерархия» – «священновластие») модели мира в конкретном пространстве. Отгораживаясь от внешнего, герои-праведники тщательно оберегают созданный ими идиллический мир. Вместе с тем, как и в Солигаличе («Однодум»), физическая замкнутость пространства кадетского корпуса благодаря праведникам преодолевается духовно.

Кульминационная точка рассказа «Кадетский монастырь» – восстание на Сенатской площади. С этого момента Петербург активно вторгается в гармоничный мир кадетского монастыря. Размеренная идиллическая жизнь корпуса всколыхнулась вместе с трагическими событиями Декабристского восстания, после чего директором всех кадетских корпусов был назначен Н. И. Демидов – типичный представитель чиновничьего Петербурга, привносящий своим появлением испытания для всех жителей «кадетского монастыря». Новые обстоятельства потребовали от всех обитателей корпуса проявления особого мужества и героизма. Тем не менее для автора важно, что внутренний климат теплоты и участия, созданный и поддерживаемый его «праведниками», остается неизменным. Духовные ценности, воспитываемые героями-праведниками на всю жизнь остались в душах их подопечных. Благодаря этому попытка разрушить идиллию кадетского монастыря, как и сама чиновничья структура, формальна, она не может затронуть глубинных духовных основ, которые праведники взрастили в душах своих воспитанников.

Заключение. «Петербургский текст» в цикле Н. С. Лескова «Праведники» наследует традиции создания образа Петербурга в русской литературе с его сложившейся аксиологической оценкой. Основным приемом создания данного образа в исследуемом цикле является изображение псевдодеятельности чиновников, бюрократии. Отношения герой-праведник – Петербург представлены в трех ключах: город либо оказывает пагубное влияние на героев-праведников (результатом может быть гибель героя, порождение идеи самоубийства), либо становится местом их духовно-нравственного испытания (следствием чего является духовный рост персонажа), либо вовсе не может существенно влиять на личность героя-праведника. Степень влияния Петербурга на человека предопределяется целостностью его натуры, его духовно-нравственной зрелостью. Деятельная любовь к ближним является способом самосохранения лесковских праведников и способом преумножения духовных ценностей человека.

Литература

1. Гудкова С. П. Феномен праведничества в осмыслении отечественного литературоведения и критики // *Дневник науки*. 2017. № 8 (8). С. 9.
2. Жаднова Е. Н. Современные подходы к изучению проблемы петербургского текста русской литературы // *Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2013. № 4. С. 70–74.
3. Ильинская Т. Б. Петербургские мотивы в творчестве Н. С. Лескова // *Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании II Международная научно-техническая и научно-методическая конференция*. 2013. С. 1102–1107.
4. Кузьмин А. В. Петербург в творчестве Н. С. Лескова // *Мир русского слова*. 2003. № 1 (14). С. 69–74.
5. Клюкина Л. А. Понятие «петербургский текст» в контексте структурно-семиотического подхода // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10-3 (50). С. 83–87.
6. Малинов А. В. Петербургский текст и контекст русской философии // *Соловьевские исследования*. 2015. № 2 (46). С. 6–8.
7. Мотеюнайте И. В. Образ Петербурга в творчестве Н. С. Лескова (на материале хроник «Захудалый род», «Соборяне» и повести «Островитяне») // *Новое о Лескове: межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 2. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н. К. Крупской, 2006. С. 153–161.
8. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.
9. Шурупова О. С. Особенности реализации ключевых концептов «петербургского текста» русской литературы // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки*. 2014. № 1. С. 72–77.

10. Швецова Т. В. Поступок героя-праведника в цикле Н. С. Лескова // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1 (31). С. 230–234.

References

1. Gudkova S. P. Fenomen pravednichestva v osmyslenii otechestvennogo literaturovedeniya i kritiki [The Phenomenon of Righteousness in Comprehension of Russian Literary Studies and Criticism]. *Dnevnik nauki* = Diary of Science, 2017, no. 8 (8), p. 9. (In Russ)

2. Zhadnova E. N. Sovremennye podkhody k izucheniyu problemy peterburgskogo teksta russkoi literatury [Modern Approaches to the Study of the Problem of the “Petersburg Text” of Russian Literature]. *Izvestiya saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: filologiya. Zhurnalistika* = Izvestiya Saratovskogo Universiteta. New episode. Series: philology. Journalism, 2013, no. 4, pp. 70–74. (In Russ)

3. Il'inskaya T. B. Peterburgskie motivy v tvorchestve N. S. Leskova [Petersburg motives in the creative work of Leskov]. *Aktual'nye problemy infotelekkommunikatsii v nauke i obrazovanii II Mezhdunarodnaya nauchno-tehnicheskaya i nauchno-metodicheskaya konferentsiya* = Actual problems of information telecommunications in science and education. II International scientific-technical and scientific-methodical conference, 2013, pp. 1102–1107. (In Russ)

4. Kuz'min A. V. Peterburg v tvorchestve N. S. Leskova [Petersburg in the work of N. S. Leskov]. *Mir russkogo slova* = The world of the Russian word, 2003, no. 1 (14), pp. 69–74. (In Russ)

5. Klyukina L. A. Ponyatie «peterburgskii tekst» v kontekste strukturno-semioticheskogo podkhoda [The notion of “Petersburg text” in the context of the structural-semiotic approach]. *Istoricheskie, fi-losofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 2015, no. 10-3 (50), pp. 83–87.

6. Malinov A. V. Peterburgskii tekst i kontekst russkoi filosofii [The “Petersburg Text” and the Context of Russian Philosophy]. *Solov'evskie issledovaniya* = Solov'evskii issledovaniya, 2015, no. 2 (46), pp. 6–8. (In Russ)

7. Moteyunaite I. V. Obraz Peterburga v tvorchestve N. S. Leskova (na materiale khronik «Zakhudalyi rod», «Soboryane» i povesti «Ostrovityane») [The image of Petersburg in the works of N. S. Leskov (on the material of the chronicles “The Mean Genus”, “Soboryane” and the story “The Islanders”)]. *Novoe o Leskove: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 2* = New about Leskov: intercollegiate collection of scientific works. Issue 2, Yoshkar-Ola: MGPI im. N. K. Krupskoi, 2006, pp. 153–161. (In Russ)

8. Toporov V. N. Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoi literatury» [Petersburg and “Petersburg text of Russian literature”]. *Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* = Toporov V. N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites, Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995, pp. 259–367. (In Russ)

9. Shurupova O. S. Osobennosti realizatsii klyuchevykh kontseptov «peterburgskogo teksta» russkoi literatury [Features of the implementation of key concepts of the “Petersburg text” of Russian literature]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki* = Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art History. Philological Sciences, 2014, no. 1, pp. 72–77. (In Russ)

10. Shvetsova T. V. Postupok geroya-pravednika v tsikle N. S. Leskova [The act of the hero-righteous in the cycle N. S. Leskov]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Bryansk State University, 2017, no. 1 (31), pp. 230–234. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 11.09.2017 г.

Submitted 11.09.2017.

Для цитирования: Михеева И. Н. «Петербургский текст» русской литературы в цикле Н. С. Лескова «Праведники» // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 153–157.

Citation for an article: Mikheeva I. N. “Petersburg text” of Russian literature in the Leskov's cycle “The Righteous Men”. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 153–157.

Михеева Инна Николаевна, кандидат филологических наук, начальник отдела аспирантуры и докторантуры, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, asp_doc@marsu.ru

Inna N. Mikheeva, Ph. D. (Philology), chief of department graduate and doctoral studies, Mari State University, Yoshkar-Ola, asp_doc@marsu.ru

УДК 821.161.1

ОБРАЗ ЛЮДЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. КУПРИНА

И. Г. Чеснокова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Рассмотрена проблема народности в русской литературе, в частности, в творчестве русского писателя конца XIX – начала XX века А. И. Куприна. Народность жизненной и творческой позиции писателя справедливо расценивается как ведущая сила его таланта. Цель данной статьи – доказать, что народную психологию А. Куприн исследует в разной социальной действительности: в армейской среде, в крестьянской среде. В связи с этим анализируются произведения писателя об армейской жизни: рассказы «Ночная смена», «Дознание», повесть «Поединок». Отмечается жестокость армейской среды, бесчеловечное отношение к солдатам. Анализируются образы солдата Меркулова и солдата Замосшникова из рассказа «Ночная смена». Даются комментарии об авторской симпатии к простым людям. Вторая часть статьи посвящена анализу произведений А. Куприна о крестьянстве. Особенно подробно анализируется Полесский цикл автора, куда вошли рассказы «Лесная глушь», «На глухарей» и повесть «Олеся». Крестьянство А. Куприным показано с отрицательной стороны, отмечается забитость, невежество, лень, пьянство крестьян. Наиболее ярко Куприным выписаны образы Кирилы и Талимона из рассказа «Лесная глушь» и образ Ярмолы из повести «Олеся». Характерные черты образов иллюстрируются примерами из текстов рассказов и повести. Кроме того, отмечено, что образы Кирилы, Талимона, Ярмолы не являются исключением, а, наоборот, подчеркивается их связь с остальным деревенским миром. В заключение делается вывод о том, что творчество Куприна было всегда связано с жизнью простого народа, и народные характеры всегда показаны в контексте социальной действительности.

Ключевые слова: народ, проблема народности, традиции Л. Н. Толстого, социальный конфликт, рассказ, повесть, психология человека, душевная двойственность, типы солдат, типы крестьян.

THE IMAGE OF PEOPLE IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL VALIDITY IN A. I. KUPRIN'S CREATIVITY

I. G. Chesnokova

Mari State University, Yoshkar-Ola

The problem of a nationality (national character) in the Russian literature, in particular, in creativity of the Russian writer of the end XIX – the beginnings of XX centuries – A. I. Kuprin is considered. The nationality (national character) of a vital and creative position of the writer is fairly regarded as conducting force of his talent. The purpose of given article is to prove, that A. Kuprin's national psychology investigates in the different social validity: in the army environment, in the country environment. In this connection works of the writer about army life are analyzed: stories "Night shift", "Inquiry", the story "Duel". Cruelty of the army environment, the brutal attitude to soldiers are marked. Images of soldier Merkulov and of soldier Zamoshnikov from the story "Night shift" are analyzed. Comments on author's sympathy to simple people are given. The second part of article is devoted to the analysis of works of A. Kuprin about peasantry. Particularly detailed analysis of the author's Polesky cycle is, which included stories "Forest wilderness", "On wood grouse" and the story "Olesya". The peasantry of A. Kuprin is shown from the negative side, commotion, ignorance, laziness, drunkenness of the peasants. Most vividly Kuprin wrote out the images of Cyril and Talimon from the story "Forest Wilderness" and the image of Yarmola from the story "Olesya". The characteristic features of the images are illustrated by examples from the texts of stories and novels. In addition, it is noted that the images of Cyril, Talimon, Yarmola are no exception, but, on the contrary, their connection with the rest of the village world is emphasized. In conclusion, the article concludes that Kuprin's work was always connected with the life of the common people, and people's characters are always shown in the context of social reality.

Key words: people, problem of a nationality, traditions by L. N. Tolstoy, the social conflict, the story, the tale, psychology of the person, emotional duality, types of soldiers, types of peasants.

Русская классическая литература всегда об-
ладала высочайшим нравственным потенциа-

лом, главными составными элементами кото-
рого были ответственность за судьбы народа

и одновременно приобщение к правде народного бытия.

«В эстетике русского реализма проблема народности была стержневой, так как непосредственно совмещалась с проблемой национальной самобытности русской жизни и ее исторических перспектив. Она была не только важнейшей, но и специфичнейшей проблемой русской литературно-общественной мысли XIX века, проблемой Запада и Востока. Специфичнейшей в том смысле, что в одной из западноевропейских литератур она такой значимостью тогда не обладала. Ее решение Пушкиным, Гоголем, славянофилами, революционными демократами, Тургеневым, Толстым, Достоевским было, как известно, далеко не однородно, а иногда и прямо противоположно, но имело своим общим основанием приобщение народного начала к субстанциональным началам русской жизни, ее настоящего, прошлого и будущего» [3, с. 195].

Народность жизненной и творческой позиции художника еще со времен В. Г. Белинского справедливо расценивалась как ведущая сила их таланта. На этом пути русское словесное искусство достигло крупных завоеваний. Основопологающими были открытия А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого. «Мысль народная», если пользоваться определением автора «Войны и мира», как бы укрупнившим знаменитую ремарку из «Бориса Годунова» «народ безмолствует», дала единственно верные ориентиры для постижения личности, общества, государства, истории.

Куприн, безусловно, близок к Л. Толстому, А. Чехову в представлениях о природных потенциях народа. Писатель начала XX века понимал и принимал трезвые взгляды своих великих предшественников, но все-таки по-своему объяснял катастрофическое состояние русского мужика.

Об изображении народа в творчестве А. И. Куприна даны общие замечания в монографиях А. А. Волкова¹, Ф. И. Кулешова [2]. Если раньше литературоведы исследовали тему народа только в социальном аспекте, но нас она интересует не только в социальном аспекте, но и в психологическом, а именно, как среда формирует определенный психологический народный тип.

А. И. Куприн исследует народную психологию в сложных, в частности армейских, условиях. Куприн не был на театре военных действий. В интервью в мае 1915 года Куприн сказал: «Писать военные рассказы я не считаю возможным, не побывав на позициях... поправлюсь и тогда поеду корреспондентом. Я уверен, что это даст мне мно-

гое...»². В другом интервью тоже в мае 1915 года Куприн сообщил: «Сейчас я только впитываю в себя самый дух войны, поражаюсь стойкостью наших солдатиков, но писать думаю о войне не раньше ее окончания, когда будут подведены итоги»³.

Не участвовал Куприн в русско-японской войне, о чем потом глубоко сожалел. Об этом свидетельствует его письмо к Ф. Д. Батюшкову от 6 марта 1909 года: «... Очень может быть, что завяжется война. Я не хочу ее прозевать, как прозевал японскую. Тогда я слишком поздно спохватился... Теперь же всеми силами уцеплюсь за случай поехать корреспондентом. Каждый человек, по чьему-то замечательному выражению, должен испытать славу, любовь и войну»⁴. Если не в жизни, то в творчестве Куприн пережил страшную власть военной машины. В его произведениях можно увидеть разных людей из народа. Выходцами из народных низов являются и солдаты, изображенные в рассказах А. Куприна.

Достаточно вспомнить рядового Меркулова из рассказа «Ночная смена». В этом произведении все солдаты разделены на три типа: покорных, начальствующих, отчаянных. Меркулов – «покорный». «Лицо у него шершавое, серое, в один тон с шинелью, с оттенком грязной бледности, которую придает простым лицам воздух казарм, тюрем, госпиталей»⁵. Несмотря на подобную непривлекательность, Меркулов – честный, порядочный, ответственный солдат. Он «известен за солдата серьезного и обстоятельного: в одежде наблюдает опрятность; сквернословит сравнительно мало...» [4, с. 382]. Меркулов слышит в армии за хорошего сапожника: «... в свободное время медленно и добросовестно тачает сапоги, – не более пары в месяц, но зато какие сапоги! – огромные, тяжеловесные, не знающие износа – меркуловские сапоги!» [4, с. 383]. Трудно Меркулову приходится в армии: вечно полуголодный, недосыпающий, замученный наказаниями. Но он все же сохранил нравственную красоту и чистоту.

Основная масса русской армии – это прежде всего крестьяне, одетые в шинели. Эту «мужицкую природу» хорошо показал Куприн. Меркулов оставил молодую жену, родителей. Дума о них приносит самые мучительные страдания этому человеку. В форме сна героя Куприн показывает прошлое Меркулова. Солдату грезится родная деревня,

² А. И. Куприн о литературе. Мн., 1969. С. 333.

³ Там же. С. 334.

⁴ Там же. С. 331.

⁵ Куприн А. И. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. лит., 1970–1973. Т. 2. С. 383.

¹ Волков А. Творчество А. И. Куприна. М.: Худ. лит., 1981.

«старый, весь усеянный «гречкой» мерин..., вдалеке на ясном небе стройно и четко рисуется колокольня церкви..., сейчас же рядом с церковью и меркуловский огород» [4, с. 397]. И вдруг сон-воспоминание прерывается грубым окриком фельдфебеля, затем следует внеочередной наряд за то, что заснул. Во время дежурства различные чувства овладевают Лукой Меркуловым: ненависть, злоба против тех, кто испортил ему жизнь. Он не знает, кто это, но со сжатыми кулаками говорит: «У-у, дьяволы!.. Погодите уж-тко!» [4, с. 402].

Не менее интересен и другой тип солдата – «отчаянного». Этот тип воплощен в образе солдата Замошникова. «Старый солдат Замошников – маленький, худой, подвижный солдатик, общий любимец, запевала и добровольный увеселитель» [4, с. 383]. Замошников обладает даром рассказчика, актера. Его речь пересыпана пословицами и поговорками. Несмотря на все тяготы армейской жизни, у него осталась доля оптимизма, вера в свои силы, юмор, который позволяет поддерживать товарищей в трудные минуты. Он – мудр и смекалист. В шуточной форме герой Куприна рассказывает о грустной армейской жизни: «По списку солдат целая тыща. Сто человек в лазарете валяется, сто по кабакам мотается, да сто в бегах обретаются. Пятьдесят под забором лежат, пятьдесят под арестом сидят... Двести по миру пошли побираться, а другие и совсем никуда не годятся. Не стрижены, не бриты, морды у них не умыты, под глазами синяки подбиты. Целый год ничего не ели, не пили, а только все по девкам ходили» [4, с. 391].

В различных типах солдат у Куприна уловлены национальные, социальные и индивидуальные черты. В тяжелое для русского народа время в его среде формируется тип солдата – весельчака, юмориста, в характере которого выразились национальные особенности: сила духа, вера в лучшее, юмор.

Куприн рисует армию как механическое соединение двух несоединимых частей: солдат и офицеров. Именно здесь писатель и показывает принцип отражения непреодолимых социальных противоречий. Кроме того, в позиции автора передается чувство нравственной ответственности за приниженный народ. В обрисовке офицерского состава Куприн дает резко обличительные характеристики, рисуя эгоизм, бездушие, грубость, жестокость «чинов» по отношению к солдатам. Именно этим материалом интересны: «Ночная смена», где дан образ Ноги Евдокима Ивановича, «Поход», где дан образ штабс-капитана Скибина, «Дознание», где нарисована ужасная сцена наказания шомпо-

лами солдат, повесть «Поединок» – страшнейшее обобщение нравственного падения офицеров.

А. Куприн раскрывает полный разрыв между потребностями жизни и возможностями людей. Абсолютно отсутствует у офицеров и солдат по разным причинам навык мыслить, чувствовать. Нередки в армии случаи самоубийства. Главный герой повести «Поединок» Ромашов становится свидетелем отчаяния солдата Хлебникова, которого спасает чуть ли не из-под колес поезда. Да и «...не было года, чтобы в N-ском полку не застрелился кто-нибудь из офицеров»¹. Куприн показал постепенную гибель и солдат, и офицеров, разную по истокам, но одинаковую по трагизму.

Очень часто в произведениях Куприна среди солдат фигурируют люди нерусской национальности: татары, осетины и другие. В рассказе «Дознание» = это Байгузин, в повести «Поединок» – черемис Гайнан. Им вдвойне тяжелее служилось в армии, чем другим. Незнание языка образовывало стену непонимания между ними и всеми остальными. «Чужакам» вменялась в обязанность самая тяжелая работа, больше, чем другие, они терпели наказания.

В рассказе «Дознание», написанном в 1894 году, показана сцена экзекуции несчастного солдата, прогнанного за какой-то проступок через строй. Автор подробно не описывает экзекуцию, потому что его интересует психологическое состояние и солдата, и офицера. Солдат Байгузин – татарин по национальности – не понимает, что от него хотят, он не осознает, что творится вокруг, и только когда первый хлыст падает на спину, «...слабо, точно удивленно, вскрикивает»². Офицеру Козловскому стыдно, больно за армейские порядки, за бессмысленные муки Байгузина. Потрясение Козловского доходит до нервного припадка.

Куприн исследует народную психологию и в деревенских условиях. Образы крестьян даны во многих произведениях А. Куприна: рассказах: «Лесная глушь» (1898), «На глухарей» (1898), «Болото» (1902), повести «Олеся» (1898) и многих других.

В рассказе «Лесная глушь» Куприна интересуют два, совершенно противоположных типа крестьян: сотский Кирила и полесовщик Талимон. В портрете Кирилы автор подчеркивает желтое лицо, впалые щеки, плохо выбритый острый подбородок. Кирила подобоострастен к начальству, жесток, любит власть.

Талимон – человек совершенно другого склада. Он – плохой хозяин, у него самая бедная хата в селе.

¹ Куприн А. И. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. лит., 1970–1973. Т. 2.

² Там же.

Он – очень скромный, застенчивый, уступчивый. Образ его жизни прост и естествен: большую часть времени он проводит на природе, владеет мастерством охотника, любит лес, зверей, ценит выразительное слово. Автор симпатизирует больше Талимону, нежели Кириле, так как Талимон не совсем испорчен цивилизацией, а вот Кирила выбрал в себя пороки мира цивилизации.

Талимона интересовал яркий земной мир, живущий по своим извечно гармоничным законам, но он вынужден подчиняться сложившимся устоям при все своем отвращении к ним. Эта постылая необходимость накладывает мрачный отпечаток на внутренний облик полесского крестьянина. Усилению такого мотива служит структура купринского произведения. Куприн воплощает целый «кусочек» жизни, а в нем разные типы испорченных дурной цивилизацией людей. Отсюда – снижение темы, самих образов, возникновение атмосферы отчуждения человека от своего окружения, всеобщего душевного измельчания, равнодушия к страданиям даже близких. Куприн вводит других персонажей, чтобы сильнее отделить утрату добрых патриархальных устоев под тлетворным влиянием города.

Талимон в меньшей степени, чем Кирила, но все же по-своему испорчен. Он в некотором роде босяк, оторвался от своей среды, а главное, давно смирился с жестокими порядками, во многом повторяет чужие ошибки. Между Кирилом, Талимоном и Александром завязывается разговор о женщинах. Звучат грубые слова жестоких и темных людей. Александра понять можно: его жена неверна ему. Но Талимон, которому жена ни разу не изменила, тем не менее привычно произносит: «Батога ей треба!»¹. А сотский Кирила согласно добавляет: «Як бабу больше бьешь, то борщ вкуснее»². С удовлетворением они вспоминают Семена Башмура, который просто – на просто задушил спутницу своей жизни. Этот факт натолкнул Александра сделать тоже самое.

В рассказе «На глухарей» дан образ казенного лесника Трофима, в повести «Олеся» – крестьянина Ярмола, который является соседом и спутником главного действующего лица Ивана Тимофеевича в их лесных походах. Трофим и Ярмола обладают острой наблюдательностью, они прекрасно знают лес, охотно и покровительственно делятся накопленным опытом со своими господами. Простые, неграмотные мужики обладают редким пониманием законов природы, но к повседневному

сельскому труду они равнодушны, к другим занятиям и умениям неспособны.

Ярмола в «Олесе» поражает Ивана Тимофеевича своим невежеством, темными предрассудками, замкнутостью, поэтому трудно складывается их общение. Знание леса, охотничье мастерство оказывается единственным преимуществом этого человека.

Ярмола хочет выучиться грамоте, чтоб за всю деревню расписываться, но учеба идет до смешного туго. Рассказчика удивляет, что «Ярмола, знавший в совершенстве каждую тропинку своего леса, чуть ли не каждое дерево, умевший ориентироваться в каком угодно месте... – этот самый Ярмола никак не мог представить себе, почему, например, буквы «м» и «а» вместе составляют «ма»³. Кроме того, Ярмола – самый бедный и ленивый мужик во всем Переброе, жалованье свое он пропивает; у него самые плохие воли в окрестности.

Куприн всемерно подчеркивает связи Ярмолы с полесским и мужиками. Вовсе не индивидуальными особенностями Ярмолы или другого какого-нибудь человека объясняются в повести низкие возможности крестьянской массы. Она несет в себе печальный груз рабского положения. Крестьяне села Переброе отличались особенной необщительностью, пытались целовать руки и сапоги барину Ивану Тимофеевичу и не понимали самые простые вопросы. Автор подчеркивает самую отвратительную черту темной деревни: пьянство: «В праздник святой Троицы весь народ был пьяный. Трезвых не было ни одного человека» [7, с. 368]. Еще в «Лесной глуши» Куприн назвал крестьян «ненавистной толпой». Такими же они выглядят и в повести «Олеся». Именно эта темная и озлобленная толпа решает судьбу ни в чем неповинных перед ней женщин: Мануйлихи и Олеси.

У Куприна среди жителей полесской деревни нет ни одной яркой личности, хотя природную одаренность Ярмолы автор не затеняет. Но мрачный жизненный опыт, сложившиеся еще в рабстве нормы поведения разобщенной массы, утвердившиеся в быту предрассудки – все это не дает развиваться светлым началам психологии и жизни. Перед нами в повести душевно бедные создания, бессознательно губящие удивительную девушку Олеся.

Для Куприна причина измельчания, нравственного падения, озлобления, отчуждения крестьян – всеобщая и объективная, лежащая в рабском труде, притеснении народа, поэтому Куприн уповает не на пример чистых душой людей, а на перестройку самих общественных порядков, отношений. Куприну

¹ Куприн А. И. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. лит., 1970–1973. Т. 2.

² Там же.

³ Там же.

важно передать упадок светлого начала, добра, красоты, хотя в душе обделенного мужика Куприн больше освещает социальные истоки этого явления.

Таким образом, творчество Куприна всегда было тесно связано с жизнью простого народа и своими корнями уходившее в самую толщу народного бытия. Простой солдат, крестьянин, рабочий Куприным был показан всегда в контексте социальной действительности.

Литература

1. Кондрашова И. В. Вопросы художественной трансформации идей в произведениях А. И. Куприна конца XIX – начала XX веков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусство. 2008. № 6. С. 159–163.
2. Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна. 1883–1907. Минск: Изд-во БГУ, 1983.
3. Куприянова Е. Н. Национальное своеобразие и мировое значение русского классического реализма // Мировое значение русской литературы XIX века. М., 1987.
4. Ташлыков С. А. Куприн: пространство и герой в прозе 1900-х годов // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 44–51.
5. Ташлыков С. А. Поэтика малых форм. Иркутск, 2014.
6. Чеснокова И. Г. Судьбы «маленького» человека в произведениях А. П. Чехова и А. И. Куприна // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 227–230.
7. Чеснокова И. Г. Ищущая личность в повести А. Куприна «Поединок» // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 3. С. 95–97.
8. Чеснокова И. Г. Социальное и природное в творчестве А. И. Куприна // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 4. С. 102–106.
9. Чеснокова И. Г. Личность могучего чувства в произведении А. И. Куприна «Гранатовый браслет» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4. Ч. 2. Тамбов. Грамота. С. 46–48.
10. Щедринова О. Н. Своеобразие концептуального психологизма в творчестве А. Куприна // Родная словесность в современном культурном образовательном пространстве: сб. научных трудов по материалам международной научной конф. «Родная словесность в вузе и в школе». Тверской гос. университет. 2010. С. 133–143. (Серия «Родная словесность в школе»).

References

1. Kondrashova A. I. Voprosy khudozhestvennoy transformatsii idey v tvorchestve A. I. Kuprina kontsa XIX – nachala XX veka

[Questions of artistic transformation of ideas in the works of A. I. Kuprin at the end of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvo* = Herald of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art, 2008, 6, pp. 159–163. (In Russ).

2. Kuleshov F. I. Tvorcheskiy put' A. I. Kuprina 1883–1907 [The creative path of A. I. Kuprin. 1883–1907]. Minsk, Publishing house of BSU, 1983. (In Russ).

3. Kupeyanova E. N. Natsionalnoye svoeobrazie i mirovoye znachenie russkogo klassicheskogo realizma [National identity and the world significance of Russian classical realism]. *Mirovoye znachenie russkoy literatury XIX veka* = World significance of Russian literature of the nineteenth century, Moscow, 1987 (In Russ).

4. Tashlykov S. A. Kuprin: prorstanstvo i geroy v prose 1900-x godov [Kuprin: space and the hero in the prose of the 1900s]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian philological magazine, 2011, 2, pp. 44–51. (In Russ).

5. Tashlykov S. A. Poetika mal'kh form [Poetics of small forms]. Irkutsk, 2014. (In Russ).

6. Chesnokova I. G. Sudby malen'kogo cheloveka v proizvedeniyakh Chekhova i Kuprina [Fates of the "Little" Man in the Works of A. P. Chekhov and A. I. Kuprin]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Herald of the Chuvash University the Bulletin of the Chuvash university, 2013, no. 2, pp. 227–230. (In Russ).

7. Chesnokova I. G. Ischschaya lichnost' v povesti A. I. Kuprina «Poedinok» [Searching for a personality in the novel by A. Kuprin "Duel"]. *Vestnik Marийского государственного университета* = Vestnik of the Mari State University, 2015, no. 3, pp. 95–97 (In Russ).

8. Chesnokova I. G. Sotsialnoye i prirodnoye v tvorchestve A. I. Kuprina [Social and natural in the work of A. I. Kuprin]. *Vestnik Marийского государственного университета* = Vestnik of the Mari State University, 2016, no. 4, pp. 102–106. (In Russ).

9. Chesnokova I. G. Lichnost' moguchego chuvstva v proizvedeniyakh A. I. Kuprina [Personality of a powerful feeling in the work of A. I. Kuprin "Garnet Bracelet"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of theory and practice, 2017, no. 4, Tambov, The letter, pp. 46–48. (In Russ).

10. Tshchedrinova O. N. Svoyeobraziye kontseptual'nogo psikhologizma v tvorchestve A. I. Kuprina [The peculiarity of conceptual psychologism in the work of A. Kuprin]. *Rodnaya slovesnost' v sovremenom kul'turnom obrazovatel'nom prostranstve: sb. nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konf. «Rodnaya slovesnost' v vuze i v shkole»* = Native literature in the modern cultural educational space: sat. scientific. works on the materials of the international scientific conference. "Native literature in high school and in school", Tver. State University, 2010, pp. 133–143. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 15.07.2017 г.

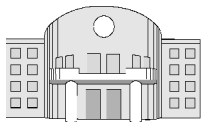
Submitted 15.07.2017.

Для цитирования: Чеснокова И. Г. The image of people in the context of the social validity in creativity of A. I. Kuprin // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 158–162.

Citation for an article: Chesnokova I. G. The image of people in the context of the social validity in creativity of A. I. Kuprin. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 158–162.

Чеснокова Инна Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, innacheshnokova@yandex.ru

Inna G. Chesnokova, Ph. D. (Philology), associate professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, innacheshnokova@yandex.ru

ХРОНИКА

CHRONICLE

УДК 378.4(470.344)

VII АРСЕНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

VII ARSENTYEV READINGS AND RUSSIAN SOCIETY FOR INTELLECTUAL HISTORY

В 2017 году прошло десять лет со дня смерти выдающего педагога и организатора образования, проректора Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (ЧГУ) профессора Анны Васильевны Арсентьевой (1954–2007). Эта мемориальная дата совпала с празднованием 50-летия со дня образования ЧГУ. К этим памятным дням было приурочено проведение в ЧГУ VII Арсентьевских чтений. Научные конференции, получившие название «Арсентьевские чтения», являются важной коммеморативной практикой ученых Чувашии по сохранению памяти об А. В. Арсентьевой. Впервые чтения состоялись в октябре 2008 года и были посвящены теме формирования единого пространства образования и науки в российской высшей школе. С этого времени конференции проводились ежегодно и всегда были связаны с проблемами образования. В 2017 году чтения были посвящены проблематике университетологии и назывались «Парадигмы университетской истории: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова». Университетология – это междисциплинарное направление современного социогуманитарного знания, интегрирующее различные научные школы, к объектам изучения которых относится Университет.

Эта проблематика получила широкий отклик специалистов разного профиля из многих городов России и семи зарубежных государств.

Значительная часть организаторов и участников Арсентьевских чтений является членами Российского общества интеллектуальной истории (РОИИ), отделения которого созданы в вузах Казани, Чебоксар и Йошкар-Олы¹. На пленарном заседании чтений прозвучал доклад руководителя Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, член-корреспондента РАН Л. П. Репиной на тему «Истории университетов как феномен мемориальной культуры». Л. П. Репина выделяет различные исследовательские модели в университетологии: исследование институциональной модели университета как целого; изучение роли университетов в истории образования, в преподавании или научных исследованиях. Новая модель культурно-антропологической перспективы делает акцент на повседневной жизни университетов; изучении университетских традиций; осмыслении «университетского пространства». В этом плане была интересна подаренное всем

¹ Новик В. М., Рокина Г. В. Проектная деятельность Российского общества интеллектуальной истории // Запад – Восток. 2015. № 8. С. 130–132.

участникам конференции юбилейное издание «Полвека на ниве образования: к 50-летию ЧГУ имени И. Н. Ульянова» (Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2017. 367 с.). Эта монография, подготовленная авторским коллективом ЧГУ, является примером юбилейной университетской истории, «образы которой несут в себе знания о прошлом и воплощают ценности и смыслы культуры в конструктивных формах памяти, призванных обеспечить возможность эффективной социальной практики в настоящем в пользу желаемого будущего»¹.

Традиционно в чтениях принимали участие члены Йошкар-Олинского отделения РОИИ – те, кто помнит и чтит память коллеги по университетскому образованию (профессора Ю. С. Обидина, Г. В. Рокина)². Конференция показала, что память о чувашском ученом, выдающемся педагоге консолидирует

университетское сообщество и объединяет потенциал ученых, научные интересы которых связаны с вопросами изучения истории университетских и академических сообществ. Особой была и творческая атмосфера конференции, она стала реальной научной площадкой для обмена мнениями ученых, информационным каналом для преподавателей различных вузов России, возможностью обсудить насущные проблемы современного Университета. Благодаря усилиям и организаторским талантам членов Чувашского отделения РОИИ, российское университетское сообщество интеллектуалов, получило возможность очередной творческой встречи в Чебоксарах в стенах ЧГУ для обмена результатами научных исследований, новыми идеями и издательскими проектами.

Г. В. Рокина,

*доктор исторических наук, профессор,
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола*

¹ Репина Л. П. История университетов как феномен мемориальной культуры // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова). VII Арсентьевские чтения / ред.: О. Н. Широков, Т. Н. Иванова, Н. Н. Агеева, М. Н. Краснова. Чебоксары, 2017. С. 16.

² Рокина Г. В. Роль университетов в становлении отечественной славистики // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова). VII Арсентьевские чтения / ред.: О. Н. Широков, Т. Н. Иванова, Н. Н. Агеева, М. Н. Краснова. 2017. С. 192–196.

УДК 378.4(470.343)

**«ДОРОЖНАЯ КАРТА» СУДЬБЫ
К ЮБИЛЕЮ ФАКУЛЬТЕТА ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ**

**“ROAD MAP” OF FATE
TO THE ANNIVERSARY OF THE FACULTY OF TRAINING OF TEACHERS OF INITIAL CLASSES**

Из прошлого – в настоящее

Мне всегда казалось, что я достаточно хорошо знаю Ольгу Александровну Макарову, доцента кафедры начального и общего образования педагогического института нашего университета. У таких, как она, практически одна запись в трудовой книжке – с датой приема на работу. А все остальное – на виду у всех: учеба на биофаке с активной студенческой жизнью, аспирантура в Казани у знаменитого профессора Е. Л. Любарского, успешная защита диссертации, и вот перед нами молодой кандидат биологических наук с огромным желанием «сеять разумное, доброе, вечное...». И далее педфак, как среди своих до сих пор называют факультет подготовки учителей начальных классов, такой маленький, уютный и теплый, созданный заботливыми руками Евдокии Яковлевны Гурьяновой и тех, кто в 80-е и 90-е годы был рядом с ней. Именно здесь мне и пришлось познакомиться с Ольгой Макаровой как потомственным педагогом, продолжателем линии своей мамы Елизаветы Михайловны Видякиной, кандидата педагогических наук, которая передала ей любовь к природе вообще, а к земле марийской – в особенности. Что берем мы в большую жизнь от родителей? Безусловно, однозначного ответа здесь нет, у каждого своя *«дорожная карта»* судьбы, записанная как в генах, так и в семейных традициях. Но если попытаться выделить главное в делах и поступках О. А. Макаровой, то я бы назвала *преданность профессии, способность брать удар на себя, стремление покорять новые вершины.*

«Сибирский синдром»

Прошедшие с 2014 по 2017 три учебных года были для нас посвящены активной работе по международному гранту, связанному с реализацией проекта программы TEMPUS IV «Организация обучения в течение всей жизни, ориентированного на поли-

культурное образование в России (ALLMEET)» [3]. Факт его получения для любого регионального вуза – событие нерядовое, а то обстоятельство, что его заявителем, а затем и представителем от МарГУ, стал именно Институт педагогики и психологии, оказалось неожиданным вдвойне.

Принятая нами общая стратегия предусматривала не только непосредственное изучение международного опыта в странах-партнерах – Португалии, Шотландии, Нидерландах, Италии, но и активное сетевое взаимодействие между вузами-участниками проекта внутри России.

Первыми к нам обратились представители Сибирского Федерального университета с просьбой апробировать их новую концепцию подготовки учителей начальных классов [1]. Ее автор – доктор педагогических наук, академик РАО О. Г. Смолянинова просила выделить «думающего специалиста», который в русле одной из ведущих дисциплин смог бы оценить все «плюсы» и «минусы» инновационных предложений, включая реализацию их на педагогической практике. Ради решения этой важной для них задачи сибиряки даже приехали в Йошкар-Олу в сентябре 2015 года, когда МарГУ принимал у себя всех европейских партнеров-участников проекта. И чаша весов склонилась в пользу дисциплины с ярко выраженным региональным компонентом – «Методика преподавания интегративного курса «Окружающий мир», которую ведет доцент О. А. Макарова. Наверняка этому выбору способствовало и личное знакомство с Ольгой Александровной, которая в составе нашей делегации участвовала в международных встречах в Шотландии (Университет Глазго), а также в ряде российских университетов.

Только сейчас, по истечении трех лет, можно оценить, сколько пришлось ей выполнить дополнительной работы, которая никак не оплачивалась и ни в одном рейтинге не учитывалась! Но именно высокое чувство ответственности

не позволило Ольге Александровне остановиться на полпути и подвести красноярцев! «Какие же преданные делу люди у вас работают! – говорили на последней встрече по «Темпусу» в Болонском университете сибирские коллеги – Будем дружить новыми идеями и их воплощением!» Мы благодарили за такую оценку и прекрасно понимали, что это относится во многом к ней, доценту О. А. Макаровой.

Под камерами Рособнадзора

В мае 2017 года пришла информация из Министерства образования и науки РФ, что МарГУ надо назвать профиль подготовки и конкретную дисциплину, экзамен по которой будет проходить «под камерами» Рособнадзора и в присутствии сертифицированных иногородних экспертов. Предложение о том, кому доверить этот «лотерейный билет», поступало не к одному педагогу, в том числе и к молодым кандидатам наук. Но только возможность засветиться «под камерами» Рособнадзора у них особого желания не вызвала... Зачем рисковать, когда традиционные подходы никто не отменял?!

И тогда эту огромную ответственность приняла на себя опять же она, доцент О. А. Макарова, поставив «точку» словами: «А почему бы и нет?! Мне это даже интересно! «Сказала, не зная еще о том, сколько подготовительной работы ей предстоит выполнить за три дня и три ночи.... Так и «жила» она за две недели до экзамена вместе со студентами-первокурсниками в своем кабинете природоведения, где столы и старинные шкафы сохранились чуть ли не с первых лет создания пединститута! И не поддавалась на уговоры, что «под камеры» нужен другой, современный кабинет. ... Не зря же говорят, что «свои стены помогают»!

Но самое непредвиденное ожидало за неделю до экзамена, когда оказалось, что ее задача – только подготовить студентов, а принимать его должен другой дипломированный специалист! Вот тут и подступила «головная боль» в дирекцию пединститута – кто сможет Макарову заменить как экзаменатора? Специалистов в отдельных областях – по географии или биологии – в МарГУ хватает, но таких, чтобы сразу владели материалом по биологии и географии – наперечет... И все же не сразу, но выход был найден, и экзамен прошел успешно! «Я доволен результатами, – резюмировал итоги, эксперт Минобрнауки РФ доктор биологических наук, профессор В. В. Алексеев. – За последние годы моих визитов в разные регио-

ны России здесь я получил один из самых содержательных примеров, как студенты глубоко овладели требуемыми компетенциями. Вижу, что они знают природу родного края и любят ее!». А она слушала и видела перед глазами дорогую маму, первого своего наставника, и мысленно благодарила за все этот намоленный с крохотной препараторской кабинет...

Университет третьего возраста

Пять лет назад, в 2012 году в Институте педагогики и психологии МаГУ родилась идея организовать «Университет третьего возраста» для пенсионеров г. Йошкар-Олы, которая нашла активную поддержку в Президиуме Собрания депутатов городского округа «Город Йошкар-Ола». Предполагалось реализовать инновационную программу дополнительного образования для ветеранов Красного города, сделав ее качественно другой в отличие от традиционного обучения пенсионеров компьютерной грамотности, что практикуется в большинстве регионов РФ [2].

Но не зря говорят, что народная молва распространяется быстрее, чем информация в СМИ! Через два года, когда число слушателей возросло со 150 до 500 человек, мне как научному руководителю программы потребовался помощник, который бы выполнял функцию координатора этого проекта. И тогда за помощью я обратилась к Ольге Макаровой.

За третий год работы УТВ мы сделали столько, о чем ранее невозможно было даже мечтать. Внутри программы дополнительного образования определились два направления: техническое, с двумя модулями – «Компьютерный ликбез» и «ИКТ-пользователь» (продвинутый компьютер), а также гуманитарное – с 12-ю модулями, среди которых особой популярностью до сих пор пользуются «Пилатес», «Английский язык», «Немецкий язык», «Живопись», «Художественная фотография», «Авторская песня», «Хоровое пение», «Шахматы» и многое другое. При самом активном участии Ольги Александровны сложился общественный Совет из числа слушателей, которые на волонтерских началах помогают проводить для новичков Дни открытых дверей «УТВ», дежурят в сентябре в период работы нашей приемной комиссии; организуют традиционный праздник Татьянин день, конкурс «Мисс «Университет третьего возраста» и т. д.

Ее уважают и ценят прежде всего за то, что она умеет радоваться за успехи наших ветеранов на любом «поприще», будь то отчетный концерт

отделения «Восточные танцы» или победа наших мастеров бисероплетения на республиканском конкурсе декоративно-прикладного искусства. Именно ей делают первый звонок из Москвы или Казани наши участники и победители Всероссийской олимпиады по компьютерной грамотности. А самодеятельные артисты отделения «Актерское мастерство» после премьеры лирической комедии Н. Зинченко «Гарем» приглашают ее, заслуженного работника образования Республики Марий Эл, на «разбор полетов». И все потому, что ей не просто доверяют, ее любят как человека бескорыстного и бесхитростного, для которой проблемы этих немолодых по возрасту, но юных по желанию творить людей вполне понятны и осуществимы.

В 2013 году программа дополнительного образования для пенсионеров г. Йошкар-Олы «Университет третьего возраста» стала победителем смотра-конкурса «100 лучших товаров» Республики Марий Эл в номинации «Образовательные услуги» и вскоре закрепила этот успех уже на рос-

сийском уровне, получив важное подтверждение эффективности проекта в форме «Декларация качества» (Москва, 2014).

В нашей напряженной жизни часто бывает не до праздников, поскольку «трудовые будни – праздники для нас». Но когда наступает особо значимый день, Ольга Александровна прикалывает единственную на весь Марийский госуниверситет награду Министерства экономического развития РФ – Почетный знак «Отличник качества». А в нем слилось воедино все – преданность профессии, способность брать удар на себя и стремление покорять новые вершины, которые еще впереди!

Н. С. Морова,

*доктор педагогических наук, профессор,
научный руководитель программы
«Университет третьего возраста»,
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола*

ОТЗЫВ ПУБЛИКАЦИИ

Отзыв из печати статьи Сайфутдиярова Е. Ф., Фатихова Л. Ф. Анализ зарубежных исследований по проблеме использования компьютерных технологий в коррекционно-образовательной работе с учащимися с ОВЗ // Вестник Марийского государственного университета. 2017. Т. 11, № 3. С. 75–80. Статья, опубликованная в научном журнале «Вестник Марийского государственного университета» (2017. Т. 11, № 3. С. 75–80) под названием «Анализ зарубежных исследований по проблеме использования компьютерных технологий в коррекционно-образовательной работе с учащимися с ОВЗ», авторами которой являются Сайфутдиярова Елена Фаварисовна (*saifi@inbox.ru*), Фатихова Лидия Фаварисовна (*lidiajune@mail.ru*), отзывается из печати редактором с согласия авторов и издателя. Изъятие (ретракция) публикации обусловлено выявлением дублирующей публикации под названием «Анализ зарубежных исследований по проблеме использования компьютерных технологий в коррекционно-образовательной работе с учащимися с ограниченными возможностями здоровья» в журнале «Коррекционно-педагогическое образование» (2017. Т. 10. № 2. С. 39–47).

RETRACTION NOTE

Retracted article: Saifutdiyarova E. F., Fatikhova L. F. Analiz zarubezhnykh issledovaniy po probleme ispol'zovaniya komp'yuternykh tekhnologii v korrektsionno-obrazovatel'noi rabote s uchashchimisya s OVZ [Analysis of foreign studies on the use of computer technologies in correctional and educational work with students with disabilities]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University. 2017, no. 3 (27), pp. 75–80 (In Russ). This article Elena Sayfutdiyarova F. (*saifi@inbox.ru*) and Lydia F. Fatikhova (*lidiajune@mail.ru*) withdrawn (i. e. withdrawn from the press) with permission of the authors and publisher. The reason for the article retraction is redundant publication: the author has published substantially the article under the title “The analysis of foreign researches on a problem of use of computer technologies in correctional and educational work with pupils with limited opportunities of health” in the journal “Korrektsionno-pedagogicheskoe obrazovanie [Of corrective pedagogical education]” (2017, vol. 10, no. 2, pp. 39–47). The Editorial Board would like to extend its sincere apologies for any inconvenience this retraction may have caused.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Редакция научного журнала «Вестник Марийского государственного университета» ISSN 2072-6783 подтверждает, что статья Половниковой Марины Григорьевны, опубликованная в «Вестнике Марийского государственного университета» (№ 6 за 2011 г., раздел «Естественные науки»), ошибочно изданная под названием «Оценка состояния уходящих сточных вод биологических очистных сооружений Республики Марий Эл», в действительности называется «Содержание продуктов перекисного окисления липидов газонными растениями в условиях урбанизированной среды». Основание – обращение автора в редакцию журнала.

**ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМОМУ МАТЕРИАЛУ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия журнала «Вестник МарГУ» просит вас обратить внимание на следующие требования:

1. Индекс **УДК** статьи (выставляется в библиотеке или редакцией журнала). Шрифт прямой светлый, располагают отдельной строкой слева.
2. **Заглавие на русском и английском языках** публикуемого материала набирают строчными буквами, полужирным шрифтом, располагают по центру.
3. **Инициалы и фамилия автора(ов)** (не более 4-х) (*также транслит*) набирают строчными буквами, полужирным шрифтом, располагают по центру.
4. **Сведения об авторе(ах)** – ученая степень, звание, должность, место работы (название организации (рус./англ.) должно совпадать с названием в Уставе), город, e-mail, набирают строчными буквами, светлым курсивом, располагают по центру (*также перевод на англ. яз.*). При транслитерации ФИО автор должен придерживаться единообразного их написания во всех статьях.
5. **Аннотация.** Набирают строчными буквами, шрифт прямой светлый, располагают по ширине. **Аннотация должна быть на русском и английском языках.** Текст аннотации должен включать не менее 200–250 слов (не менее 1000–1500 знаков с пробелами). Текст должен быть структурированным, т. е. повторять в кратком виде рубрики статьи: *цель исследования; материалы и методы; результаты, обсуждение; заключение.*
6. **Ключевые слова** (6–10 слов и словосочетаний) выбирают из текста публикуемого материала. Набирают на русском и английском языках строчными буквами, шрифт прямой светлый, располагают отдельной строкой по ширине.
7. **Благодарности** (необязательный элемент статьи). Автор выражает: признательность коллегам, научному руководителю за помощь, благодарность фондам и учреждениям за финансовую поддержку исследования.
8. **Текст статьи** необходимо набирать 14 кг, поля – 2 см, шрифт – Times New Roman, 1,5 интервал). Объем – 10–15 страниц. *В объем входят аннотация, текст, таблицы, рисунки, список литературы.*
9. Статья должна содержать **внутритекстовые библиографические ссылки**, оформленные в квадратных скобках, со ссылкой на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы, например: [2]. Если ссылка приводится на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются также страницы, на которых помещен объект ссылки, например: [2, с. 81]. Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой, например: [4, с. 15; 5, с. 123].
10. **Список литературы** (ГОСТ Р 7.0.5–2008) под заголовком «Литература» (располагается по центру), приводится в конце статьи. Список литературы включает в себя **не менее 10 наименований**, из них 5 – обязательно научные статьи по соответствующей тематике, изданные за последние 3–5 лет с указанием DOI статьи или ссылкой на нее в Интернете (например, в e-library). Издания в списке располагаются в алфавитном порядке, сначала на русском, затем на иностранных языках. Далее список литературы транслитерируется и переводится. **Внимание!** В список литературы помещаются ТОЛЬКО научные статьи и монографии. Учебники, учебные пособия в библиографию не включаются. Источники, федеральные законы, архивные документы, акты, статистические данные оформляются в виде постраничных сносок.
11. Для аспирантов и соискателей необходимо приложить скан отзыва научного руководителя с подписью и печатью. Отзыв научного руководителя не является гарантом опубликования статьи, решение будет приниматься исключительно по результатам слепого двойного рецензирования. Кандидатам, докторам наук сопроводительные рецензии не требуются.

Статьи, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо отправлять на e-mail: **vestnik.margu@mail.ru**

Материалы, оформленные не по требованиям, редакцией не рассматриваются.

Все спорные вопросы решаются в переписке, вся переписка сохраняется.

Телефон для справок: 8 (8362) 68-79-97 (1565)

Проректор по НР и ИД – **Леухин Анатолий Николаевич**

Ответственный секретарь – **Крылова Ольга Сергеевна** (vestnik.margu@mail.ru)

FOR AUTHORS

Dear authors!

The editorial board of the journal “Vestnik of Mari State University” asks you to pay attention to the following requirements:

1. Article UDC index (it is determined in the library or in the editorial board). Font direct light, a separate line on the left.
2. Russian-language and English-language titles of the published material should be written in lower-case letters, boldface type and centered.
3. Initials and surname of the author(s) (as well as transliteration) should be written in lower-case letters, boldface type and centered.
4. Information about the author(s) – academic degree, title, position, place of work (name of the organization (Rus/Eng) must match the name in the Charter), city, e-mail should be written in lower-case letters, light italic type, and centered (as well as English translation). When transliterating first and last names, the author must adhere to uniform spelling in all articles.
5. Abstract. Lower-case letters, font direct light, a width. The abstract should be in Russian and in English. Abstract should be a minimum of 200–250 words (not less than 1000–1500 characters with spaces). The text should be structured, that is, should briefly repeat the heading of the article: the purpose of the study; materials and methods; results, discussions; conclusion.
6. Keywords (6–10 words and phrases) are chosen from the text of the published material. They should be written in the Russian and English languages by lower case letters, font direct light, in the separate line by width.
7. Acknowledgements (optional element in the article). The author expresses his gratitude to colleagues or supervisor for help, thanks to funds and institutions for their financial support of the study.
8. Text of article should be printed in 14 pt, margins – 2 cm, type – Times New Roman, interval – 1,5). Volume – 10–15 pages. Abstract, text, tables, illustrations and list of references are a part of this amount.
9. The article should contain inline bibliographic references, enclosed in square brackets, with reference to the serial number used in the list of works of literature, such as: [2]. If the link is to a specific piece of the text, you must specify the page on which the reference object is placed, for example: [2, p. 81]. If the reference includes several works, it is separated by semicolons inside the square brackets, for example: [4, p. 15; 5, p. 123].
10. References (GOST R 7.0.5-2008) under the heading “Literature” (located in the center) is given at the end of the article. The list of references includes no less than 10 titles, 5 of them are research papers on relevant topics, published in the last 3–5 years, with the DOI indicated of the reference to it on the Internet (e. g. e-library). Publications in the list are arranged in alphabetical order, first in Russian, then in foreign languages. Then the bibliography is transliterated and translated.
11. Graduate students and applicants should attach scanned reviews of the supervisor, signed and stamped. The review of the supervisor does not guarantee publication, the decision will be made solely on the results of the double-blind peer review. Applicants, doctors shouldn't have the accompanying review.

Articles drawn up in accordance with the requirements, should be sent to e-mail: vestnik.margu@mail.ru

The editors do not accept materials written with violation of the requirements.

Telephone: 8 (8362) 68-79-97 (1565)

Vice-Rector for Research and Innovation – *Anatolij N. Leukhin*

Executive secretary – *Olga S. Krylova* (vestnik.margu@mail.ru)